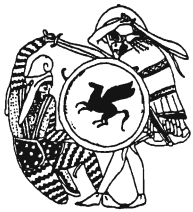

ЛЕВ ГУМИЛЕВ
КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ



Полное собрание сочинений
Л. Н. Гумилева

История — это постоянная смена
жизни через порог смерти.

Гумилев

ЛЕВ ГУМИЛЕВ

КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

ПОПУЛЯРНЫЕ ЛЕКЦИИ ПО НАРОДОВЕДЕНИЮ

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2008

УДК 930.85
ББК 63.51(0)-3
Г94

Scan By Vitautus

Подбор иллюстраций, составление указателей:
Е. М. Гончарова

Серийное оформление *А. М. Драгового*

Гумилев, Л. Н.

Г94 Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Лев Гумилев. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 384 с.: ил. — (Библиотека истории и культуры).

ISBN 978-5-8112-3150-8

Одна из самых популярных книг выдающегося отечественного историка и географа Л. Н. Гумилева написана на основе лекций, прочитанных автором в 80-е годы перед разными аудиториями Москвы и Ленинграда и пользовавшихся огромным успехом у всех, кто способен мыслить самостоятельно и творчески. Понятия оригинальной авторской теории пассионарности, объясняющей закономерности возникновения и развития этносов, гибели и крушения великих империй, изложены в увлекательной форме, на примерах из жизни многих народов античной и средневековой Европы, Ближнего Востока, Китая, Индии и Америки и деятельности их выдающихся представителей (пассионариев), оставивших яркий след в Истории.

Книга печатается по авторскому экземпляру рукописи с восстановлением множества купюр, сделанных цензурой издательства «Наука» при первом издании книги в 1990 г.

ББК 63.51(0)-3
УДК 930.85

© Новгородова М. И., 2001
© ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», оформление, указатели, 2001

ISBN 978-5-8112-3150-8

БИОГРАФИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ[1]

Факты моей биографии в последнее время стали вызывать интерес у читающей публики. Однако я от таких рассказов уклонялся, потому что мне вспоминать что-либо приятное невозможно — за отсутствием такового, а неприятные вещи я не хочу вспоминать, потому что это меня только расстроит. Но сейчас я могу коротко рассказать, каким образом я ощутил в себе призвание ученого историко-географа (я подчеркиваю: историко-географа, а не просто историка) и как это складывалось на протяжении моей жизни.

Я был довольно позднего развития и помню себя примерно с 7–8 лет, когда я жил со своей бабушкой в городе Бежецке, в 15-ти верстах от которого была наша деревня.

В Бежецке я учился в школе. Надо сказать, что к школе у меня довольно быстро сложилось крайне отрицательное отношение, потому что меня заставляли учить совсем не то, к чему я был способен, а вещи, которые мне никогда в жизни позже не пригодились.

Обстановка в нашем старинном городе Бежецке, еще некогда Новгородской Пятине, а потом уделе Московского княжества, была омерзительная, потому что интеллигентных людей, культурных и думающих, в этом в общем-то небольшом, но древнем городе почти не было, за исключением одной семьи, приехавшей из голодного Петрограда и осевшей в Бежецке. Вот с ними — фамилия их Переслегины — я и дружил.

Единственное, что я освоил в Бежецке полезного, — это библиотека, которая там была довольно неплохая. Я много читал и начал сравнивать между собой различные большие этнические и территориальные группы. Например, Мир ислама и Мир христианства, война венгров с австрийцами и поляками (это я читал в свое время Г. Сенкевича). Потом, в 14 лет, я заинтересовался войнами, например Тридцатилетней войной между протестантами и католиками. Шиллер там был, так что об истории Тридцатилетней войны можно было прочесть.

Затем античность... Там были книги по истории поздней

---

[1] Текст синхронного интервью Л. Н. Гумилева из документального фильма «Лев Гумилев в зеркале истории» (режиссер А. Н. Марутян, 1988 г.).

Италии, по истории Римской республики, завоеванию остготской Италии Византией — Велисарием и Нерсесом.

Я все это запомнил. Причем, что у меня было самое главное: мама мне прислала атлас по истории, правда, на немецком языке. Но ничего — я освоил эти самые названия. И все время сопоставлял, где это произошло.

И тут я наткнулся на предел: история Европы и Ближнего Востока кое-как существовала еще в пределах Бежецка, но истории Китая, Индии, Центральной Азии и доколумбовской Америки совершенно не было. Тогда еще не было таких книг, кроме Прескота, которого я в свое время прочел.

Уже тогда у меня сложилось антиевропоцентрическое настроение (на чисто детском уровне): мне гораздо больше нравились индейцы, которые защищались от нападений скваттеров, ацтеки и инки, которые боролись с конквистадорами. Как и большинство современных писателей, я был на стороне одних, а не других. Я считаю, что это возрастной уровень, примерно от 12 до 15 лет. После 15 лет ученый уже должен умнеть. Но сейчас я встречаю именно тот самый уровень, который мне знаком по моему отрочеству.

Последний класс я заканчивал уже в Ленинграде, причем у меня знаний было достаточно, чтобы почти не заниматься, а читать «Историю Древнего Востока» Б. А. Тураева. Это было мое основное занятие. Кроме того, мой учитель обществоведения и литературы Александр Михайлович Переслегин прочел мне, когда я был в 9 классе, курс философии, которого мне вполне хватило, чтобы позже сдать кандидатский минимум.

Так как поступить в университет мне не удалось, я попал в Геологический комитет рабочим-коллектором. Это дало мне возможность поездить в разные экспедиции. Я был в Южном Прибайкалье, в Слюдянке и в гольцах Хамар-Дабана. Я был в Южном Таджикистане и научился там говорить по-таджикски. Это мне также очень помогло, потому что таджикский язык — это персидский язык. Так что, когда мне нужно было сдавать в университете кандидатский минимум по персидскому языку, я его сдал. Потом я был на раскопках в Крыму, на Дону и в других местах. Это было очень полезно.

Одно время мама учила меня французскому языку. Но, надо сказать, что у моей матери были большие способности к литературе и какие-то отрицательные способности к педагогике. Я очень мало чему у нее научился, но это помогло мне позже, когда я уже учился в университете. В Публичной библиотеке был кружок по изучению языков: надо было заплатить два с полтиной и месяц

можно было ходить на занятия. Там я научился говорить и читать по-французски. Говорить мне не приходилось, а читать надо было.

Вопрос: Тогда, в первый раз, Вас не приняли в университет просто в силу происхождения?

Л. Г.: Да, в силу происхождения. Я — дворянин.

Вопрос: Вот Вы отправлялись коллектором в геологическую экспедицию. Трудно Вам было представить, что когда-нибудь Вы все-таки поступите в университет, то есть думали ли Вы о своем будущем?

Л. Г.: Я мечтал. Думать в те времена, в эпоху культа личности, о будущем и строить прогнозы — было занятием бесполезным. Прожил день — и слава Богу! А мечтать пока что не запрещалось. И я мечтал. Я мечтал, что поступлю и буду заниматься историей. И это наконец произошло в 34-м году.

В 1935 году меня в первый раз арестовали, но довольно быстро выпустили. Надо сказать, что тюрьма была переполнена. В камерах, рассчитанных на 20 человек, содержалось по 160. А когда я попал в одиночку, там было, конечно, очень скучно, но не так тяжело. И тут — делать-то нечего — и я стал думать, почему же совершаются все исторические явления? Из-за чего? Мне стало приходить в голову: если была классовая борьба, то почему одни феодалы боролись против других с помощью своих крестьян, а те с помощью своих. Не получается что-то. Столетняя война — не классовая. Правда, нас в школе этому не обучали, это я выучил сам, что были такие войны, как Столетняя, Тридцатилетняя, гвельфы и гибеллины. Нас учили только маленьким эпизодам: например, что была Жакерия. Но ведь это был маленький бунт, который был сразу подавлен и никакого значения не имел. В чем же тут дело, стал я думать. И пока я сидел в одиночке, я добился постановки вопроса. А постановка вопроса содержит в себе решение его в неявном виде.

Но в 38-м году – снова арест. С четвертого курса университета я попал на Таймыр, в славный город Норильск, в котором тогда было всего четыре бутовых дома и энное количество бараков. Но сначала был Беломорканал, на мое счастье, недолго. Я бы умер там на лесоповале: так было тяжело. К счастью, прокурор отменил мой 10-летний приговор «за мягкостью», и меня повезли с Беломорканала назад в Ленинград.

Ну, в «Крестах» я немного передохнул. И оказалось, что Ежова уже нет — он расстрелян; прокурор, который требовал моего расстрела, тоже расстрелян. И тогда меня стали спрашивать: за что я сижу? Так как я ничего не мог сказать, мне дали всего 5 лет и отправили в лагерь в Норильск.

Но в тюрьме опять было время для раздумий. Лежать в камере запрещалось, для этого нужно было спрятаться под лавку. Я лежал под лавкой и думал: а почему же Александр Македонский пошел сначала на Персию, а потом на Индию и Среднюю Азию? Что ему там было нужно? — Ничего! И вдруг у меня как вспыхнуло в голове, что все эти большие войны совершаются не потому, что они кому-то нужны (и меньше всего их участникам), а потому, что существует такая вещь, которую я назвал *пассионарностью* — это от латинского «страсть».

Пассионарность — это стремление действовать без всякой видимой цели или с целью иллюзорной. Иногда эта иллюзорная цель оказывается полезной, но чаще бесполезной, но пассионарий не может не действовать. Это касается не только одного человека, но группы людей.

Это был первый этап моей работы.

Вот обратите внимание. Говорят, что монахи, всякие брамины и китайские учители держали себя на очень строгом режиме: мало ели, мало спали и им в итоге что-то открывалось. Ну им открывались религиозные проблемы, потому что они о них думали. А я думал о проблемах научных, и они мне тоже открылись. Пассионарность оказалась, вообще говоря, вполне реальным мотивом человеческого поведения. Это человеческое поведение я пытался обобщить и понял, что не только один Александр Македонский был такой. Но был, например, Корнелий Сулла в Риме. Или Эрнан Кортес отправился в Америку с риском для жизни. Ему повезло: он сумел вернуться в Испанию, а ведь большинство не возвращались. Тот же Наполеон стремился вовсе не к материальному благополучию, а к неограниченной власти над миром, под которым он понимал Европу. И так далее.

В общем, если что-нибудь и выносилось во всех этих случаях за скобку (такой, простите, арифметический термин), то вот это большое «Р» — пассионарность. А она присутствует абсолютно во всех исторических процессах. Если ее нет, то процессы не идут. Тогда люди спокойно и тихо живут, никого не трогают, а если на них нападают, они защищаются в меру своих сил.

Объяснить этого я, конечно, никому не мог, потому что, когда я попал в Норильск, там гуманитариев — людей, знающих историю, — вокруг меня не было. А геологи такими вещами мало интересовались. Они даже считали, что это вредит делу. И действительно, вредило, потому что я мечтал, сочинял стихи на исторические темы и записывал их на обратной стороне геологических чертежей, которые я делал. За что меня в общем-то и погнали из геологической экспедиции. Но это даже пошло

на пользу, потому что меня взяли в химическую лабораторию и я занимался архивом проб, как библиотекарь. А там было уже тепло, и таким образом я оказался жив.

Вообще на Нижней Тунгуске место было очень суровое. Тайга — это зеленая тюрьма. Летом там ужас: комары, мошка; в сентябре начинаются дожди, а с октября — завалы снега. Ужасно тяжело там жить. И я, чтобы облегчить свое положение, пошел добровольцем на фронт. На передовой я был солдатом, и там было гораздо легче, чем в геофизической экспедиции от Норильского комбината. И кормили лучше, и достать пищу можно было. Так что я сделал очень мудрый шаг.

Я участвовал во взятии Берлина, вернулся с фронта, приехал в Ленинград и уже в шинели с погонами пошел в университет, где в то время деканом истфака был мой хороший друг В. В. Мавродин. И он мне предложил: как Вы хотите закончить университет — очно, заочно или экстернатом? Ну, я решил, что тут зевать не надо и говорю: «Экстернат». И сдал все экзамены и зачеты за полтора курса. Нашел свою старую статью, которую в свое время недоделал, переписал ее и подал как дипломную работу. Она была напечатана — хорошая статья оказалась. Потом я быстренько сдал кандидатский минимум и попутно государственный экзамен.

Это было такое хорошее время после войны! Но все это кончилось с постановлением Жданова о «Звезде» и «Ленинграде». Тут я из хорошего и приятного Лёвушки превратился в свою диалектическую противоположность, и меня стали отовсюду выгонять, со мной перестали кланяться на Невском. И тут я попал в сумасшедший дом библиотекарем. Для того, чтобы подать документы для защиты уже написанной мною диссертации в университете (т. к. в Академии наук у меня не принимали бумаги), нужна была справка с последнего места работы. И мне удалось устроиться в психоневрологическую больницу библиотекарем: я там выдавал сумасшедшим книги в белом халате. Потом наконец я получил справку и сдал все бумаги в университет. А у нас был ректор (Царство ему Небесное!) Н. А. Вознесенский. Потом его взяли наверх, в министры, и убили. Я очень его жалею: светлый человек был. Ну, конечно, я пошел защищать диссертацию, хотя мне все очень затягивали, отзывы не хотели писать. Но тогда еще ученые имели хоть какую-то крупицу совести и написали нужные отзывы. И диссертацию поставили на защиту.

И тут явился заслуженный деятель киргизской науки, доктор исторических наук, «великий» археолог Бернштам, стал выступать против меня как неофициальный оппонент и говорит:

«Конечно, Лев Николаевич кое-что знает, но он не знает восточных языков, и, кроме того, у него есть еще ошибки». Всего 16 возражений. Я начал отвечать. Во-первых, я к нему обратился по-персидски, а он его не знал. Тогда я перешел на тюркский, но он и его не знал. В общем, кончилось тем, что из 16 членов Ученого совета я получил 15 белых и один черный шар. Не знаю, кто мне его подложил, но это не существенно.

И после этого я смог поступить в Музей этнографии научным сотрудником, но пробыл там недолго: поступил в марте, а в октябре меня уже забрали — и в Лефортовскую тюрьму. И начали заставлять: скажи сам, в чем ты виноват, за что тебе можно дать срок. И вот 11 месяцев такого времяпровождения, но, к счастью, они меня редко вызывали. И тут я стал думать: что же такое пассионарность? Откуда она берется?

Сидя в камере, я увидел, как луч света падает из окна на цементный пол. И тогда я сообразил, что пассионарность – это энергия, такая же, как та, которую впитывают растения. Здесь сработала далекая ассоциация. Так я сделал следующий шаг в развитии своей теории.

Далее был перерыв в десять лет: повезли меня в Караганду, и там я оказался в лагере. Я был уже опытный каторжанин и сказал, что долбать мерзлоту не буду – пусть меня лучше убьют. В лагере много было легких работ, библиотекарем например. Но поскольку я никого не предал, у меня в бумагах была особая отметка: только тяжелые работы. А поэтому меня вывозили за пределы лагеря, а как я там устраивался – это уже никого не интересовало. И кончилось дело тем, что меня как инвалида комиссовали. Положили сначала в больницу, а потом оставили в лагере в инвалидной команде, и я стал помогать в библиотеке. Тогда у меня появилась возможность заниматься и писать книгу «Хунну».

Потом меня перевели в Омск, там опять положили в больницу, и я написал книгу «Древние тюрки». Таким образом вернулся я из заключения с двумя работами. Первую – «Хунну» – приняли во вновь образованное издательство «Востокиздат». Боже, что началось после ее выхода в свет! На меня накинулись «как тигр на капусту». Весь этот нажим на книгу был предпринят для того, чтобы помешать мне защитить докторскую диссертацию. Но тут я применил хитрый обходной маневр. Они сосредоточились на первой книге, а я взял и втихомолку подготовил другую работу – «Древние тюрки» и защитил ее.

Через какое-то время знакомые принесли мне книгу В. И. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». И в ней я нашел то, что мне нужно было. Оказывается, для

того чтобы решить вопросы исторического развития, нужно подойти к ним не индуктивно – от мелкого факта к обобщению, а дедуктивно. Так Вернадский взял все живые организмы на Земле и объявил их биосферой.

А среди прочих животных на планете существуют Homo sapiens – «двуногие без перьев», интересующие нас в первую очередь, поскольку мы сами относимся к этому виду живых существ. Представители этого вида имеют очень любопытную особенность, а именно: они широко распространяются по территории всей Земли благодаря своим повышенным адаптивным способностям. Они питаются растениями и животными, они могут дышать холодным воздухом, и теплым, и жарким, и сухим, и влажным. Но разумеется, эти их адаптивные способности делают их непохожими друг на друга. То есть антропосфера мозаична. Мозаика состоит из этносов, которые в течение веков и тысячелетий привыкают к тем или иным условиям. Но мало этого, они создают себе особые формы существования и формы общежития, поскольку владеют способностью к технике, а также к искусству. Очень важна при этом способность к передаче следующим поколениям духовной культуры – фольклора, эпоса, религиозных верований.

Каждый человек, если его спросить, кто он, не задумываясь скажет: русский, француз, армянин, англичанин, масаи, ирокез. Ни одной минуты не задумается. А что это такое и как его определить по-научному? Этот элемент мозаичной антропосферы – он кто? Так вот отвечаю: этнос – это система. Это, во-первых, система закрытая, а во-вторых, корпускулярная. И в-третьих, это система, которая начинается и кончается. Она возникает и исчезает. Для того, чтобы повторить этот процесс, нужна энергия. На какой энергии работает этногенез? На энергии живого вещества биосферы, которую открыл наш великий естествоиспытатель В. И. Вернадский и которая движет всеми живыми существами: муравьи, лемминги, люди, которые поехали вместе с Колумбом и после него в Америку. Арабы, которые внезапно двинулись из глубины своего полуострова и захватили земли от Луары до Инда и Памира, – колоссальную территорию с большим населением. Всех завоевали! Откуда это взялось? Это та самая энергия, которая дает видимый нам эффект – пассионарность. Пассионарность – это тот эффект, в котором она проявляется в нас, в людях. Как она проявляется у животных – это надо спросить у зоологов.

Итак, мы принимаем утверждение, что события происходят вследствие наличия энергии живого вещества биосферы.

Да и в самом деле, как без этого обойтись? Любой процесс требует для своего осуществления той или иной формы энергии – электромагнитной, тепловой, механической, какой угодно. Но вот вопрос: почему эта энергия не распространена по всей поверхности Земли, населенной людьми, то есть Ойкумены, равномерно? В одних случаях ее бывает невероятно много, происходят как бы вспышки, за которыми следует снижение активности и, наконец, исчезновение.

Собственно говоря, пассионарный толчок – это появление в определенном регионе какого-то количества пассионариев, то есть людей, стремящихся сделать больше, чем нужно для поддержания жизни своей и своего потомства. Причем им безразлично, принесет это пользу или вред. Они хотят действовать, то есть у них есть избыток энергии.

Что это за люди? Биологи просто скажут, что это мутанты. Мутация очень слабая, маленькая, не нарушающая сомы человека, а только влияющая на его поведение, то есть на гормональную и нервную системы.

Пассионарные толчки располагаются на Земле не беспорядочно, не точками и не пятнами, а длинными цепочками, линиями, которые между собой совершенно не связаны. Это очень длинные полосы, на которых вдруг появляются вот эти мутанты, называемые нами пассионариями, и захватывают они примерно половину земного шара (глобуса), не переходя на вторую, противоположную сторону.

От чего это может быть? Земля испытывает, как известно, целый ряд космических воздействий. Солнечная активность здесь неприменима: она не дала бы таких полос, которые достигают длины половины глобуса, сосредотачиваясь в каких-то конкретных местах. Так что гипотеза о происхождении пассионарности от солнечной активности не годится. Может быть, предлагают объяснение геологи, это действует распад урановых руд? Но руды залегают тоже в определенных местах, и там пассионарии не появляются.

Остается третий вариант: это энергия, которая попадает на Землю из Космоса. По этому поводу от кого я только не наслушался, что я, мол, подвожу к Господу Богу, но Господь Бог занимается гораздо более серьезными вещами, чем мутагенез. Поэтому такие выводы были совершенно не по адресу и несправедливы.

Земля находится не в вакууме, а просто в разреженной материи, которую пронизывают потоки космических частиц. Люди их влияние ощущают, но от чрезмерного их воздействия Землю защищает ионосфера.

Эти частицы пробивают ионосферу и одиннадцать других сфер, окружающих Землю, достигают земной поверхности и влияют на биосферу. Но это влияние очень слабое (если оно оказывается на растения – то на семена, у животных – на зародыши), и оно создает мутации, то ёсть возбуждение энергии живого вещества биосферы на определенных участках земной поверхности. В последующем происходит расширение полос возбуждения, и захват довольно значительных регионов. Так, арабы, например, возникли вследствие вспышки, которая произошла в VI веке. Далее арабы действовали, распространяя свою пассионарность, свой образ жизни и свое мироощущение.

Но раз это энергия, то, как всякая энергия, она имеет свое энергетическое поле. И действительно, мы знаем электромагнитное поле, тепловое поле. Почему же названному виду энергии отказывать в праве иметь поле, тем более что мы видим такую интересную вещь: человек, выброшенный волею судьбы из состава своего этноса, у которого оборваны все системные связи, который оказался в чужой стране, тем не менее свято хранит свой стереотип поведения, свои идеалы, свое мировоззрение. И это ему не мешает.

Состояние рассеяния, или по-гречески диаспоры, характерно для очень многих народов. Цыгане, например, вышли из Индии в VIII веке, и до сих пор остаются цыганами. Их что-то совершенно четко отличает от всех народов, среди которых они живут. Они не сливаются с этими народами.

Евреи разбросаны по всей Ойкумене и тем не менее остаются евреями, составляя суперэтнос, состоящий из целого ряда мелких этносов: ашкенази, сефарды, фаллаши, грузинские евреи и так далее. То есть существует определенное явление, которое я называю *этническим полем*, которое имеет все свойства поля и объясняет такие явления, как ностальгия, как дружба или вражда между народами. Никто не хочет враждовать ради вражды или ради выгоды.

Тот же самый Толстой написал замечательную повесть «Казаки» о том, как чеченцы шныряют около станицы Гребенской, вступая в перестрелки с терскими казаками. Я был там и эти места видел. Например, переправиться через Терек я бы не рискнул, потому что течение там страшное. Хотя я очень хорошо плаваю и никак не боюсь воды, я даже по колено боялся войти в Терек, чтобы меня не сбило водой и не унесло в Каспийское море. А они переправлялись на другой берег на корягах и для чего? Для того, чтобы подстрелить какого-нибудь казака. А казаки, в свою очередь, делали набеги на южный берег Терека,

убивали там этих чеченцев и возвращались, приукрашаясь лаврами, и получали любовь своих казачек. В чем дело? Почему они до такой степени не любили друг друга?

Тут вступает в дело такое явление, которое у биологов называется *комплиментарностью*. Это симпатии или антипатии, это безотчетное чувство приязни или неприязни. То есть комплиментарность может быть положительной или отрицательной. На персональном уровне она очень слаба, ее можно переломить даже исходя из сознательных мотивов: расчета, выгоды, стремления избавиться от неприятностей. Но чем больше этническая группа, этнический эталон, тем она сильнее и непреоборимее. В некоторых случаях доходит даже до крайностей. Например, китайцы уж до того ненавидели кочевников, что отказались даже от употребления молока, потому что молоко – пища кочевников. У них была отрицательная комплиментарность. Зато русские с татарами сходились запросто и перемешивались почем зря. Хотя одни считались мусульманами, а другие христианами, это не мешало их дружбе. В чем дело? Это явление, которое требует особого изучения и которое объясняет многие неудачные формы этнических контактов и последующие кровавые события.

И обратите внимание, что этносы комплиментарны к одним, казалось бы чужим народам, и некомплиментарны к другим. Посмотрите на Америку. Католики, которые туда приезжали – французы, испанцы, они очень быстро женились на индейских женщинах и образовывали смешанные этнические группы. Они великолепно уживались друг с другом. А там, где были протестанты, – там была охота за скальпами, отправка индейцев в резервации. Но зато на Таити полинезийцы охотно принимали протестантизм и дружили с англичанами. В Новой Зеландии то же. А с французами, как говорится, у них ничего не получалось.

То есть мы здесь видим вполне природный эффект, который объяснять тем, что кто-то хороший, а кто-то плохой, совершенно нельзя. «Хорошие» и «плохие», «добрые» и «злые» – это понятия исключительно на персональном уровне. Выше персонального уровня и выше личной морали это не идет, потому что там действуют природные явления. А природные явления, например тайфуны или землетрясения, могут быть очень неприятными, но злыми или добрыми они не бывают.

Практическое значение этнологии также велико, как значение климатологии и сейсмографии. Мы не можем предотвратить цунами, наводнения или засухи, но можем их предсказать и принять меры.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭТНОС. ЕГО СВОЙСТВА И ОСОБЕННОСТИ

ЧЕЛОВЕК В БИОСФЕРЕ

Поставим вопрос так: почему эта проблема нам интересна? Ведь простое коллекционирование каких-либо сведений никогда не западает человеку в голову и не вызывает интереса. И если уж мы учим что-нибудь и тратим на это силы, то надо знать, для чего? Ответ будет прост.

Человечество, существующее на Земле совсем немного, каких-нибудь 30–50 тыс. лет, тем не менее произвело на ее поверхности перевороты, которые В. И. Вернадский приравнивал к геологическим переворотам малого масштаба. А это очень много. Каким образом один из видов млекопитающих сумел до такой степени видоизменить, и не в лучшую сторону, Землю, на которой живет?

Эта проблема актуальна для нашего поколения, а особенно актуальной станет она для наших потомков, потому что если мы не вскроем причины тех перемен, которые ныне совершаются на всей Земле и которые всей мыслящей частью человечества считаются проблемой номер один, то тогда незачем выходить замуж, жениться, рожать детей, ибо биосфера погибнет и погибнут все дети. Но для того, чтобы разобраться в этом вопросе, нужно исследовать его историю.

Человек, как существо биологическое, относится к роду Homo. Для этого рода при его появлении на Земле было характерно довольно большое разнообразие. Это касается и тех видов Homo, которые мы, строго говоря, не вправе считать за людей, а

именно: питекантропов и неандертальцев (Pithecantropus и Homo primigenius – по-латыни, но я буду называть их общепонятными русскими словами). Эти два вида отличаются от современного человека так же, как осел от лошади или собака от лисицы. Однако у нас и у них были общие черты, которые весьма и весьма нас роднят: эти первоначальные виды человека были тоже весьма агрессивны, имели технику и знали огонь и, кроме того, занимались каннибализмом – пожирали себе подобных, что другим животным несвойственно. Откуда они происходят и почему они исчезли? Я не могу сказать. Гипотез по этому поводу много, но они совершенно беспочвенны и ничем не подтверждаются.

Неандертальцы отличались от современных людей прежде всего ростом; они были коренастыми – 155–160 см (такие здоровые пузатые карапеты) – и очень сильными. Ноги у них были короткие, бегали они хуже, чем наши предки, но черепная коробка у них была больше, значит, больше пространства для мозгового вещества. Следовательно, они были умнее. Каменная техника у них была очень развита. Была и костяная техника, которая отрицалась до 30-х годов, но я сам лично выкопал в неандертальской стоянке костяную иглу. Значит, шить они умели.

Очевидно, у них была очень высокоразвитая техника из нестойких материалов, потому что они могли убивать даже пещерных медведей. Они любили заниматься коллекционированием. Коллекционировали черепа этих пещерных медведей и складывали их в своих пещерах. Жили ли они в этих пещерах постоянно или использовали их как музеи – сказать трудно. Я склоняюсь к тому, что они жили большей частью под открытым небом, а в пещерах – иногда, когда им было это необходимо. Но тем не менее огромные скопления черепов пещерного медведя – до 1000! – находятся в неандертальских пещерах.

Надо сказать, что пещерный медведь был раза в четыре больше, чем наш медведь; соответственно он имел лучшие психофизические качества – был более поворотлив, быстр, силен, вообще гораздо страшнее, чем наш современный медведь, на которого только самые смелые охотники выходили с рогатиной. На пещерного медведя выходить с рогатиной было бы бесполезно. Даже более слабый современный медведь-гризли, обитающий в Америке, настолько страшен, что индейцы считали охоту на гризли равной войне с соседним племенем и убийство гризли – подвигом, равным убийству вождя соседнего племени, а не просто воина. В настоящее время охота на гризли в США запрещается на том основании, что безопасно убить гризли

можно только из снайперской винтовки, но это уже не охота, а просто расстрел. Если же вы пользуетесь обыкновенным нарезным оружием, стреляете с достаточно близкого расстояния, но не попали ему прямо в сердце и не сразу убили, то он вас догонит. А бегает он со скоростью лошади. То есть практически гризли, который слабее пещерного медведя, и сейчас при всей нашей технике не является объектом для охоты.

Каким же образом неандертальцы истребили пещерного медведя так, что его вообще не осталось? Очевидно, у них были для этого возможности. Какие? Мы не знаем. Но лучше не знать и признаться в этом, чем выдвигать какие-нибудь легковесные гипотезы, все объясняющие и распадающиеся при первом столкновении с практикой. Я думаю, что так целесообразнее. Оставим вопрос открытым.

Встречались ли неандертальцы с современными людьми? Да! В Палестине в пещерах – Схул, Кармел, Кафзех – найдены захоронения странных людей, которых Я. Я. Рогинский определил как метисов неандертальца и современного человека. Каким образом могли появиться такие странные метисы, при том что неандертальцы были людоедами, я не знаю. Но факт остается фактом – появились метисы, явно нежизнеспособные и не оставившие никакого потомства.

Последние данные раскопок в Крыму (они еще не опубликованы, мне рассказывал о них один украинский археолог) очень любопытны: найдены неандертальско-кроманьонские (кроманьонцы – это мы) слои, где, скажем, слой кроманьонский, затем слой неандертальский и в неандертальском слое разбитые кости съеденных кроманьонцев, затем опять кроманьонский слой, затем опять неандертальский. То есть в Крыму шла какая-то жуткая борьба между видами Hominides, из которых одни (неандертальцы) исчезли без следа, другие размножились и населили Землю.

Несколько иначе обстояло дело на Дальнем Востоке, где существовал синантроп. Его останки нашли возле Пекина. Он ближе к современному человеку – монголоиду с уплощенным лицом, но тоже людоед и тоже достаточно большой. При этом следует отметить, что огонь знали и те, и другие, и третьи.

Древние виды Hominides не пережили ледникового периода, причем это очень странно. Ледник захватывал не всю сушу Земли, а жить около ледника было очень неплохо. Обычно говорят, что жить у ледника холодно, голодно. В наше время тоже есть ледники: в Швейцарии – Давос, у нас на Кавказе – Теберда, в Средней Азии – Тянь-Шань. Это все курортные места. Туда

люди едут отдыхать и очень дорого за это платят, что совершенно разумно. Ледник – это огромное скопление льда, который только потому и существует, что над ним стоит столб чистого воздуха с высоким давлением, то есть антициклон. Огромная масса чистого, ясного воздуха захватывает значительно большее пространство, чем сам ледник. Значит, рядом с ледником, рядом с глыбой льда, которая поднимается на километр, иногда на 2–3 километра, будет совершенно ясное небо, а следовательно – огромная инсоляция. Температура воздуха низкая, но солнце светит и нагревает землю. На земле растет трава. Солнце нагревает тела животных и людей, им не холодно. Ветра почти никогда не бывает.

Высказывалось мнение, что вокруг ледника вьюги навевали огромные сугробы снега. Это географическая безграмотность, свойственная гуманитариям. Если бы навевало снег, это означало бы присутствие теплого влажного ветра, и тогда бы растопило ледник. Ничего подобного! Снега и дождя выпадало очень мало. Разогретая почва создавала конвекционные токи воздуха, и иногда из соседних широт, там, где были циклональные условия, могли пробиваться небольшие влажные воздушные массы, которые выпадали в виде дождя или очень небольшого снежного покрова. Этого было достаточно, чтобы за ледником в зоне антициклона расстилалась великолепная сухая степь с небольшим количеством снега, что не мешало травоядным животным зимой добывать из-под снега сухую траву, очень калорийную, пропитанную солнцем.

С другой стороны, ледник под солнечными лучами тоже таял, то есть с него стекали струйки и ручейки чистой пресной воды, которые образовывали по закраине ледника озера. А где озера, там и рыба, и водоплавающая птица, которая переносит икру на своих лапах. А где влага, там будет расти пышная растительность, там будут расти леса. Там при большом таянии начнется сброс вод в виде рек, и они потекут туда, куда им подскажет рельеф. Эти реки создадут в сухой степи, окаймляющей ледник с юга, необходимые животным водопои. Сухая степь вроде монгольской, где очень мало выпадает снега, – раздолье для копытных, которые могут зимой разрывать снег копытами и доставать себе еду. А где копытные, там и хищники, а среди хищников и человек. Тающий ледник – это оптимальные условия для развития человека.

Другое дело, когда там теплело. Ледник все время перемещался. От Таймыра он, все время нарастая, шел к Фенноскандии и таял в Атлантике. Циклоны приносили дождь, туманы,

мокрый снег, который падал на ледник и увеличивал его. А на восточной окраине ледник таял, поэтому тут и были лучшие условия. Лучшие условия в ледниковый период были в Сибири!

И так было до тех пор, пока ледник не ушел под течение Гольфстрима и там растаял. А Гольфстрим прорвался и понес влажный атлантический воздух до Енисея и дальше, до Якутии, куда, в свою очередь, пришли тихоокеанские муссоны, и на месте степи выросла тайга.

Тогда стало плохо. Огромные заносы снега лишили животных растительной пищи. Погибли мамонты, носороги, туры; уцелели выросшие в тайге олени, зайцы и комары. Людям жить стало почти невозможно. Численность населения резко спала. Однако люди выжили и, мало того, расширили свой ареал!

Почему же вид Homo sapiens распространился по всей суше Земли и всю ее превратил в свою Ойкумену – место, где он живет? За счет чего человек смог распространиться повсюду? Ведь все животные живут в определенных для каждого вида условиях. Так, волк – степной зверь. Он живет в степи или в перелесках, где скрывается, но в глухой тайге волка нет; медведь – лесной зверь, в степи ему делать нечего, в лесу он и живет. А как же белый медведь, который живет во льдах? Это другой вид, относящийся к роду медвежьих. Он настолько уже отдалился от своего какого-то прапрапредка, что к современному лесному бурому медведю относится так же, как лошадь относится к ослу и человек к неандертальцу, то есть это разные виды. Белый медведь приспособился жить на арктических льдах, питается тюленями и ловит рыбу. Но кроме того, есть гималайский медведь, который так приспособился есть плоды, что живет только на деревьях.

Итак, мы констатируем, что все животные для того, чтобы занять другие ареалы, чтобы жить в иных ландшафтных условиях, эволюционируют за пределы вида. Человек остался в пределах одного вида. Все люди, ныне живущие на Земле, относятся к одному виду, но тем не менее они распространились от Арктики до тропиков. Они живут и в сухих местностях, и в высокогорных, и во влажных лесах Севера, и в тропических джунглях – где угодно, везде адаптируясь в ландшафте.

Каким образом случилось, что все животные живут в привычных условиях, а человек распространился по всей суше Земли, захватывая в некоторых случаях даже морские заливы?

И ведь человек сумел добиться победы не только за счет техники. В период палеолита техника была еще небогатой. И тем не менее человек смог устроиться и в тропических областях, и

в полярных, во влажных и сухих, в горных и степных. Надо признать, что у человека есть какая-то способность, не только социальная, но и природная, которая также отличает его от животных. Эту способность мы можем характеризовать как повышенную лабильность, пластичность, даже способность к реадаптации, повторному приспособлению. За счет чего такая мобильность?

МОЗАИЧНАЯ АНТРОПОСФЕРА

Обратим внимание на одно обстоятельство. *Антропосфера* делится на сообщества, которые мы называем попросту *народами*, по-научному – *нациями*, по совершенно научному – *этносами*. «Народ» – термин неудобный, он слишком полисемантичен. Термин «нация» принято применять только к условиям капиталистической и социалистической формаций, а до этого, считается, наций не было. Не будем спорить о термине. Но термин «этнос» очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается все человечество [40]. Налицо факт мозаичности антропосферы [114, с. 252–255], и правильнее называть ее этносферой.

Когда мы сталкиваемся с этой проблемой, кажется, что никакой загадки нет, все очень просто – есть немцы и французы, англичане и итальянцы. Какая разница между ними? Какая-то есть. Когда возникает вопрос, какая же именно разница, то оказывается, что найти ответ сверхтрудно.

Конечно, на то и существует Институт этнографии, и возник он тогда, когда сложность проблемы не стала еще очевидной; каждому было ясно, что есть разные народы и надо их изучать. Но наука развивается. Многое, ранее ясное, сейчас надо объяснять. Поэтому было избрано самое легкое решение. Как известно, человек – животное общественное. Никто этого оспаривать не собирается. И следовательно, сказали некоторые этнографы, все отношения людей между собой – это отношения только общественные, то есть социальные [2; 5; 21; 22]. А раз люди делятся на этносы, то и это тоже явление социальное.

На первый взгляд это как будто звучит убедительно и логично. Но что мы при этом подразумеваем под социальными отношениями? Исторический материализм нас учит, что человек развивается сообразно с развитием своих производительных сил; сначала он жил в первобытнообщинной формации,

потом появились рабовладельческая, феодальная, капиталистическая. При таком формационном делении есть ли место для этнических делений? Феодалом может быть и француз, и англичанин, и сельджук, и китаец, и монгол, и русский [см. 57]. (К этой точке зрения примкнул Ю. В. Бромлей [23, с. 122–123].)

Точно так же и с крепостными, рабами, наемными рабочими. Словом, **социально-экономическая характеристика человека игнорирует этническую.** Но значит ли это, что нет ни французов, ни китайцев, ни персов, что разница между ними иллюзорна; есть только феодалы и крепостные, буржуа и наемные рабочие – все остальное не существенно? Если так, то зачем нужен Институт этнографии? Да и сама этнография? И все-таки оказывается, что этнография нужна и выкинуть ее нельзя.

Итак, что такое *этнос*? Каковы переходы из одного этноса в другой? Какова разница между этносами? Некоторые говорят, что никакой разницы нет. Мол, что написано в паспорте, то и хорошо. В паспорте можно написать все что угодно. Вот, скажем, любой может записаться малайцем. Но ведь от этого он малайцем не станет.

Есть еще одно определение – лингвистико-социальное. «Все люди говорят на каких-то языках, и поэтому, – сказал мне член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман, – французы – это те, которые говорят по-французски, англичане – те, которые говорят по-английски, персы – те, кто говорит по-персидски, и т. д.».

«Прекрасно, – сказал я ему, – а вот моя собственная родная мама в детстве до 6 лет говорила по-французски, а по-русски научилась говорить уже потом, когда пошла в школу и стала играть с девочками на царскосельских улицах. Правда, после этого она стала русским поэтом, а не французским. Так была ли она француженкой до 6 лет?»

«Это индивидуальный случай», – быстро нашелся ученый-академик.

«Ладно, – говорю я ему, – ирландцы в течение 200 лет, забыв свой язык, говорили по-английски, но потом восстали, отделились от Англии и крови не пожалели на это отделение – ни своей, ни чужой. Если по-вашему судить, то эти 200 лет они были настоящими англичанами?»

«Я знал, что вы этот пример приведете, а еще?»

Тут я ему привел десяток примеров и задал еще такой вопрос: «Вы же сами в Средней Азии бывали, вы же великолепно знаете, что жители Бухары и Самарканда с одинаковой легкостью говорят на трех языках – на таджикском, узбекском и русском.

Русский нужен для школы, и они говорят по-русски, как мы с вами. Таджикский и узбекский – это языки базаров. При всем этом они ничуть не путают, кто узбек, а кто таджик, хотя в паспортах могут записаться таджиками, будучи узбеками, и наоборот. И даже про одного моего знакомого, который, будучи самаркандским таджиком, записался узбеком, другие таджики говорили: «Миллат фуруш» – продавший свой народ или изменник своего народа. А записывались они так, потому что узбекскими националистами был пущен слух, что тот, кто запишется таджиком, будет выселен из городов в горы. И все записались узбеками. Хотя в принципе – какая разница, как записаться? Ведь знакомый-то мой не стал узбеком».

Итак, что есть разные этносы – все знают. Этносы – это французы, немцы, папуасы, масаи, эллины, персы. Но на вопрос: «Что же это такое?» – ответа толкового не было. И я его сразу дать не могу. Если бы я мог это сразу сделать, я ограничился бы небольшой статьей, а не предложил бы вниманию читателя книгу.

Поставим и другой вопрос: имеет ли проблема этноса практическое значение? В бытовых случаях мы не путаемся. Если к нам, допустим, приедет английский ученый, мы сразу видим, что это человек иной, чем мы: хоть он и говорит по-русски, но не по-нашему, и костюм он носит по-иному. Но в тех случах, когда эти внешние различия скрадываются, возникает сомнение в значении этнической принадлежности.

Например, в трамвай входят 4 человека – одинаково одетых, одинаково хорошо говорящих по-русски и т. д. Допустим, один из них русский, а другие – кавказец, татарин и латыш из Прибалтики. Есть между ними разница или нет? Казалось бы, каждому понятно, что есть. Однако один мой оппонент заявил, что, если между ними не произойдет какого-нибудь глупого, надуманного национального конфликта, никто и не узнает, что между ними есть разница, и вообще, реально ее нет. «Нет, – ответил я, – никакого национального конфликта здесь может и не быть. Любое событие вызовет у этих людей разную реакцию. Влезает, например, в тот же трамвай буйный пьяный и начинает хулиганить. Что произойдет? Ну, русский, конечно, посочувствует, скажет: «Ты, керюха, выйди, пока не забрали». Кавказец не стерпит и даст в зубы. Татарин отойдет в сторону и не станет связываться. Западный человек немедленно вызовет милиционера. Это четыре совершенно разных стереотипа поведения! Итак, именно стереотипы поведения у разных этносов всегда более или менее различны, но и эти различия при близких условиях жизни часто скрадываются».

У нас около Ленинграда живет большое количество финских племен: карелы, ближе к Онеге вепсы, чухны (чудь белоглазая), как будто они внешне от русских не отличаются и говорят по-русски правильно. И когда он идет по Литейному – его не узнаешь. Но как только попадаешь в их родные деревни, то этнические различия выявляются.

На что это похоже? Поставим вопрос: какого цвета воздух? В комнате цвета воздуха не видно, потому что его относительно мало, а в окне – голубое небо – это цвет воздуха. Так и здесь: **этническая характеристика лучше воспринимается и улавливается в больших массах, нежели в единичных случаях.** Но как мы видели из первого примера, этнический стереотип выявляется иногда и в единичных случаях. Если так, то это явление чего – социальной жизни человека или его природы? Надо условиться о терминах.

ЭТНОС – НЕ ОБЩЕСТВО

Что такое социальный? Латинское слово «socium», переводимое как «общество», «общественный», в таком значении употребляется во всех западноевропейских языках применительно к формам как животной, так и человеческой организации. В советской науке характеристику «социальный» принято относить только к человеческому обществу. Для обозначения животных коллективов применяется термин «сообщество» – комбинация нескольких видов животных и растений, взаимосвязанных «цепью питания». Такое разделение представляется обоснованным, поскольку социальная форма развития свойственна только человеку. Это развитие является спонтанным и прогрессивным, идет по спирали и связано с развитием техники и отношения к труду. Ни техники, ни труда у животных нет, следовательно, то, что есть общего у животного и человека, не может быть социальным. Так является ли этнос феноменом, общим с животными, или нет?

Об этом и возник у меня спор с моими московскими оппонентами: они утверждают, что этнос – явление социальное. Я говорю: каким же это образом? Разве этнос развивается спонтанно и по спирали и связан однозначно с развитием способов производства? Разве хоть какой-нибудь этнос существует с самого начала развития человека от питекантропа? Разве есть такая карта, где бы этносы были показаны ну хотя бы от начала

исторического периода? Нет их! Были сарматы, на их месте – нет ничего, на месте сарматов были половцы (куманы) – и их нет.

Говоря об этносах, мы говорим все время «было». Никакого развития по спирали у этносов нет. Если мы употребляем слово «социальный» в нашем, марксистском смысле, мы должны понимать под этим форму коллективного бытия, связанную с производством, – «общество». А существуют ли у человека коллективы, не являющиеся социальными? Коллективы, кроме и помимо общества? Маркс по этому поводу высказывался довольно точно и определенно, правда в ранних произведениях. Он называл общество немецким словом Gesellschaft, а кроме общества выделял первичные коллективы. Их он называл Gemeinwesen. Gemein – это «общий», а Wesen – это «суть», «суть дела», «существо», «основание». По-русски нет такого слова, но смысл понятен. Эти-то первичные коллективы, существовавшие еще до появления у человека материального производства, Маркс считал предпосылкой появления общества.

Первоначальные образования, первоначальные коллективы, особи вида Homo sapiens действительно никакого отношения к еще не существовавшим производительным силам просто не имели; просто люди жили коллективами-группами, потому что ни один дурак не стал бы жить один. И это групповое деление с появлением общества, естественно, не исчезло, а, наоборот, постепенно развиваясь, создало те целостности, которые мы называем этносами.

ЭТНОС – НЕ РАСА

Этнос у человека – это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т. д. Это форма существования вида Homo sapiens и его особей, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических, какими являются расы.

Рас, по В. П. Алексееву, пять-шесть [3]. И по внешнему виду, и по психофизическим особенностям представители различных рас весьма отличаются друг от друга. Раса является относительно стабильной биологической характеристикой вида людей, но при этом нам важно здесь подчеркнуть, что она никак не является формой их общежития, способом их совместной жизни. Расы различаются по чисто внешним признакам,

которые можно определить анатомически. Какую-то роль в биологическом процессе видообразования они, видимо, играют, но в отношении того, как людям при этом жить и как устраиваться, как работать, как процветать и как погибать, значения они не имеют. Тезис как будто на первый взгляд довольно странный, потому что есть привычка думать, будто негры – это бедные, которых обижают; все индейцы благородные, которых истребляют; есть еще цивилизованные белые, многочисленные желтые и пр. Однако посмотрим, как распределяются эти расы на поверхности Земли и какое это имеет значение для судьбы биосферы.

По антропологическим находкам, древнейшие представители так называемой *белой расы* – европеоиды – появились в Европе и распространились из Европы в Среднюю Азию, в Центральную Азию, в Северный Тибет и, наконец, перевалив через Гиндукуш, попали в Индию и захватили ее северную часть. Также они издавна населяли северную часть Африки и Аравийский полуостров.

В наше время представители этой расы пересекли Атлантический океан, заселили большую часть Северной Америки и значительную часть Южной Америки, Австралии и Южной Африки. Все это результаты переселения.

Негры, как ни странно, представляются всегда насельниками тропического пояса, потому что считается, что меланин, придающий их коже черный цвет, препятствует ожогам от палящего тропического солнца. Ожогам-то он действительно препятствует – это верно, но, когда летом жарко, какое мы надеваем платье, белое или черное? Совершенно ясно, что хоть бы даже ожогов кожи и не было, но в жуткой жаре иметь черную кожу совершенно невыгодно, особенно при большой инсоляции, потому что черный цвет слабо отражает солнечные лучи. Следовательно, надо полагать, что негры появились в тех условиях, где было относительно облачно.

И действительно, древнейшие находки так называемой расы Гримальди – *негроидной расы*, относящиеся к верхнему палеолиту, были обнаружены в Южной Франции, в Ницце, в пещере Гримальди, а потом оказалось, что вся эта территория была в верхнем палеолите заселена негроидами – людьми с черной кожей, с шерстистыми волосами, которые позволяли обходиться без шапки, с большими губами. Это были стройные, высокие, длинноногие охотники за крупными травоядными. А в Африку как же они попали? Да в результате таких же переселений, в результате которых европейцы попали в Америку.

Причем Южная Африка была заселена негроидами – неграми банту, теми классическими, которых мы знаем, в очень позднее время; экспансия банту началась в I в. до н. э. – I в. н. э. То есть первые негритянские лесопроходцы – современники Юлия Цезаря! Уже давным-давно угасли Афины, забыт век Перикла, Египет превратился в колонию, а они только-только начали захватывать леса Конго, саванны Восточной Африки, вышли на юг, к большой реке Замбези и к мутной, илистой реке Лимпопо.

Кого же они оттуда вытесняли? Ведь и до них было население. Это третья раса, относящаяся тоже к разряду южных рас, и действительно, видимо, южная раса, которую называют условно «*койсанская*». («Койсанская» – это еще и особая группа языков.) К койсанской расе относятся готтентоты и бушмены. Причем они отличаются от негров, во-первых, тем, что они не черные, а бурые; у них монголоидные черты лица, сильно развитое веко, у них совершенно иначе устроена глотка – они разговаривают не так, как мы, не на выдохе, а на вдохе, то есть они резко отличаются и от негров, и от европейцев, и от монголоидов.

Их считают остатком какой-то древней расы южного полушария, но в смысле этническом ничего цельного они не представляют, несмотря на то что их очень мало осталось. Бушмены – это тихие и робкие охотники, вытесненные неграми-бечуанами в пустыню Калахари. Живут они там, доживают свой век, забывая свою древнюю, очень богатую и очаровательную культуру; мифы у них есть, искусство у них есть, но уже в рудиментарном состоянии, потому что жизнь в пустыне настолько тяжела, что им не об искусстве приходится думать, а о том, где бы достать чего-нибудь поесть.

А готтентоты (это голландское название этих племен), жившие в Капской провинции, прославились как невероятные разбойники, проводники купцов и любители крупного рогатого скота. Самым лучшим, что нужно иметь, они считают быков. И когда один миссионер, обративший готтентота в христианство, спросил: «Ты знаешь, что такое зло?» – тот ответил: «Знаю, это если зулусы уводят моих быков». – «А что такое добро?» – «Это если я у зулусов угоню быков». Вот на этом принципе они существовали до прихода голландцев.

С голландцами они довольно быстро спелись, стали их проводниками, переводчиками, рабочими на их фермах. Когда англичане, захватив Капскую колонию, вытеснили голландцев, то готтентоты великолепно спелись с англичанами, а сейчас они там представляют самые бурлящие элементы. Ничего

похожего на бушменов. Как будто одна раса, расовые черты и у тех и у других одинаковые. Но при этом они так же мало похожи друг на друга, как, например, испанцы мало похожи по поведению на финнов.

Четвертая раса, тоже очень древняя, – это *австралоиды*, или австралийцы. Неизвестно, как они туда, в Австралию, попали, но попали они туда давным-давно. Доевропейское население Австралии состояло из огромного количества мелких племен с разными языками и совершенно различными обычаями и обрядами. Причем друг друга они не любили, старались жить друг от друга как можно дальше, потому что ничего, кроме неприятного, они от соседей не ждали.

Жили они крайне примитивно, но не вымирали, потому что в Австралии исключительно здоровый климат; там любая большая рана заживает быстрее, чем у нас царапина. Так вот, австралоиды, или просто австралийцы, – это особая раса, которая не похожа ни на негроидов, ни на европеоидов, ни на монголоидов – ни на кого. Они похожи сами на себя. У них при черном цвете кожи огромные бороды, волнистые волосы, широкие плечи, исключительная быстрота реакции. По рассказам, мной не проверенным, но которым я доверяю, кино австралийцам показывают в два раза быстрее, чем нам, потому что если с нашей скоростью пустить ленту, то они видят пробелы между кадрами. При всем этом они обладают спецификой, которая не дала им возможности развиться. В чем эта специфика? Это мы узнаем в конце книги.

Факт остается фактом, что единая раса, заселяющая единый изолированный континент, попавшая туда при каких-то условиях явно по морю и, по-видимому, из Индии, потому что ближайшие их родственники живут на плоскогорье Декан (в южной части Индии), составляет огромное количество самых разнообразных этнических группировок.

Пятая раса, самая многочисленная, – это *монголоиды*, которые разделяются на целый ряд рас второго порядка: есть сибирские монголоиды, есть северокитайские, южнокитайские, малайские, тибетские (были, сейчас их уже нет), то есть большое количество самых разнообразных подрас, причем ни одна из них не составляет самостоятельного этноса.

Обратившись ко всему сказанному выше, мы заметим, что каждый этнос, развивающийся, создающий свою культуру, расширяющий свои возможности, состоит из двух и более расовых типов. Монорасовых этносов я не знаю ни одного. Если даже сейчас они составляют единый расовый тип, то это в

результате довольно длительного отрицательного отбора, а вначале они всегда состоят из двух и более компонентов.

И наконец, последняя раса, шестая, о которой мы говорить не будем, – это *американоиды*. Они заселяют всю Америку – от тундры до Огненной Земли (эскимосы – народ пришлый). Огромное количество языков, так что даже невозможно провести их классификацию. Сейчас сохранено много мертвых языков, потому что племена, языки которых были записаны, вымерли. Американоиды, в общем, совершенно различны и по своему характеру, и по своему культурному складу, и по своему образу жизни, несмотря на то что все принадлежат к одной расе.

Иными словами, расы, на которые распадается вид Homo sapiens, – это условные биологические обозначения, которые могут иметь некоторое значение для нашей темы, но только вспомогательное, как любая классификация, которая ни в коей степени не отражает специфики этнического феномена.

И вместе с этим еще одно важное замечание. Эти расы, как я уже говорил вначале, стабильны по отношению к виду. Мы знаем, что вид Homo sapiens, кроманьонский человек, – и мы с вами, кроманьонские люди, – существует 15 тыс. лет на Европейском континенте и за это время названные *расы* хотя и менялись местами, но не появилось ни одной новой и не исчезло ни одной старой.

Вы, может быть, спросите, почему я упустил пигмеев? Это обыкновенные негроиды, только живут они в очень плохих условиях тропических лесов, вследствие чего у них сократился рост от недоедания.

Этим, казалось бы, все исчерпано, и если бы расовый момент имел значение для развития и становления этносов, то есть был инструментом взаимодействия между обществом и природой, то тогда истории никакой бы не было, а была бы заранее заданная картина.

ЭТНОС – НЕ ПОПУЛЯЦИЯ

Так же как не совпадает этнос с расой, не совпадает он и с другой биологической группировкой особей – популяцией. Популяция (цитирую учебник) – «это сумма особей, живущих в одном ареале и беспорядочно между собой скрещивающихся». Например, два роя мух залетели в одну комнату. Они сразу образуют единую популяцию и не борются между собой.

Разве этносы существуют таким образом? Во-первых, борьба между этносами – это явление довольно частое, хотя и не обязательное. Между популяциями борьбы быть не может – раз они сбежались в один ареал, как мыши, или слетелись, как мухи, они сразу сольются в одну популяцию. У них нет ограничения скрещивания, отсюда генетики выводят свои закономерности, которые справедливы для животных.

В этносе всегда есть брачные ограничения. Два этноса могут сосуществовать на одной территории веками и тысячелетиями. Могут взаимно друг друга уничтожать, или один уничтожит другой. Значит, этнос не биологическое явление, так же как и не социальное.

Предлагаю считать: этнос – это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЛОГИКА

Таким образом, при изучении этноса мы рассматриваем явление природы, которое, очевидно, как таковое и должно изучаться. В противном случае мы пришли бы к такому количеству противоречий, логических внутри системы и фактических при изучении действительности, что практически само народоведение потеряло бы смысл и повод для того, чтобы изучать его.

Инструмент в науке – это методика, способы изучения. Как можно определить, что такое этнос, и понять, в чем его значение и смысл? Только применив современную систему понятий, современную систему взглядов.

Древним египтянам совершенно незачем было определять, что такое этнос; они делали это через цвет. Они рисовали негров черными, семитов – белыми, ливийцев – коричнево-красными, себя – желтыми. И всем было понятно, кто нарисован. Но для нас цвет уже не годится, потому что мы знаем не 4 народа, а значительно больше – не хватит красок на палитре, а с другой стороны, нам уже ясно, что цвет еще мало о чем говорит.

Греки ставили вопрос гораздо проще: есть эллины – «мы» и есть «варвары» – все остальные; «мы» и «не мы», свои и чужие. Но когда Геродот попробовал написать «Историю в 9 книгах»,

посвященную девяти музам, то он столкнулся с недостаточностью этой классификации. Например, он описывал греко-персидские войны. Персы, конечно, варвары, а его земляки – афиняне, спартанцы, фиванцы и пр. – эллины. Но куда отнести скифов? Они не персы и не греки. А куда отнести эфиопов или гадрамантов – это племя тиббу, и сейчас живущее в южной части Триполитании? Тоже и не персы и не греки. Варвары, конечно. Но эта классификация стала явно недостаточной.

В дальнейшем, когда римляне завоевали весь мир, т. е. то, что они считали всем миром, они усвоили это же самое понимание термина. Это для них было просто и легко. Римляне – римские граждане, все остальные – либо провинциалы, завоеванные варвары, либо не завоеванные еще варвары; хотя, может быть, и не всегда дикари, но не римляне. Все было просто.

Когда же Римская империя пала во время Великого переселения народов, то оказалось, что эта система не работает. Все народы оказались разными, очень друг на друга непохожими. И вот тогда впервые родилась идея социально-культурного определения людей. (Это средневековая концепция.)

Решили так: все люди одинаковы, но есть верующие в истинного бога и неверующие, то есть исповедующие истинную религию и неисповедующие. Истинной религией в Европе считался католицизм (а не православие), в Византии и на Руси – православие (а не католицизм), на Ближнем Востоке – ислам (но не христианство) и т. д. А в остальном считалось, что люди делятся по известным социальным градациям. И поэтому тюркских эмиров крестоносцы считали баронами и графами, только турецкими, а тюрки считали крестоносцев эмирами или беками, только неверными, то есть французскими. Если же этим эмирам приходилось знакомиться с произведениями такого философа, как Платон, то они считали, что Платон – это просто маг. У них ведь были свои маги. Все получалось очень хорошо. Профессиональное деление (тоже социальное) их устраивало.

И даже больше. Когда испанцы попали в Америку и столкнулись там с высокоорганизованными в социальном отношении государствами ацтеков, инков и муисков, то они всех вождей индейских племен зачисляли в идальго, давали им титул «дон», если те были крещены, освобождали от налогов, обязывали служить шпагой и посылали в Саламанку учиться. И те были этим вполне довольны. Индейцы считали, что это их вполне устраивает. И хотя, по существу, инки и ацтеки не становились

испанцами, испанцы закрывали на это глаза. Они женились на индейских красавицах, поскольку своих женщин было мало, породили огромное количество метисов и считали, что испанский язык, католическая вера, единая культура, единая социальная общность обеспечили единство империи, в которой не заходит солнце. Какой там Анагуак – это Новая Испания, Чибча – Новая Гренада и т. д. Но заплатили они за это умозрительное заблуждение в начале XIX в. такой резней, по сравнению с которой все наполеоновские войны меркнут. Причина была в том, что на место естественных процессов и явлений, которые следует изучать, испанцы поставили свои собственные несовершенные представления, которые были, с их точки зрения, совершенно логичны, но которые никак не отвечали действительности.

Итак, распространенное мнение, будто этносы сводятся к тем или иным социальным явлениям, мы считаем гипотезой недоказанной, хотя к этой гипотезе мы будем еще возвращаться, по ходу дела, неоднократно. Дело в том, что социальные явления при постановке нашей проблемы изучать мы обязаны, ибо, изучая наш предмет, мы только их и видим. Но это не значит, что они исчерпывают проблему.

Поясню свою мысль. Она довольно сложна, хотя мне и казалась совершенно простой до тех пор, пока я не столкнулся с моими оппонентами. Вот, например, электрическое освещение. Феномен, казалось бы, социально-технический: и проводку сделали на каком-то заводе, и монтер, член профсоюза, ее провел, и обслуживает она, скажем, работников университета. И это все важно учесть, рассматривая этот феномен. Но, понимаете, никакого света здесь не было бы, если бы не имело место физическое явление – электрический ток. Электричество же мы никаким образом не можем отнести к явлениям социальным. Это сочетание природного явления с теми социально обусловленными, искусственно созданными условиями, при которых мы природное явление можем констатировать, изучать и использовать.

Так же и с этносами. Мы видим и ощущаем этническую разницу между нами. Мы видим и ощущаем разницу между немцами и, допустим, поляками, так же как мы ощущаем разницу между светом и тьмой, холодом и теплом. Как и с физическими явлениями, где, оказывается, была нужна термодинамика, чтобы объяснить тепловые явления, оптика, чтобы объяснить световые явления. И главное, все это было необходимо для того, чтобы получить практические результаты.

СУБЭТНОСЫ

Структура – вторая особенность этноса – всегда более или менее сложна, но именно сложность обеспечивает этносу устойчивость, благодаря чему он имеет возможность пережить века смятений, смут и мирного увядания. Принцип этнической структуры можно назвать иерархической соподчиненностью субэтнических групп, понимая под последними таксономические единицы, находящиеся внутри этноса как зримого целого и не нарушающие его единства.

На первый взгляд сформулированный нами тезис противоречит нашему же положению о существовании этноса как элементарной целостности, но вспомним, что даже молекула вещества состоит из атомов, а атом – из протона, электронов, нейтронов и т. п. частиц, что не снимает утверждения о целостности на том или ином уровне: молекулярном, или атомном, или даже субатомном. Все дело в характере структурных связей. Поясним это на примере.

Карел из Тверской губернии в своей деревне называет себя карелом, а приехав учиться в Москву – русским, потому что в деревне противопоставление карелов русским имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быте и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Но если это не карел, а татарин, то он будет называть себя татарином, ибо былое религиозное различие углубило этнографическое несходство с русскими. Чтобы искренне объявить себя русским, татарин должен попасть в Западную Европу или Китай, а в Новой Гвинее он будет восприниматься как европеец не из племени англичан или голландцев, то есть тех, кого там знают. Этот пример очень важен для этнической диагностики и тем самым для демографической статистики и этнографических карт. Ведь при составлении последних обязательно нужно условиться о порядке и степени приближения, иначе будет невозможно отличить субэтносы, существующие как элементы структуры этноса, от действующих этносов.

Теперь остановимся на соподчиненности этносов. Например, французы – яркий пример монолитного этноса – включают в себя бретонских кельтов, гасконцев баскского происхождения, лотарингцев – потомков алеманнов, провансальцев – самостоятельного народа романской группы. В IX в., когда впервые было документально зафиксировано этническое название – французы, все перечисленные народы, а также другие:

Структура этносферы в средневековой Франции

бургунды, норманны, аквитанцы, савояры – еще не составляли единого этноса и только после тысячелетнего процесса этногенеза образовали этнос, который мы называем французской нацией. Процесс слияния не вызвал, однако, нивелировки этнографических черт. Они сохранились как местные провинциальные особенности, не нарушающие этнической целостности французов.

Но во Франции мы наблюдаем результаты этнической интеграции, потому что ход событий эпохи Реформации привел к тому, что продукт дифференциации – французы-гугеноты вынуждены были в XVII в. покинуть Францию. Спасая жизнь, они потеряли этническую принадлежность и стали немецкими дворянами, голландскими бюргерами и, в большом числе, бурами, колонизовавшими Южную Африку. Французский этнос избавился от них как от лишнего элемента структуры, и без того разнообразной.

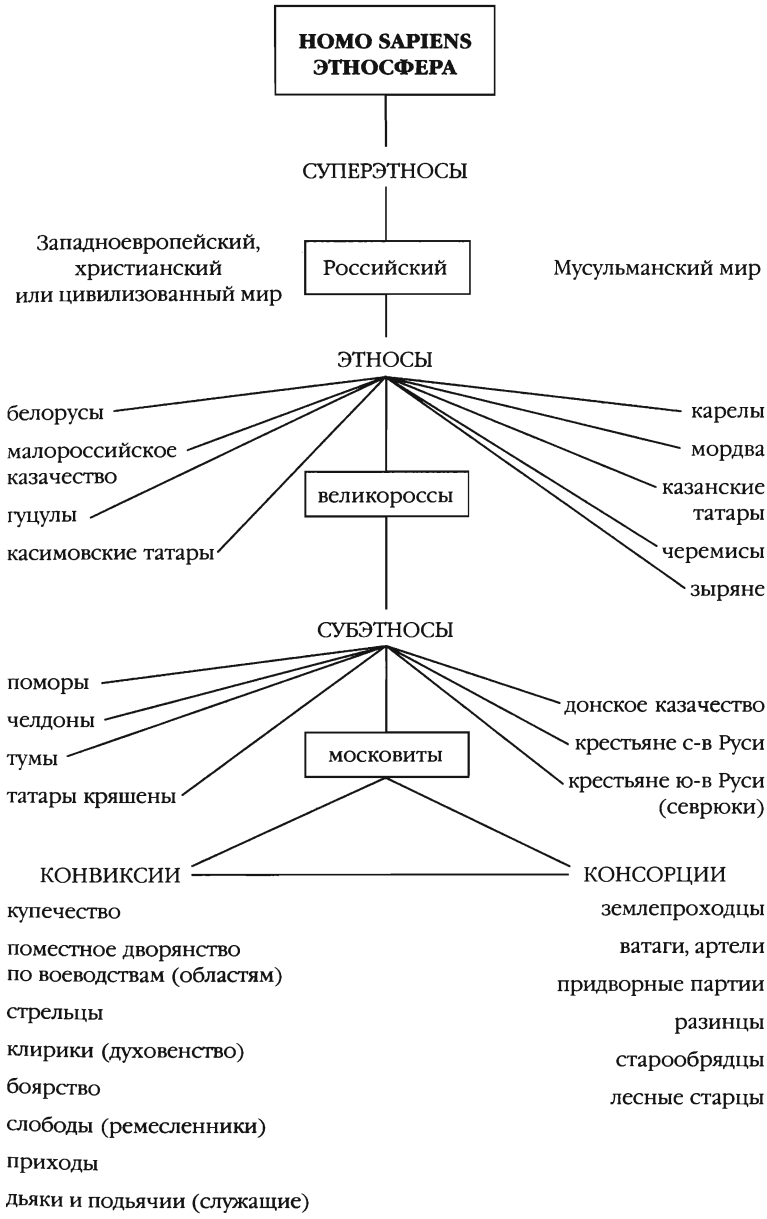
Может показаться странным то, что мы приписываем этносу способность к саморегуляции, но ведь ее имеют почти все биологические системы, в том числе биоценозы. Этнос в историческом развитии динамичен и, следовательно, как любой долго идущий природный процесс, выбирает посильные решения, чтобы поддержать свое существование. Прочие отсекаются отбором и затухают.

Все живые системы сопротивляются уничтожению, то есть они антиэнтропийны и приспосабливаются к внешним условиям, насколько это возможно. А коль скоро некоторая сложность структуры повышает сопротивляемость этноса внешним ударам, то неудивительно, что там, где этнос при рождении не был столь мозаичен, как, например, в Великороссии XIV–XV вв., он стал сам[1] выделять субэтнические образования, иногда маскировавшиеся под сословия, но отнюдь не классы. На южной окраине выделились казаки, на северной – поморы. Впоследствии к ним прибавились землепроходцы (как будто просто род занятий), которые, перемешавшись с аборигенами Сибири, образовали субэтнос сибиряков, или челдонов.

Раскол церкви повлек за собой появление еще одной субэтнической группы – старообрядцев, этнографически отличавшихся от основной массы русских. В ходе истории эти субэтнические группы растворялись в основной массе этноса, но в то же время выделялись новые.

---

[1] Говоря про природный процесс «сам стал...», мы не допускаем антропоморфизма, а просто применяем привычный оборот. Например, «ручей проложил себе русло и образовал излучину».



Структура этносферы в России XIV–XV вв.

Назначение этих субэтнических образований – поддерживать этническое единство путем внутреннего неантагонистического соперничества. Очевидно, эта сложность – органическая деталь механизма этнической системы и, как таковая, возникает в самом процессе этнического становления, или этногенеза. При упрощении этнической системы в фазе упадка число субэтносов сокращается до одного, что знаменует персистентное (пережиточное) состояние этноса.

Но каков механизм возникновения субэтносов? Чтобы ответить, необходимо спуститься на порядок ниже, где находятся таксономические единицы, расклассифицированные нами на два разряда: консорция и конвиксии. В эти разряды удобно помещаются мелкие племена, кланы, корпорации, локальные группы и прочие объединения людей всех эпох.

Условимся о терминах. *Консорциями* мы называем группы людей, объединенных одной исторической судьбой. В этот разряд входят кружки, артели, секты, банды и т. п. нестойкие объединения. Чаще всего они распадаются, но иногда уцелевают на срок в несколько поколений. Тогда они становятся *конвиксиями*, то есть группами людей с однохарактерным бытом и семейными связями.

Конвиксии малорезистентны. Их разъедает экзогамия и перетасовывает *сукцессия*, то есть резкое изменение исторического окружения. Уцелевшие конвиксии вырастают в субэтносы. Таковы упомянутые выше землепроходцы – консорции отчаянных путешественников, породивших поколение стойких сибиряков, и старообрядцы – консорции ревнителей религиозно-эстетического канона, в числе которых были боярыня Морозова, попы, казаки, крестьяне, купцы.

В XVII в. они еще не выделялись внешне из прочего населения. Во втором поколении, при Петре I, уже составили изолированную группу, в конце XVIII в. сохранившую обряды, обычаи, одежду, отличавшуюся от общепринятой. Консорция превратилась в конвиксию, а в XIX в. увеличившись до 8 млн человек, стала субэтносом. В XX в. она рассасывается, так как повод к ее возникновению исчез, а оставалась только инерция.

И землепроходцы и старообрядцы остались в составе своего этноса, но потомки испанских конкистадоров и английских пуритан образовали в Америке особые этносы, так что именно этот порядок можно считать лимитом этнической дивергенции. И следует отметить, что самые древние племена, очевидно, образовались тем же способом, только очень давно. Первоначальная консорция энергичных людей в условиях

изоляции превращалась в этнос, который мы ныне именуем *племя*.

На этом порядковом уровне заканчивается этнология, но принцип иерархической соподчиненности в случае нужды может действовать и дальше. На порядок ниже мы обнаружим одного человека, связанного с его окружением. Это может быть полезно для биографов великих людей.

Спустившись еще на порядок, мы встретимся не с полной биографией человека, а с одним из эпизодов его жизни – например с совершенным преступлением, которое должно быть раскрыто. А еще ниже – случайная эмоция, могущая вдохновить на создание стихотворения или случайную драку.

ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

Следует помнить, что это бесконечное дробление, лежащее в природе вещей, не снимает необходимости находить целостности на заданном уровне, важном для поставленной задачи. В частности, нам еще более важны суперэтнические целостности, стоящие на порядок выше этносов, поскольку наша наука тоже ставит целью достижение практических результатов, а именно: охрану природы от человека, спасение биосферы, в которой мы живем.

Как известно, человек является частью биосферы. Что такое *биосфера*? Это не только биомасса всех живых существ, включая вирусы и микроорганизмы, но и продукты их жизнедеятельности: почвы, осадочные породы, свободный кислород воздуха. Все это – создание биосферы. Это трупы животных и растений, которые задолго до нас погибли, но обеспечили для нас возможность существования. А энергию, которая нас питает, мы черпаем из нескольких источников.

С одной стороны, из трупов наших предков – животных, растений, микроорганизмов. Мы их едим, по ним ходим. Мы ими дышим, они нам подарили кислород.

С другой стороны, мы черпаем энергию из трех источников, которые имеют совершенно разное значение. Максимальное количество энергии, которую потребляет Земля, согласно В. И. Вернадскому [27, с. 283], – это энергия Солнца. Она аккумулируется путем фотосинтеза в растениях, растения поедают животные, эта солнечная энергия переходит в плоть и кровь всех живых существ, которые есть на Земле. Избыток этой энергии

создает тепличные эффекты, то есть условия очень неблагоприятные. Нам не нужно ее больше, чем требуется, нам нужно столько, сколько мы привыкли осваивать.

Второй вид энергии – это энергия распада внутри Земли радиоактивных элементов. Когда-то давно этих элементов было много. Постепенно идет радиораспад внутри планеты, планета разогревается, и, когда-нибудь, когда все эти элементы распадутся, она либо взорвется, либо превратится снова в кусок камня.

Они действуют на наши жизненные процессы весьма отрицательно. Все знают, что такое лучевая болезнь, ничего хорошего в ней нет. Тем не менее эти явления внутри Земли, так называемые «хтонические», оказывают на нас большое воздействие, но локально. Дело в том, что скопления урановых и прочих руд неравномерно распределены по Земле. Есть большие пространства, где радиоактивность ничтожна, а там, где руды близко подходят к поверхности, она очень велика; поэтому воздействие этого вида энергии на животных и людей совершенно различно.

И есть третий вид энергии, который мы получаем небольшими порциями из космоса, – это пучки энергии, приходящие из глубин Галактики, которые ударяют нашу Землю (как, скажем, ударяют плеткой шарик), обхватывая какую-то часть ее, молниеносно производят свое энергетическое воздействие на биосферу, иногда большое, иногда малое. Приходят они более или менее редко, во всяком случае, не ритмично, а время от времени, но не учитывать их, оказывается, тоже невозможно.

Этот последний вид космической энергии стал исследоваться совсем недавно, и поэтому те ученые, которые привыкли мыслить Землю как совершенно замкнутую систему, не могут привыкнуть к тому, что мы живем не оторванными от всего мира, а внутри огромной Галактики, которая воздействует на нас так же, как и все другие факторы, определяющие развитие биосферы.

Описанное явление и есть механизм сопричастности каждого человека и каждого человеческого коллектива к космосу. Разумеется, это относится не только к людям, но наша тема – народоведение – заставляет нас сосредоточить интерес именно на людях и посмотреть, как влияют эти энергетические воздействия на судьбы каждого из нас и тех коллективов, к которым мы относимся. Что нужно для того, чтобы решить этот вопрос? Оказывается, что нужна тут, как ни странно, обыкновенная история.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Слово «история» имеет огромное количество значений. Можно сказать «социальная история» – история социальных форм. Можно сказать «военная история» – история сражений и походов, и это будет совершенно другая история, с другим содержанием и с другим подходом к материалу. Может быть история культуры, история государств и юридических институтов, может быть история болезни, в конце концов. И в каждом случае слово «история» должно иметь прибавку – история чего?

Нас должна интересовать история этническая; этногенез – история происхождения и исчезновения этносов. Но так как происхождение и исчезновение этносов – во-первых, процесс, который до нас вскрыт не был, во-вторых, процесс, который мы должны вскрыть, то нам нужно иметь тот материал, тот архив сведений, отталкиваясь от которого мы подойдем к решению нашей проблемы. А таковым является история событий в их связи и последовательности.

Так, но что считать «событием» применительно к этнической истории? С банальной позиции вопрос не заслуживает ответа. Но вспомним, что так же очевидны такие явления, как свет и тьма, тепло и холод, добро и зло. Обывателю все ясно и без оптики, термодинамики, этики. Но поскольку мы вводим понятие «событие» в научный оборот, то следует дать дефиницию, то есть условиться о значении термина.

Однако здесь таится еще одна трудность: нам надлежит применять термин в том же значении, что и наши источники – древние хронисты. Иначе чтение их трудов станет чрезмерно затруднительно, а часто и бесперспективно. Зато, научившись понимать их способ мысли, мы получим великолепную информацию, усваиваемую читателем без малейших затруднений.

Легче всего определить понятие «событие» через понятие «связи». Рост и усложнение этноса представляется современникам нормой, но любая потеря или раскол отмечаются как нечто заслуживающее особого внимания, то есть *событие*. Но коль скоро так, то событием именуется разрыв одной или нескольких связей либо внутри этноса, либо на границе его с другим этносом. Последствия разрыва могут быть любыми, иной раз весьма благоприятными, но для теоретической постановки проблемы это не имеет значения. Так или иначе, событие – это утрата, даже если это то, от чего полезно избавиться.

Значит, этническая история – наука об утратах, а история культуры – это кодификация предметов, уцелевших и сохраняющихся в музеях, где они подлежат каталогизации. В этом основная разница этих двух дисциплин, которые мы впредь смешивать не будем.

События истории известны нам с того момента, когда письменные источники стали излагать события связно во всей Ойкумене или, по крайней мере, в Старом Свете. Если мы будем забираться в более глубокую древность, с этим неизбежно будет связана аберрация дальности, расплывчатость или исчезновение границ событий. Как следствие – мы будем выдумывать вместо того, чтобы изучать. Этого надо избежать, потому что выдумать почти никогда нельзя адекватно действительности. Но надо избегнуть и аберрации близости – некорректируемых ошибок преувеличения. Современные этнические процессы не завершены, сказать, как они пойдут дальше, мы не можем. А устанавливать закономерности, что является нашей целью, мы можем только на законченных процессах.

Поэтому мы возьмем тот самый средний период, где факты известны, соразмерность их очевидна, достоверность их установлена двухтысячелетним изучением первоклассных историков, работавших до нас, и используем этот средний период как образец, на базе которого мы будем строить все наши соображения.

Хронологические рамки этого периода: примерно с XI–X вв. до н. э. до начала XIX в. н. э., или от падения Трои до капитуляции Наполеона. Между этими датами совершенно достаточно материала для того, чтобы разобраться во всей сложности проблемы.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Одного материала для понимания проблемы недостаточно. Необходим инструмент – методика. Что составляет основу нашей методики?

После второй мировой войны появилось одно замечательное открытие, правда, не у нас, а в Америке, но принято оно у нас на вооружение тоже полностью. Это то, что называется системным подходом или системным анализом. Автор его, Лео фон Берталанфи, – американец немецкого происхождения, работал по биологии в Чикагском университете. В 1937 г. на философском семинаре он выступил с докладом о системном подходе для определения понятия «вид». Доклад был совершенно не

понят, и автор «сложил все свои бумаги в ящик стола». Потом он поехал воевать. К счастью, его не убили. Вернувшись в Чикаго, он достал свои старые записки, повторил свой доклад и обнаружил совершенно иной интеллектуальный климат.

А что же он предложил? Никто из биологов не знает (а Берталанфи был биологом), что такое *вид*. Каждый знает, что есть собака, и есть ворона, и есть лещ, фламинго, жук, клоп... Все это знают, но определить, что это такое, никто не может. И почему животные одного вида и растения одного вида связаны каким-то образом между собой? Берталанфи предложил определение вида как открытой системы [11, с. 28; 95, с. 145–150; 115, с. 12 и след.].

Система – это такой метод анализа, когда внимание обращается не на персоны, которые составляют вид, скажем не на конкретных собак или кошек, а на отношения, которые имеются между собаками или кошками. Вот, скажем, студенческая аудитория представляет систему, но не потому, что в ней сидит определенное количество людей – студенты и профессор, а потому, что между ними существуют взаимоотношения – профессор рассказывает, а студенты слушают. Реально этого взаимоотношения как будто бы нет, мы его не можем измерить, не можем его взвесить, не можем определить его градиент, но студенты и профессор только ради него, этого отношения, и существуют, и характер его описать можно. Условимся о значении терминов и способах их применения на практике. Слишком большое стремление к точности не полезно, а часто бывает помехой в процессе исследования. Ведь рассматривать Гималаи в микроскоп бессмысленно. Поэтому для планетарных явлений следует принять первичные обобщенные категории системных связей, исключив детализацию, которая ничего не даст для понимания целого. Разделим системные связи на четыре типа, которые для применяемой методики необходимы и достаточны. Разделим системы на открытые и замкнутые (или закрытые), на жесткие и корпускулярные, или, как их иначе называют, дискретные. В чем смысл такого деления?

Открытая система – это, допустим, наша планета Земля, которая все время получает солнечные лучи, благодаря им происходит фотосинтез, а излишек энергии выбрасывается в космос. Открытая система – это вид, который получает запас энергии в виде пищи, которую поглощают животные данного вида. Они эту пищу добывают, размножаются, дают потомство, умирают, отдают свое тело матушке-земле. Это открытая система, которая получает энергию извне, обновляется.

Примером *закрытой системы* может служить, допустим, печка. Она стоит в комнате, а в ней дрова. Холодно. Затапливаем

печку, дров больше не подбрасываем, закрыли ее, дрова сгорают, печка раскаляется, в комнате температура поднимается, уравнивается с печкой, потом они вместе остывают. То есть запас энергии в виде дров получен единожды. После этого процесс кончается. Это система замкнутая.

Теперь второй характер деления. *Жесткая система.* Это хорошо слаженная машина, где нет ни одной лишней детали, она работает только тогда, когда все винтики на месте; она получает достаточное количество горючего, или, наоборот, она стоит и служит, как микроскоп, каким-то целям; в ней нет ничего лишнего. В чистом виде жесткой системы никогда не может быть, например машину все-таки надо красить, но можно ее покрасить и в синий цвет, и в желтый, и в зеленый – цвет не имеет значения. Но в идеале в жесткой системе все должно иметь значение. Такая машина очень эффективно работает. Но при поломке одной детали она останавливается и выходит из строя.

Корпускулярная система – это система взаимодействия между отдельными частями, не связанными между собой, но тем не менее нуждающимися друг в друге. Биологический вид – корпускулярная система; семья – корпускулярная система, а не жесткая, она основана на том, что муж любит свою жену и жена любит своего мужа. А дети (их может быть пятеро или трое), теща, свекровь, родственники – все они хотя и являются элементами этой системы, но и без них можно обойтись. Важна только ось связующая – любовь мужа к жене и жены к мужу – любовь взаимная или односторонняя. Но как только кончается эта невидимая связь, система разваливается, а ее элементы немедленно входят в какие-то другие системные целостности.

Зато культура – создание рук и ума человека – система жесткая, хотя и замкнутая, неспособная к самостоятельному развитию. Любой другой предмет, будучи создан человеком, обретает форму, которая консервирует материал: камень, металл или слово и музыкальную мелодию. Создание рук человеческих выходит за пределы природного саморазвития. Оно может либо сохраняться, либо разрушаться [87, с. 7].

Пирамиды стоят долго; за такое же время горы разрушаются, ибо слагающие их породы от воздействия перепадов температуры и влажности трескаются и превращаются в щебень. Реки меняют свои русла, подмывая берега и образуя террасы. Лес во влажные периоды наступает на степь, а в засушливые отходит обратно. Это и есть торжествующая жизнь планеты, и особенно биосферы, самой пластичной из ее оболочек. А произведения техники и даже искусства взамен жизни обрели вечность. И если

их закрытые системы превращаются в открытые, то они погибают. Железо окисляется, мрамор крошится, музыка смолкает, стихи забываются. Жестокий старик Хронос пожирает своих детей.

Но это понятно, важно другое: как рождаются и созревают такие системы, как этносы?

УСЛОВИЕ, БЕЗ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ

Ставя проблему первичного возникновения этнической целостности из особей (людей) смешанного происхождения, разного уровня культуры и различных особенностей, мы вправе спросить себя: а что их влечет друг к другу? Очевидно, что принцип сознательного расчета и стремления к выгоде отсутствует, так как первое поколение сталкивается с огромными трудностями – необходимостью сломить устоявшиеся взаимоотношения, чтобы на месте их установить новые, отвечающие их запросам. Это дело рискованное, и зачинателям редко удается воспользоваться плодами победы. Также не подходит принцип социальной близости, так как новый этнос уничтожает институты старого. Следовательно, человеку, чтобы войти в новый этнос в момент становления, надо дезинтегрироваться по отношению к старому. Нет, все иначе!

Люди объединяются по принципу комплиментарности (комплимент – привет, от латинского complimentus). Комплиментарность – это неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим, то есть может быть положительная и отрицательная комплиментарность.

Когда создается первоначальный этнос, то инициаторы этого возникающего движения подбирают себе активных ребят, потому что они им просто симпатичны.

«Иди к нам, ты нам подходишь» – так отбирали викинги юношей для своих походов. Они не брали тех, кого считали ненадежными, трусливыми, сварливыми или недостаточно свирепыми. Все это было очень важно, ибо речь шла о том, чтобы взять его к себе в ладью, где на каждого человека должна была пасть максимальная нагрузка и ответственность за собственную жизнь и за жизнь своих товарищей.

Так же Ромул и Рэм отбирали себе ребят, когда они организовали бандитскую шайку на семи холмах и начали терроризировать окрестные народы. Эти ребята потом стали патрициями, основателями мощной социальной системы.

Так же поступали и первые мусульмане; они требовали от всех признания веры ислама, но при этом в свои ряды старались зачислить людей, которые им подходили. Надо сказать, что от этого принципа мусульмане довольно быстро отошли. Арабы, как мы уже знаем, стали брать всех и за это заплатили очень дорого, потому что, как только в состав мусульман попали лицемерные мусульмане, те, которым было, в общем, абсолютно безразлично, один бог или тысяча, а важны выгода, доходы и деньги, они и пришли к власти.

Их возглавил Моавия ибн Абу-Суфьян – сын врага Мухаммеда – и объявил примерно так: «Вера ислама должна соблюдаться, а вино я выпью у себя дома, и каждый желающий тоже может выпить. Молиться все обязаны, но если ты пропустил намаз, то я не буду на это обращать внимания, и если ты хапаешь государственную казну, но ты мне симпатичен, на это я тоже не буду обращать внимания». То есть, как только принцип отбора по комплиментарности заменился принципом всеобщности, система испытала страшный удар и деформировалась.

Принцип комплиментарности фигурирует и на уровне этноса, причем весьма действенно. Здесь он именуется патриотизмом и находится в компетенции истории, ибо нельзя любить народ, не уважая его предков. Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой. Но иногда она принимает уродливую, негативную форму ненависти ко всему чужому; тогда она именуется шовинизмом.

Но комплиментарность на уровне культурногго типа всегда умозрительна. Обычно она выражается в высокомерии, когда всех чужих и непохожих на себя людей называют «дикарями».

Принцип комплиментарности не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативной форме. Если у вас есть собака, то вы знаете, что она относится к вашим гостям избирательно – почему-то к одним лучше, к другим хуже. На этом принципе основано приручение животных, на этом же принципе основаны семейные связи.

Но когда мы берем этот феномен в исторических, больших масштабах, то эти связи вырастают в очень могучий фактор – на комплиментарности строятся отношения в этнической системе.

Итак, рождению любого социального института предшествует зародыш, объединение некоторого числа людей, симпатичных

друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сцементированные избранной ими целью и исторической судьбой. Как бы ни сложилось их будущее, общность судьбы – «условие, без которого нельзя».

Такая группа может стать разбойничьей бандой викингов, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и т. п., но общее, что можно вынести за скобки, – это подсознательное взаимовлечение, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом. Поэтому эти зародышевые объединения мы назвали консорциями. Не каждая из консорций выживает; большинство при жизни основателей рассыпается, но те, которым удается уцелеть, входят в историю общества и немедленно обрастают социальными формами, часто создавая традицию. Те немногие, чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты повышенной активности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающуюся в общих привычках, мироощущении, вкусах и т. п.

Эту фазу комплиментарного объединения мы назвали конвиксией. Она уже не имеет силы воздействия на окружение и подлежит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт. В благоприятных условиях конвиксии устойчивы, но сопротивляемость среде у них стремится к нулю, и тогда они рассыпаются среди окружающих консорций.

ЭНЕРГИЯ ЖИВОГО ВЕЩЕСТВА

Из всего вышесказанного очевидно, что этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку. Следовательно, спор о том, что является первичным: биологическое или социальное, подобен тому, что первично в яйце: белок или скорлупа. Ясно, что одно невозможно без другого, и поэтому диспут на эту тему беспредметен.

Однако существует иная точка зрения. «... Социальные факторы, образующие этнос, этническое самосознание в том числе, ведут к появлению сопряженной с ним популяции, то есть перед нами картина прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев» [22, с. 122–123]. Таким образом, дискуссия идет о том, лежит ли бытие в основе сознания или, напротив, сознание

в основе бытия. Действительно, при такой постановке вопроса предмет для спора есть. Разберемся.

Ю. В. Бромлей имеет право выбрать для своего логического построения любой постулат, даже вполне идеалистический, согласно которому реальное бытие этноса не только определяется, но и порождается его сознанием. Правда, он рискует оказаться в положении Тэйяра де Шардена, которого отвергли и французские коммунисты, и католики. Ситуация аналогична. Акт творения материальной реальности приписан человеческому сознанию, поставленному выше Творца мира или на его место. С этим не согласятся католики. А философы-материалисты не примут тезиса о первичности сознания.

Но даже ученые-эмпирики не имеют права на согласие с тезисом Ю. В. Бромлея, ибо он нарушает закон сохранения энергии. Ведь этногенез – это процесс, проявляющийся в работе (в физическом смысле). Совершаются походы, строительство храмов и дворцов, реконструкция ландшафта, подавление несогласных внутри и вне создающейся системы. А для совершения работы нужна энергия, самая обычная, измеряемая килограммометрами или калориями. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии, – это значит допускать реальность телекинеза, что уместно только в фантастике.

Поясняю. Каменные блоки на вершину пирамиды были подняты не этническим самосознанием, а мускульной силой египетских рабочих по принципу: «Раз-два, взяли». И если канат тянули кроме египтян ливийцы, нубийцы, хананеяне... то дело не менялось. Роль сознания, и в данном случае не этнического, а личного – инженера-строителя, была в координации имевшихся в его распоряжении сил, а различие между управлением процессом и энергией, благодаря которой процесс идет, очевидно.

Какая же это форма энергии? Ясно, что это не механическая, хотя она проявляется в механических передвижениях – миграциях, походах, строительстве зданий, но это проявление, само-то по себе она не механическая. Ясно совершенно, что это и не электрическая: электричество ведет себя совершенно иначе, и его можно было бы засечь приборами. Совершенно ясно, что и не тепловая. Какая же это форма энергии? – размышлял автор.

У нас в Советском Союзе вышла замечательная книга – это посмертная работа В. И. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», где эта самая форма была описана [27, с. 283 и след.].

В. И. Вернадский назвал ее геобиохимической энергией живого вещества биосферы. Это та самая энергия, которая получена растениями путем фотосинтеза и затем усвоена животными через пищу. Она заставляет все живое расширяться путем размножения до возможного предела.

Один лепесток ряски в большом озере может закрыть при благоприятных условиях все озеро ряской и остановится только там, где есть берега. Одно семечко одуванчика, если не уничтожать его потомства, покроет всю Землю. Медленнее всех размножаются слоны. В. И. Вернадский в своей книге подсчитал, сколько времени потребуется для того, чтобы слоны, при нормальном темпе размножения, заняли всю сушу Земли, – 735 лет.[1]

Земля не переполнена живым только потому, что эта энергия разнонаправлена и одна система живет за счет другой, одна погашает другую. «Убивая и воскрешая, набухать вселенской душой – в этом воля Земли святая, непонятная ей самой» [32]. Теперь название этой вселенской души мы знаем – это *геобиохимическая энергия живого вещества биосферы.*

Но если двигатель событий – энергия, то она должна вести себя согласно всем энергетическим законам. Прежде всего она должна отвечать энергетическому эквиваленту, то есть переходить в другие формы энергии, скажем в механическую, в тепловую. И она переходит. В электрическую? Вероятно, тоже. Где эта энергия содержится, в каких органах человеческого тела? На это, пожалуй, могут ответить физиологи.

Очевидно, сама живая личность создает вокруг себя какое-то напряжение, обладает каким-то реальным энергетическим полем или сочетанием полей, подобно электромагнитному, состоящему из каких-то силовых линий, которые находятся не в покое, а в ритмическом колебании с разной частотой.

Закономерен вопрос: какое отношение имеет энергетическое поле человека к интересующей нас проблеме этноса и этногенеза? Для ответа на него вспомним, что **в основе этнического деления лежит разница поведения особей, составляющих этнос.** Поэтому нас интересует прежде всего то влияние, которое оказывает наличие биополя особи на ее поведение.

[1] В. И. Вернадский подсчитал, что от одной пары слонов за 740–750 лет получилось бы около 19 миллионов живых слонов [там же, с. 287].

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПАССИОНАРНОСТЬ

НЕОБОРИМАЯ СИЛА

Выше было показано, что на людей как особей вида Homo sapiens влияют физические силы, как на все организмы биосферы. Но если тепловые или электромагнитные флуктуации ощущаемы на уровне организмов, то интересующие нас биохимические факторы поддаются описанию только на популяционном уровне, то есть на уровне этносов. Хотя они проявляются в поведении отдельных людей, но только эмпирическое обобщение широкого круга наблюдений позволяет дать дефиницию, необходимую для понимания процессов этногенеза, а также связи этнических феноменов с биосферными.

Для начала отметим несомненный факт. Неравномерность распределения биохимической энергии живого вещества биосферы за историческое время должна была отразиться на поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах. **Эффект, производимый вариациями этой энергии, описан нами как особое свойство характера людей и назван *пассионарностью*** (от латинского слова ***passio*** – страсть).

Пассионарность – это характерологическая доминанта; это непреоборимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников.

Пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми, она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой психической

конституции данного человека; она не имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушения, благо и зло, исключая только равнодушие; и она не делает человека «героем», ведущим «толпу», ибо большинство пассионариев находится в составе «толпы», определяя ее потентность в ту или иную эпоху развития этноса.

Модусы пассионарности разнообразны. Тут и гордость, стимулирующая жажду власти и славы в веках, тщеславие, толкающее на демагогию и творчество; алчность, порождающая скупцов, стяжателей и ученых, копящих знания вместо денег; ревность, влекущая за собой жестокость и охрану очага, а в применении к идее – создающая фанатиков и мучеников. Поскольку речь идет об энергии, то моральные оценки неприменимы. Добрыми или злыми могут быть сознательные решения, а не импульсы.

Хотя мы можем обнаружить феномен пассионарности на отдельных людях, ярких и тусклых, но убедительнее она видна на этнической истории, когда прочие факторы взаимно компенсируются, выявляются статистические закономерности, отличающие этногенез от социогенеза и культурогенеза. При всем различии эпох и стран модель пассионарности в этногенезе одна и та же. Проследим ее на разных примерах этнической истории Востока и Запада.

ДВЕ БИОГРАФИИ

Наиболее наглядны примеры! Но я сейчас не собираюсь излагать историю проблемы – это увело бы нас слишком далеко в сторону, а изложу просто ту концепцию, которую я положил в основу своей этнической истории. Я заметил следующее: людям, как писал М. Горький, нужно кусок хлеба, крышу над головой и женщину. Нормальному человеку сверх этого ничего не надо. Это Горький писал в сочинениях «Мои университеты» и «Сторож», и это действительно кажется правильным.

Если вы, скажем, ежедневно имеете три котлеты, из которых съедаете две с половиной или даже одну и оставляете для птичек полкотлеты, то зачем вам 48 котлет? Их некуда девать!

Если вы имеете уютный домик с тремя или четырьмя комнатами, то зачем вам дворец из пятидесяти шести комнат для одного человека? Ну залы, кабинеты, но зачем такую массу, – а ведь строят.

Если вы имеете достаточно денег, чтобы удовлетворить все свои потребности – прокормить жену, детей, себя, выпить в праздник и просто вечером, как и когда вам вздумается, – и на все это денег хватает, зачем вам огромные вклады в банке? Что они вам дают? Да ничего.

И действительно, нормальное течение жизни организма как представителя вида Homo sapiens не предполагает ничего другого, кроме этого. И однако, посмотрим, как вели себя хорошо известные исторические деятели. Я имею в виду не «великих людей», а тех, от которых остались биографии. Они необязательно должны были занимать высокое положение, но биография должна быть описана четко и ясно.

Вот жил Александр Филиппович Македонский в Македонии в городе Пелла, и был он по должности царем. Должность эта оплачивалась не очень богато, поскольку Македония была страна не очень большая, но все-таки дворец у него был. Конь у него был самый лучший, Буцефал. Две собаки у него были прекрасные – Геро и Алло; их выпускали на медведя, и собака одна брала медведя. Могучие собаки.

Мраморный бюст Александра Великого

Друзей у него было много, и хорошие друзья, а приближенные царя назывались «товарищи» – гетеры; например, товарищ Парменион или товарищ Филота – гетеры. Это была очень высокая должность – «товарищ», и их было немного, но опять-таки для охоты и для всякого рода веселого времяпрепровождения хватало. Развлечения у царя тоже были в избытке, потому что в македонянках, гречанках и ливийках недостатка не ощущалось.

Для интеллекта у него был такой собеседник, какого не имел никто другой в мире, – Аристотель. Его наняли, и он был учителем царя, а такого даже английская королева Виктория не могла позволить для своего сына Георга.

Спрашивается: и чего ради Александр Филиппович пошел сначала на Грецию, потом на Персию, потом на Среднюю Азию, а потом на Индию? Чего ему не хватало? Обычно говорят, что на Александра Македонского оказал влияние греческий торговый капитал. И хотя капитала тогда не было, но действительно были торговые круги Греции, которые стремились захватить персидские рынки. В Греции было довольно большое количество людей, умевших торговать. (Греки и до сих пор здорово торгуют.) Жили они в Афинах и в Коринфе, но ведь Афины и Коринф выступали против Александра Македонского, а не за него. Ему пришлось взять Фивы, принудить к капитуляции Афины, для того чтобы обеспечить свой поход, то есть как раз эти заинтересованные якобы круги купеческого капитала были против войны с Персией. И действительно, зачем им было воевать с Персией, когда они могли совершенно спокойно с ней торговать. Завоевывать ее было не надо.

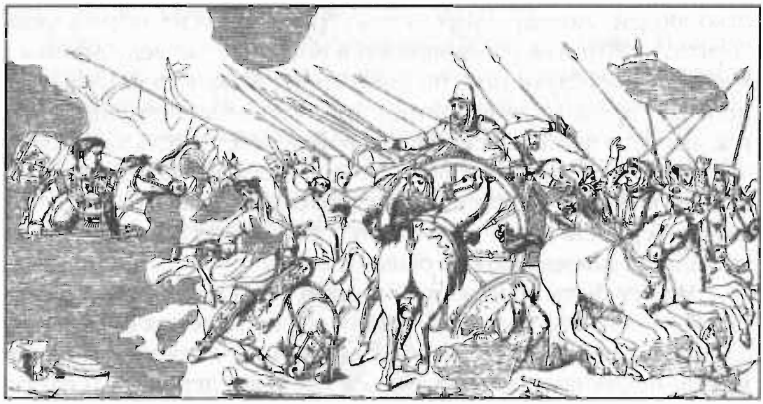
Может быть, македоняне хотели сами невероятно разбогатеть? Но как раз все источники, все сообщения о личности Александра говорят, что только его личное обаяние заставило македонских крестьян подняться из своих деревень и отправиться в поход против персов, которые, между прочим, македонянам ничего плохого не сделали, и никакого ожесточения против персов у них не было.

Так как македонян для похода не хватало, Александру пришлось привлечь греков, но для того, чтобы иметь возможность навербовать там воинов, надо было завоевать Грецию. Вот каков был обходной путь. Александр взял Фивы, в то время самый укрепленный, самый стойкий из городов. Перебили в Фивах почти все население, мужчин во всяком случае, женщин и детей продали в рабство и сохранили только один дом поэта Пиндара, потому что Александр был человек культурный, интеллигентный и дом оставил как памятник, а все прочие были сровнены с землей. Для чего? Для того, чтобы напасть на ничего не подозревавших и ничего ему не сделавших персов.

Но даже когда македоняне захватили Малую Азию и разорили там такие города, как Эфес, Галикарнас, сопротивлявшиеся до последней стрелы, они уничтожали там не персидские гарнизоны, а греческих наемников, которые сражались за персидского царя, против македонского захватчика.

Довольно странная, казалось бы, война. Самое главное, что она никакого смысла для Македонии, да и для Греции, не имела. Тем не менее, захватив побережье Малой Азии, что могло быть объяснено, допустим, стратегическими целями, стремлением расшириться немножко, создать места для колонизации, Александр отправился в Сирию.

При Иссе он разгромил войско Дария, который бежал, а его жена и дочка попали в плен. Александр по-рыцарски обошелся с этими дамами. На дочке женился (хотя у него уже была жена, он взял другую) и пошел завоевывать дальше Палестину и Египет.



Битва при Иссе. *Мозаика, найденная в Помпее*

И тут пришлось ему взять Тир, который согласился подчиниться, но отказался впустить македонский гарнизон. Казалось бы, изолированный город на острове, никакой опасности не представляющий, юридически подчиняющийся, может остаться без внимания армии, которая ставит себе совершенно иные цели. «Нет, – сказал Александр, – взять Тир!» Тир пал впервые за всю свою историю, ни одного живого тирянина-финикийца не осталось. Масса македонян погибла, потребовалось подкрепление из Македонии и Греции. Набор за набором вытягивали оттуда людей.

Заняли Египет. Ну, казалось бы, хорошо, чего больше? Заложили Александрию – прекрасно! Дарий предлагает мир и уступает все земли к западу от Евфрата. Парменион говорит: «Если бы я был Александром, я бы на это согласился». Александр отвечает: «И я бы на это согласился, если бы был Парменионом. Вперед, на восток!»

Все в ужасе и удивлении. Неизвестно зачем идут на восток, разбивают персидскую армию на широкой равнине Гавгамел между Тигром и Евфратом, вторгаются в Персию через проходы, теряя людей, потому что персы сопротивлялись отчаянно, но их просто мало было. Берут город Персеполь, по-персидски называемый Истахр, устраивают по этому поводу большой банкет и спьяну поджигают великолепный дворец персидского царя – дивное произведение искусства. Вот и весь смысл похода. Александр объясняет это тем, что когда-то давно, во время греко-персидских войн, персы сожгли афинский Акрополь; так вот он им отплатил. Но и афиняне за это время успели отстроить Акрополь – из деревянного сделали мраморный, и персы уже забыли про тот поход, в котором они были разбиты и принуждены отступить. Для чего все это?

Об этом и современники не раз спрашивали Александра. Он говорил: «Нет, нет, с Персией надо покончить». «Ну ладно, – думают, – может быть, действительно царь такой умный, что он хочет покончить с врагами, а то те на нас нападут». И идет наступление через восточные пустыни Ирана. Жара, жажда мучит, духота, пыль, всадники наскакивают внезапно, стреляют из длинных луков, а македоняне за ними угнаться не могут, падают, отбиваются.

В общем, Дария III убили собственные люди, македоняне поймали убийцу, распяли его на кресте. Ну успокойся на этом. «Нет, – говорит, – за рекой Оксус лежит Согдиана (то есть Средняя Азия). Мы должны взять все эти города».

Ему говорят: «Александр, побойся бога». – «А как я могу бояться бога? – говорит. – Когда я был в Египте, мне объяснили, что мой отец – это бог Зевс». «Брось, – говорят, – царь, да ведь я сам стоял на часах, когда твой отец Филипп ходил к твоей матери. Какой у тебя отец Зевс? Что ты на мать клевещешь?» – «А, – говорит, – не признаете! Ну я вам покажу. Вперед!»

Один за другим падают среднеазиатские города. Сопротивлялись они отчаянно, так, как не сопротивлялся Запад, так, как не могли сопротивляться персы. Самарканд, например, отпраздновал свой юбилей, юбилей вы думаете чего? – разрушения его македонскими войсками?! И македоняне двигаются дальше, беспощадно расправляясь с местным населением.

Доходят до Сырдарьи. Неукротимые отступившие персы и согдийцы уходят за Сырдарью и начинают вести партизанскую войну. Со степной партизанской войной македоняне не могут справиться и решают захватить горные районы современного Афганистана – Бактрии, а там горы высокие, крутые, отвесные,

на высоте стоят замки, к которым ведут тропинки, вырубленные в скале так, что может пройти только один человек. Сколько бы человек по этой тропинке ни пускали, один, стоящий у ворот, их всех убьет. То есть замки фактически неприступны. Пища впрок заготовлена, дожди там идут часто, так что в большие бассейны, в цистерны собирают воду. А осаждающим в ущельях есть нечего.

Александр приказал взять замки, но как? Нашли выход. Поймали красавицу Раушанак – в переводе «Блистательная», но всем она известна как Роксана, и Александр на ней женился, а замки обложил, не давая людям оттуда выйти; а им тоже сидеть в осаде неохота. Сказали: «Ах, он женился на нашей княжне, а первых жен в сторону. Если так, тогда он наш родственник, тогда мы согласимся ему подчиняться, только чтобы он к нам в замки не ходил». Ну, тут он согласился, потому что ему предложили завоевать Индию.

Там шла междоусобная война, он помог слабейшему, победил сильного, разгромил его пехоту и боевых слонов. Потери были большие, но слонов македоняне сумели обезвредить следующим образом: десяток наиболее храбрых юношей с тяжелыми ножами бегут на слона и пробегают между его ног; слон их давит и хоботом ловит, но из десяти один успевает добежать до задних ног и перерезать поджилки. Все! Со слоном кончено. Довольно невыгодный способ войны, но тем не менее победа была одержана, и Александр пошел дальше, в Бенгалию.

В Бенгалии подняли шум индусы, что идет какой-то страшный завоеватель, который все уничтожает. Брамины объявили священную войну, в джунглях забили барабаны, и македонский лагерь оказался окруженным. Тут солдаты заорали: «Царь! Куда ты нас ведешь? Что нам сделали эти индусы? Зачем они нам? Мы ничего от них не хотим, мы даже добычу, которую берем в этих отдаленных странах, не можем отправить по почте домой, потому что посылки крадут интенданты по пути. Эта война нам совершенно не нужна, веди нас назад. Царь, мы тебя любим, но хватит!»

Александр долго их уговаривал, но потом принужден был смириться перед волей всего войска, причем ни одного человека не было, который бы поддержал своего горячо любимого царя. Гетеры – его товарищи – были отнюдь не подхалимы. Они резали ему правду в лицо и говорили: «Незачем идти, гибель будет», указывали на превосходящие силы противника и, самое главное, на бессмысленность войны. С огромными потерями

при отступлении вдоль Инда, когда пришлось брать каждый город, пробилась македонская армия к устью Инда, раненых и больных положили на корабли и отправили через Персидский залив. По дороге они массами умирали от жары и от безводья. Здоровые пошли через Керманскую пустыню; кое-кто дошел до Месопотамии.

Царя пришлось везти, потому что в одном городе, название которого не сохранилось, он произвел следующий эксперимент (расскажу, поскольку это для нас важно). Город отказался открыть ворота македонянам и сдаться. Тогда подтянули лестницы и поставили их к стенам, чтобы штурмовать город. Но лестницы оказались коротки, только одна была длинная. Царь первый полез по этой длинной лестнице, вскочил на стену. За ним лезут воины. Успели за ним вскочить еще четыре человека, но лестница подломилась, и все воины упали. Ничего особенного – высота была не такая большая, но царь-то оказался на стене вражеского города один, и в него стреляют. Он посмотрел, увидел какой-то дворик внизу и спрыгнул в него; за ним спрыгнули один сотник и два его гетера – Птолемей и Селевк – и еще четвертый, но четвертого сразу убили.

Тут воины вдруг увидели, что этот самый царь, который их завел в Индию, который заставлял их терпеть невероятные лишения, подвергал их смертельным опасностям без всякой пользы, сам в опасности. Возник порыв! Македоняне вырвали какие-то деревья, какие-то палки связали. Полезли на стену. Влезли и смотрят – царя уже ранили метательными камнями. Он лежит почти без чувств, Селевк и Птолемей держат над ним щиты и своими короткими мечами отбивают индусов, а четвертый, сотник, лежит вниз лицом уже убитый. «Ах так, царь в опасности – ребята, бей!» От города даже имени не осталось! Но Александр не мог оправиться от этой раны; она его мучила до конца дней. Вернулся он почему-то в Вавилон, который был уже заброшенным городом, но с историческими традициями, неудобный как столица, но шикарный. Александр объявил его столицей своей империи и вскоре умер.

А теперь попробуем разобраться, чего ему, Александру, было надо. Это вопрос, с которого я сам начал свое исследование. Александр говорил, а Арриан записал, что нужна была ему слава, что он хотел так прославиться и прославить свой народ, чтобы о нем говорили потомки в веках и по всему миру. И этой цели он достиг.

Но вот вопрос: а что такое слава? «Ни съесть, ни выпить, ни

поцеловать». Для чего она? Она ничего не обеспечивает, ни своей жизни, ни богатства, ни потомства. Для нее Александр умер в 33 года от истощения, возможно даже от яда, оставив потомство, обреченное на гибель, потому что его детей прикончили его полководцы, разделившие доставшееся им наследие. И несчастных жен его убили. Для чего он все это делал?

После смерти Александра схватились между собой его полководцы-диадохи – это была страшная война. И империя развалилась. Казалось бы, он не достиг ничего. Но имя его мы знаем, биография его сохранилась. А он этого и хотел. Чего? Иллюзии! Может быть, богатства? Александр щедро раздавал богатства. Нет, он не хотел богатства для себя.

А те люди, которым он раздавал награбленное золото, вернувшись домой, что с этим золотом делали? Да пропивали! Ведь это же солдаты, уставшие после походов, им незачем было копить – завтра опять позовут их в бой, зачем собирать имущество? И они бросали непропитое золото, раздавали его своим подружкам и шли воевать снова, причем на этот раз они уже воевали друг против друга – одни за Антигона, другие за Селевка, третьи за Птолемея, четвертые за Пердикку и т. д., и никаких лозунгов им не выкидывалось, а просто говорилось: «Братцы, наших бьют». И этого было достаточно.

Значит, Александр стремился к иллюзии. Но, может быть, это исключительный случай? Давайте присмотримся, может быть, речь идет о каком-то фантастическом, сумасшедшем царе, который использовал свое служебное положение во зло своему народу и всем окружающим? Возьмем кого-нибудь другого, биография которого тоже хорошо известна (лучше известны, между прочим, биографии людей древности, чем средневековья).

Вот Рим, выигравший только что страшную Пуническую войну, победивший Карфаген, захвативший всю Италию. Богатый город, растущий, с дворцами, с веселыми площадями, где шутили мимы, где показывали забавные фокусы, с театрами, где великолепные актеры надевали маски, а актрисы плясали на канатах цирка... Жил в этом городе аристократ Луций Корнелий Сулла. Все у него было, и сам он был человек веселый и остроумный, и храбрый, и красивый. И приятели у него были, и еще больше приятельниц, но жизнь ему была не в сладость, потому что Рим вел войну с нумидийским царем Югуртой где-то далеко в Африке и победы одерживал там народный трибун Кай Марий.

Марий был человек коренастый, рыжеватый, с широким лицом, грубый, отнюдь не остроумный, но очень умный, прекрасный организатор, великолепный вождь; связан он был со всадниками, то есть с богатыми людьми Рима, которые давали ему деньги под эти военные операции, а он возвращал их с процентами, грабя побежденных, и себе оставлял достаточно. Марий считался первым полководцем и умнейшим человеком в Риме.

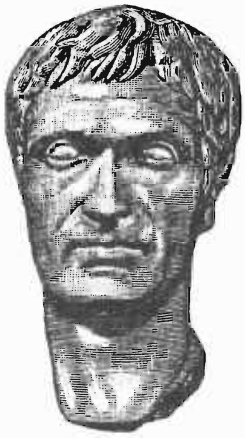
И Суллу заело – почему Марий, а не я? И вот что он сделал: попросился к Марию офицером. Ну, это можно было устроить, и ему устроили (связи у него в Сенате были большие), послали его. Марий ему говорит: «Пожалуйста, останьтесь при штабе, Луций Корнелий». А тот говорит: «Нет, а мне бы на передовую». – «Странно, но если хотите, то поезжайте».

Поехал и совершил чудеса храбрости: в атаке своей римской конницей опрокинул нумидийскую конницу. Причем, откуда он достал римлян, которые так хорошо умели ездить верхом, не знаю, никто не объясняет. Но он как-то сумел воодушевить свою конницу настолько, что она сломила свирепых берберов – предков нынешних алжирцев. Югурта бежал в Марокко к мавританскому царю Бокху. Сулла отправился туда как парламентер и потребовал выдачи Югурты, пригрозил Бокху, так сумел его запугать, что ему выдали гостя в цепях, что для Востока считалось самым страшным и позорным. Он привез несчастного Югурту в Рим. Запихали его в подземную темницу, заткнули камнем, и до сих пор Югурта там.

Какая выгода была от этого Сулле? Деньги? Нет. Деньги получил Марий. Весь поход он собирал контрибуции с населения, страшно грабил всех, все деньги попадали к нему, он их и распределял. Сулла ничего не получил, только какие-то наградные, мелочь, которые в его бюджете ничего не значили. Но он получил возможность ходить по Форуму в толпе и говорить: «Нет, все-таки Марий дурак, а герой-то я». И больше ничего!

Ну, некоторые подпевали: «Да Сулла-то наш – молодец!» А некоторые говорили: «Да ну его – хвастунишка. Вот Марий!» И Суллу это злило еще больше. Поэтому когда кимвры и тевтоны (кимвры – это галлы, кельты, а тевтоны – германцы) перешли через проходы в Альпах, ворвались в Северную Италию, чтобы уничтожить Рим, и против них были брошены все римские войска, то Сулла попросился опять. Ему сказали: «Ну, ладно, раз ты такой смелый – давай!» Он отправился, вызвал вождя кимвров на поединок и перед войском его заколол. Отчаянный

жест! После этого римляне одержали победу. Сулла явился и говорит: «Ну что, видели? Ну что ваш Марий? Мешок он на ножках, а вот я!!!» И никакой другой выгоды от этого не имел.



Мраморный бюст Суллы

После этого случилось для римлян несчастье. Надо сказать, что они вели себя в завоеванных странах по-хамски, обдирали население, как могли, и поэтому никакой популярности у них не было. И когда царь понтийский Митридат выступил против Рима как освободитель Востока, то ему удалось перебить огромное количество римлян, рассеянных в Малой Азии и в Греции.

Война эта была, с нашей точки зрения, странная. Понтийское царство включало в себя: восточную часть южного берега Крыма, примерно от Феодосии до Керчи, Таманский полуостров и узкую полоску южного берега Черного моря, там, где Трапезунд и Синоп, между горами и морем. И вот это царство выступило воевать против всей Римской республики, которая уже включала в себя кроме Италии, Греции и Северной Африки Испанию и часть Галлии – Южную Францию. Казалось бы, война неравная, но тем не менее Митридат имел огромные успехи.

Сулла потребовал, чтобы его послали на эту войну, и его было назначили полководцем, но тут Сенат сказал: «Хватит, дай поработать и другим». И назначили кого-то другого – ставленника Мария. Сулла обиделся, вернулся в свой лагерь, к солдатам, которых он хотел вести воевать, и обратился к своему легиону, объявив: «Солдаты! Нас отставили от похода». Те в ответ: «Как? Что? Ах, как досадно! Вот мы думали сходить на войну».

(Тогда к войне было совсем иное отношение, чем сейчас, тогда люди хотели попасть на войну, а не бежали от нее.) Сулла говорит: «Что? И вы так разговариваете, квириты (то есть граждане – этим он их страшно оскорбил, он должен был их назвать милитес – воины)». Те: «Почему ты смеешь нас так называть?» «Потому, что вы дерьмо, – сказал им Сулла, – сидят там старые идиоты в Сенате, под дудку Мария принимают решения, а мы что, терпеть будем?» Те сказали: «Нет, не будем терпеть. Веди!» И Сулла скомандовал им: «В поход! В ряды! Шагом марш на Рим».

Рим был довольно далеко. Там узнали, что Сулла идет наводить порядки со своим легионом. Рим огородился баррикадами. Подошли к баррикадам вечером. Сулла приказал зажечь факелы, снял шлем, чтобы было видно, что он идет впереди штурмовать свой родной город. Сломал баррикады, не боясь ничего, вошел в Сенат, потребовал, чтобы собрались сенаторы и изменили свое решение и его, Суллу, послали бы на Восток воевать против Митридата и его войска.

Сенат послал Суллу, и он действительно победил Митридата, разрушил Коринф, захватил Афины, уничтожил массу культурных ценностей, а Марий за это время произвел государственный переворот, взял власть в свои руки и стал истреблять всех знакомых Суллы. А так как людей у Мария не хватало, то он вооружил и собственных рабов, дал им в руки оружие и велел им бить своих противников – свободных рабовладельцев. Рабы рады! Они как поймают кого, так засекают розгами до смерти – и сенаторов, и всех, кто голосовал за Суллу.

А Сулла был связан – он воюет, ему вернуться нельзя. Но когда Сулла победил, он вернулся обратно в Италию, переплыл через Адриатическое море и начал войну против марианцев со своими легионерами – ветеранами, боевыми товарищами. Он победил Мария, Марий убежал и погиб где-то в Африке, за развалинами Карфагена. И тогда Сулла сказал: «Нет! Такого безобразия, как Марий, я не допущу. Я знаю, кого надо убивать. Вот списки людей, которых надо убить, – проскрипции; вот этих можно, а всех прочих – нельзя». Но в проскрипциях было столько людей, что хватило надолго. Перебили. Сулла был объявлен пожизненным диктатором Рима. Некоторое время побыл им, и любопытно, чем он кончил? Он сказал: «Теперь порядок наведен, мне надоело вами управлять, я пойду домой. Возвращаю власть Сенату, восстанавливаю Республику». Сложил с себя власть и пошел домой пешком. Какой-то молодой хам стал его страшно поносить. Сулла только посмотрел на него и говорит: «Знаешь, из-за таких, как ты, следующий диктатор уже

не снимет с себя власть». И ушел домой, где довольно быстро умер.

Тот же самый вопрос: для чего он все это затевал? Чего ему надо было? Он объяснил это сам, и Плутарх записал: зависть у него была сначала к Марию, а потом, во время Восточного похода, к Александру Македонскому. Он хотел превзойти Александра Македонского. Это, конечно, было невозможно, но, во всяком случае, желание такое у него было, и ради этого он пожертвовал и Афинами, и Пергамом, и жизнью многих греков, и своими друзьями, и своими легионерами, и всем на свете пожертвовал бы.

А потом, когда он удовлетворил свое желание и решил, что о нем уже не забудут (и ведь действительно не забыли, помним), он пошел домой. И там тихо и спокойно развлекался, как всякий богатый римлянин: вино пил, принимал у себя гостей, сам ходил в гости. И вскоре умер, потому что заразился на Востоке очень тяжелой инфекционной болезнью. Он даже жизнью пожертвовал для удовлетворения... чего? Своей прихоти? Но ведь из-за этого какие события произошли – грандиозные!

Я бегло описал две биографии людей, так сказать высокопоставленных. Это вовсе не значит, что люди этого типа и этого склада обязательно должны занимать высокое положение, просто о них сохранились сведения в истории. Забыто о массе других, которые поддерживали Александра или мешали ему, которые поддерживали Суллу или Мария. И которые тоже делали это вопреки своим интересам, потому что всегда можно было легко отстраниться от политики, не делать вовсе ничего, а сидеть дома, гонять свиней в дубравах, возделывать поле, смотреть с собственной милой женой на закат, нянчить ребятишек. Такого человека никто бы не трогал. Но почему-то появлялись люди, которые требовали для себя чего-то большего. Они-то и производили шум в истории.

ИМПУЛЬС ОДИН – ЦЕЛИ РАЗЛИЧНЫ

И если мы обратимся к более поздним временам, увидим то же самое. Вот, например, завоевание Испанией Америки. Кто шел в конкистадоры, кто ехал после Колумба за море с Кортесом, Писарро, Кесадой, Карвахалем, Вальдивией в страшные американские джунгли Юкатана, в благословенное Чили, где

арауканы победили испанцев и сохранили свою независимость до освобождения Америки и до создания Чилийской республики. Самое опасное место было в Чили. Индейские женщины очень красивы, и поэтому испанцы, которые воевали против арауканов – насельников Южного Чили, женились на местных женщинах.

Но зачем они туда пошли? Я посмотрел статистику. Статистика эта, правда, касается не Америки, а Филиппин – другой испанской колонии. Так вот: 85% приезжавших испанцев умирало в первый же год – от болезней, от недоедания, некоторых убивали в стычках с туземцами, некоторых – в скандалах с начальством, потому что в этих отдаленных местах произвол начальства был невероятный и любой неугодный человек мог быть осужден за что угодно и казнен.

В общем, 85% шли на смерть, а из тех 15%, которые возвращались, вероятно, 14% были безнадежно больны, потому что настолько переутомлялись, что уже любой грипп мог человека свалить и дать хроническую болезнь.

Да, золото они привозили, но это золото им было не на что тратить, ибо золота стало столько, что в Испании дико вскочили цены и на вино, и на оливки, и на хлеб, и на ткани... То есть выгоды от этих походов не было. Но была алчность. Алчность их точила – получить золото, которое само по себе и не нужно, но важно как знак твоих подвигов, как знак свершения.

Бывало и по-другому. В свое время меня, например, очень удивили описания путешествий Орельяны – это испанский капитан, открывший Амазонку. Они воевали там с индейцами в районе современного Эквадора, на склонах Анд. Орельяна спустился на восток, увидел, что текут большие реки, и, решив узнать, куда эти реки текут, увлек за собой свой отряд. Пищи почти не было, снабжение там было очень плохое, а переходы длинные. Индейцы, из которых они делали носильщиков, от непосильного труда умирали в большом количестве. Но тем не менее Орельяна увлек весь свой отряд, в котором были и интеллигентные люди, которые оставили записи, например капеллан отряда Гаспар де Карвахаль. Он вел дневник, и это было его главное занятие. Сейчас этот дневник опубликован.

Они спустились по Амазонке, причем им встречались там разного рода индейские деревни. По рассказам Карвахаля, это были большие поселения, не такие, как сейчас, а гораздо больше, но там жили самые примитивные индейцы, у которых никакого золота не было. Откуда в Амазонии золото?! «Так мы, – писал этот падре, – мы золото-то особенно и не искали, мы

искали, что покушать; голодные плыли на лодках и на плотах по реке, самой большой и многоводной в мире». И наконец выплыли – больные, усталые, замученные, напуганные страшными аллигаторами, огромными анакондами, которые заглатывают и больших аллигаторов, а уж человека большой анаконде ничего не стоит проглотить. В общем, выплыли в море, добрались до испанских колоний на острове Кубагуа, к поселку Новый Кадис и отдохнули.

Орельяне дали титул маркиза за открытие этой огромной реки, дали наградные, потому что у него никаких своих богатств не было. Что же сделал Орельяна после этого? На полученные деньги снарядил новую экспедицию и отправился снова на Амазонку. Но уже не вернулся. Зачем?

Обратим внимание на то, как проявляют себя такого типа люди в зависимости от тех целей, к которым они стремятся. Ведь не все они хотят лидерствовать и быть вождями. Вот Ньютон. Он потратил свою жизнь на решение двух кардинальных научных проблем – создание механики и толкование Апокалипсиса, только это его и интересовало. Жены не завел, богатства не накопил, ничем не интересовался, кроме своих идей, жил дома с экономкой и работал. И когда король Англии Карл II сделал его пэром, он, как добросовестный человек, ходил в парламент и высиживал там все заседания (я бы на его месте этого не делал), но за все это время он сказал там только два слова: «Закройте форточку». Все остальное его не интересовало.

Вот пример человека, который отнюдь не стремился к лидерству, но вместе с тем он вел полемику, спорил, доказывал свою правоту. Он был искренний протестант и враг католиков, то есть у него были все человеческие качества, но целью его жизни была жажда знаний, которую мы можем назвать модусом алчности. Скупой рыцарь собирал деньги, а Ньютон собирал знания: тот и другой были алчными, но не тщеславными.

И наоборот, мы можем найти сколько угодно актеров, которые безумно тщеславны, или поэтов, которые ради своей популярности готовы пожертвовать всем, чем угодно. Немножко изменяя своему хронологическому принципу, приведу вполне известный пример: Иван Сергеевич Тургенев. Сначала он писал небольшие жеманные рассказы, которые в 40-х – начале 50-х годов имели большой успех, а когда люди увлеклись общественными темами, он почувствовал, что интерес к нему слабеет. Тогда он решил овладеть умами молодежи и бахнул «Рудина», потом «Накануне», потом «Отцы и дети» и пошел. Романы были так себе, но дело не в этом, а в том, что модусом его

страстности было тщеславие, и он пожертвовал, вообще говоря, всеми своими человеческими способностями для того, чтобы добиться окончательного и бесспорного успеха у молодежи, которая была законодателем вкусов и мод. Кончилось это для него печально.

После Пушкинского юбилея 1880 г., когда лавры кумира читающей русской публики неожиданно для Тургенева перешли к Федору Михайловичу Достоевскому, в письме к В. Н. Боткину он написал, что вот ему не везет, денег из имения поступает мало, Виардо ему изменяет, публика его не понимает и не принимает (а она действительно его не приняла после Базарова), и он едет в имение, чтобы навсегда оставить мечту – дальше самое важное – «о счастье, под которым я понимаю легкое расположение духа, проистекающее из сознания удовлетворительного течения дел». Типичная психология человека тщеславного. Ему надо, чтобы его хвалили.

История зафиксировала и крайне экстремальные случаи поведения людей, когда они до такой степени влюбляются в свой идеал, что жертвуют ради него жизнью, а это совсем нецелесообразно с нормальной точки зрения. Жанна д'Арк была девушкой очень впечатлительной и очень патриотической. Несмотря на то что она по-французски плохо говорила, она решила спасти Францию, и, как известно, она ее спасла. Но все-таки после того, как она освободила Орлеан и короновала Карла в Реймсе, превратив его из дофина в законного короля, она попросила, чтобы ее отпустили. Она не стремилась к тому, чтобы занять место при дворе. Ее не отпустили, и дальнейшая ее судьба была печальна.

Жанна д'Арк. *Деталь памятника в Орлеане*

Я попытался показать, что *есть* люди, которые стремятся в большей или меньшей степени к идеальным иллюзорным целям. Мнение, что все люди стремятся исключительно к личной выгоде и что если они рискуют жизнью, то только ради получения денег или прочной материальной выгоды, – это мнение не Маркса с Энгельсом, а барона Гольбаха, французского материалиста XVIII в., который считается вульгарным материалистом и никакого отношения к марксизму не имеет. Это тот материализм, который Марксом и Энгельсом преодолен.

А если так, то мы можем совершенно спокойно поставить вопрос о том, как же понять это самое «что-то» – качество, толкающее людей на следование иллюзорным, а не реальным целям. Что это за страсть, которая иногда оказывается сильнее самого инстинкта самосохранения. От слова «страсть» (латинское «passio») я это качество и назвал *пассионарностью,* а его носителей – *пассионариями.*

СТЕПЕНИ ПАССИОНАРНОСТИ

Несомненно, что подавляющее число поступков, совершаемых людьми, диктуется инстинктом самосохранения, либо личного, либо видового. Последнее проявляется в стремлении к размножению и воспитанию потомства.

Однако пассионарность имеет обратный вектор, ибо заставляет людей жертвовать собой и своим потомством, которое либо не рождается, либо находится в полном пренебрежении ради иллюзорных вожделений: честолюбия, тщеславия, гордости, алчности, ревности и прочих страстей. Следовательно, мы можем рассматривать пассионарность как антиинстинкт, или инстинкт с обратным знаком.

Как инстинктивные, так и пассионарные импульсы регулируются в эмоциональной сфере. Но ведь психическая деятельность охватывает и сознание. Значит, нам следует отыскать в области сознания такое деление импульсов, которое можно было бы сопоставить с описанным выше. Иными словами, все импульсы должны быть разбиты на два разряда: *а*) импульсы, направленные к сохранению жизни, и *б*) импульсы, направленные к принесению жизни в жертву идеалу – далекому прогнозу, часто иллюзорному.

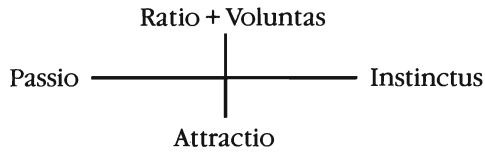
Для удобства отсчета обозначим импульсы «жизнеутверждающие» знаком плюс, а импульсы «жертвенные», естественно,

знаком минус. Тогда эти параметры можно развернуть в плоскостную проекцию, похожую на привычную систему Декартовых координат, причем отметим, что «положительные» – это не значит «хорошие» или «полезные», а «отрицательные» – «плохие», ведь в физике катионы и анионы, а в химии – кислоты и щелочи качественных оценок не имеют.

Вообще надо отметить, что только в общественной форме движения материи есть смысл противопоставлять прогресс застою и регрессу. Поиски осмысленной цели в дискретных процессах природы – неуместная телеология. Как горообразование в геологии ничем не «лучше» денудации или зачатие и рождение – такие же акты жизни организма, как смерть, так и в этнических процессах отсутствует критерий «лучшего». Однако это не значит, что в этногенезе нет системы движения и даже развития, это значит лишь, что нет «переда» и «зада». В любом колебательном движении есть только ритм и большая или меньшая напряженность. Так условимся же о терминах.

Положительным импульсом сознания будет только безудержный эгоизм, требующий для осуществления себя как цели рассудка и воли. Под рассудком мы условимся понимать способность *выбора* реакции при условиях, допускающих это, а под волей – способность производить поступки согласно сделанному *выбору*. Следовательно, из этого разряда исключаются все тактильные и рефлекторные действия особей, равно как и поступки, совершенные по принуждению других людей или достаточно весомых обстоятельств. Но ведь внутреннее давление – императив либо инстинкта, либо пассионарности – также детерминирует поведение. Значит, и его надо исключить наряду с давлением этнического поля и традиций. Для «свободных» или «эгоистичных» импульсов остается небольшая, но строго очерченная область, та, где человек несет за свои поступки моральную и юридическую ответственность.

Тут мы опять сталкиваемся с невозможностью дать дефиницию, практически ненужную. Коллективный опыт человечества четко отличает вынужденные поступки от преступлений. Убийство при самозащите отличается от убийства с целью грабежа или мести, обольщение – от изнасилования и т. д. В середине прошлого века делались попытки отождествить такие поступки, но это было беспочвенное резонерство. В наше время очевидно, что, сколь бы ни была разумна забота человека о себе, она не дает ему основания сознательно нарушать права соседей или коллектива.



Психологическая классификация на уровне организмов

«Разумному эгоизму» противостоит группа импульсов с обратным вектором. Она всем хорошо известна, как, впрочем, и пассионарность, но также никогда не выделялась в единый разряд. У всех людей имеется искреннее влечение к истине (стремление составить о предмете адекватное представление), к красоте (тому, что нравится без предвзятости) и к справедливости (соответствие морали и этики). Это влечение сильно варьирует в силе импульса и всегда ограничивается постоянно действующим «разумным эгоизмом», но в ряде случаев оказывается более мощным и приводит к гибели не менее неуклонно, чем пассионарность. В сфере сознания оно как бы является аналогом пассионарности и, следовательно, имеет тот же знак. Назовем его *аттрактивностью* (от латинского «attractio» – влечение).

Природа аттрактивности неясна, но соотношение ее с инстинктивными импульсами самосохранения и с пассионарностью такое же, как в лодке соотношение двигателя (мотора) и руля. Равным образом соотносится с ними «разумный эгоизм» – антипод аттрактивности.

Поэтому мы можем положить выделенные нами разряды импульсов на оси координат: подсознание – на абсциссу, сознание – на ординату (см. рис.). Тогда мы получим психологическую классификацию, пригодную для решения нашей задачи.

Но нужно ли такое сложное построение и для чего?

СООТНОШЕНИЕ РАЗРЯДОВ ИМПУЛЬСОВ

В биологической природе инстинктивных импульсов можно не сомневаться. Как желание долго жить, так и тяга к воссозданию себя через потомство – биологический признак, свойственный человеку как виду. Но если так, то его величина (в смысле воздействия на поступки особи) должна быть стабильна. Это значит, что тяга человека к жизни у всех людей, живущих, живших и имеющих жить, в каждом отдельном случае одна

и та же. На первый взгляд это противоречит наблюдаемой действительности.

В самом деле, есть сколько угодно людей, не ценящих жизнь настолько, что они идут добровольно на войну; бывают случаи самоубийства; родители сплошь и рядом бросают детей на произвол судьбы, а иной раз и убивают. И это наряду с дезертирами, уклоняющимися от войны; с теми, кто ради спасения жизни терпит всевозможные оскорбления, унижения и даже рабское состояние; родителями, отдающими жизнь за детей, часто недостойных и неблагодарных. Огромный разброс данных!

Не напоминает ли это мнение древних о том, что тяжелые тела падают быстрее легких? Только опыт Галилея доказал, что сила тяжести равно действует на пушинку и чугунное ядро, а разница в скорости падения зависит от постороннего явления – сопротивления воздушной среды. То же самое имеет место в проблеме, занимающей наше внимание.

На рисунке на той же линии лежит обратный импульс пассионарности. При алгебраическом сложении он погашает ту или иную часть положительной абсциссы, а иногда даже всю. Величина импульса «Р» (пассионарного напряжения) может быть меньше импульса инстинкта (величина, которую удобно принять за единицу), равна ему и больше его. Только в последнем случае мы называем человека пассионарием.

При равенстве величин – идеально гармоническая личность, что-то вроде Андрея Болконского. Я беру в качестве примера такого литературного героя, который все выполняет очень хорошо. Он и прекрасный полковник, и заботливый помещик, хранитель своей дворянской чести, верный муж своей первой жены, верный жених своей новой невесты. Абсолютно *гармоническая личность*, причем и работает он хорошо – не за страх, а за совесть, но ничего лишнего он не сделает; это вам не Наполеон, который так же, как и Александр Македонский, неизвестно для чего завоевывал страну за страной и даже такие страны, которые он явно не мог удержать, например Испанию или Россию.

Наполеон бросал людей на смерть ради иллюзии, ради славы Франции, как он говорил, а по существу – ради собственного властолюбия. Андрей Болконский ничего такого не сделает. Он хороший человек, у него все приведено в ажур, он делает только то, что надо, и делает хорошо; достойный уважения человек.

Но есть еще и *субпассионарии*, у которых пассионарность меньше, чем импульс инстинкта. Для иллюстрации опять-таки

приведу литературные образы, всем хорошо известные, – это герои Чехова. У них как будто все хорошо, а чего-то все-таки не хватает: порядочный, образованный человек, учитель, но... «в футляре»; хороший врач, много работает, но... «Ионыч». И самому ему скучно, чеховскому герою, и кругом него всем скучно. Все чеховские персонажи, или почти все, которых я помню, – это образы субпассионарные. У них тоже есть кое-какие пассионарные замыслы. И такие герои мечтают... выиграть, например, у соседа партию в шахматы, это удовлетворяет их тщеславие.

Наличие субпассионариев для этноса так же важно, как и наличие пассионариев, потому что они составляют известную часть этнической системы. Если их становится очень много, то они начинают резко тормозить своих духовных и политических вождей, твердя им: «Что вы, что вы, как бы чего не вышло». С такими людьми совершенно невозможно предпринять какую-нибудь крупную акцию. Об акции агрессивного характера здесь уже и говорить нечего, также и оборонительного; эти люди и защищать-то себя не могут.

Впрочем, и субпассионарии – разные. Доза пассионарности может быть столь мала, что не погашает даже самых простых инстинктов и рефлексов: вот, хочется человеку выпить, а у него только рубль, он бежит и скидывается «на троих», чтобы только выпить, а этот рубль у него последний, и дадут-то ему выпить чуть-чуть, и, в общем, это его не удовлетворяет, но, поскольку сложился привычный условный рефлекс, его тянет к выпивке, и он забывает обо всем. Таковы босяки из ранних рассказов А. М. Горького. Еще ниже – кретины и дегенераты.

А если пассионарное напряжение выше инстинктивного? Тогда точка, обозначающая психологический статус особи, сместится на отрицательную ветвь абсциссы. Здесь будут находиться конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи и, наконец, инициативные фигуры вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, их очень немного, но их энергия позволяет им развивать бешеную деятельность, фиксируемую везде, где есть историческая литература – письменная или устная. Сравнительное изучение кучности событий дает первое приближение определения величины *пассионарного напряжения.*

Ту же последовательность мы наблюдаем в сознательных импульсах, отложенных на ординате. «Разумный эгоизм», то есть принцип «все для меня», имеет в лимите стабильную величину. Но он умеряется аттрактивностью, которая либо меньше единицы (за которую мы принимаем импульс себялюбия), либо

равна ей, либо больше ее. В последнем случае мы наблюдаем жертвенных ученых, художников, бросающих карьеру ради искусства, правдолюбцев, отстаивающих справедливость с риском для жизни: короче говоря – тип Дон Кихота в разных концентрациях. Значит, реальное поведение особи, которое мы имеем возможность наблюдать, складывается из двух постоянных положительных величин (инстинктивность и «разумный эгоизм») и двух переменных отрицательных (пассионарность и аттрактивность). Следовательно, только последние определяют наблюдаемое в действительности разнообразие поведенческих категорий (см. рис. на с. 66).

ЗАРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ПАССИОНАРНОСТИ

Кроме того, пассионарность имеет еще одно качество, которое чрезвычайно важно. Она заразительна! Пассионарность ведет себя как электричество при индуцировании соседнего тела. Это еще Толстой отметил в «Войне и мире», что когда в цепи солдат кто-то крикнет «ура!», то цепь бросается вперед, а когда крикнут «отрезаны!», то все бегут назад. Я воевал и могу вам сказать, что во время боя никаких криков не слышно. И тем не менее наблюдение Толстого совершенно правильно. В чем же дело?

Приведу простой пример. Мы знаем, что есть полководцы очень опытные, очень стратегически подготовленные, но которые совершенно не умеют увлечь солдат в битву. Я беру военную историю, потому что это самая яркая иллюстрация. Там, где человек рискует жизнью, там все процессы обострены до предела, а нам надо понять крайности для того, чтобы потом вернуться к бытовым ситуациям. Вот был у нас генерал Барклай-де-Толли-Веймар, очень толковый, очень храбрый человек, очень умный, составивший план победы над Наполеоном. Все он умел делать. Единственное, чего не мог, – это заставить солдат и офицеров себя любить, за собой идти и слушаться себя.

Поэтому пришлось заменить его Кутузовым, и Кутузов, взяв план Барклая-де-Толли и в точности его выполнив, сумел заставить солдат идти и бить французов. Поэтому совершенно правильно – у нас перед Казанским собором памятники этим двум полководцам стоят рядом. Они оба одинаково много вложили в дело спасения России в 1812 г., но Барклай-де-Толли вложил свой интеллект, а Кутузов – свою пассионарность, которая

у него, бесспорно, была. Он сумел как бы наэлектризовать солдат, он сумел вдохнуть в них тот самый дух непримиримости к противнику, дух стойкости, который нужен любой армии.

Этим качеством в огромной степени обладал А. В. Суворов. Когда Павел I бросил русскую армию в Италию против стойких французских армий, которыми командовали лучшие французские генералы (Макдональд, Моро, Жубер), Суворов одержал три блестящие победы при помощи небольшого русского корпуса и вспомогательных австрийских дивизий. Причем одержали победы именно русские части, хотя австрийцев никто в то время не мог обвинить ни в трусости, ни в слабой боеспособности, это ведь были такие же славяне: хорваты, словаки, чехи, и они воевать могли. Но решающими ударами, которыми были опрокинуты французские гренадеры, руководил Суворов, и сделаны они были русскими. Он вдохнул в своих солдат волю к победе, как говорят обычно, а на нашем языке – пассионарность, которая была у него самого.

Вы скажете, а может быть, дело не в Суворове, просто русские солдаты были такие хорошие? Ладно. А Аустерлиц? А Фридланд? А Цюрих, где нам наклеили по̀ первое число? У Суворова было 30 тысяч, а у Римского-Корсакова – 60 тысяч. Надо сказать, что Корсаков тоже был полководец толковый, но вся армия капитулировала около Цюриха, окруженная французами. Так что дело, очевидно, не в числе. Но почему же австрийцы сражались хуже? Очевидно, потому, что русские были Суворову понятны и он был им понятен, а австрийцам он был не понятен. Это гипотеза, но применим ее дальше...

Австрийцы потребовали, чтобы Суворов вместо того, чтобы вторгнуться во Францию и вызвать там восстание роялистов и жирондистов, пошел воевать в Швейцарию. Дело было безнадежное, и он там оказался окружен французами. Суворов протестовал против этого похода, но не мог повлиять на австрийских чиновников гофкригсрата. Потеряв в Швейцарии все свои пушки, сохранив только знамена, потеряв четвертую часть своих людей, Суворов вывел остальную армию из окружения и был в Вене отмечен императорскими почестями, потому что в войне против французов это был первый настоящий успех, хотя и при тактике отступающей армии.

Но ведь Суворов не мог провести ни одного своего начинания среди австрийцев и немцев. И надо сказать, что и немцы с трудом проводили, как мы видели на примере Барклая-де-Толли, свои очень умные начинания среди русских. Так с чем же связана *индукция пассионарности*? Очевидно, с каким-то

настроем, который является связующим этнос началом. Что это за настрой?

И тут мы вспомним то, о чем говорили ранее. Каждый живой организм обладает энергетическим полем, теперь мы уже можем сопоставить его с описанием особенностей этноса и, следовательно, назвать *этническим полем*, создаваемым биохимической энергией живого вещества.

Так вот. Если принять эту энергетическую модель, модель силового поля, и применить ее к проблеме этноса, то этнос можно представить себе в качестве системы колебаний определенного этнического поля. А если это так, тогда мы можем сказать, в чем же различие этносов между собой. Очевидно, в частоте колебаний поля, т. е. в особом характере ритмов разных этнических групп. **И когда мы чувствуем *своего,* это значит, что ритмы попадают в унисон или строятся в гармонию; когда в унисон ритмы не попадают, мы чувствуем, что это чужой, *не свой* человек.**

Эта гипотеза на современном уровне наших знаний удовлетворительно объясняет все наблюдаемые этнические коллизии. Даже если она будет заменена какой-либо другой, дело не изменится. Наша задача – описание феномена, а интерпретация его причин может в будущем варьировать, что не будет влиять на полученные нами результаты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВСПЫШКИ ЭТНОГЕНЕЗОВ

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Итак, теперь, зная, что такое пассионарность, мы покажем, какое она имеет значение для нашей основной цели – объяснения процессов этногенеза – и как она соотносится с социальным развитием.

Предмет социальной истории, согласно теории исторического материализма, – это прогрессивное развитие производительных сил и производственных отношений от нижнего палеолита до научно-технической революции. Предполагается, что оно потечет и дальше. Поскольку это спонтанное развитие, причиной его не могут быть силы природы, которые действительно не влияют на смену формаций, и если протянуть плавную кривую от добывания огня трением до полетов космических кораблей, то линия должна отобразить эволюцию человечества.

При этом только остается непонятным, во-первых, откуда взялись так называемые «отсталые» народы и почему бы им тоже не развиваться? Во-вторых, почему наряду с успехами техники и науки фиксируется огромное количество утрат культурных ценностей? И наконец, в-третьих, по какой причине этносы – создатели древних культур бесследно исчезли с этнографической карты мира, а те, которые ныне конструируют сложные машины и создают на них искусственный спрос, возникли совсем недавно?

Видимо, социальная история отражает прошлое человечества односторонне, и рядом с прямой дорогой эволюции существует множество зигзагов, дискретных процессов, создавших ту мозаику, которую мы видим на исторических картах мира.

Поскольку у этих процессов есть «начала и концы», то они не имеют касательства к прогрессу, а всецело связаны с биосферой, где процессы тоже дискретны.

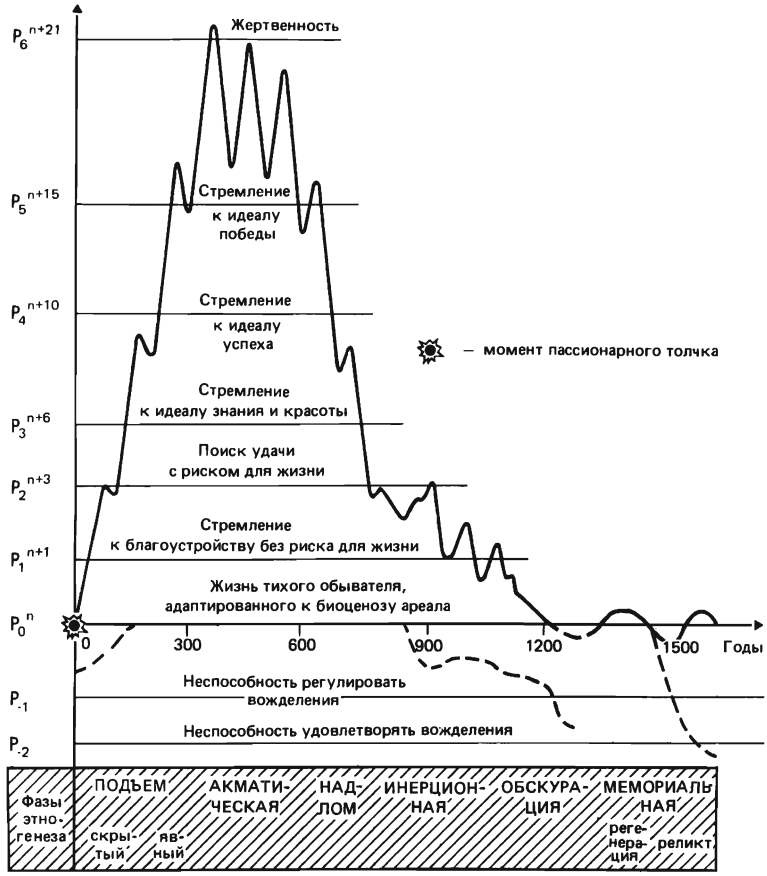
Таким образом, **социальная и этническая история не подменяют друг друга, а дополняют наше представление о процессах, проходящих на поверхности Земли, где сочетаются «история природы и история людей»**.

КРИВАЯ ЭТНОГЕНЕЗА

Поэтому во всех исторических процессах – от микрокосма (жизни одной особи) до макрокосма (развития человечества в целом) – общественная и природные формы движения соприсутствуют и взаимодействуют, подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, то есть *этногенез*, если понимать под последним весь процесс становления этноса – от момента возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза. Но значит ли это только то, что феномен этноса – продукт случайного сочетания биогеографических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе четкую и единообразную схему.

Несмотря на то что этногенезы происходят в совершенно разных условиях, в разное время и в разных точках земной поверхности, тем не менее путем эмпирических обобщений удалось установить идеализированную кривую этногенеза. Вид ее несколько непривычен для нас: кривая равно не похожа ни на линию прогресса производительных сил – экспоненту, ни на повторяющуюся циклоиду биологического развития. Видимо, наиболее правильно объяснить ее как инерционную, возникающую время от времени вследствие «толчков», которыми могут быть только мутации, вернее, микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но не влияющие на фенотип.

Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только отдельные относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникла новая консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастет в этнос. Пассионарность членов консорции – обязательное условие этого перерастания. В этом механизме – биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социального смысла.



Изменение пассионарного напряжения этнической системы

По оси абсцисс отложено время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, послужившего причиной появления этноса. По оси ординат отложено пассионарное напряжение этнической системы в трех шкалах: 1) в качественных характеристиках от уровня P_{-2} (неспособность удовлетворить вожделение) до уровня P_6 (жертвенность). Эти характеристики следует рассматривать как некую усредненную «физиономию» представителя этноса. Одновременно в этносе присутствуют представители всех отмеченных на рисунке типов, но господствует статистический тип, соответствующий данному уровню пассионарного напряжения; 2) в шкале – количество субэтносов (подсистем этноса). Индексы n, n+1, n+3 и т. д., где n – число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе; 3) в шкале – частота событий этнической истории (непрерывная кривая).

Предлагаемая кривая – обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных нами для различных этносов, возникших вследствие различных толчков. Пунктирной кривой отмечен качественный ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Внизу указаны названия фаз этногенеза соответственно отрезкам по шкале времени: подъем, акматическая, надлом, инерционная, обскурация, регенерация, реликт.

Как видно из схемы, по абсциссе отложено время в годах. Естественно, на ординате мы откладываем форму энергии, стимулирующую процессы этногенеза.

Но перед нами встает другая трудность: еще не найдена мера, которой бы можно было определять величину *пассионарности*. На основании доступного нам фактического материала мы можем говорить только о тенденции к подъему или спаду, о *большей* или *меньшей* степени пассионарного напряжения. Однако для поставленной нами цели это препятствие преодолимо, ибо мы рассматриваем процессы, а не статистические величины. Поэтому мы можем описать явления этногенеза с достаточной степенью точности, что послужит в дальнейшем базой новых уточнений.

В любой науке описание феномена предшествует его измерению и интерпретации; ведь и электричество было сначала открыто как эмпирическое обобщение разнообразных явлений, внешне несхожих между собой, а уже потом пришли к таким понятиям, как сила тока, сопротивление, напряжение и т. п.

Теперь перейдем к описанию основных фаз того процесса, который отображает в общем виде приведенная нами кривая, и попытаемся показать, как происходит реально процесс постепенного расходования первичного заряда пассионарности.

Мы уже говорили, что исходный момент любого этногенеза – специфическая *мутация* небольшого числа особей в географическом ареале. Такая мутация не затрагивает (или затрагивает незначительно) фенотип человека, однако существенно изменяет стереотип поведения людей. Но это изменение происходит опосредованно: воздействию подвергается, конечно, не само поведение, а генотип особи. Появившийся в генотипе вследствие мутации признак пассионарности обусловливает у особи повышенную по сравнению с нормальной ситуацией абсорбцию энергии из внешней среды. Вот этот-то избыток энергии и формирует новый стереотип поведения, цементирует новую системную целостность.

Возникает вопрос – наблюдаются ли моменты мутации (пассионарного толчка) непосредственно в историческом

процессе? Разумеется, сам факт мутации в подавляющем количестве случаев ускользает от современников или воспринимается ими сверхкритично: как чудачество, сумасшествие, дурной характер и тому подобное. Только на длительном, около 150 лет, отрезке становится очевидным, когда начался исток традиции. Но даже это удается установить не всегда. Зато уже начавшийся процесс этногенеза, или, что то же самое, набухание популяции пассионарностью и превращение ее в этнос, нельзя не заметить. Поэтому мы можем отличить видимое начало этногенеза от пассионарного толчка. Причем, как правило, инкубационный период составляет около 150 лет. Возьмем самые очевидные примеры на хорошо известном материале и перейдем к рассмотрению этого вопроса. Прежде всего посмотрим внимательно, когда и где происходили подъемы этносов.

СЛАВЯНО-ГОТСКИЙ ВАРИАНТ

Один из них имел место в начале нашей эры, во II веке. Но где? Только на одной полосе: примерно от Стокгольма, через устье Вислы, через Средний и Нижний Дунай, через Малую Азию, Палестину до Абиссинии (см. рис. на с. 122–123, толчок V). Что же здесь произошло? В 155 г. племя готов с острова Скандзы[1] выселилось в низовья Вислы. Готы довольно быстро прошли до берегов Черного моря и создали здесь могущественное государство, которое ограбило почти все римские города в бассейне Черного и Эгейского морей. Позже они потерпели поражение от гуннов, двинулись на запад, взяли Рим, подчинили себе Испанию, потом всю Италию и открыли эпоху Великого переселения народов. Я не рассказываю сейчас об этом подробно, а даю общую картину для постановки вопроса.

Если двигаться вдоль этой полосы, то мы обнаружим, что южнее готов впервые во II в. появились памятники, которые мы относим к славянам. Были ли славяне до этого? Да, очевидно, были какие-то этносы, которые в эту эпоху синхронно с готами создали тот праславянский этнос, который византийцы называли анты, древнерусские летописцы – поляне [20, с. 152–156] и который положил начало какому-то этническому объединению,

[1] Остров Скандза, откуда вышли *готы*, – южная Швеция, долго носившая имя «Готия» [см.: 32, с. 68. Прим. 44, с. 190]. Иордан ошибочно отождествляет готов с древними *гетами*.

в результате чего маленький народ, живший в современной Восточной Венгрии, распространился до берегов Балтийского моря, до Днепра и вплоть до Эгейского и Средиземного морей, захватив весь Балканский полуостров. Колоссальное распространение для маленького народа!

Говорил я об этом с профессором В. В. Мавродиным – специалистом по этим вопросам, и он спросил: «А как же это объяснить с точки зрения демографии? Как же они могли так быстро размножиться, потому что это произошло за какие-нибудь 150 лет?» Да очень просто. Эти праславяне, захватывая новые территории, очевидно, не очень стесняли себя в отношении побежденных женщин, а детей они любили и воспитывали их в знании своего языка с тем, чтобы они делали карьеру в своих племенах. Ведь при таком процессе много мужчин не требуется. Важно, чтобы было много побежденных женщин, и демографический взрыв будет обеспечен. Так оно, видимо, и произошло.

В IV веке, как мы уже точно знаем, славяне являются соперниками готов и союзниками гуннов и росомонов[1]. А пока поставим вопрос: что произошло еще южнее вдоль указанной полосы?

Племя даков[2] поднялось против Рима и повело жесточайшую войну. Мы сейчас смотрим кинофильм «Даки». Римляне

---

[1] *Росомоны* – противники готов и союзники *гуннов* – упомянуты Иорданом в указанной выше книге [32] только один раз в § 129 (с. 279). Б. А. Рыбаков считает росомонов ядром будущей русской народности – русов [см.: Советская археология. 1953. XVII. с. 100]. Судя по именам Сунильда, Сар, Аммий, росомоны не славяне. Упомянуты они и у Захария Ритора, автора VI в. [см.: 110, с. 84 и 166].

[2] *Даки* – племя, истребленное римлянами. Об этнической его принадлежности достоверных данных нет. Известно, что они граничили с бастарнами (в Карпатах) и гетами (на нижнем Дунае) и входили в состав державы, созданной гетским царем Бурвистой. Эта держава включала Молдавию, Румынию, Болгарию, часть Западной Украины, Буковину, Венгрию и Чехию [121, с. 67]. Но это объединение оказалось эфемерным. По словам Страбона, Бурвиста погиб низвергнутый, потому что некоторые восстали против него. Надо полагать, что расширение державы гетов еще не было началом подъема этноса, а явилось результатом пассионарного ослабления соседних племен Восточной Европы. В отличие от Бурвисты, Децебал создал в Дакии этнически монолитную державу, сопротивлявшуюся Риму до 107 г. После жестокого подавления даков Траяном завоеванная территория стала провинцией и была заселена ссыльными из восточных областей империи и семьями легионеров. Уцелевшие от резни даки растворились среди колонистов как колоны – крепостные [100, т. V, с. 191–194]. Последовавшие в III в. войны (сарматские и готские) так опустошили страну, что Аврелиан в 270 г. вывел римские войска из Дакии, но многие колонисты предпочли остаться и подчиниться готам. Однако это были уже не даки, а румыны [см.: 25, т. 4, с. 450, 506].

воюют с даками, и это кажется естественным. Но естественно ли это? Ведь Римская империя в эпоху Траяна включала в себя не только Италию, но и современные Югославию, Болгарию, Грецию, Турцию, Францию, Испанию, Сирию и всю Северную Африку. И представьте себе, что эдакая махина воюет с одной Румынией, причем Румыния побеждает до тех пор, пока ее наконец не задавливают числом. Ведь сегодня это казалось бы нам очень странным. Но это было странно и тогда. И тем не менее факт: даки в конце I века, на рубеже I–II веков соперничали со всей этой махиной, значит, у них появился какой-то мощный импульс, уравновешивающий численное превосходство противника.

СИРИЙСКИЙ ВАРИАНТ I ВЕКА

Аналогичное явление произошло и в Палестине, где обитал древнееврейский этнос, уже разложившийся, рассеянный, в значительной степени вывезенный в Вавилон и застрявший там и в других персидских городах. Евреи были в Ктезифоне и в Экбатанах, были они и в Ширазе. Была большая колония на западе; в Риме было много евреев. И вдруг небольшой этнос, состоявший из оставшихся в Палестине евреев, создал весьма сложную систему взаимоотношений внутри себя (четыре партии, борющиеся друг с другом[1]) и тоже оказался мощным соперником Римской империи. Что там изменилось?

В это время в Сирии и Палестине появилось большое количество пророков, которые говорили от лица того или иного бога, иногда и от своего собственного лица. Иисуса Христа все знают. Но был тогда и Аполлоний Тианский, и Гермес Трижды-величайший (Гермес Трисмегист), якобы живший в Египте. Был Филон Александрийский – еврей, который изучил греческую

[1] Рубеж новой эры отчетливо прослеживается на истории Иудеи, бывшей в I в. горячей точкой Ойкумены. Освобожденные Киром из вавилонского пленения и приведенные в Палестину пророком Ездрой, евреи были малочисленны, но полны решимости реставрировать свое государство. Однако им пришлось мириться с властью персидского шаха, а потом, со 198 г. до н. э. – с гнетом Антиоха IV Эпифана. Македонские цари (гуманные Птолемеи и жестокие Селевкиды), делившие власть над Палестиной, одинаково способствовали эллинизации евреев. Навстречу царской воле шло высшее иудейское духовенство, допустившее разрушение Иерусалима, отмену субботы и культ Зевса Олимпийского.

философию и создал свою систему на базе вариантов платонизма. В это время двумя крупными раввинами (Шамай и Гамалиил) был завершен Талмуд, т. е. произошла реформа древней иудейской религии[1].

Религия стала тем выходом, в котором устремилась пассионарность. Ведь пассионарность, как жидкость, которая находится в каком-то сосуде, изливается из него там, где образуется дырка, а дырка в то время образовалась именно в вопросах религиозных не потому, что люди в то время были так уж религиозны, а потому, что в условиях всеобщего административного гнета Римской империи считалось, что это – безвредно.

В I в. римляне фактически были безбожниками, потерявшими веру в своих древних богов – Юпитера, Квирина, Юнону и других. Они стали относиться к ним как к пережитку своего детства, как к симпатичным реминисценциям, но никто всерьез не придавал этим богам никакого значения. Боги эти уже тогда начали превращаться в опереточные персонажи, что завершил уже в XIX в. Ж. Оффенбах своей «Прекрасной Еленой». Этот процесс культурного упадка несколько дезориентировал римлян и обусловил то, что они проглядели важные вещи: появление пассионарных людей, которые занимались, впрочем, вполне

---

[1] Наряду с агрессивными течениями, стремившимися возродить «кровавую старину», в I в. появились настроения, благосклонные к творческому контакту с соседями. Некоторое время существовали иудео-христиане – *эбиониты*: они исчезли после разрушения иерусалимского храма [102, с. 77]. Современником Христа был известный Аполлоний из Тианы, культ которого бытовал более 300 лет [там же, с. 59] как синкретизм. Попытку объединения ветхозаветного учения с платонизмом предпринял знатный иудей Филон Александрийский. Он ввел в иудейское учение понятие *Логоса*, как «сына божия» [25, с. 387–388]. Именно Филон оставил наиболее подробное описание учения и жизни *ессеев*, которых по числу было почти столько же, что и фарисеев [см.: 4, с. 199]. Ессеи исповедуют «благородную бедность, занимаются ручным трудом и проживают в местах обособленных; рабство они отрицают, Христа не признают» [там же, с. 208]. Близкая к ессейству «кумранская община» заимствовала в Иране дуализм, т. е. вечную войну «сынов света» и «сынов тьмы» [там же, с. 172–173]. Но самое сильное воздействие на мировоззрение восточных этносов I–III вв. оказал гностицизм, поставивший на место личных родовых богов безликую «Плерому» (полноту всего сущего) и ее проявления – *эоны* (греч.). Это учение проникло в Иудею, где в талмудическом иудаизме Плерома названа Ейнсоф, а эоны – шехины. Даже учение офитов – поклонников змея, соблазнившего Еву, имеет аналог в иудаизме [см.: 102, с. 236–241, 206–215]. Значение изучения древних мифологем в том, что их разнообразие показывает резкий подъем «пассионарности» и характеризует фазу этногенеза. О вариациях стереотипов поведения см. ниже.

невинным дозволенным делом – составлением и изобретением новых культов. Римляне считали, что это можно. Пожалуйста, кто что хочет, тот то и говорит, лишь бы он соблюдал законы. Христианство, которое нам кажется совершенно монолитным, таким в I в. не было. Тот случай, который имел место в 33 г. на Голгофе, стал известен всему миру, но все его воспринимали очень по-разному: одни считали, что это просто казнь человека, другие говорили, что это нисхождение духа бесплотного, который не может страдать, и это просто видимость, что он на кресте умер; другие говорили, что это мог быть человек, в котором обитал Дух Божий, и т. п. Течений было огромное количество, и инициативу в этом движении взяли евреи!

Именно они со свойственной им горячностью и подняли шум, что повешен ничтожный человек, и повешен правильно, но не в этом дело, а в том, что римляне – сволочи и мерзавцы, так как они на священную еврейскую землю пригоняют – кого бы вы думали? – свиней! И едят их! Ведь римские легионеры получали паек в виде свинины и привыкли к нему, поэтому гарнизоны, которые были расположены в Палестине, оскорбляли чувства евреев.

А как же было до этого? И до этого евреи видели, как римляне едят свиней, но они относились к этому безразлично. Говорили: «Ну, зачем такую гадость есть и зачем вообще к ним прикасаться, тьфу!» А тут они сказали: «Нет, не тьфу». Они сказали: «Бей!» И это была уже поправка очень существенная. Так началась иудейская война.

Иудейская война могла бы быть и успешной, если бы не произошел этот самый пассионарный толчок, в результате которого евреи (древние евреи относятся к современным так же, как римляне к итальянцам, т. е. современное еврейство – это другой этнос, сохранивший в значительной степени культурные традиции предыдущего) разделились на четыре группы, которые терпеть не могли друг друга.

Те, которые соблюдали старый закон и старые обычаи, назывались фарисеями. Они занимались торговлей, носили длинные волосы, прекрасные расчесанные бороды, золотой обруч, длинные одежды, изучали Тору, читали Библию, соблюдали все посты и обряды и терпеть не могли саддукеев, которые ходили в хитонах, брились или изящно подстригали себе бородки, причесывались по эллинскому образцу, дома говорили по-гречески, имена давали детям такие, как Аристомах или Диомид, но никак не еврейские. Саддукеи владели землей, деньгами и командовали войсками.

Фарисеи и саддукеи ненавидели друг друга, но при этом и те и другие презирали простых пастухов, земледельцев, которые собирались где-то в пещерах Палестинских гор около Ливана, читали друг другу пророчества и говорили: «Этих фарисеев вообще не поймешь, что они говорят; саддукеи уже почти не наши, а вот здесь, в пророчествах, написано о борьбе духов света и духов тьмы; когда духи света победят и явится Спаситель Мира, то всех спасет, римлян выгонит, а этих подлых фарисеев и саддукеев усмирит». И они ждали пришествия Спасителя. Христос пришел к ним, но «свои его не признали».

Были еще и *сикарии* (кинжальщики), или *зилоты*, т. е. ревностные. Их было мало, но они имели очень большой вес, потому что организовывались в террористические группы и убивали всех, кого хотели, а убивать они научились, секретами конспирации овладели полностью, и поэтому они на всех наводили страх.

Потребовалась 10-летняя война всей империи против одной Палестины, оставшейся без поддержки. А когда победа была наконец одержана, то римский полководец получил триумф, т. е. почести, оказываемые обычно за победу над очень серьезным противником.

А где же были евреи до этого? Надо сказать, что они никакой опасности для соседей не представляли, в лучшем случае вели мелкую партизанскую войну против македонских захватчиков (во II в. до н. э.), и довольно удачно (Маккавеи). Никто на них большого внимания не обращал. И вдруг!.. Мутация всегда мгновенна.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Одновременно тут произошло еще более важное событие, о котором надо сказать особо, – возник совершенно новый этнос, который проявил себя впоследствии под условным названием «византийцы». Образовались первые христианские общины. Можно возразить, что это, мол, не этнос, что это были единоверцы. Но что мы называем этносом? Вспомните, что ***этнос* – это коллектив, отличающийся от других этносов стереотипом поведения и противопоставляющий себя всем другим.**

Христиане хоть и состояли из людей самого разного происхождения, но твердо противопоставляли себя всем остальным: мы – христиане, а все остальные – нехристи, язычники. Языцы – это по-старославянски, а греческий аналог – этносы.

Так христиане выделили себя из числа всех этносов Ближнего Востока и тем самым образовали свой самостоятельный этнос. Стереотип поведения у них был диаметрально противоположный общераспространенному.

Что делал нормальный классический грек римской эпохи, или римлянин, или сириец? Как он проводил свой день? Утром он вставал с головной болью от вчерашней попойки (и богатые, и люди среднего состояния, и даже бедные, потому что они норовили пристроиться к богатым в виде подхалимов, которых тогда называли «клиенты»). Рано утром он пил легкое вино, разведенное водой, закусывая чем-нибудь, и, пользуясь утренней прохладой, шел на базар, чтобы узнать новости (агора – рынок, а я говорю по-русски – базар). Там, конечно, он узнавал все нужные ему сплетни, пока не становилось жарко; потом он шел к себе домой, устраивался где-нибудь в тени, ел, пил, ложился спать и отдыхал до вечера.

Вечером он вставал снова, купался в своем аквариуме или, если были какие-нибудь бани поблизости, ходил туда, тоже новости узнавать. Взбодренный, он шел развлекаться – а в какой-нибудь Антиохии, Александрии, в Тарсе, уж не говоря о Риме, было где поразвлечься. Там были специальные сады, где танцевали танец осы – это древний стриптиз, и выпить было можно, и после этого танца можно было получить удовольствие за весьма недорогую плату. Потом он сам доползал или его доставляли совершенно расслабленного и пьяного домой, и он отсыпался. А на следующий день что делать? То же самое. И так, пока не надоест.

Может, кто-то и радовался такой жизни, а кому-то и надоедало – сколько можно? И вот те, кому надоедало, искали какого-то занятия, с тем чтобы жизнь приобрела смысл, цель и интерес, а это было очень трудно в эпоху Римской империи во II и особенно в III веке.

Заниматься политикой было слишком рискованно. А чем же еще? Наукой? Философией? – Не все способны. Кто был способен, тот занимался, но надо сказать, что во II–III вв. с наукой было примерно как у нас сейчас: когда делаешь посредственные работы, то тебя все хвалят, даже дают всякие награды, пособия, говорят: «Вот, постарайся, мальчик, вот, хорошо, вот перепиши, вот переведи». Но если человек сделал какие-нибудь открытия, то у него были все неприятности, какие только можно было устроить в древнем мире.

И поэтому с наукой было не так легко. И кроме того, человек, занимавшийся наукой, был в общем одинок, потому что, когда он учился, его обожал учитель, а когда он начинал говорить

что-нибудь от себя, то учитель его уже ненавидел, и следующий учитель тоже, то есть он опять оказывался одинок. Что ему было делать? Выпить да сходить стриптиз посмотреть, чтобы утешиться, т. е. вернуться к тому, от чего он ушел.

А тут, оказывается, что существуют такие общины, где люди не пьянствуют – это там запрещено, где никакой свободной любви, можно только вступить в брак или хранить целибат, где люди сходились и беседовали. О чем? О том, чего он не знал: о загробной жизни. Боже мой! Да ведь каждому интересно, что после смерти будет. «А вы, оказывается, знаете! Так расскажите!» Рассказать те умели и увлечь своими мнениями тоже умели. В наше время очень трудно кого-нибудь увлечь, тогда тоже трудно было. Но это были настолько опытные, настолько талантливые проповедники – христиане первых веков нашей эры, что они увлекали людей. Но подобные увлечения также приносили неприятности, поскольку римляне действовали согласно закону о том, что тайные общества запрещаются. Траян издал закон, запрещающий все общества, и тайные и явные. Даже общество пожарников было запрещено. И христиане рассматривались как тайные сообщники. Почему? Потому, что они по вечерам собирались, что-то такое делали, говорили, потом ели своего Бога – причастие, а потом расходились и чужих на свои собрания не пускали. Поэтому было приказано их казнить.

А в те времена в Римской империи желающих доносить на своих близких было более чем достаточно. Потек такой поток доносов на всех римских граждан и провинциалов, что Траян, испуганный, запретил принимать доносы на христиан. «Христиан, – сказал император, – конечно, надо казнить, но только по их личному заявлению. Вот приходит человек и заявляет, что он христианин, тогда его можно казнить и следует, а если он не говорит, а на него пишут – выкидывайте все доносы, хоть анонимные, хоть подписанные».[1]

К удивлению Траяна и римских прокураторов, оказалось огромное количество людей, объявлявших себя христианами и добровольно принимавших казнь. Позже преемники Траяна перестали соблюдать даже этот закон, потому что пришлось бы казнить очень много весьма толковых и нужных государству

---

[1] «Письмо Плиния» императору Траяну в 112 г. и ответ Траяна: «...не должно разыскивать их, но если... они уличены, должно наказывать их. Притом если человек говорит, что он не христианин, и докажет это делом, т. е. призыванием наших богов, то он должен получить прощение, хотя бы существовало подозрение, что он христианин» [цит. по: 25, т. 4, с. 414].

людей. Церковные христиане и близкие к ним гностики, а также манихеи – все подпадали под этот закон.

Христиане искали смерти, потому что в силу своей пассионарной одержимости так поверили в бессмертие души и загробную жизнь, что считали: мученическая смерть – это прямой путь в рай. Они даже требовали себе смерти[1].

Менее сильные пассионарии лояльно служили в войсках, в администрации, в правительственных органах, торговали, возделывали землю, и поскольку они не допускали разврата и соблюдали твердую моногамию, то быстро размножались. Женщина-христианка рожала мужу-христианину каждый год по ребенку, потому что считалось, что убивать плод в чреве – грешно, это равносильно убийству. А в это время язычники развлекались так, как принято в больших городах всего мира, и детей почти не имели. К III в. количество христиан выросло невероятно, но принципиальность свою они сохранили.

Случилось, например, в Галлии восстание багаудов (так называли повстанцев, боровшихся против римских латифундиалов), и надо было послать хорошие войска на подавление этого восстания. Восстание было не христианским по существу, но какая-то часть этих багаудов или их вождей были христиане. А может быть, и не были, а про них только слух прошел, что они христиане, которые убивают своих помещиков-язычников, что они действительно делали. Против них направили для подавления один из самых лучших и дисциплинированных легионов империи – десятый Фиванский легион. Те приехали в Галлию и вдруг узнают, что их посылают против единоверцев. Они отказались.

Восстания в римской армии в то время были постоянны, легионы восставали запросто, а в легионе 40 тысяч человек вместе с обслугой. Но эти не восстали. Просто 40 тысяч человек отказались подчиниться начальству, и они знали, что за то полагается казнь через десятого – децимация. Они положили копья, мечи и сказали: «Воевать не будем!» Ну что ж? Через десятого – выйди, выйди, выйди... и отрубают голову. «Пойдете воевать?» – «Не пойдем!» Еще раз через десятого... и еще раз! Весь легион без сопротивления дал себя перебить. Они сохранили воинскую присягу, они дали слово не изменять и сдержали слово, но не против своей совести. Совесть была для них выше долга. Есть такой церковный праздник «Сорок тысяч мучеников» – это в память о десятом Фиванском легионе[2].

---

[1] Так погиб в 290 г. римлянин Бонифаций (Вонифатий) [98, с. 401–402].

[2] О десятом Фиванском легионе см.: 113, т.1, с. 133.

Но все преследования не могли спасти империю от того, что количество людей нового склада, людей-правдоискателей, увеличивалось, и к III в. христиане заполонили администрацию, воинские части, суды, базары, села, перехватили мореплавание, торговлю, оставив язычникам только храмы. Римское мировоззрение, а вместе с ним и римский этнос уступили место новому этносу, сложившемуся... из кого? Там были все, кто угодно. У нас принято говорить, что христианство – это религия рабов. Это неверно фактически, потому что большое количество христиан принадлежало к верхам римского общества. Это были очень богатые, знатные и культурные люди.

Но тогда что это за явление – христианство? Можно ли сказать, что это был социальный протест? Отчасти да. Но почему этот социальный протест проявился только в восточной части Римской империи, где порядки были совершенно одинаковые с Западом? Он был в Малой Азии, в Египте, в Сирии, в Палестине, гораздо слабее в Греции и совершенно не чувствовался ни в Италии, ни в Испании, ни в Галлии. А порядки были одни и те же, и люди в общем-то были одни и те же.

Кончилось это дело тем, что во время очередной междоусобицы, после отречения Диоклетиана, его преемники – Константин и Максенций – схватились между собой. Константин, чувствуя, что у него войск меньше (он командовал галльскими легионами, а Максенций стоял в Риме), объявил, что обеспечит для христиан веротерпимость, и позволил начертать на своем знамени вместо римского орла крест. Много легенд связано с этим событием, но нас интересуют не легенды, а факты. А факт заключался в следующем: небольшая армия Константина разгромила огромную армию Максенция и заняла Рим. Потом, когда союзник Константина, владевший Востоком, – Лициний с ним поссорился, то небольшая армия Константина разгромила языческую армию Лициния. Лициний сдался с условием, что ему будет сохранена жизнь, Константин его, конечно, казнил, впрочем за дело. Лициний сам убивал доверившихся ему.

В чем тут дело? Я думаю, что тут искать чудесных причин не надо. Дело в том, что те христиане, которые служили в войсках, знали, что это их война, что они идут за свое дело, и сражались с удвоенным рвением, то есть они сражались не только как солдаты, но и как сторонники той партии, которую они защищали. Овладевшая их умами идея толкала на смерть, толкала, естественно, только пассионариев: инертных людей никакая идея никуда не толкает.

Идея защиты язычества никого никуда не толкала, а были

очень талантливые люди, которые защищали язычество, – философы Плотин, Порфирий, Ипатия, Прокл, Либаний, Ямвлих. Все они по таланту были ничуть не ниже, чем гностики и отцы церкви.

Но в отличие от их идей новые идеи сплотили пассионарных людей, стали символом пассионарности, пока на них не обращали внимания. Мученики и фанатики, пассионарность которых была в «перегреве», собрали вокруг себя умеренных пассионариев и победили. Константин, не ставший христианином, тем не менее позволил своим детям креститься, и христиане оказались во главе империи.

Удивительно, не правда ли? Победа была одержана через гибель! Однако если мы описываем феномен непредвзято, то мы другого ничего сказать не можем. Вот так и было, наше дело найти этому истолкование. Сколько времени просуществовал этот этнос, сложившийся из христианских общин? Очень долго! Появился он как субэтнос во II в., то есть был тогда исторически зафиксирован, и к IV в. сформировался в этнос, который мы называем византийским, а кончился он с падением Константинополя в 1453 г. Остались маленькие реликты: в самом Константинополе жители квартала Фанар – фанариоты – потомки византийцев, существовали до XIX в.; какие-то островки в горах Греции, в Пелопоннесе, в Малой Азии некоторое время сохранялись. То есть византийцы прошли весь 1200-летний период настоящей этнической истории.

АРАБО-СОГДИЙСКИЙ ВАРИАНТ

В древности Аравию населяли разные народы, по легенде происходившие от Измаила – сына Агари, наложницы Авраама, который в XVIII в. до н. э. эту Агарь вместе с сыном по наущению своей жены Сарры выгнал в пустыню. Измаил нашел воду, а раз он нашел воду, то и мать напоил, и сам спасся, и пошел от него народ, «арабы», хотя они сами себя так еще не называли[1]. Арабы долгое время очень плохо относились к своим иудейским соседям, помня, что дети Сарры воспользовались всем наследством отца, а дети несчастного Измаила были изгнаны в пустыню. И жили арабы в этой пустыне с XVIII в. до н. э. (так датируется Авраам) до VII в.

[1] «...И расходятся люди во мнениях о том, почему арабов стали называть арабами» [цит. по: 31].

н. э. тихо, спокойно, никому не досаждая. Такова общеизвестная библейская легенда. На самом деле было много сложнее.

Аравия по физико-географическим параметрам делится на три части. Во-первых, берег вдоль Красного моря – это Каменистая Аравия. Там довольно много источников, у каждого источника оазис, а около оазиса город, пусть небольшой, но финиковые пальмы растут – люди питаются, скот гоняют, трава есть.

Арабы там жили довольно бедно, но имели возможность подработать, потому что караваны из Византии в Индию ходили через Каменистую Аравию и они нанимались караванщиками или становились трактирщиками в караван-сараях, торговали. Финики и свежую воду продавали караванщикам по повышенным ценам. Те платили, потому что деваться было некуда. Бедность своих природных условий арабы компенсировали повышением цен на товары, и все шло довольно благополучно. Жили они и деньги наживали.

Большая часть Аравии – это пустыня, но пустыня не в нашем смысле. Когда настоящие арабы увидели нашу среднеазиатскую пустыню, они ахнули и сказали, что такой пустыни они даже и вообразить себе не могли. Пустыня у них такая земля, где не сплошной травяной покров, а кустик от кустика отделен сухой землей, то есть, как мы бы сказали, сухая степь. Кроме того, с трех сторон море, так что все-таки дожди выпадают, воздух довольно влажный. Верблюдов гонять можно сколько угодно, да и не только верблюдов (но они главным образом ездили на

Арабы, навьючивающие верблюда.
Миниатюра XIII в.

верблюдах и на ослах). Торопиться им было некуда, и жили они там очень спокойно. Войны у них, правда, были, но чрезвычайно гуманные.

Например, одна война между двумя племенами случилась из-за верблюдицы, наступившей на гнездо перепелки и раздавившей птенцов. Араб, хозяин земли, где было гнездо, отомстил за птенцов и ранил верблюдицу стрелой в вымя, а хозяин верблюдицы убил его ножом в спину. Племя не выдало убийцу, и родственники убитого начали войну. Война эта продолжалась лет 30 или 40, и за все время было не то два, не то три человека убитых [101, т. 1, с. 2–3]. Вот в таком спокойном состоянии они и жили.

При этом у них культура была оригинальная, поэзия очень большая. У нас, например, в нашей русской поэзии, существует пять поэтических размеров – ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль, а у арабов – 27, потому что верблюд идет разным аллюром и для того, чтобы приспособиться к тряске, надо про себя читать стихи в такт тряске, отсюда 27 различных размеров. Представьте, едет араб по пустыне и сочиняет стихи и тут же их исполняет. Полезное занятие для кочевника. Конечно, поэзия у них была не такая, чтобы ее записывать или запоминать, годилась она только к случаю.

И наконец, на самом юге Аравии располагалась Счастливая Аравия – Йемен. Это был почти тропический сад, там рос кофе-мокко, который потом перевезли в Бразилию, где он прижился, но стал хуже. Настоящий, самый лучший в мире кофе в Йемене, и арабы его пили с большим удовольствием. Жили они в этом тропическом саду, процветали и ничего не хотели бы, если бы у них не было соседей. Увы, соседи у них были. С одной стороны, абиссинцы, которые их все время старались завоевать, а с другой стороны, персы, которые выгоняли абиссинцев из Аравии обратно в Африку. Война эта была страшно кровопролитна, пленных не брали, и воевали не арабы, а абиссинцы с персами. Сами арабы старались жить мирно, только иногда грабили отдельных путников или друг друга. Но последнее бывало редко, потому что у них была в обычае семейная взаимовыручка: если ограбят человека, то весь его род вступится за него и грабителю худо будет. Побаивались. А вот чужих можно.

Иногда они нанимались в войска или персидских шахов, или византийских императоров, и их брали, но платили немного, потому что они были малобоеспособны. Их использовали как иррегулярные войска для каких-нибудь отдельных маневров, например забросить в тыл противника или для разведки; в

боевые линии их не ставили, потому что они были очень нестойки и трусливы. Убегали! А зачем им действительно было гибнуть за чужое дело, с какой стати? Деньги заработать – да, а чтобы за это убили – кому надо? Рассуждение вроде разумное.

Но во второй половине VI в. у арабов вдруг появилась плеяда поэтов [101, т.1, с. 43 – 46]. Должен сказать, что, по моим наблюдениям, стихи писать очень трудно, и тот гонорар, который платят поэтам за хорошие стихи, никак не окупает их труда. Тем не менее они пишут, и даже без гонорара, потому что у них внутри какой-то пропеллер крутится и заставляет писать стихи, чтобы выразить себя. Что это за пропеллер? Это-то и надо узнать!

Они хотят выразить себя и свои чувства, хотят добиться исключительного уважения и преклонения за это, то есть здесь поступками руководит «страсть». Чувство, а не рассудок.

К VII в. поэтов стало много, были и поэтессы, и стихи они стали писать хорошие, главным образом языческие. Стихи о любви, о вине, иногда о каких-то стычках, столкновениях – навеянные случаями. Общей целеустремленности быть не могло, потому что никакой единой идеологии у арабов не было. Бедуины, жившие в пустыне, считали, что боги – это звезды; вот сколько на небе звезд, столько богов, и каждый может молиться своей звезде. Было много христиан, много иудеев, были огнепоклонники; христиане среди арабов были всех толков – и несториане, и монофизиты, и православные, и армяне-яковиты, и савеллиане[1]. Но так как все занимались своими насущными делами, то и религиозных столкновений не было, жили они спокойно.

И вот в начале VII века появился человек по имени Мухаммед. Он был человек бедный, эпилептик, очень способный, но не получивший никакого образования, совершенно безграмотный. Занимался он тем, что гонял караван, потом он женился

---

[1] *Савеллий*, уроженец Ливии, был самым ярким выразителем христианского течения – *модализма*, строгого монотеизма, отрицавшего принцип Троичности. Бог, по учению савеллиан, един, но выступает в различных модусах, одним из коих был Христос. Это учение было осуждено римским епископом Каллистом I около 220 г., но продолжало исповедоваться в Сирии и римской Африке [102, с. 415]. Продолжателем Савеллия был Павел Самосатский, с 260 по 272 г. епископ Антиохийский. Он считал Иисуса Христа человеком, рожденным от Духа Святого и воплотившим в себе Логос (Слово). Сирийские епископы низложили Павла как еретика; Павел бежал в Пальмиру, где у него было много единомышленников, но Пальмира в 272 г. была взята римским императором Аврелианом, и «монархиане» (так были названы последователи Савеллия и Павла Самосатского) рассеялись по Сирии и Аравии [25, с. 438–439, 509].

на богатой вдове Хадидже. Она его снабдила деньгами, что и дало ему возможность стать довольно почтенным членом общества.

И вдруг он заявил, что призван исправить пороки мира, что до него было много пророков – Адам, Ной, Давид, Соломон, Иисус Христос с Мариам, т. е. с Девой Марией – и все они говорили правильно, но люди все перепутали, все забыли, так вот он, Мухаммед, сейчас всем все объяснит. И объяснил он все очень просто: «Нет Бога, кроме Бога» – и это все. А потом стали еще прибавлять, что Мухаммед пророк его, т. е. Бог – это Аллах, что означает «единственный», и он говорит арабам через Мухаммеда[1]. И стал Мухаммед проповедовать эту религию.

Человек шесть его учение приняли, а остальные мекканцы говорили: «Да брось ты эту скучищу, брось ты эту тягомотину, мы лучше пойдем послушаем веселые сказки про персидских богатырей». «Да брось ты, мне некогда, – говорили ему купцы, – у меня подсчеты, надо баланс свести, караван пришел». «Да ну тебя, – говорили бедуины, – вон у меня верблюдица ушла, мне нужно пригнать ее на пастбище».

То есть большинство арабов меньше всего желало с ним разговаривать, но образовалась кучка, сначала шесть человек, а потом несколько десятков, которые искренне ему поверили, и, главное, среди них оказались люди волевые, сильные, и из богатых, и из бедных семей.

Это были: страшный, жестокий, непреклонный Абу Бекр; справедливый, несгибаемый Омар; добрый, искренний, влюбившийся в пророка Осман; зять пророка – героический боец, жертвенный человек Али, женившийся на дочери Мухаммеда Фатьме, и другие. А Мухаммед все проповедовал, и мекканцам это страшно надоело. Ведь он проповедует, что есть только один бог и все должны ему верить, но что же делать с людьми, которые приезжают торговать и верят в других богов? Это вообще неудобно, и скучно, и настырно. И они ему сказали. «Прекрати свои безобразия».

Но у Мухаммеда был дядя, который предупредил мекканцев, чтобы те ни в коем случае Мухаммеда не трогали. «Конечно, – соглашался дядя, – он несет чепуху, и всем это надоело, но все равно он мне племянник, я же не могу его оставить без

---

[1] *Иисуса Христа* Мухаммед считал пророком и *Евангелие* – святой книгой. Легко заметить, что его понимание христианства совпадало с монархианством Савеллия и Павла Самосатского. Прочие христианские исповедания были во время правления халифов только терпимы.

помощи». Тогда в Аравии родственные чувства еще ценились. Но дядя дал совет Мухаммеду: «Убегай!» И Мухаммед убежал из Мекки, где решили его убить, чтобы он не мешал людям жить, в Медину (тогда этот город назывался Ятриб, но после того, как Мухаммед там обосновался, он стал называться Медина-тун-Наби – «город пророка», а Медина значит просто «город»).

В отличие от Мекки, где жили довольно богатые и зажиточные арабы, Ятриб был местом, где поселились самые разные народы, образовав собственные кварталы: три квартала были еврейских, был персидский квартал, был абиссинский, был негритянский квартал, и все они не имели между собой никаких взаимоотношений, иногда ссорились, но пока войн не было. И когда появился Мухаммед с его верными, которые последовали за ним, то жители ему сказали: «Вот и живи тут один, отдельно от всех, ничего, ты не мешаешь».

Но тут случилось непредвиденное. Мухаммедане, или, как они себя стали называть, мусульмане, поборники веры ислам, развернули сразу активнейшую агитацию. Они объявили, что мусульманин не может быть рабом, т. е. всякий человек, произносивший формулу ислама – «Ла Илла иль Алла, Мухаммед расуль Алла» («Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его»), – немедленно становился свободным. Его принимали в общину. Некоторые негры перешли к ним, некоторые бедуины. И все, кто принял ислам, поверили в это дело. Они зажглись тем же жаром, который был у Мухаммеда и его ближайших сподвижников. Поэтому они быстро создали общину, весьма многочисленную и, самое главное, активную. К мухаджирам, которые пришли из Мекки, их было немного, примкнули ансары. Ансары – это буквально «примкнувшие» – жители Медины.

Мухаммед оказался главой одной из самых сильных общин в самом городе Медина. Тут он постепенно стал наводить свой порядок. Сначала он расправился с язычниками, которые верили в звезды. «Нет, – говорит, – не масса богов на небе, а один Аллах, а кто не хочет мне верить, того надо просто убить, потому что он оскорбляет величество Аллаха». И убивали.

Потом он столкнулся с христианами и стал говорить им, что он исправляет закон, который дал сам Иисус Христос. Христиане говорят: «Брось ты, где тебе кого исправить, ты же безграмотный человек». Их убили или заставили принять ислам. Потом он пришел к евреям и заявил им, что он Мессия. Те быстро взяли Талмуд, Тору, посмотрели по книгам и сказали: «Нет, ты не имеешь таких-то, таких и таких признаков, и вообще никакой ты не Мессия, а самозванец». «А!» – сказал он. И два квартала,

один за другим, были вырезаны до последнего человека. Евреи из третьего убежали в Сирию.

Оказавшись самым сильным в Медине, он решил завоевать Мекку. Но Мекка была сильна, и войско мусульман было опрокинуто. Тогда Мухаммед начал действовать в обход – он подчинил себе бедуинов и заставил их признать ислам. Бедуины, которым спасаться было некуда – кругом степь как стол, куда удерешь? И от верблюдов своих не удерешь, – те сказали: «Пускай! Ладно» – и продолжали молиться на звезды, но официально веру ислама признали и людей в войска Мухаммеда дали. Почему? На Мекку идти стоило: Мекка богатая, разграбить можно.

Редкое изображение пророка Мухаммеда.
Миниатюра из арабской рукописи XIV в.

Мухаммед захватил Гадрамаут – это южное побережье Аравии, там было много замков – и потребовал, чтобы те признали ислам. Те подумали, подумали – да что там, в конце концов, скажу я одну фразу, что меня от этого убудет, что ли? Признали и людей дали. Тогда он пошел снова на Мекку.

А мекканцы были люди умные и очень хитрые, они сказали: «Слушай, Мухаммед, зачем ты идешь завоевывать родной город, мы будем защищаться, кого-нибудь убьют, ну кому это надо, давай помиримся, а? (Арабы – народ очень практичный.) Признай еще парочку богов, чтобы было три: Лата – очень хороший бог и Зухру – «красу» (планета Венера). Ну какая тебе разница, что один, что три, а мы их всех почитаем». И Мухаммед хотел было согласиться, но тут Омар и Абу Бекр отрезали: «Нет, един Аллах». И Мухаммед выдал очередную суру, т. е. пророчество, что Аллах един и других богов нет, остальные – просто ангелы божьи.

Мекканцам пришлось согласиться: «Ладно, пусть будут ангелы, но вот уж что мы тебе не уступим, так черный камень; к нему на поклонение люди сходятся отовсюду, и все они у нас на базаре покупают продукты. Нет, черный камень не отдадим. Ведь черный камень с неба упал, значит, это от Аллаха». Тут Мухаммед согласился, и все мусульмане тоже согласились, признали, что черный камень от Аллаха. И после этого Мухаммед занял Мекку, его злейшие враги оказались в числе его подданных и выставили ему свое войско.

Обратимся к психологии арабов. Мухаммед не преследовал никаких личных целей, он шел на смертельный риск ради принципа, который он сам себе создал. По существу, с точки зрения богословия ислам не содержит в себе ничего нового по сравнению с теми религиями и течениями, которые в это время уже бытовали на Ближнем Востоке. Таким образом, если говорить о теологии, то разговор выеденного яйца не стоил, и арабы совершенно правильно сделали, что не стали особенно спорить, поступились привычными культами, произнесли формулу ислама и зажили по-прежнему.

Разве в этом было дело? Дело-то было совсем в другом. Та группа, которая создалась вокруг Мухаммеда, состояла из таких же фанатиков, как он. Мухаммед был просто творчески более одарен, чем Абу Бекр или Омар. Он был просто более эмоционален, чем даже добрый Осман. Он был даже более беззаветно предан своей идее, чем отчаянно храбрый Али, и притом никаких особых выгод он лично от этого дела не имел.

Мухаммед объявил, что мусульманин не может иметь больше четырех жен, это грешно. А грешить арабы в то время очень любили. По тем временам четыре жены – это был минимум. Я не хочу быть навязчивым, но каждый из мужчин пускай подумает, четыре-то раза он менял своих подруг? Наверное, менял. А тогда, в те времена, каждая подруга считалась женой, так что надо было брать развод. Это было дело очень невыгодное, потому что брак был гражданский и развод был гражданский, как у нас, и связано это было с разделом имущества. Жены предпочитали оставаться со старым мужем, когда он брал новую жену, так им было выгоднее. И поэтому то, что он сам имел только четырех жен, – это было в общем самоограничение.

Сделал он и другое, что имело очень большое значение для арабов. Сам он был эпилептик и поэтому не мог пить вина, ибо оно на него очень плохо действовало. Поэтому Мухаммед заявил, что первая капля вина губит человека, и запретил пить вино.

А арабы любили выпить, ужасно любили. Так что этот запрет сильно мешал распространению ислама.

Став мусульманами, арабы не переменились. Они садились в закрытом дворике в узкой компании, чужих не приглашали, ставили большой жбан с вином, опускали туда пальцы и, поскольку первая капля вина губит человека – стряхивали ее, а про остальное пророк ничего не сказал. Найти выход они всегда могли.

Но при этом случилось нечто очень важное. Вокруг Мухаммеда и его группы, как водяные пары вокруг пылинки, люди стали собираться в ком. Образовалась община людей, объединенных не привычным образом жизни, не материальными интересами, а сознанием единства судьбы, единства дела, которому они отдавали свою жизнь. Это то, что я называю *консорция* – от латинского слова sors – «судьба». Люди, включенные в консорцию, – люди одной судьбы.

Взрыв этногенеза, вызвавший к жизни мусульманский мир и его религию ислам, прошел в широтном направлении (см. рис. на с. 122–123, толчок VI) и захватил, кроме Аравии, Индию, Китай, Корею и Японию. О двух последних мы говорить не будем, ограничив наше внимание Евразией.

Итак, что же произошло в VI веке с этими странами?

О начале арабского этногенеза и сложении первичной консорции сторонников Мухаммеда мы уже говорили раньше, и довольно подробно. А теперь рассмотрим эту тему в интересующем нас сейчас аспекте.

После того как Мухаммед достиг компромисса с мекканцами, они признали проповедуемую им веру ислам. Перед самой своей смертью он написал два письма, то есть не сам написал, а продиктовал, потому что он был неграмотен. Одно византийскому императору, другое персидскому шаху с требованием принять веру ислам. Византийский император оставил письмо без ответа: о чем там разговаривать с этим дикарем. А персидский шах написал очень ехидный ответ. Тогда Мухаммед решил, что надо вести священную войну и заставить всех принять ислам. И после этого вскоре умер.

Немедленно Аравия большей частью откололась от ислама и перестала подчиняться мусульманской общине и халифу, то есть наместнику Мухаммеда – Абу Бекру. Два года пришлось подчинять в жесточайшей войне всю Аравию. Резня была жуткая. Уцелевшие были принуждены принять ислам. Причем меньше всего сопротивлялись мекканцы, которые решили, что все равно, «мы скажем, что мы ее признаем, а проверить-то это

невозможно, а он от нас и отстанет». Так оно и случилось. И они поддержали мусульманскую общину: бедуинов подчинили, Йемен покорили. А после смерти Абу Бекра халиф Омар в 634 г. двинулся походом на Византию и Персию – на две крупнейшие страны того времени.

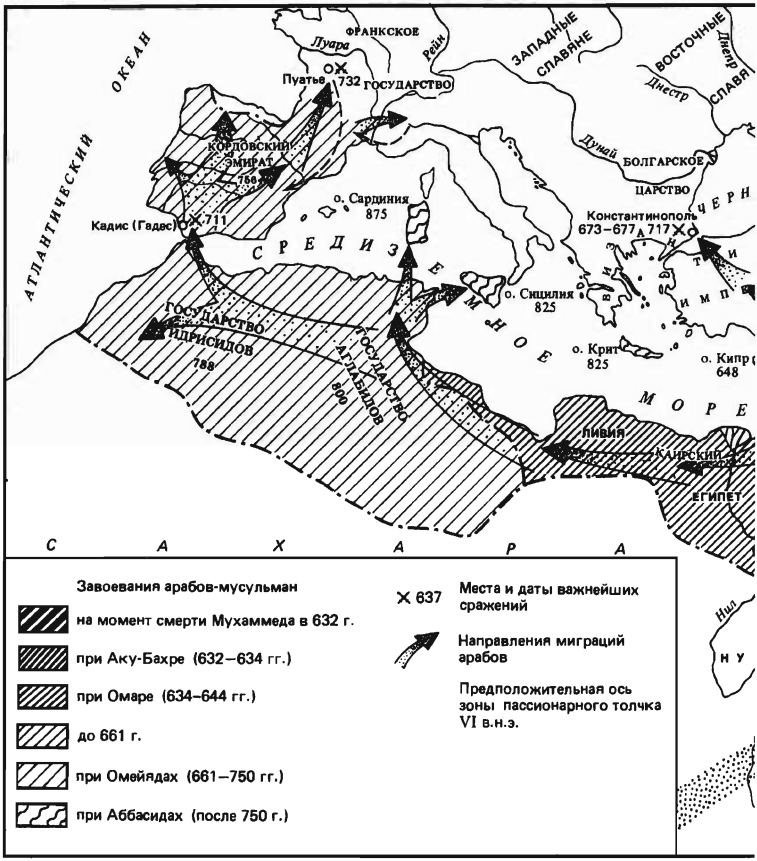
Византия насчитывала около двадцати миллионов населения. Персия была поменьше, но все-таки границы ее доходили до современных Афганистана и Туркмении. То есть две крупнейшие страны с регулярными армиями не обратили никакого внимания на этих никому не нужных и никому не страшных арабов, у которых даже и лошадей-то не было. Марши они совершали на ослах и верблюдах, а перед битвой спешивались и так вели бой.

При Ярмуке в Сирии и при Кадисии в Месопотамии в 636 г. сначала византийское, а затем персидское войско потерпели сокрушительные поражения. Арабы заняли Сирию, вторглись в Персию, потом захватили у Византии Египет почти без сопротивления. Потом достигли Карфагена, заняли его, прошли по морскому берегу до Гибралтарского пролива, в 711 г. перебросились в Испанию, форсировали Пиренеи и были остановлены на Луаре и Роне. Так велик был пассионарный подъем у арабов.

В Персии было точно так же. После битвы при Нехавенде (в Мидии) в 648 г., когда уже персидское ополчение, а не регулярная армия, было разбито, последний шах Иездигерд III бежал. Арабы захватили всю Персию, подчинили ее себе, запретили поклонение огню. Интеллигенты-огнепоклонники уехали в Индию и до сих пор там живут. Остальные персы приняли ислам. Былые аристократы Сасаниды – потомки персидской царствующей династии – в арабский период стали синонимом нищего, который ходит по большим дорогам и просит милостыню.

Из Персии арабы напали на богатейшую страну Согдиану – нашу Среднюю Азию. Такие согдийские города, как Бухара, Ташкент, Самарканд, Коканд, Гургандж, были окружены крепкими стенами, имели большое население. Прекрасные оазисы кормили население этих городов. Воины там были как будто бы и очень смелые – дехканы, носили пояса золотого шитья, великолепные сабли, у них были хорошие кони. А арабы явились туда небольшими кучками, со своими небольшими силами, и захватывали город за городом, брали его иногда обманом, а большей частью силой. Согдийцы начали сдаваться.

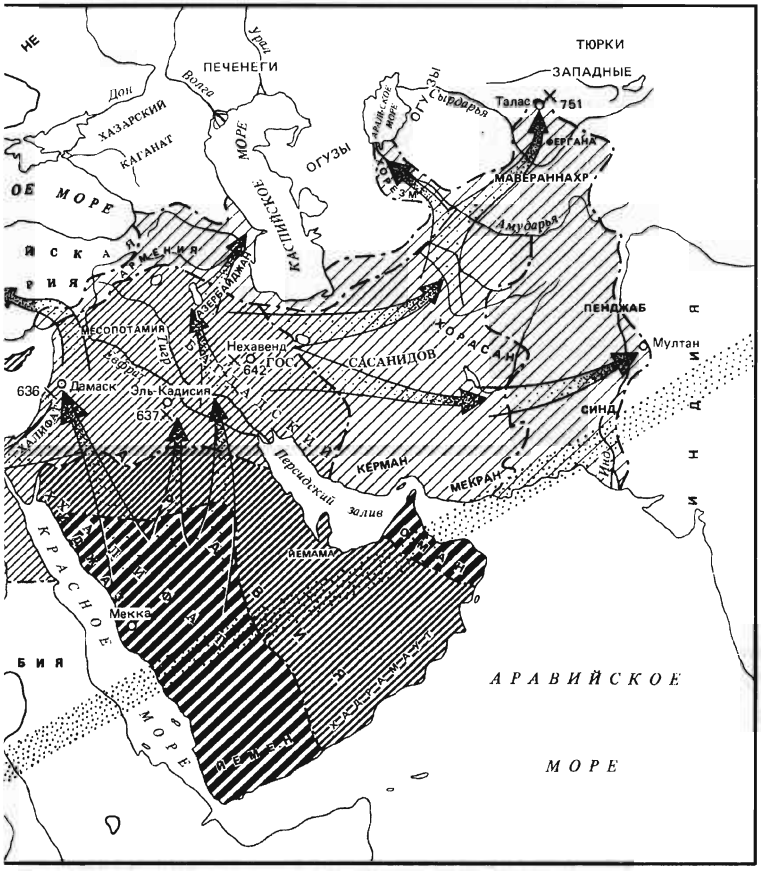
Спрашивается, почему богатая сильная страна становится



Вспышка этногенеза

жертвой нищего завоевателя? Очевидно, у захватчиков был какой-то дополнительный импульс. Теперь мы его знаем – это пассионарность.

С оазисами в Средней Азии они справились довольно быстро, но как только вышли в степь, то столкнулись с кочевыми тюрками и тюргешами (тюргеши – это одна из разновидностей западных тюрок). И тут их продвижение остановилось. Хотя арабы предлагали тюркам принять веру ислама, но те отвечали гордо. Хан тюргешей Сулу говорил: «У меня все люди – воины, а у вас кто? Ремесленники, сапожники, купцы. Мы же ведь этого делать не умеем, следовательно, и ваша вера нам не подходит»[45, с. 356–357].



арабов-мусульман в VII–IX вв. н. э.

А надо сказать, что кочевое население севернее Ташкента и Чимкента, в горах Тянь-Шаня, в Южном Казахстане было крайне редкое. Жили в горах Тянь-Шаня тюргеши, ягма и чигили – три племени. А в степях жили предки печенегов, называвшиеся кангар, и сама страна называлась Кангюй. Предки туркмен – потомки парфян – жили вплоть до Сырдарьи. И этого редкого населения оказалось совершенно достаточно, чтобы остановить арабский натиск.

Тем не менее сдавшееся население Согдианы после очень долгой войны, перипетии которой я опускаю, обязано было или платить огромный налог, или принять ислам. Они сначала платили, а потом решили, что лучше примут ислам, а платить не

будут. Тогда арабский халиф в Дамаске заявил: «Нет, то, что вы приняли ислам, – это хорошо, это спасет вам жизнь после смерти, это даст вам рай, но деньги платить вы все равно обязаны». Тогда они подняли жуткое восстание. Восстания сопровождались жесточайшими экзекуциями.

В это время танская агрессия достигла своей кульминации. Китайские войска вошли в Таласскую долину и столкнулись с арабскими войсками в 751 г. Здесь произошла битва при Таласе, где три дня сражались регулярные китайские войска, которыми командовал кореец Гао Сян Чжи, храбрый человек, огромного роста, широкоплечий, а против него арабские войска, пополненные персидскими добровольцами из Хорасана, то есть ставшие тоже регулярным войском; ими командовал Зияд ибн Салих. Они три дня сражались, не имея возможности одержать победу. Решило дело алтайское племя карлуков, которое ударило по китайцам. Они решили, что китайцы хуже, чем арабы. Они не говорили, что арабы лучше, чем китайцы, нет. Был вопрос не о том, кто лучше, а кто хуже. Китайцы все-таки хуже. После этого китайская армия побежала и уже не пыталась больше проникнуть в Среднюю Азию.

Зияд ибн Салих был казнен за участие в заговоре примерно через полгода после грандиозной одержанной им победы. Это случилось потому, что примерно за год до этой битвы у арабов произошел переворот из-за того, что принцип Мухаммеда – организация страны по конфессиональному признаку населения – игнорировал этнические признаки. Мусульманином мог стать каждый, кто произносил формулу ислама и соглашался принять обрезание. После чего его зачисляли как потенциальную силу в войска халифа, он числился там и мог служить или не служить, как ему удавалось, но многие предпочитали воевать и приносить домой добычу. А добыча была колоссальная. Например, персидский ковер шахского дворца пришлось разрезать на части, потому что у арабов не было такого дворца, где бы его можно было расстелить. Женщин они приводили в огромном количестве, причем немедленно их распродавали на базарах, и по дешевке, потому что женщин-пленниц было много. Их покупали для гаремов. Правда, было сделано исключение для аристократок. Например, дочку персидского шаха Иездигерда продавали по ее желанию: кому она пожелает быть проданной. И перед ней шли покупатели – ближайшие сотрудники Мухаммеда: халиф Омар – она сказала: «Нет, он очень жестокий»; Осман – «Нет, он очень слабый»; Али – «Очень толстый, – говорит, – не подходит»; его

сын Хасан, молодой человек, племянник пророка, сын Фатьмы, – она посмотрела и говорит: «У него губы нехорошие, он сластолюбив, он будет любить не только меня, но и других женщин». Когда прошел Гусейн, она говорит: «Вот этому меня продайте, я согласна». Тут же оформили сделку. У арабов рабовладение в это время принимало вот такие формы, которые в наше время кажутся экзотичными.

Вообще, надо сказать, такой подход был очень разумен. В персидском домострое XI века – «Кабус-намэ», принятом арабами, указано, что раба можно покупать только с его согласия и если почему-то он поссорится с хозяином и пожелает, чтобы его продали, то лучше всего немедленно вести его на базар и продавать. Иначе можно натерпеться с ним столько неприятностей, что он сам того не стоит. Это было больше похоже на сделку по найму, но оформлялось как купля-продажа.

И вот эти рабы, рабыни, пленницы, новообращенные, все ставшие мусульманами, все послужившие в мусульманских войсках, оказались огромной массой людей, связанных между собой только административно-политическими узами. А этническая сущность их ведь никуда же не девалась. Поэтому когда ослабела власть и правоверные халифы, наследники Мухаммеда, проиграли войну с лицемерными мусульманами – потомками его врагов и те захватили власть, то лицемеры Омейяды устроили Дамасский халифат.

Там было фактически разрешено все. Официально считалось, что господствует вера ислама, и пить вино в публичных местах запрещалось. Могли пить христиане и иудеи, а мусульманам было нельзя. Пусть молятся! Но мусульмане пили вино дома, а тут никто не смотрел и никто не выяснял, что они делают. Кроме того, молиться тоже надо было пять раз и совершать омовение. Когда за ними наблюдали, они все это выполняли, а как только переставали следить, то они пренебрегали всеми правилами, и на это смотрели сквозь пальцы.

Единство мусульманской общины исчезло; община распалась на субэтносы. И выяснилось, что существуют арабы мединские, арабы мекканские, арабы-кельбиты (южные), арабы-кайситы (северные). И все они схватились между собой и начали жуткую резню. Если бы я рассказывал об арабах специально, то мне пришлось бы перечислить их внешние войны и их внутренние войны, восстания и их подавления. Так вот! Их количество одинаково. Арабы тратили примерно половину запасов своих пассионарных сил, своей боеспособности, на подавление своих собственных соплеменников, потому что внутренние войны

были еще более ожесточенными, чем с христианами на западе и с язычниками на востоке. Дошло до того, что Мекку штурмовали войска дамасского (омейядского) халифа с применением огнеметного оружия, сожгли храм Каабы. Даже камень треснул от жары. Но они с этими мелочами не считались; они решали свои политические задачи. И вот тут-то выступил со всей силой этнический принцип.

Персы сговорились с арабами-кельбитами против арабов-кайситов, поддержали их и низвергли династию Омейядов, на место которой вступила новая династия, Аббасидов – дальних родственников пророка, не имевших никаких прав на престол. Однако она устраивала победителей. Аббасиды были все смешаны в такой степени, в какой мы даже представить себе не можем. Причем дело не в генетическом смешении. Если, например, у вас бабушка – испанка, то вы или просто этого не знаете, или для интереса иногда вспоминаете. Но если у вас мать – испанка, то она будет вас учить, во-первых, по-испански говорить, будет петь вам испанские песни в колыбельке, потом будет учить вас, что вы должны будете защищать свою честь со шпагой в руке, должны будете ревновать, пить шоколад и вообще делать массу других вещей. А если у вас будет мать, допустим, финка, то она вам скажет, что это все мелочи, чепуха, и через некоторое время сын финки от одного и того же отца, что и испанки, будет пить водку в большом количестве и ревновать не будет, и на шпагах воевать не научится, а если понадобится, то возьмет дубину и дубиной стукнет своего брата-испанца, который будет выступать со шпагой, и т. д. Так вот, мы, к сожалению, не знаем генеалогии всех деятелей Аббасидского халифата, но знаем халифов. У одного мать – персиянка, у второго – берберка, у третьего – грузинка и т. д. Там была страшная мешанина: люди с разными стереотипами поведения, с разным воспитанием. А удерживала более или менее Аббасидский халифат слабость его противников. Но он начал разваливаться изнутри.

Первой пала Испания, куда убежал член Омейядской династии Абдаррахман, и, хотя туда прислали правительственного чиновника наместником, он создавал себе партию, которой предложил отделиться от халифата и жить самостоятельно. И отделились. Потом отделилось Марокко, где жили мавры-кабилы. Затем отделился Алжир, затем Тунис, Египет, Средняя Азия, Хорасан, Сеистан – это восточная часть Персии. Халифат развалился.

Почему здесь важны подробности? Потому что влияние мусульман и мусульманской агрессии на народы нашей страны было колоссальным. Средняя Азия, в которой правили арабские

чиновники – эмиры (эмир – это буквально «особый уполномоченный»), стала мусульманской страной. Когда же арабы заменились местными правителями с титулом – султан (тоже арабское слово), то они уже были мусульманами. Итак, на базе страшных избиений, которые делались при завоевании (а убивали арабы по-джентльменски: только мужчин; женщин они продавали в гаремы, а в гаремах те становились полноправными женами), создалось смешанное население, названное тем же словом, что и их победители, – арабы. У арабов своих терминов было мало, и они заимствовали чужие слова, в частности персидские. По-персидски «корона» – «тадж», а «коронные войска» – это «таджик». Так вот, потомки арабов и согдийских женщин стали называться таджиками, которые и до сих пор существуют (вот пример этногенеза). Сложились они в VIII в. и до сих пор не потеряли ни своего этнического лица, ни своих блестящих способностей, ни своего стереотипа поведения, который они приобрели тогда в результате смешения арабов с тюрками.

ИНДИЙСКИЙ (РАДЖПУТСКИЙ) ВАРИАНТ

А теперь направим караван нашего внимания через раскаленные пустыни Белуджистана к многоводной реке Инд, орошающей окрестные сухие степи, где в VIII в. произошла известная раджпутская революция. Она превратила буддийскую монархию наследников империи Гупта в разобщенную Раджпутскую Индию, связанную только кастовой системой.

Долина Инда – это территория, по климатическим и ландшафтным данным весьма похожая на нашу Туркмению. Пески, пригорки с редкой травой, большая река течет, как у нас Амударья. Инд – река мелкая, с перекатами, хотя и очень многоводная, на реке масса островов и песчаных отмелей, так что индусы, даже во время английского господства, предпочитали переплывать Инд не на катере, который ходил с одного берега на другой и огибал все острова, а на бурдюке. Правда, в Инде есть крокодилы, но индусы привыкли к ним. Брали с собой длинную палку, и, когда крокодил хотел напасть на плывущего, индус бил его палкой по ноздрям, и крокодил сразу исчезал. В общем, Инд и окружающая пустыня являются как бы ландшафтным продолжением Средней Азии, поэтому многие среднеазиатские племена, покидавшие родину, оседали в долине Инда. К моменту толчка их было три – кушаны, саки и

эфталиты: все три – разные этносы. Но, попав на новую территорию, они забыли о своем происхождении, смешались с аборигенами, и отличить их внешне от местных жителей было очень трудно. Но по культам отличать их было еще можно: среднеазиаты почитали в качестве божества солнце, а индусы – змея, но споров из-за этого между ними не было.

А в центральной части Индии и в Бенгалии располагалась культурная и могущественная империя династии Гупта, очень почитавшая солнце – Адитью – и буддизм. Буддисты были очень в большом почете в империи Гупта, как и во всех деспотических империях [85, с. 99].

Деспотическим режимам был выгоден симбиоз с буддистами. Правители обдирали своих крестьян и свое податное население со страшной силой, чтобы поддержать пышность своего двора и могущество своего наемного войска, поскольку буддисты проповедовали, что мир – иллюзия и поскольку у тебя отнимают иллюзорные деньги, иллюзорный хлеб или заставляют тебя работать на постройке иллюзорной дороги, то тебе это все только кажется. Ты подчиняйся, так будет спокойнее. Разумеется, индусы подчинились, куда денешься?! Раз пассионарности нет, будешь подчиняться.

Но пассионарный толчок, захвативший долину Инда, повлиял на индусов так же, как на арабов, в смысле их консолидации, хотя религиозная концепция у них сложилась совершенно иная. Они вспомнили, что когда-то была древнеиндусская религия, о которой они забыли и думать, потому что ее теперь знали только ученые брамины, которые читали на языке санскрит, а это язык искусственный, вроде нашего церковнославянского, простые индусы читать на нем не могли. Но они очень нуждались в какой-нибудь мудрости, чтобы выразить свое новое антибуддистское настроение, свою новую этнокультурную доминанту. И нашелся брамин Кумарилла Бхата[1]. Очень почтенный человек, который громко заявил, что буддисты говорят чушь, утверждая, что мир – иллюзия. Похоже, что он говорил то же, что мой отец:

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

[1] *Кумарилла* восстановил учение о личном Боге и создателе около 750 г. [13, с. 75].

Вывод из этой концепции был крайне прост: бей буддистов и круши империю Гупта! Дело это облегчалось тем, что законная династия прекратилась, у власти стояли узурпаторы, сначала Харша Вардана, потом Тирабхукти – редкий прохвост, он-то и уронил авторитет власти. Поэтому империя довольно быстро рухнула под напором раджпутов – сторонников Кумариллы. Раджпуты разнесли ее своими саблями, причем Кумарилла и другие ему подобные брамины приказывали убивать всех буддийских монахов. А так как буддист в Индии – это обязательно монах, то отличить их было крайне просто, и с ними покончили быстро. Но были слои населения, которые поддерживали режим Гупта и соответственно буддизм. И тогда была перестроена система каст. Тех, кто помогал раджпутам в их раджпутской революции, поместили в высшие касты, отличающиеся от старых варн, которых было всего четыре. Новых каст стало много. Сторонники браминов попали в высшие касты, нейтральные – в средние, а те, кто протестовал, попали в низшие касты – «прикасаемые», но самые низшие. Но были еще и «неприкасаемые», которым было хуже всего, так как им, например, запрещали даже пить воду из источников и рек, разрешали только из следов животных или слизывать росу с листьев. Они не смели ни до кого дотронуться и выполняли самые грязные и самые низкооплачиваемые работы, а некоторые группы неприкасаемых просто подлежали уничтожению. И тогда те, которым рискованно было оставаться на родине, убежали из Индии и появились сначала в Средней Азии, потом на Ближнем Востоке, потом в Европе и в России. Они до сих пор странствуют и называются цыганами.

Единого государства раджпуты не создали. Это были люди крайне независимые, которые не хотели никому подчиняться. Поэтому они создали массу мелких княжеств, враждовавших друг с другом, но скрепленных единой системой каст, то есть единым стереотипом поведения и новой единой браминской религией, которая, правда, раскололась на два исповедания, споривших друг с другом, но не боровшиеся: шиваизм и вишнуизм.

Во главе новой индийской религии, которую оформил один из последователей Кумариллы, Шанкара[1], была индуистская троица: Брама, Вишну и Шива. Творящий Брама все время

[1] *Шанкара* – ученый брамин, шиваистский поэт [см.: История Индии в средние века. М., 1968, с. 198], выдающийся мыслитель VIII в., основатель многих сект и философского учения – веданты [129, с. 53–58, 280–347].

спит, но время от времени он просыпается, творит мир и снова засыпает; пока он спит, мир портится, тогда Брама опять просыпается, видит это безобразие, творит мир заново и засыпает до следующей реконструкции. А в самом мире действуют два начала: охраняющее начало – это Вишну – и начало уничтожающее и воссоздающее – это Шива. Жрецы Вишну назывались учителями – гуру, они учили воздерживаться от всякого рода опьяняющих напитков, которые разрушают тело, и обязаны были оказывать знаки внимания всем женщинам вишнуитского культа.

Если, скажем, пришел старичок учитель в деревню, так он должен переспать со всеми женщинами здесь, иначе жуткая обида, значит, он какую-то семью обошел своими благами, а он должен всем верным оказать знаки внимания; ему, может, и неохота, но обязан, может, там какая-нибудь старушенция или уродина, не имеет значения – выполняй служебный долг!

Шиваитам, наоборот, категорически запрещалось соприкосновение с дамским полом, а наркотические и опьяняющие напитки вменялись в обязанность, для того чтобы как можно скорее уничтожить свою плоть, изнурить ее и тем самым подготовить к восстановлению заново. То есть и тут, и там ничего общего с буддизмом, только идея переселения душ осталась, потому что она была в основе всей восточной мудрости.

Иногда вишнуисты с шиваитами спорили, но эти споры, как мы бы сказали, не были антагонистическими, они, скорее, походили на борьбу демократической и республиканской партий в Америке: одна дополняет другую. Порядка в это время в Индии было мало, потому что Южная Индия с трудом подчинялась новому раджпутскому режиму, но раджпуты все-таки ее завоевали и ввели там свою систему.

Кончилось это довольно быстро, когда пришли мусульмане. Сначала арабы высадились в Синде, а потом среднеазиатские мусульмане начали делать походы через Гиндукуш, через очень удобное Хайберское ущелье, служившее воротами в Индию [см. 84, с. 95–98]. Сопротивление разрозненных индусских княжеств было слабым. Объединяться раджпуты не хотели и не умели, и потому их довольно быстро подчинили себе мусульманские властители, установив в Индии мусульманскую верховную власть. Захватить верховную власть мусульманским султанам оказалось легко[19, с. 243 и след.], но они ничего не могли поделать со строем жизни, со сложившимся стереотипом поведения, с местными воззрениями и всеми этническими особенностями, которые возникли здесь в результате пассионарного толчка.

И мусульмане, и сменившие их англичане вынуждены были с этим мириться вопреки своим прямым интересам. Ничего тут поделать было нельзя. Если какой-нибудь мусульманский султан вдруг решал нарушить обычай индусов, то его в один прекрасный момент кусала кобра. Неприятно! Лучше уж не нарушать обычаи индусов; и мусульманские владыки выучили это очень хорошо. Англичане с такими сюрпризами справлялись, но они спасовали перед другой коллизией. Дело в том, что когда выросли большие торговые города, такие, как Бомбей (это город с несколькими миллионами жителей), то неприкасаемые, которые одни только могли заниматься уборкой улиц, быть дворниками (ни один другой индус под угрозой исключения из касты не возьмет метлу в руки), повысили цену на свой труд. А англичане и жившие там англичанки не могли даже у себя дома вытереть пыль, хотя им это ничего не стоило – взял тряпку да и обтер; но в таком случае все индусы стали бы их презирать, могли и взбунтоваться. Поэтому приходилось нанимать какую-нибудь индуску низшей касты, которая приходила, вытирала пыль и брала за это половину зарплаты мужа. Впоследствии эти неприкасаемые и совсем обнаглели. Устроили забастовку метельщиков и уборщиков во всем Бомбее, и ни одного штрейкбрехера не нашлось. Лучшие адвокаты были у них. Они выбрали талантливых мальчиков из своей касты, послали в Англию, в Оксфорд и Кембридж. Те кончили юридические факультеты, стали адвокатами, вернулись и очень дельно защищали интересы своей касты в судах. Самым выгодным оказалось быть членом низшей касты! И доходы, и работа неутомительная, и притом никакой конкуренции. Так что новый стереотип поведения оказался чрезвычайно жизнестойким: с VII–VIII вв., когда он установился, дожил до XX в. И сейчас новое правительство сталкивается с этой проблемой, хотя Неру касты отменил. Но Дж. Неру был индус только по рождению, а по строю своей жизни, по воспитанию, по профессии, по образованию, по всему это был типичный английский журналист, и, естественно, он ввел английские порядки, а что из этого получится, будущее покажет.

ТИБЕТСКИЙ ВАРИАНТ

Совершенно иначе толчок проявился в Тибете. Тибет из маленькой горной страны, в VI–VII вв. раздробленной, разобщенной, разноплеменной, превратился в военную монархию

аристократического типа и захватил Великий караванный путь от Китая до Средней Азии, то есть взял контроль над торговлей шелком. Правда, это продолжалось недолго. Тибет был по сравнению с Китаем очень малолюден, там было не более трех миллионов населения, а в Китае было около пятидесяти шести миллионов, но тем не менее силы их уравновешивали друг друга [45, с. 349–362, 404–424].

Тибет – страна горная и изолированная, но изолированная довольно относительно. В V в. западная часть Тибета была населена индоевропейскими племенами, близкими к индусам. Там жили *дарды* и *моны*. Они исповедовали светлую религию Митры, но очень искусились в колдовстве и волшебстве: порчу наводили, какие-то травы у них были волшебные, гипноз, телепатия, заклинания. Всего такого у них было полным-полно, и при этом сами они были европеоидного типа. А в Восточный Тибет из Южного Китая бежали от китайцев некитайские племена, они постепенно поднимались по великой реке Брахмапутре и здесь назывались *кяны*. В Тибете кяны встретились с дардами и монами.

О происхождении тибетцев, возникших на месте этого этнического контакта, сохранилась легенда, предвосхитившая Дарвина. Правда, в отличие от Дарвина, люди – только наполовину обезьяны, обезьяной был их предок-отец. Мама-самка была ракшас, что-то вроде лешего (ракшас – это горные лесные демоны). А было якобы так [63, с. 16–17].

Чертовка ракшас увидела прекрасного царя обезьян, который пришел в Тибет спасаться по буддийской вере. Она в него влюбилась, пришла к нему и потребовала, чтобы он на ней женился. Бедный царь обезьян был отшельником, учеником Авалокиты, он знать не хотел никаких женщин вообще, он пришел сюда заниматься спасением своей души, а вместо этого, пожалуйста, явилась влюбленная ведьма и требует взаимности. Ну, он категорически отказался. Тогда она спела ему песню:

О, обезьяний царь! Услышь меня, молю.
По воле злой судьбы я бес, но я люблю.
И, страстью сожжена, теперь к тебе стремлюсь,
Со мной не ляжешь ты, я с демоном сольюсь.
По десять тысяч душ мы будем убивать,
Мы будем жрать тела, мы будем кровь лизать
И породим детей жестоких, словно мы,
Они войдут в Тибет, и в царстве снежной тьмы

У этих бесов злых возникнут города,
И души всех людей пожрут они тогда.
Подумай обо мне и милосерден будь,
Ведь я люблю тебя, приди ко мне на грудь!

Бедный отшельник, испуганный такой настойчивостью, обратился к Авалоките и стал ему молиться:

Наставник всех живых, любви и блага свет,
Я должен соблюдать монашеский обет,
Увы, бесовка вдруг возжаждала меня,
Мне причиняет боль, тоскуя и стеня,
И крутится вокруг, и рушит мой обет.
Источник доброты! Подумай, дай совет.

Авалокита подумал, посоветовался с богинями Тонир и Тара и сказал: «Стань мужем горной ведьмы». А богини закричали: «Это очень хорошо, даже очень хорошо». И обезьяна с ведьмой народили детей. Дети были самые разные, одни были умные, похожие на отшельника, другие хищные, похожие на маму, но все они хотели есть, а есть было нечего, потому что отец и мать, занятые самосовершенствованием, о них не заботились, и они стали кричать: «Что же нам есть?» Тогда бывший отшельник обратился опять к Авалоките и пожаловался ему:

Учитель, я в грязи, средь сонмища детей,
Наполнен ядом плод, возникший из страстей,
Греша по доброте, я был обманут тут,
Мне вяжет руки страсть, страдания гнетут.
Жестокая судьба, и мук духовных яд,
И боли злой гора всегда меня томят.
Источник доброты, ты должен научить,
Что надо делать мне, чтоб дети стали жить,
Сейчас они всегда, как бесы, голодны,
А после смерти в ад низринуться должны.
Источник доброты, скажи, скажи скорей
И милосердья дар пролей, пролей, пролей.

Авалокита помог ему, дал бобы, пшеницу, ячмень и всякие плоды и сказал: «Брось в землю, они вырастут, и ты будешь кормить детей». И вот от этих детей пошли тибетцы. Древняя легенда довольно точно передает коллизию, которая исторически подтверждается: наличие двух этнических субстратов,

которые в условиях пассионарного толчка консолидировались и создали единый, монолитный и весьма энергичный, хотя и многоэлементный, мозаичный внутри системы тибетский этнос. Исходными элементами этого этноса были, с одной стороны, дардские и монские индоевропейские племена, а с другой – монголоидные кяны (*кян* – древнее произношение *цян*). Все они были духовно скреплены единой верой – митраистской религией бон, но не могли достичь политического единства, потому что каждое племя не желало признать главенства другого. Но тибетцам повезло, им удалось найти компромисс. В эпоху великого упадка Китая в V веке, когда в бассейне Желтой реки шла жуткая резня, один из побежденных вождей бежал от своих победителей *табгачей* (этнос, пришедший из Сибири) в Тибет. Звали его Фан-ни. Тибетцы приняли его с отрядом и выбрали своим цэнпо. Цэнпо – это не то царь, не то председатель, не то президент; в общем, высшая тибетская должность с большими полномочиями и без всякой возможности их осуществления. Таким образом нейтральный пришелец Фанни стал главой всех тибетцев с большими прерогативами, но без реальной власти, потому что он должен был считаться и со жрецами бона, и с племенными вождями.

Тем не менее единая организация была создана, и тибетцы стали распространяться на запад, завоевывая памирские земли, и на восток. Шаншун – это Северный Тибет – они не захватывали, потому что жить там плохо: слишком большая влажность, муссоны с Индийского океана, достигая хребтов Северного Тибета, выпадают здесь проливными дождями, дальше через Куньлунь они не переносятся, но в Северном Тибете такая сырость, что и кизяк гниет сразу же, не сохнет, и деревья, если падают, немедленно гниют, и нечем развести огонь, хотя лесов много и зверей много. Поэтому тибетцы двинулись на восток и запад.

Каждый поход надо было согласовывать со всеми вождями племен и с жрецами религии бон; руки у цэнпо́ были связаны, а он стремился к реальной власти и поэтому обратил свои взоры к буддизму. Как я уже говорил, буддийские общины всегда ютились у подножия деспотических престолов, потому что деспот, не имеющий опоры в народе, нуждается в космополитичных интеллигентных советниках и сотрудниках, не связанных с народом и обязанных лично ему. Буддийская община по принципам своим всегда экстерриториальна; человек, вошедший в общину, рвет все прежние этнические, племенные, родовые связи. Поэтому деспоту очень удобно использовать

энергичных буддистов в качестве своих советников или чиновников.

Этот опыт перенял один из цэнпо, Сронцангамбо. Он пригласил к себе буддистов и сказал им, что он разрешает проповедовать буддизм в Тибете и тем самым надеется получить оппозицию племенным вождям и жрецам бонской веры. Коллизия известная: престол выступает против традиционной аристократии и церкви. В Европе такое бывало неоднократно. Кончилось это для Сронцангамбо плохо, несмотря на его исключительную энергию. Источники сообщают о постройке им великолепного дворца Потала; его можно увидеть на многочисленных картинках, он до сих пор стоит: тогда строили надежно. Вокруг дворца тогда валялись вырванные глаза, отрубленные пальцы, руки, головы, ноги людей, которые или не хотели принимать буддийскую веру, или спорили с ней. Потом куда-то исчез сам цэнпо, буддизм оказался в гонении, потом царь появился снова. История темная. Я просидел несколько лет над тибетской историей этого периода и пришел к выводу, что установить хронологию этого периода при наличии даже нескольких версий – собственно тибетской, китайской – и отрывочных сведений, которые сохранились в Индии (они переведены на английский и все сейчас доступны), очень трудно [там же].

Ясно то, что в Тибете сложились две партии – монархическая, которую поддерживали буддисты и которая хотела совершить в стране переворот с ущербом для аристократии и традиционной церкви, и партия традиционалистов – аристократов, сторонников бона и противников буддизма.

С одним из последних – Мажаном – произошла такая история. Он фактически был главой правительства при молодом цэнпо и ничего не боялся, потому что знал, что убить его буддисты не могут – буддистам нельзя никого убивать. Но буддисты вышли из положения. «Ладно, – сказали они, – мы его не убьем»; заманили правителя-бонца в подземную пещеру, где были могилы царей, и заперли дверь; никто его не убивал, он сам там умер. И закон буддийский был соблюден, и переворот совершен. Молодой цэнпо был объявлен воплощением Маньчжушри – бодисатвы мудрости; он вел жесточайшие войны руками своих бонских подданных, но правил ими при помощи буддийских советников. Кончилось это все трагически – бонские жрецы его околдовали, когда он изменил своей тибетской жене в пользу индусской. Обиженная жена заполучила его нательное белье, через эту одежду его «околдовали», и он умер. По-видимому, его отравили.

Ясно, что пассионарное напряжение было там страшное, власть использовала иноземную культуру для объединения Тибета. Это привело к трагической развязке. Последний монарх Лангдарма вернулся к вере предков и начал истреблять всех буддийских монахов. Тогда один буддийский монах решился его убить – пожертвовал своей душой, не жизнью, которой не жаль, а бессмертием, ведь душа монаха-убийцы должна развалиться, погибнуть и в нирвану уже никогда не попасть. Но он ради веры пожертвовал душой, застрелил Лангдарму и убежал [там же]. А потом началась полная анархия, Тибет развалился, а ведь это была крупная держава. Непал и часть Бенгалии принадлежали ей.

Каждое племя огородилось дозорами, каждый монастырь и замок огородились высокими стенами, выйти куда-нибудь попасти скот или поохотиться стало связано с риском для жизни, то есть в Тибете после этой пассионарной вспышки сгорание произошло настолько быстро, что все взорвалось. Буддизм потерял Тибет полностью, тибетцы вернулись к старой вере и колдовству, которое их очень устраивало: можно околдовать врагов и опоить их зельем, навести на них порчу – очень хорошие средства борьбы. Но в XI в. явился туда новый проповедник – Атиша, который стал проповедовать мягкие формы буддизма (а буддизм в это время имел уже огромное количество разных форм). У него оказался талантливый ученик – поэт Миларайба, который сочинял дивные стихи. И эти стихи на родном тибетском языке дошли до сердец тибетцев. Постепенно тибетцы стали переходить в буддизм, принимать его принципы, и даже бон разделился на черный бон, враждебный буддизму, и белый бон, компромиссный буддизму. Продолжалось это до XV века, пока там не появился новый гениальный тибетский мальчик Цзонхава, который создал «желтую веру» – тот буддизм, который стали исповедовать монголы, буряты и калмыки. Вера эта складывалась под влиянием несторианства, которое было принесено еще в VI в. в Восточную Азию, – все это уже подробности истории культуры, которые нас сейчас не интересуют.

ХУННСКИЙ ВАРИАНТ

Восточная Азия разделена климатическим барьером на два больших региона. Первый – Срединная равнина (Чжун-го) между великими реками Хуанхэ и Янцзы – теплая влажная страна, орошаемая тихоокеанскими муссонами [62, с. 180. См. также: 17,

с. 41; 50; 92, с. 56; 128, с. 18]. Севернее ее сухие степи и пустыни нынешней Монголии и Джунгарии, малопригодные для земледелия. Еще в древности первый объединитель Срединной равнины Цинь Шихуанди приказал соорудить стену, разделившую оба эти региона. И хотя стена неоднократно ломалась и рассыпалась, ее возобновляли; так древние географы нашли наилучшее место для границы между двумя географическими регионами.

Севернее этой границы последовательно возникали и исчезали саки, хунны, табгачи, древние тюрки – тюркюты, уйгуры и монголы.

А южнее историки насчитывают три витка этногенеза: архаический, древний и средневековый. Очевидно, и до архаического периода были какие-то неизвестные нам этногенезы, как, впрочем, и во всех ранее перечисленных вариантах.

Предки аборигенов бассейна Хуанхэ, которых мы в дальнейшем для простоты будем называть по привычке китайцами, постоянно вели войны друг с другом и вытеснили ряд племен на север. Беглецы, покинувшие родину и укрывшиеся за просторами пустыни Гоби, были предками хуннов. В нынешней Монголии они смешались с местными племенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Так сложился новый этнос – хунны.

В IV в. до н. э. хунны образовали мощную державу – племенной союз двадцати четырех родов, возглавляемый пожизненным президентом – шаньюем – и иерархией племенных князей – «правых» (западных) и «левых» (восточных). Хунны были воинственны, мужественны, восприимчивы к культуре. Казалось, что им предстоит великое будущее [34, с. 292; 65].

Не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка, или взрыва этногенеза, на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии, до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге Срединная равнина была объединена грозным царем Цинь Шихуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н. э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий на склонах хребта Инь-Шань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ и передать престол любимому младшему сыну от очаровательной наложницы.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада,

степными обывателями. Если бы все хунны были такими, то мы бы не услышали даже имени их. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей был сам царевич Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, чтобы они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и убежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему под команду отряд в 10 000 семей. Модэ ввел в своем войске крепкую дисциплину и произвел переворот, при котором погибли Тумань, его любимая жена и младший сын (209 г. до н. э.)

Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли «дун-ху», отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покорил саянских *динлинов* и *кыпчаков*. Так создавалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 000 человек.

Тем временем в Китае продолжалась истребительная гражданская война. Если объединение Срединной равнины победоносным, полуварварским царством Цинь унесло $^2/_3$ населения побежденных царств, а угнетение покоренных – неизвестно сколько, то восстание всей страны против циньских захватчиков завершило демографический спад. Циньские воины закапывали пленных живыми. Так же поступали с ними повстанцы, пока крестьянский вождь Лю Бан не покончил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н. э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н. э. Модэ победил Лю Бана, основателя династии Хань, и заставил его заключить «договор мира и родства», то есть мир без аннексии, но с контрибуцией. Этот договор состоял в том, что китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, то есть замаскированную дань.

Но не только венценосцы, но и все хуннские воины стремились подарить своим женам шелковые халаты, просо для печенья, белый рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдывала себя: тяжеловато и рискованно. Гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе.

В ответ на это хуннские шаньюи, преемники Модэ, ответили набегами и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Ведь всех богатств Великой степи не хватило бы для эквивалентного обмена на ханьских таможнях, так как необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В аналогичном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо и малые юечжи Цайдама. До гражданской войны западную границу охраняли недавние победители – горцы западного Шэньси – циньцы. Этот сверхвоинственный этнос сложился из шанских аристократов, высланных на границу ванами (царями) Чжоу и перемешавшихся с голубоглазыми и рыжеволосыми *жунами,* древнейшими обитателями Дальнего Востока. Но поражения от повстанцев унесли большую часть некогда непобедимого войска, и западная граница империи Хань осталась неукрепленной.

Мало помогла обороне и Великая Китайская стена, ибо стены без воинов – не препона врагу. Для того чтобы расставить по всем башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, даже в то время, когда они просто сторожат стену, не хватило бы ни людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому стена, сооруженная Цинь Шихуаном, спокойно разрушалась, а ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набеги на хуннские кочевья еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II–I вв. до н. э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу нашей эры численность китайцев достигла почти 60 млн человек. А хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и казалось, что силы Хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали сами правители Китая и их советники, но они ошиблись. Сравнительная сила держав древности измеряется не только человеческим поголовьем, но и фазой этногенеза, или возрастом этноса. В Китае бытовала инерционная фаза, преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя, ибо процесс этногенеза в Китае начался в IX в. до н. э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников, называвшихся «молодыми негодяями», и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя в Китае были прекрасные полководцы, боеспособность армии была невелика.

Хунны были в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали.

Поэтому с 202 до 57 г. до н. э. малочисленные, но героические хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволили империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Однако это подчинение было скорее формальным. Часть хуннов откочевала на запад, в долину р. Талас, и вступила в союз с парфянами. Те прислали на поддержку хуннам отряд римских военнопленных, и в 36 г. до н. э. произошла встреча римлян с китайцами. Римляне пошли в атаку сомкнутым строем – «черепахой», прикрывшись щитами. Китайцы выставили тугие арбалеты и расстреляли римлян, не потеряв ни одного бойца, после чего взяли крепость и убили всех защитников.

Этот эпизод весьма поучителен. Если китайцы I в. до н. э. были сильнее римлян, но слабее хуннов, против которых использовали численный перевес, то законно сделать вывод о том, что энергетический импульс молодого этноса уравнивает численность и организацию этносов старых, то есть успевших создать свою цивилизацию, где бы это ни случилось: в Риме, Англии, Аравии или на острове Пасхи. Закономерность обща для всех.

И действительно, как только Китай перешел от деликатного обращения с хуннами к попытке вмешаться в их внутренние дела, на что посягнул узурпатор Ван Ман в 9 г. н. э., хунны восстали, отложились от Китая и помогли китайским крестьянам – «краснобровым» – сбросить и убить узурпатора в 25 г. Эта авантюра стоила Китаю 70 % жителей, но к 157 г. численность населения восстановилась до 56 млн человек. Но это были уже не те люди.

В конце II в. очередное крестьянское восстание – «желтых повязок» – погубило династию Хань и древнекитайскую цивилизацию. Фаза инерции этногенеза сменилась фазой обскурации [46, с. 108–127]. В III в. население Китая упало до 7–8 млн человек. И это были уже не мужественные, работящие крестьяне, а усталые и деморализованные люди, неспособные защитить себя от пришлых племен: хуннов, тангутов и сяньбийцев. Ханьская агрессия на запад не состоялась. И в этом заслуга хуннов перед человечеством.

Дальше, в I–II вв. последовал разгром державы Хунну, но не китайскими войсками империи Хань, а степными, лесными и горными соседями хуннов, не сумевших установить с ними дружеских отношений.

Севернее державы Хунну, в Минусинской котловине, лежала страна динлинов. Хунны подчинили ее, и на месте «тагарской» культуры возникла «таштыкская», в которой монголоидный элемент увеличился, видимо, вследствие контакта с хуннами. В 85 г. динлины восстали и участвовали в разгроме хуннов вместе с сяньби и Китаем. Разбиты сяньбийцами в 157 г.

Сяньби – древние монголы, родились как этнос вместе с хуннами, от одного «толчка». Но они отстали в развитии, и потому, когда у хуннов наступила акматическая фаза, сяньбийцы были еще в фазе подъема. Поэтому им удалось одержать победу над хуннами в 91 г., а в 155–181 гг. талантливый вождь Таншихай подчинил себе территорию современной Монголии и разгромил в 177 г. три китайские армии, пытавшиеся вторгнуться в Великую степь. После его смерти сяньбийская держава распалась. Как видно, у сяньбийцев тоже наступил пассионарный перегрев.

В отличие от патриархально-родового строя Хунну, Таншихай создал подлинную военную демократию, то есть превратил народ в войско. Именно это помогло ему одержать победы, но потом обеспечило быстрый распад державы. Ведь воины чтут только личность вождя, а для того, чтобы охранять социальную систему, нужна еще и традиция. Вот почему побежденные и расколотые на три державы хунны пережили своих победителей. До V в. хунны были мощны и в Азии и в Европе, пока процесс этногенеза не привел их к естественному концу [62, с. 272].

ТАНСКИЙ (ТАБГАЧСКИЙ) ВАРИАНТ

К III в. н. э. закончился древнекитайский виток этногенеза, а природное бедствие – вековая засуха – вытеснило хуннов из степи на берега Хуанхэ. Слишком тесный контакт с китайцами не пошел на пользу ни тем, ни другим. От войн, голода и разрухи население Северного Китая сократилось на 80%. Но в VI в. ось пассионарного толчка прошла через Северный Китай.

Интересующий нас период совпал с VI в., когда жители Срединной равнины слова «китай» не знали. Часть их была помесью обитателей долины Хуанхэ с пришлыми табгачами. Другая часть – их злейшие враги – были аборигенами.

Ныне мы их называем китайцами, но это часто возникающая филологическая ошибка – перенос названия с одного

предмета на другой. Название «китай» относилось к небольшому племени в Западной Маньчжурии, а древнерусские географы распространили это название на жителей Срединной равнины и даже на обитателей тропических джунглей за рекой Янцзы.

Но в VI в. существовали два названия: Чжун-го-жень (человек Срединного государства – срединник) и табгач. Первые создали империю Суй (581–618), мы договорились называть их китайцами, а псевдотабгачи – Тан (618–907). Этих последних мы будем называть «имперцы», ибо фактический создатель империи Тан – Тайцзун Ли Шиминь, подобно Александру Македонскому, попытался объединить два суперэтноса: степной и китайский. И из этого, конечно, ничего не вышло, так как законы природы не подвластны произволу царей. Зато получилось нечто непредусмотренное: вместо противостояния Великой степи и Срединной равнины возникла третья сила – империя Тан, равно близкая и равно чуждая кочевникам и земледельцам. Это был молодой этнос, и судьба его была замечательна [45, с. 504].

Окинем взглядом ход событий. К 577 г. Тюркютский каганат расширился на запад до Крыма. Это значит, что силы тюркютов были рассредоточены. А Китай (Северный) объединился: Ян Цзянь, суровый полководец царства Бэй-Чжоу, завоевал царство Бэй-Ци, а вслед за тем подчинил Южный Китай: Хоу-Лян и Чэнь в 587 г., и в 589 г. Китай стал сразу сильнее каганата, переживавшего первую междоусобную войну и к 604 г. расколовшегося на Восточный и Западный каганаты.

Этот раскол был тоже неслучайным. В Великой степи правители вынуждены считаться с настроениями воинов, а так как все мужчины были воинами, то, значит, с чаяниями народов. А коль скоро народы в Монголии и Казахстане в VI–VII вв. были разными и их интересы, быт и культура различались, то раскол каганата был неизбежен. В 604 г. погиб последний общетюркский хан, убитый тибетцами, и два новообразовавшихся каганата оказались вассалами империи Суй.

Молодая империя Суй, находившаяся в фазе подъема, была сильнее, богаче и многолюднее каганата, уже вступившего в инерционную фазу. Казалось, что Китай вот-вот станет господином мира, но человечество спас преемник Ян Цзяня – Ян Ди. Это был человек, в котором сочетались глупость, чванство, легкомыслие и трусость. Роскошь при его дворе была безмерна: пиры-оргии с тысячами (да-да!) наложниц, постройки увеселительных павильонов с парками от Чанъани до

Лояна, смыкающимися между собой; подкупы тюркютских ханов и старейшин, поход в Турфан и войны с Кореей – абсолютно неудачные, ибо сам император принял командование, не зная военного дела, и т. д.

Налоги возросли и выколачивались столь жестоко, что китайцы, ставшие молодым этносом, восстали. Восстал и тюркютский хан, отказавшийся быть куклой в руках тирана, восстали пограничные командиры, буддийские сектанты – поклонники Майтрейи, и южные китайцы, завоеванные отцом деспота. Ян Ди укрылся в горном замке и там пировал со своими наложницами, пока его не придушил один из придворных.

Этот пример приведен для того, чтобы показать, что личные качества правителя хотя и не могут нарушить течение истории, но могут создать в этом течении завихрения, от которых зависят жизни и судьбы их современников. Подавляющее большинство китайцев, сильно- и слабопассионарных, стремились к национальному подъему и поддерживали принципы Суй. Но коронованный дегенерат парализовал их усилия, и победу в гражданской войне 614 – 619 гг. одержал пограничный генерал Ли Юань, обучивший свою дивизию методам степной войны и отразивший тюркютов, пытавшихся вторгнуться в Китай.

Фамилия Ли принадлежала к китайской служилой знати, но с 400 г. оказалась в связи с хуннами, потом с табгачами и, наконец, добилась власти, основав династию Тан. Опорой династии были не китайцы и не тюркюты, а смешанное население северной границы Китая и южной окраины Великой степи. Эти люди уже говорили по-китайски, но сохранили стереотипы поведения табгачей. Ни китайцы, ни кочевники не считали их за своих. По сути дела, они были третьей вершиной треугольника, образовавшегося за счет энергии пассионарного толчка.

Сам Ли Юань был просто толковым полководцем, но его второй сын, Тайцзун Ли Шиминь, оказался мудрым политиком и правителем, подлинным основателем блестящей империи Тан. Когда к нему прибыли послы от наших саянских кыргызов, он им сказал: «Мы с вами родственники, одноплеменники, одного народа» [16, т. 1, с. 355]. В общем, он проявил невероятную любовь ко всему «западному», а для Китая запад – это Монголия, Средняя Азия и Индия. Индия поставляла буддизм. А в это время, в VII в., в самой Индии буддистам стало плохо, поэтому они с удовольствием переезжали в Китай, чтобы становиться там учителями. В Монголии жили древние тюрки – исключительно воинственный народ, которые, будучи побеждены этим Тайцзуном (а это, надо сказать, был очень хороший человек,

благородный), признали его своим ханом, а подчинились лично ему, но не Китаю.

А согдийцы, на которых в VII в. страшно давили арабы, бросились в Китай за помощью, они просили гарнизонов, просили полевых войск, чтобы их спасли от арабских грабителей. И вместе с их дипломатами в Китай шли и деньги, и вещи, а вместе с вещами и культурное влияние. Танская династия была самой западнической династией Китая.

По совету Ли Шиминя его отец, командовавший войском, взяв Чанъань, объявил амнистию, кормил голодных крестьян зерном из государственных амбаров, отменил жестокие суйские законы и назначил пенсии престарелым чиновникам. Новая династия приобрела популярность.

Будучи талантливым полководцем, Ли Шиминь подавил всех соперников – пограничных воевод (с 618 по 628 г.), победил восточных тюркютов в 630 г., отразил тибетцев, разгромил Когурё (Корею) в 645–647 гг. и оставил своему сыну в наследство богатую империю с лучшей в мире армией и налаженными культурными связями с Индией и Согдианой. Оставалось лишь подчинить Западный каганат... и это произошло в 658 г. С этого года империя Тан была 90 лет гегемоном Восточной Азии. Искусство и литература эпохи Тан остаются до сих пор непревзойденными.

Примечательно, что мыслители VII в. заметили смену «цвета времени», связанную с хуннской историей. Ли Шиминю приписана формулировка: «В древности, при Ханьской династии, хунну были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен, а северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их» [33, с. 243].

Что Ли Шиминь подразумевал под «силой»? Явно не число подданных и не техническую оснащенность. Он имел в виду тот уровень энергетического напряжения этносистемы, который раньше назывался «боевым духом». В III–I вв. до н. э. хунны были молодым этносом, то есть находились в фазе пóдъема, а Хань – в фазе угасающей инерции. В VII в. толчок изменил положение диаметрально: потомки хуннов и сяньбийцев находились в инерционной фазе, в этнической старости, еще не дряхлости, а Северный Китай – на подъеме, так же как его ровесник – Арабский халифат.

Оба они проходили через тот уровень пассионарного напряжения, при котором расцветают культура и искусство, и оба были сожжены пламенем пассионарного перегрева. В Китае это произошло так.

Китайские националисты, поборники Суй, ненавидели поборников Тан, не считая их за китайцев. Они говорили: «Зачем нам эти западные чужие обычаи, зачем нам, чтобы юноши уходили в буддийские монастыри и, ничего не делая там, выпускали свою энергию куда-то в воздух, ради спасения души? Они должны быть или земледельцами, или чиновниками, или солдатами, они должны приносить пользу государству. Надо перебить всех буддийских монахов, запретить все западные влияния и заставить людей работать на благо своей страны» [90, с. 127].

Но танские монархи – наследники Тайцзуна продолжали увлекаться индийским балетом с обнаженными танцовщицами (китаянки танцуют одетые в халаты); своими воинами, которые скакали в широких штанах на степных конях, а не так, как китайцы, трусцой еле-еле, держась за луку; покровительствовали согдийцам, которые приходили с богатыми дарами и проповедовали учение Мани (это гностическое учение), переводили на китайский свои книги. Кончилось тем, что основная масса китайского населения перешла в резкую оппозицию к власти. Китайские патриоты одолели. Китайская императрица У, что значит «попугай», ввела обязательный экзамен на чин. Этот порядок сохранился вплоть до Гоминьдана. Теперь, чтобы получить чиновную должность, надо было сдать экзамен по классической китайской филологии, написать сочинение и ответить устно. Экзамены были жуткие, принимали в значительной степени по блату, но все же требования были невероятно высокие. А кто же принимал? Профессора-то все были китайцы, и пропускали только своих, да свои только и могли выучиться: китайцы – страшно усидчивый народ. А тюрки, согдийцы, тибетцы, которые служили империи, или корейцы, которые служили в танское время в армии, они и кисть-то держать не умели, подписаться-то еле-еле могли. Конечно, они теряли должности и все преимущества, но так было только в гражданском управлении, в военном они держали власть в своих руках, ибо у них были сабли и они умели ими владеть лучше китайцев. Тогда возникла рознь между гражданскими чиновниками и военными. Казалось бы, военные имеют реальную силу – они могут сражаться, но китайцы стали писать доносы, и очень ловко писали. Они оговаривали всех наиболее способных полководцев, наиболее лояльных принцев танского дома, наиболее выдающихся солдат, и тех по доносам казнили, в армию засылали массу шпионов, которые должны были обо всем доносить. Китайцы-то к этому привыкли: подумаешь – стукач! А тюрки этого

переносить не могли: как же это? Он мой боевой товарищ или стукач? Что-нибудь одно, и если про кого выясняли, что стукач, то его убивали. Но тогда им присылали следующего: таким образом выявлялось полное этническое несоответствие. Кончилось тем, что императрица У произвела переворот и казнила почти всех принцев танского дома, кроме собственного сына, которого загнала в жуткую ссылку. Потом ее низвергли, сына вызвали, и он, хотя и был совершенно травмирован, стал, однако, управлять страной весьма сносно. Но тогда его жена произвела очередной переворот. Китаянки действовали смело и пассионарно. Ее прикончили сторонники танского дома, но за это время, пока она торжествовала, тюрки восстали, согдийцы предпочли подчинение арабам, а тибетцы бросились на западную границу.

В 682 г. Кутлуг Эльтерес-хан восстановил Тюркский каганат, и до 745 г. тюрки отражали китайские набеги на Великую степь. Борьба была неравной. Китайцы путем дипломатии лишили тюрок союзников и подвергли истреблению, еще более страшному, чем хуннов. Но уже в 751 г. китайские армии потерпели поражения на трех фронтах: арабы победили китайцев при Таласе, чем принудили их покинуть Среднюю Азию; кидани разгромили китайский карательный корпус в Маньчжурии; лесные племена Юньнани, освободившиеся от власти Китая в 738 г., у озера Сиэр начисто уничтожили 60-тысячную оккупационную армию, а их союзники, тибетцы, вытеснили китайцев с берегов озера Кукунор.

Танская агрессия захлебнулась так же, как на 600 лет раньше – ханьская, и, что особенно важно, по тем же причинам. Но выводы делать еще рано. Продолжим анализ.

Реальной силой империи Тан была наемная армия, вербовавшаяся среди иноземцев, ибо для придворных китайцев терпимость династии Тан была одиозной как по отношению к буддизму, так и в плане компромиссов со степняками. Кончилось все катастрофой. Один из генералов, Ань Лушань, сын согдийца и тюркской княжны, в 756 г. возглавил в местечке Юйянь восстание трех регулярных корпусов, составлявших ударную силу армии.

Три корпуса, 150 тысяч человек, под звук барабанов поклялись, что они испепелят эту подлость – стукачество, лучше погибнут все, но мириться с этим не будут. И началась страшная гражданская война, которая продолжалась всего шесть лет, но унесла в могилу 36 млн жизней. До войны в Китае было 53 млн населения, после войны осталось 17 В то время каждый профессиональный воин был по нашему счету мастер спорта, а то и чемпион по фехтованию и верховой езде, а против них

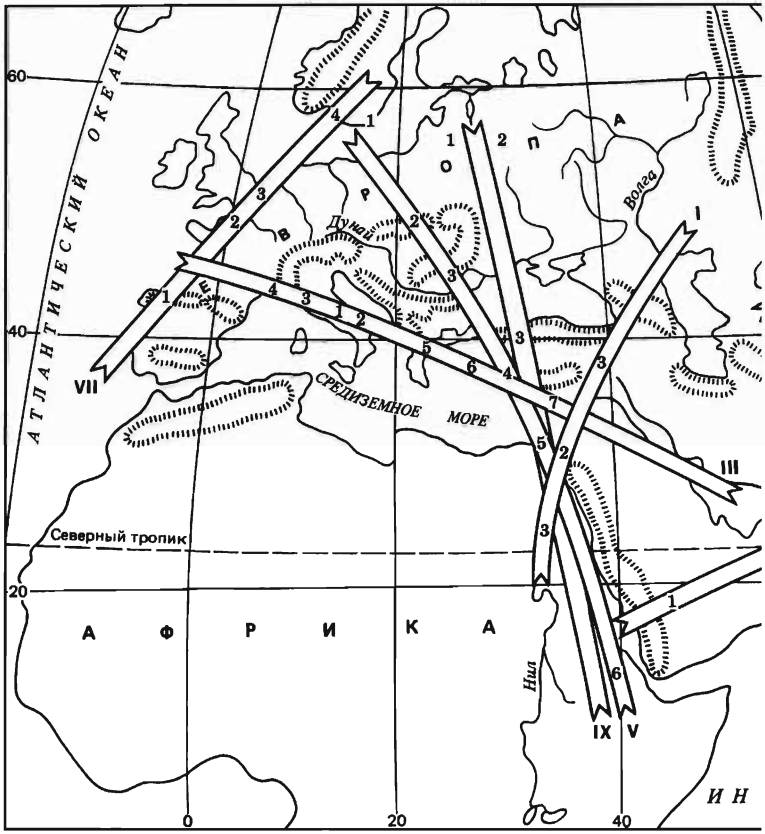
пришлось бросить необученные крестьянские толпы, горожан и императорскую гвардию, состоявшую из сынков богатых фамилий, тоже не обученную, только очень шикарную. Поэт Ду Фу писал об этом так:

Пошли герои снежною зимою
На подвиг, оказавшийся напрасным,
И стала кровь их в озере водою,
И озеро Чэнь-Тао стало красным.
В далеком небе дымка голубая,
Уже давно утихло поле боя,
Но сорок тысяч воинов Китая
Погибли здесь, пожертвовав собою.
И варвары ушли уже отсюда,
Кровавым снегом стрелы обмывая,
Шатаясь от запоя и от блуда
И варварские песни распевая,
А горестные жители столицы,
На север оборачиваясь, плачут,
Они готовы день и ночь молиться,
Чтоб был поход правительственный начат. [78, с. 45–46]

Но «поход правительственный» удалось начать, только попросив помощи у своих заклятых врагов: уйгуров и тибетцев, и когда регулярные части уйгурского хана и тибетского цэнпо пришли на помощь своему естественному противнику – императору Китая, то войска Ань Лушаня стали терпеть поражения, он сам погиб, его наследник повесился; восстание было подавлено. Но чтобы восстановить порядок, китайцам потребовалось руками своих врагов истребить собственную регулярную армию.

Идея империи Тан была потеряна. Она превратилась в банальное китайское царство, хотя и сохранила свои «западнические» симпатии: буддизм и наемную армию, комплектуемую кочевниками, по старой привычке симпатизировавшими империи Тан.

Как видно, не похоже ни на древность, ни на соседей, ни на что. Таким образом, мы видим, как индивидуальность этих процессов определяется местными условиями, местной этнографией, местной географией и т. д.



Оси зон

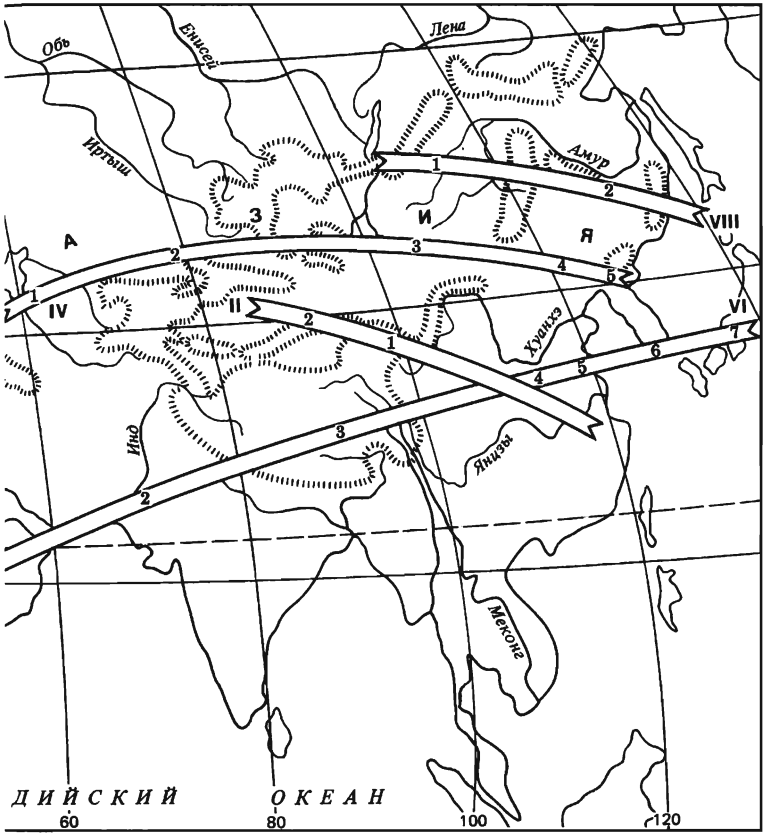
I (пассионарный толчок XVIII в. до н. э.):
1 – египтяне-2; *2* – гиксосы; *3* – хетты; *4* – протохазары.

II (пассионарный толчок XI в. до н. э.)
1 – чжоусцы.

III (пассионарный толчок VIII в. до н. э.):
1 – римляне; *2* – самниты; *3* – эквы; *4* – галлы; *5* – эллины; *6* – мидийцы; *7* – киликийцы.

IV (пассионарный толчок III в. до н. э.):
1 – сарматы; *2* – кушаны-согдийцы; *3* – хунны; *4* – сяньби; *5* – пуё.

V (пассионарный толчок I в. н. э.):
1 – готы; *2* – славяне; *3* – даки; *4* – христиане; *5* – иудеи-2; *6* – аксумиты.



пассионарных толчков

***VI (пассионарный толчок VI в. н. э.)*:**
1 – арабы-мусульмане; *2* – раджпуты; *3* – боты; *4* – табгачи; *5* – китайцы-2; *6* – корейцы; *7* – ямато (японцы).

***VII (пассионарный толчок VIII в. н. э.)*:**
1 – испанцы; *2* – франки (французы); *3* – саксы (немцы); *4* – скандинавы.

***VIII (пассионарный толчок XI в. н. э.*:**
1 – монголы; *2* – чжурчжэни.

***IX (пассионарный толчок XIII в. н. э.)*:**
1 – литовцы; *2* – великороссы; *3* – турки-османы; *4* – эфиопы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А В ЕВРОПЕ...

ФРАНКИ

Теперь посмотрим, как начинался этногенез в Западной Европе. Сначала, в V–VI вв., в Западной Европе был полный хаос – Римская империя, упавшая от собственной тяжести, стала добычей небольших кучек германцев и славян, которые в нее проникли. На запад пошли германцы, на восток – славяне, но дело не в этом. Какова была численность тех племен, которые захватывали территорию Римской империи? Вандалов, например, было всего 20 тыс. воинов – одна дивизия. Они захватили всю Северную Африку. Ну, там их довольно быстро прикончили – население было не за них, прижиться прибалтам на границе Сахары было трудно, и, попиратствовав около ста лет, они оказались завоеванными и уничтоженными византийцами.

Вестготов было в 4 раза больше – они захватили половину Франции, всю Испанию, за исключением северо-западного угла, где засели свевы. Они выгнали вандалов. Вы представьте: 80 тыс. человек на пространство, которое простирается от современного Пуатье и Орлеана до Гибралтара. То есть среди местного населения они там были ничтожной прослойкой. Занимали они, правда, довольно высокие должности. Короли были из их среды и вельможи тоже. Но жениться-то надо. Кроме того, раз жена и дети, то надо иметь слуг, а все это – местное население. Дом с женой, детьми и слугами – это уже единая система. В общем, вестготы, оказавшись поглощенными этими системами, потеряли силу сопротивления и были очень быстро разбиты – сначала франками на севере, а потом арабами на юге – и в результате потеряли свою самостоятельность.

И в таком жалком состоянии находилась вся Европа, которая в VIII в. была объектом нападения всех соседей, которые того желали.

Германцы, захватившие Римскую империю и расселившиеся там, чувствовали себя крайне неуютно, хотя они были хозяевами положения. Большинство латиноязычного населения (они назывались *вельски* или *волохи*) их терпеть не могло, считало хамами, дикарями, пьяницами и относилось к ним очень плохо. Победившие германцы: франки, бургунды, готы – считали своих латиноязычных подданных трусами, подхалимами, интриганами и тоже их терпеть не могли. При таком положении, естественно, никакого единства в Западной Европе не было. И выигрывали те племена и народы, которые меньше всего успели пройти по пути прогресса (а прогрессом в это время считалось разложение общества), охватившего весь этот огромный полуостров. А те, которые были более или менее отсталы, еще сохраняли некоторую силу и боеспособность, элементарную честность и преданность своим вождям. Такими были франки. Они жили в низовьях Рейна, на отшибе, и поэтому, когда все прочие успели разложиться, франки сохранили какую-то боеспособность и силу. Франкский вождь Хлодвиг захватил сначала местность между Марной и Луарой, где ныне помещается город Париж, потом выгнал готов за Пиренеи в Испанию, подчинил себе *алеманнов* на среднем Рейне и *бургундов*, которых он не покорил окончательно, но сделал их зависимыми.

Но мужество трудно сохранить. Ведь разлагаться и предаваться излишествам очень приятно, это гораздо легче, чем соблюдать верность, доблесть, жертвовать жизнью ради своей Родины. И поэтому франков постигла общая судьба. Они разлагались с такой энергией, что догнали в своем разложении все прочие германские племена. У потомков Хлодвига начались невероятные распри между собой, причем, как всегда бывает при распадении, разлагается сначала слабая часть, то есть мужчины. Но потом разложение охватывает и женщин. И такие преступления, какие совершили франкские фаворитки-соперницы Фредегонда, Брунгильда, ни с чем не сравнимы. Они убивали детей своих соперниц, они отравляли претенденток на ложе короля и вообще всячески истребляли друг друга. Фредегонду убили, Брунгильду захватили в плен, обвинив ее в смерти 4 королей и 48 принцев, огромного количества людей, совершенно ни в чем не повинных. И поэтому ее три дня пытали, а потом привязали к дикой лошади и пустили по полю.

Так что Западная Европа не представляла никакой опасности в это время. Как я уже сказал, арабы с ничтожными силами, не имея конницы, сумели дойти от Гибралтара до Луары с 711 по 732 г., практически не встречая сопротивления.

Еще хуже для Европы были степные кочевники. В VI в., когда создавался Великий тюркский каганат, небольшая кучка туранцев (племя хион), живших между Аральским морем и рекой Яик (сейчас это река Урал), убежала от тюрок. Бежать можно было только на запад. Туранцы прошли сначала за Дон, наводя на всех страх, потому что они объявили себя великими завоевателями с востока, и все местные жители им поверили; потом, когда обман вскрылся, было уже поздно. Затем они убежали за Днепр, потом, боясь, что тюрки их и там застанут, перевалили Карпаты и захватили среднее течение Дуная – страну Паннонию.

Это был народ, известный в литературе как *авары*, а по-русски *обры*. Было их очень мало: отряд, пришедший туда первым, составлял около 20 тысяч человек, а к нему присоединилось еще 10 тысяч, догнавших их. Таким образом, если мужчин было 30 тысяч, то, значит, общая численность населения не превышала 120–150 тысяч человек. Это же ничтожное население, население одного среднего города. И тем не менее своими набегами они опустошили Германию, почти всю Лотарингию, то есть восточную часть Франции, ворвались в Италию и на Балканский полуостров, доходили до стен Константинополя.

Нас интересуют не эти завоеватели. Особых сил, как мы видим, у них не было. Показательна та слабость сопротивления, которую демонстрировали тогдашние европейцы. С ними можно было расправляться как угодно. Но все это происходило примерно до 700 г., точнее, в промежуток между 596 и 730 гг. И тут появились люди, которые начали оказывать сопротивление. Это были ранние Каролинги – Карл Мартелл, его сын Пипин Короткий и сын Пипина Карл Великий. Они стали собирать людей, на которых могли положиться, и этих людей они называли хорошо нам известным словом – товарищ («товарищ» – по-латыни comitus, отсюда «комитет», на немецкий язык это слово переводится как «граф», а по-французски так и будет comte). Эти «товарищи» составили дружину короля.

Но очень сложно управлять страной, совершенно не способной ни к самозащите, ни к самоуправлению, страной, которая даже и налоги-то почти не могла платить, ибо крестьяне делали такую маленькую запашку, чтобы только прокормить себя и семью, а вообще-то они работать не хотели – все равно

отнимут, бессмысленно. Чтобы крестьяне стали работать, надо было создать для них какие-то условия.

И тогда этим «товарищам», сиречь графам, стали выделять места для поселения, которые они должны были своими средствами охранять, за что они получали невиданную в древности вещь – бенефициум, то есть зарплату («бенефициум» значит «благодеяние»). Если он обслуживал, скажем, какой-то район, то он имел право собирать налог с жителей и брать его себе, чтобы на эти деньги себя, семью и войско свое прокормить и защитить этих жителей; он был в этом заинтересован. Иногда ему давали мостовую пошлину, иногда доход с какого-нибудь города, который числился в королевской казне.

Так возникли феодалы.

И тут надо внести ясность, потому что, согласно социологической школе, феодализм возник значительно раньше. И это правильно. Феодализм и феодалы той или иной страны – это понятия, далеко не всегда совпадающие. Феодализм – это способ производства, при котором работающий крестьянин является хозяином средств производства, но платит ренту своему феодальному владельцу. Такой феодализм начался в Риме, в римских владениях – Галлии, Испании, Британии – еще в III в., когда выяснилось, что невыгодно держать рабов в тюремных помещениях или специальных эргастериях (фабриках), а выгоднее превратить их в колонов, то есть поселить их на земле, пусть занимаются своей работой, но только платят.

Как формация феодализм возник уже тогда и с тех пор – с III в., а уж с IV в. бесспорно – существовал (тут можно спорить о разнице в десятилетиях, но для нас это не имеет значения).

Но дело в том, что вначале тех феодалов, которые известны по литературе, – таких пышных, с плюмажами, с гербами, в латах, с большими мечами, с перчатками, которыми они били друг друга по лицу, а потом тыкали друг друга копьями, – вот таких феодалов тогда еще не было, хотя феодальные отношения были. А рыцари тоже ведут свою родословную от «товарищей» Карла Великого. Ну и они, естественно, использовали ту экономическую систему, которая существовала до них. Ибо что надо служащему человеку? Чтоб ему его службу оплачивали. Ну, оплачиваешь этим способом – ладно, а давал бы ему король деньги прямо из казны – он бы и на это согласился, ему было все равно.

Нас же с точки зрения этногенеза интересует, откуда Каролинги набрали этих людей? Были ли это остаточные богатыри эпохи Великого переселения народов или будущие рыцари и

бароны? Надо сказать, что, видимо, в эту переломную эпоху было и то и другое. Но тут они, так же как мухаджиры при Мухаммеде, объединились вокруг Карла Великого, и даже создался цикл поэм и баллад о рыцарях Круглого стола или пэрах Франции. Рыцари Круглого стола группировались вокруг мифического короля Артура, а пэры Франции – вокруг Карла Великого. Король был первый между равными, он с ними вместе пировал, он с ними вместе ходил в походы, за предательство же наказывал не сам король, а Бог, помогающий на поединке правому одолеть неправого, то есть они жили как единая, крепкая, хорошая банда, возглавлявшая страну.

Карл Великий. *Голова бронзовой статуэтки*

Карл Великий получил свое прозвище за огромное количество побед, которые он одержал. Но когда подсчитываешь все его победы, то приходишь к мысли, что ситуация более или менее постоянная: немцы побеждают немцев. И тогда побед очень много! Но когда они сталкиваются не с немцами, то сразу победы их кончаются. Карл Великий попробовал отобрать у арабов часть Испании, совершил поход через Пиренеи, но на обратном пути весь его отряд был вырезан басками. После этого арабы заняли территорию снова.

Вторым походом он захватил Барселону и территорию, которая сейчас называется Каталонией, – арабы не сочли ее достойной завоевания. Арабы через некоторое время взяли Барселону, разграбили ее, а потом оставили снова. Это было уже много лет спустя после похода Карла.

Еще несколько побед одержал Карл Великий над аварами,

но они свелись к тому, что вся огромная империя Карла Великого воевала с одной маленькой Аварией и им удалось разбить укрепленные аварские лагеря к западу от Дуная. К востоку франки уже не прошли. Тем не менее Карл Великий короновался императорской короной в 800 г.

То, что сделал Карл Великий, сломалось, и сломалось очень быстро, ибо для того, чтобы набрать себе нужное количество «товарищей», то есть графов, и поставить во главе их воевод – герцогов, и снабдить их достаточным количеством рядовых, то есть баронов (baro по-саксонски значит «человек»), нужно было собрать все пассионарные силы тогдашней Европы, а она была маленькая и простиралась всего от Эльбы до Пиренеев и от Альп примерно до Нормандии. Британия в нее не входила – там были кельты, они не считали себя сопричастными европейскому миру.

Графов собрали со всех германских племен, собрали со всех уцелевших от Рима галло-римлян, приглашали посторонних, кого можно; если попадались какие-нибудь пленные хорошие – то и их. Арабам, например, когда брали в плен, предлагали креститься и зачисляли в «товарищи». Почему? Потому что людей мало. Но из этого кавардака ничего не получилось, потому что этнос – это не просто социально организуемая единица. Социально ее нельзя организовать, она должна еще иметь и свои природные формы.

ФРАНЦУЗЫ И НЕМЦЫ

Карл Великий умер в 814 г., а при его сыне Людовике Благочестивом начались распри, которые закончились к 841 г. полным развалом империи. По какому принципу она разделилась? По территориальному.

Западная часть, которая сейчас составляет большую часть территории Франции, была романоязычна. Там говорили на испорченной латыни, которую мы сейчас считаем французским языком. Восточная часть была германоязычна: там говорили на разных немецких наречиях, одно из которых мы сейчас изучаем в школе. Немцы понимали друг друга с пятого на десятое. Будущие французы понимали друг друга легче. Но самое главное, что те и другие составляли два крыла одной империи и терпеть не могли друг друга. Германцы говорили, что, мол, мы храбрые богатыри-завоеватели; ну там читать, писать мы,

конечно, не умеем, но зачем это настоящим мужчинам и тем более красивым женщинам. Мужчины должны воевать, а женщины – рожать как можно больше детей и воспитывать их, потому что воевать придется долго и все равно большую часть перебьют. В этом они видели смысл своей жизни, а кроме того, напивались часто и много.

А западные сохранили остатки римской культуры и говорили: «Ну что с этими охламонами разговаривать, дикий же народ, храбрость у них, конечно, есть, но ведь и мы не лыком шиты, и вообще неприятно даже с ними одним воздухом дышать. То ли дело я приду к своей матроне, поговорю с ней о Сидонии Аполлинарии или о Лукиане, а если даже я ничего этого не знаю, то все равно у меня дедушка это знал (как многие у нас сейчас говорят: «Я французского языка не знаю, но вот бабушка знала хорошо», а они примерно так же говорили про латынь). И вообще, ну как можно жить с немцами?»

А посредине, между Роной, Рейном и Альпами, поселилось третье племя, совершенно ни на кого не похожее, – *бургунды*. Бургунды – были самые культурные из всех германских племен. Они были очень высокие, рыжебородые, бород не стригли, волосы тоже носили довольно густые и выпить были не прочь, но притом были очень добродушны и способны к наукам, то есть были они германцами, хлебнувшими древнеримской культуры. Кроме того, они были ариане (это одно из ответвлений раннехристианской церкви) и поэтому выделялись среди прочих. Их потом заставили принять католичество, но они сделали это с большой неохотой и выделялись, как что-то особое.

Таким образом сформировались три непохожие друг на друга породы людей. Причем они друг друга отличали великолепно. Если человек приезжал откуда-нибудь из Китая или из Персии, то такому все европейцы казались на одно лицо, но, как только он там поживет, он видит, что они различны. А поскольку они были различны, то они и хотели жить различно, а империя-то была одна: от Эльбы до реки Эбро в Испании и половина Италии; другой половиной завладели византийские греки. В столь разнообразной стране управление должно было быть единым. Но кому достанется власть, было неясно.

У Карла было три сына, и они схватились между собой. Сначала двое, Людовик Немецкий и Карл Лысый, напали на старшего брата – Лотаря, который носил титул императора, и разбили его в битве при Фонтанэ. Случилось это в 841 г., и это год рождения Европы. Объясню почему.

Лотарь бежал, но что было странно, и это отмечают даже хронисты: обычно после большой битвы победители убивали раненых побежденных, а тут они говорили: «Зачем мы воюем, мы же все-таки свои, принципы у нас разные, вы вот защищали Лотаря, который был за единство империи, чего мы не хотим, но все равно мы же не чужие». И носили раненым врагам воду. Война, как видите, приобрела вдруг особенности, несвойственные войнам того времени.

И кончилось это тем, что через два года в городе Страсбурге Карл и Людовик зачитали клятву друг другу, причем Людовик читал на французском языке для воинов Карла, а Карл на немецком языке для воинов Людовика. Клятва была в том, что они делят страну пополам, немцы отдельно, французы (впервые было произнесено это слово) будут тоже отдельно. До этого не было никаких французов и немцев. Были *вельски,* а на востоке были всякие немецкие племена, называвшиеся *тевтонами.* А тут уже было сказано, что немцы и французы – это различные франки. Франки были и на той, и на другой стороне, ибо франки – это название того германского племени, которое возглавляло всю империю, а империя развалилась.

ВИКИНГИ

Практически одновременно с французами и немцами создались еще два народа: астурийцы – будущие испанцы – прародители нескольких испанских этносов и викинги. Викинги – это молодые люди, которые не хотели жить дома, а хотели заниматься всякого рода хулиганством. И поэтому домашние (хевдинги), считая, что в этом есть большая угроза их собственному благополучию, неугодных братцев и детей выгоняли из дому и грозились, что они их убьют. И тогда эти самые ребята создавали банды, делали укрепленные поселки, которые назывались «вик» (отсюда, по одной из гипотез, слово «викинги»), а потом, чувствуя, что такой поселок, укрепленный частоколом или земляным валом, взять-то ничего не стоит своим собственным родственникам, они садились в ладьи и спасали свою жизнь бегством. Ездили они по всем северным морям. Действовали викинги чисто по-пиратски: подплывали они к какому-нибудь пустому берегу, высаживали десант, грабили всех, кого можно было, и уходили обратно. Ярость у них была невероятная. Но надо сказать, что эта ярость не связана с их национальным характером.

Скандинавы – народ тихий и особенной храбрости и боеспособности до IX в. не проявляли. Но им до такой степени хотелось одержать победу, что они применяли биостимуляторы. Водки у них в те времена не было (ее еще не умели делать), так они брали мухоморы, сушили их, разрывали потом на части, глотали и запивали водой. Этот биостимулятор лишает человека страха, поэтому они без всякого страха шли в атаку с такой яростью, что одерживали победу.

У меня есть один оппонент, об умственных способностях которого я имею особое мнение. Он написал, что создался феодализм и поэтому они стали такими могучими, а при чем же здесь мухоморы? Дело в том, что, во-первых, у викингов феодализм не создался, а во-вторых, перемена социального строя – скажем, рабовладения на феодализм – никак не делает людей более боеспособными. Если ты трус и дрянь, то ты им и останешься при любой формации. Дело было не в этом.

Ему, моему оппоненту, и в голову не пришло то, что биостимулятор – это очень важный этнографический признак. Во время моей юности басмачи ходили в атаку на пулемет, накурившись анаши и натерев опиумом морды коней: и кони шли на пулемет, и басмачи шли на пулемет, из сотни доходили два человека и одерживали победу.

Так что биостимуляторами пользуются, и очень часто. Но весь вопрос в том, когда возникает нужда для того, чтобы это делать? Тогда и стимул возник. И он создал викингам репутацию исключительно бесстрашных, боеспособных и очень мужественных воинов, каковыми они на самом деле не являлись.

Кроме того, что они ходили по северным морям, они огибали Гибралтар, грабили берега Испании, появлялись в Средиземном море, громили берега Франции и Италии и столкнулись здесь с арабами. А арабы и их союзники, особенно берберы, – это народ, действительно мужественный, действительно смелый, им не нужны были никакие наркотики, и они этих викингов гоняли по Средиземному морю. Викинги стали наниматься в Византию на службу, потому что гораздо лучше служить начальнику и получать зарплату, чем действовать на свой риск и страх при наличии сильного противника.

Так вот, эти наемники носили название, наверняка вам известное: греки их называли варангами, а по-русски это будет звучать – *варяг*. Вот что такое слово «варяг». Это не название какого-нибудь этноса или какой-нибудь лингвистической группы, а название профессии. (То, что говорю я сейчас, – это не я придумал. Это сообщается в исключительно ценной, изданной

в начале нашего века монографии академика В. Г. Васильевского, который глубоко исследовал этот вопрос.)

Кроме Испании, Франции и Италии, викинги достигли Британии, на короткое время захватили Ирландию, Гренландию, вышли в Северную Америку. А по последним сведениям, скандинавские руны обнаружены в Парагвае и Боливии, то есть они, оказывается, продвигались по всему берегу Америки. И почти нигде не оставили реальных своих следов: потомков, культуру. Только археологи находят отдельные вещи и остатки зданий. Закрепиться викингам очень мало где удалось. В Северной Англии, Южной Шотландии и на южном берегу Ла-Манша они получили для поселения опустошенную ими же страну, и до сих пор там живут их потомки. Это Нормандия. В Британии они обританились, хотя свой норвежский язык они сохраняли до XX в. и только благодаря радио и телевидению сейчас его забыли. А в Нормандии они офранцузились, и гораздо быстрее, потому что французы, сложившиеся вокруг города Парижа, были исключительно смелыми и отчаянными людьми.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вскоре после смерти Карла Великого, уже при его сыне, наряду с этнической дивергенцией началась социальная – феодальная – революция. Она спасла Европу от двух мощных противников: скандинавских викингов и арабов. Арабы успели захватить почти всю Испанию и часть Южной Франции. Викинги грабили все побережье, а обры с берегов Дуная – внутренние территории. Европейские крестьяне, не обученные военному делу, сопротивляться не могли. И тогда герцоги, графы и бароны, имен которых мы не знаем, начали вдруг очень интенсивно и мужественно сопротивляться нападениям и сарацинов, и викингов, и обров; они ненавидели греков, презирали итальянцев, которые проживали последние крохи и у которых такой храбрости не было, плавали на Британские острова, где тоже были остатки Великого переселения народов – *англы* и *саксы*, уже потерявшие способность к защите от тех же самых викингов и норманнов. А вот в центре Европы эти будущие феодалы, при всех неприятностях своего характера, оказались воинами весьма дельными, потому что они продолжали кооптировать в свою среду людей толковых, смелых, верных, умеющих сопротивляться. Они все время обновляли свой состав.

Кончилось это дело тем, что однажды викинги вошли в устье Сены, разграбили все, что могли, прошли до города Парижа и решили разграбить его. Париж в то время был городом не очень большим, но довольно заметным. Парижане, конечно, бросились в церкви молиться, чтобы святые спасли их от ярости норманнов, но у них оказался толковый граф – Эд. Он сказал: «Святые нам помогут, если мы сами себя не забудем, а ну-ка все – на стены!» Собрал кучку своих ребят и стал всех выгонять на стены защищаться,и чтобы жены и ребятишки, которые повзрослее, таскали воду и пищу, а тех, кто кричал: «Я не пойду, у меня миокардит, вот справка от врача», он тут же хватал с помощью своих ребят и тащил на стену: «Постоишь и с миокардитом, ничего!» Результат был совершенно потрясающим, норманны взялись всерьез штурмовать Париж – не могли взять! Явился Карл Простоватый – король из династии Каролингов, потомок Карла Великого, с войском, постоял, постоял и ушел – побоялся связаться с норманнами. А Эд кричал: «Не сметь уходить со стен, вот я вам дам, вот покажу!» И Париж устоял. Это произвело на всех большое впечатление. И хотя тогда не было ни телефона, ни радио, ни телеграфа, ни почты, но узнавали люди новости не хуже, чем мы: из уст в уста. И все пришли к выводу: «Вот такого бы нам короля». И отказались подчиняться законной династии, а провозгласили Эда королем Франции. Ну, правда, у него этот номер не прошел, преждевременно было, но история повторилась через 90 лет, в 888 г., когда Гуго Капет, тоже граф Парижский, таким же образом был провозглашен за свою энергию, за свои личные качества королем Франции. А Каролингам отказали в повиновении. Последнего поймали в городе Лансе, посадили в тюрьму, где он и умер.

Что это такое? Это еще один вариант бунта пассионариев, опирающихся на людей гармоничных и субпассионарных, против устаревшей системы, системы, потерявшей пассионарность. И заметьте при этом следующее обстоятельство: потомки Людовика Благочестивого, и французские, и немецкие, были люди исключительно бездарные. Спрашивается, зачем же тогда французы и немцы поддерживали таких королей? Да они не королей поддерживали, они выдвигали их просто как знамя, как лозунг, как идеограмму, как символ, как значок, за который можно сражаться, защищая свою независимость. В конце концов, им было безразлично, какие ритуальные слова произносить, когда они шли в бой, – «за Карла» или «за Людовика», «за черта лысого!..». Шли-то они ради себя, ради своих святынь и своих потомков.

Так что в IX в. стала выкристаллизовываться Западная Европа в том виде, как мы ее знаем. И для нее характерно то, что не известно никому другому в мире, – национальный принцип. Natio по-латыни это буквально значит – рождение. Рождение, язык и территория – вот что соединяется в этом термине. Но такое понимание было характерно только для западных европейцев, и ни для кого больше, потому что человек, живший в Китае, или в Монголии, или в Арабском халифате, руководствовался совершенно иными принципами определения своих и чужих. Таким образом, «нацио» эквивалентно нашему термину «этнос» и отнюдь не эквивалентно нашему современному понятию «нация». Так что не следует путать: нации современного типа создались только при капитализме, а тогда они так назывались, но были по существу этносами.

ДВА ИНДИКАТОРА

А теперь подведем итог. Мы рассмотрели несколько вариантов начальной фазы этногенеза – фазы подъема, коснулись разных эпох и стран. Так спросим себя: а что же есть общего между Византией до Константина, мусульманами времен первых халифов, китайцами династии Тан, европейцами эпохи раннего феодализма? А ведь разница в стереотипах поведения между ними – колоссальная!

В чем же тут общее? Общее в двух моментах, которые нам удалось подметить, – в отношении общества к человеку и отношении человеческого коллектива к природе.

Вот эти два индикатора для нас и будут важны.

Как мы вскрываем этнические отношения? Только исследуя модификации и изменения общественных отношений. В истории описаны общественные отношения, история – наша путеводная нить, нить Ариадны, которая помогает нам выйти из лабиринта. Поэтому нам историю знать надо.

Что же мы можем отметить для этой фазы становления этногенеза? Общество (все равно из кого состоящее: будь то арабы, монголы, древние евреи, византийцы, франки) говорит человеку одно: «Будь тем, кем ты должен быть!» В этой иерархической системе если ты король – будь королем, если ты министр – будь министром, если ты рыцарь – будь рыцарем и не вылезай никуда, исполняй свои функции, если ты слуга – будь слугой, если ты крестьянин – будь крестьянином, плати налог.

Никуда не вылезай, потому что в этой крепко слаженной иерархической системе, составляющей консорцию, каждому человеку выделяется определенное место. Если они начнут бороться друг с другом за теплые места, а не преследовать одну общую цель, они погибнут. И если это случается, то они и гибнут, а в тех случаях, когда они выживают, действует этот же самый императив.

Ну хорошо. А если, скажем, король не соответствует своему назначению? Свергнуть его, нечего с ним цацкаться! А если министр оказывается глупым и неудовлетворительным? Да отрубить ему голову! А если рыцарь или всадник оказывается трусоватым и недисциплинированным? Отобрать лошадь, оружие и выгнать к чертям собачьим, чтобы близко и духом его не пахло! А если крестьянин не платит налог? «Ну, это мы заставим, – говорили они, – это мы умеем». В общем, каждый должен был быть на своем месте. Из коллектива с таким общественным императивом получалась весьма слаженная этническая машина, которая либо ломалась, либо развивалась дальше и переходила в другую фазу – *акматическую*. Ее мы сейчас затрагивать не будем, поскольку ей будет посвящена отдельная глава.

А пока зададимся еще одним немаловажным вопросом: как отражается эпоха подъема на природе?

Как я уже сказал, арабы и их эпоха подъема никак не повлияли на пустыню, потому что арабские пассионарии довольно быстро из этой пустыни ушли и занялись своими военными делами. Европейцы в эпоху подъема были тоже заняты оформлением своих этносов в небольшие, но резистентные социальные группы, и поэтому им было, в общем, не до того, чтобы уничтожать животных и леса. Природа отдохнула. Редкое население, которое осталось после всех солдатских мятежей, гибели римских провинций и римского управления, после походов варваров, которых тоже было очень немного, ограниченно влияло на природу, и в Европе выросли леса. У Дорста это очень хорошо описано в книге «До того, как умрет природа» [76, с. 39]. Так, $^{2}/_{5}$ Франции заросли лесом за эти годы, расплодились, конечно, и дикие животные, и перелетные и местные птицы, зайцы, то есть страна, обеспложенная, кастрированная цивилизацией, опять превратилась в земной рай. И тут оказалось возможным производить защиту этой страны, и оказалось, что имеет смысл ее защищать, потому что жить-то в ней хорошо, а враги были всюду.

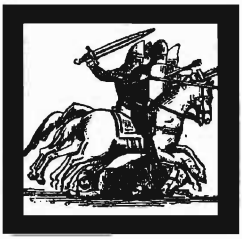
Что было в это время в Византии? В Византии был, в общем, тот же процесс – было не до природы, и, кроме того, в

Сирии, в Малой Азии, вокруг Константинополя был такой устойчивый, тысячелетиями отработанный антропогенный ландшафт, что вносить в него какие-нибудь изменения казалось глупо. Любой прогресс мог пойти только во вред, а не на пользу. «Стоп!» – должен был бы мне сказать профессор В. В. Покшишевский, который занимается проблемой урбанизации. А как же построение города Константинополя? Ведь Рим-то причинил колоссальный вред всему Средиземноморью. Константинополь был вдвое меньше Рима, но тоже большой, от 900 тысяч до 1 миллиона жителей. В принципе, казалось бы, должно быть то же самое... Но вот парадокс. Никакого вреда природе этот город не причинил, хотя и был окружен длинной стеной. Стена потребовала массу камня и много работы. В этом городе были великолепнейшие здания вроде собора Святой Софии (его малая копия была у нас в Ленинграде, на углу ул. Жуковского и Греческого проспекта – Греческий собор). Там были прекрасные дворцы, бани, ипподром, и люди жили не в условиях квартирного кризиса; они жили в небольших коттеджах, окруженных садами. Константинополь был город-сад, и когда я спорил с В. В. Покшишевским о том, что не урбанизация причиняет ущерб природе, а люди определенного склада, и привел ему в пример Константинополь, он, зная дело, сказал: «Так ведь это же был город-сад». А я говорю: «А кто вам в Москве мешает заниматься озеленением?»

Таким образом, в Византии создалась система, которая не нарушила биоценозов, оставшихся от древности, а только дополнила их построением великолепного города, жившего, в общем, за счет своих собственных ресурсов и привоза из далеких стран. Чего не хватало жителям Константинополя? – спросим мы как экономико-географы. В садах у них всяких фруктов было достаточно, виноград тоже был, то есть вино у них было свое. Кроме того, у многих были поместья поблизости, там были козы – мясо, молоко и опять же виноградники. Хлеб нужен был. Но так как в Константинополе и других городах было великолепно развито художественное ремесло, предметы которого хранятся в лучших музеях Европы, греки возили их на продажу в Ольвию, в Херсонес и в Феодосию, а с низовьев Днепра и Дона везли от сарматов огромное количество хлеба и прокармливали все свое население. Кроме того, хлеб везли из Египта, так как там плотины еще не было, и поэтому плодородный Нил разливался и оставлял удобрения на полях. Урожаи были баснословные, египтянам хлеба девать было некуда, а они по инерции работали и работали, потому что видели в этом смысл

жизни. Предметы роскоши везли из Китая. Например, шелка своего не было, но он был очень нужен, потому что были вши, а шелковое белье спасает от вшей. Поэтому шелк покупали. Китайцы очень неохотно его продавали и меняли, но выдавали даже бесплатно, как дань, своим кочевым соперникам. А греки тем давали опять же красивые вещи: всякие чаши, инкрустации, мечи, ожерелья, браслеты для женщин. Ведь женщинам-то красивые вещи нужны, они же их любят. Поэтому степные богатыри с удовольствием били китайцев, отбирали у них шелк и меняли у греков на подарки своим женам, так что греки получали шелковую материю, в общем, по сходным ценам. Пассионарный толчок в Византии тоже унес огромное количество человеческих жизней и культурных памятников, но для природы оказался спасительным.

Итак, **вспышка пассионарности – обязательное условие начала этногенеза,** но характеристики этого процесса различны. Они зависят от уровня техники, которая либо развивается, либо нет, если нет металлов и глины, как на островах Полинезии. Очень большое значение имеет первичная расстановка сил. Она может и сохраниться, и измениться. Культура наиболее консервативна и устойчива, вследствие чего новые этносы наследуют знания и навыки старых, уходящих в небытие. Из-за этого часто создается иллюзия непрерывности прогресса, но надо помнить, что и он подвластен законам диалектики, или, как их называли в древности, превратностям.



ГЛАВА ПЯТАЯ

АКМАТИЧЕСКАЯ ФАЗА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ

В предыдущей главе мы описали подъем пассионарности, но не ответили на вопрос: а почему этот подъем кончается? Казалось бы, если пассионарность как признак появилась и переносится обычным половым путем, передачей соответственного признака потомству, а пассионарии в силу своей повышенной тяги к деятельности, естественно, оставляют большое потомство, не всегда законное и часто самое разнообразное, то, казалось бы, количество пассионариев должно в данном регионе расти и накапливаться, пока они не совершат великие, прогрессивные дела.

Однако ничего подобного не получается. После определенного момента, некой красной черты, пассионарии ломают первоначальный императив поведения. Они перестают работать на общее дело, начинают бороться каждый сам за себя. Причем сначала эти, скажем, феодалы, или какие-нибудь византийские купцы, или арабские завоеватели мотивируют это так: «Мы выполняем все обязательства по отношению к нашей общественной форме – халифату ли, империи ли Византийской, Французскому или Английскому королевству. Мы делаем все, что от нас требуется, а силы у нас остаются». Поэтому императив меняется. Он звучит уже так: «Не будь тем, кем ты должен быть, но будь самим собой!» Это значит, что какой-нибудь дружинник – копьеносец, оруженосец, хочет уже быть не просто оруженосцем или копьеносцем своего графа или герцога, но еще и Ромуальдом или каким-нибудь Ангерраном; он хочет иметь свое имя и прославить именно его! Художник начинает

ставить свою подпись под картинами: «Это я сделал, а не кто-то». Да, конечно, все это идет на общую пользу, украшает город замечательной скульптурой, но «уважайте и меня!». Проповедник не только пересказывает слова Библии или Аристотеля без сносок, перевирая как попало, не утверждая, что это чужие святые слова, нет, он говорит: «А я по этому поводу думаю так-то», и сразу становится известно его имя. И так как таких людей оказывается весьма большое число, то они, естественно, начинают мешать друг другу. Они начинают толкаться, толпиться, раздвигать друг друга локтями во все стороны и требовать каждый себе больше места.

Поэтому повышенная пассионарность этнической, а тем более суперэтнической системы дает положительный результат, иначе говоря, успех, только при наличии социо-культурной доминанты-символа, ради которого стоит страдать и умирать. При этом желательно, чтобы доминанта была только одна: если их две или три, то они накладываются друг на друга и тем гасят разнонаправленные пассионарные порывы, как бывает при алгебраическом сложении разных векторов. Но даже без такой интерференции может возникнуть анархия за счет эгоистических действий сильно пассионарных особей. Усмирить или запугать их очень трудно; подчас легче просто убить.

СУБПАССИОНАРИИ

Уместно здесь обратиться и к роли субпассионариев, которым при первой фазе этногенеза, собственно, не было места в системе. В любые времена есть люди, которые ни к чему не стремятся, хотят только выпить и закусить, поспать где-нибудь на досках за забором и ставят это целью своей жизни. В первый период этногенеза они почти никому не нужны, потому что в системе, которая ставит перед собой огромные цели, стремится к идеалу, понимая под ним далекий прогноз, – зачем такие люди? На них никакой начальник не может положиться. Они могут в любой момент предать или просто не выполнить приказания. Они не ценятся, и их не берегут. Так и было в жестокое, хотя и конструктивное время подъема. А тут, когда в одной системе возникает несколько центров, борющихся между собой за преобладание, то каждому из инициативных пассионариев становится нужна своя особая банда. И он находит возможность использовать субпассионариев в качестве слуг, наложниц, наемников

и, наконец, бродячих солдат-ландскнехтов. Набирают самым простым способом – дают прохвосту золотую монету и говорят: «Милейший, возьми это, иди и говори всем, что наш герцог – добрый герцог». И этого оказывается достаточно для того, чтобы данный добрый герцог мог собрать себе такое количество сторонников, чтобы устроить великую кровавую смуту.

Торговцы. *Гравюра А.Дюрера*

Конечно, это плохие солдаты, а где взять хороших? Все пассионарии уже или прилепились к кому-то, или сами выставили свою персону в кандидаты на высокое место; пассионарии находили себе применение как воины-профессионалы князей, графов, эмиров и султанов. Субпассионарии же выступали прежде всего как их вооруженная обслуга. И субпассионариям это было даже выгоднее, потому что жизнью-то они не очень рисковали, а после битвы помародерствовать, побегать, поискать в карманах у убитых что-нибудь или ограбить мирное население – это они могли, как могли быть ворами, нищими, наемными солдатами или бродягами. В акматической фазе таких людей не ценят настолько, что дают им умирать с голоду, если не вешают «высоко и коротко» (французская средневековая

юридическая формулировка). Однако эти операции оттягивают у этносоциальных систем те силы, которые можно было бы употребить на решение насущных задач.

Изменение отношения к субпассионариям со стороны коллектива показывает один из примеров того, как меняется коллективное поведение в этносе от фазы к фазе, – модуляция биосферы.

И с точки зрения географии нам важны не способы эксплуатации крестьян, а именно характер поведения всего коллектива-этноса.

ИЗМЕНЕННЫЙ СТЕРЕОТИП ПОВЕДЕНИЯ

И тут нужно сказать несколько слов об этике. Этика рассматривает отношение сущего к должному, поэтому особая форма ее вырабатывается при каждой фазе этногенеза. Существуют, конечно, социальная этика и социальная мораль – это всем известно, но мы сейчас будем говорить не об этом, а о влиянии фаз этногенеза на этические системы. В фазе подъема, когда в силе был императив: «Будь тем, кем ты должен быть!» – этика заключалась в безусловном подчинении индивидуума принципам системы. Нарушение принципов системы рассматривалось как преступление, наказуемое безоговорочно. Хорошо – означало выполнить то, что положено; а плохо – означало не выполнить то, что положено.

При акматической фазе, когда каждый говорил: «Я хочу быть самим собой! Я выполняю то, что положено; государству служу 40 дней в году на войне, а в остальные дни волен делать все, что мне вздумается, у меня есть своя фантазия!» – тут возникла другая этика.

Чтобы осуществлять собственные фантазии, какому-нибудь, например, барону требовалась мощная поддержка собственного окружения. Это значило, что он старался набрать побольше людей, которые зависели бы лично от него. Но ведь и он не в меньшей степени зависел от них. Если он нанимал на службу каких-то лакеев, ландскнехтов, стрелков для охраны своего дома, каких-нибудь копьеносцев для атак на противника, то они все, конечно, зависели от него, делали, что им прикажут, потому что он им платил, но он-то зависел от того, как добросовестно они будут выполнять свои обязанности, не предадут ли они его, не убегут ли в решительный момент, не откроют ли ворота замка противнику.

Возникла система взаимообязанности и взаимовыручки, круговой коллективной ответственности. Каждый отвечал за свой маленький коллектив, в который он непосредственно входил, и за большой, в который он входил опосредованно, как член малого коллектива; таким образом, он отвечал и за себя, и за своего барона, и за свое герцогство, и за свою страну. И точно так же король, герцог, граф или барон был обязан заботиться о своих вассалах. Конечно, не всегда это соблюдалось, но ведь в таких случаях разрешалось нарушить вассальную присягу. Если сеньор относился к своему вассалу недостаточно внимательно, то вассал имел право уйти от него. Обязанности были взаимные.

Было только одно законодательство, в котором эта этика записана и уцелела, – это Яса Чингисхана. Она сохранилась, переведена с персидского языка на русский. Там примерно три четверти законов направлены на наказание людей, не оказавших помощи товарищу. Например, если монгол едет по степи и встречает того, кто хочет пить, и не даст ему напиться – смертная казнь; если он едет в строю и товарищ, едущий впереди, уронил колчан со стрелами, ну случайно оборвалось, и задний не поднял и не отдал – смертная казнь; в мягких случаях – ссылка в Сибирь (монголы тоже ссылали в Сибирь) [29].

Эта этика существует и по сию пору в качестве реликтовых форм. Например, никакая экспедиция в тяжелых условиях без такой этики, основанной на взаимовыручке, работать не сможет. Вот мне приходилось читать в газетах, что какие-то туристы переходили на Алтае речку и один свалился в воду, а остальные его не вытащили, потому что каждый думал: «Ведь это же он свалился, а не я, зачем же я полезу, я же не обязан». Так вот это тоже – этика, но уже совсем другого типа. По этике Ясы человек был **обязан** лезть и выручать, а если бы не полез, то его бы судили не в 24 часа, а в полчаса и казнили бы за неоказание помощи товарищу. Не во всех законах сохранилась эта форма этики, хотя она присутствовала и в разбойничьей банде, и в каком-нибудь полку кавалерийском или пехотном, в экспедиции, как я уже говорил, – везде и всегда там, где людей подстерегает опасность. Это единственная спасительная форма поведения, при которой можно как-то уцелеть.

Наличие такой этики играло особую роль в акматической фазе. Оно в значительной степени обусловливало приток свежих сил молодого поколения пассионариев в уже имеющиеся консорции и субэтносы.

В условиях, когда война была повседневна, каждый, кто стремился жить не только чем-то, но и ради чего-то (а таких

хватало), нуждался в соратниках и хотел быть уверен, что его не предадут. Поэтому-то и приходилось делать выбор. Конечно, в выборе сторонников определенное значение имел и социальный момент. Но вряд ли его можно считать решающим, поскольку в акматической фазе наследственность чинов и званий была очень условной. Так, в Европе, чтобы войти в класс феодалов, стать дворянином, даже иметь титул, надо было совершить какой-то подвиг. Конечно, можно было получить это звание и по наследству – дети графов, естественно, становились графами, но если, скажем, у графа одно графство и пять человек детей, то один получал наследство, а остальные-то ничего не получали, и они назывались виконтами, то есть второсортными графами. Но это их не устраивало, потому что никаких материальных преимуществ они при этом не имели. А кроме того, представьте себе пассионария из народа. *Пассионарность* – это признак природный, передающийся генетически, а во всех слоях населения есть очень симпатичные дамы. Пассионарии, занявшие высокое положение, не зевают и везде оставляют потомство. Получаются пассионарии во всех слоях населения – и среди горожан, и среди крестьян, и среди невольников, даже рабов. Они не удовлетворяются своим социальным положением, они ищут выхода. Так, во Франции, например, этот выход существовал вплоть до XVII в., до Ришелье, который велел все-таки пересчитать, кто дворяне, а кто не дворяне, потому что дворянином заявлял себя каждый, кто хотел поступить на королевскую службу и делать там свою карьеру. Никто его не проверял, потому что некогда было и незачем, считалось – раз человек хочет, ну почему его не признать дворянином, какая разница? Да, конечно, налог с него уже брать нельзя, но он же служит. А потом его, вероятно, скоро убьют, потому что служба-то в основном военная, так тогда вообще незачем огород городить. Любой пассионарий мог объявить себя дворянином, и число «феодалов» выросло колоссально. Это вызвало совершеннейшее броуновское движение, которое называется феодальной раздробленностью.

Сам принцип феодализма – экономический принцип – вовсе не предполагает огромного количества безобразий. Они могут быть и не быть, это не связано с экономическими условиями. А вот откуда стремление, например, дать по физиономии соседу, а потом убить его на дуэли? Пользы от этого никакой нет, риск большой, потому что сосед тоже может вас убить. Но желающие рисковать в Европе XI–XIV вв. находились слишком часто. Результаты уже к XII в. были следующие.

В Германии служилые латники превратились в бургграфов – рыцарей-разбойников. Фридриху Барбароссе пришлось их вешать.

Во Франции королю отказывали в подчинении Бретань, Нормандия, Анжу, Мэн, Аквитания, Тулуза, Лангедок и Фландрия, не говоря о Бургундии и Лотарингии. А в Провансе не признавали даже католической церкви, так как там очень боялись альбигойцев (о них подробнее чуть ниже).

В Англии шла постоянная война с кельтами, а англосаксонское население убегало за пределы острова от королей-французов (Плантагенетов) и их феодальной армии.

В Италии воевали Венеция с Генуей, Флоренция с Пизой, Милан с Романьей и, что хуже всего, папы с императорами.

ПАССИОНАРНЫЙ ПЕРЕГРЕВ

В условиях растущей феодальной анархии умные правители нашли главную доминанту. Они предложили направить энергию системы вовне, на Святую Землю.

Стихийные крестовые походы 1095–1099 гг. имели «прелюдию» в Испании в 1063–1064 гг., куда направились рыцари герцогства Аквитанского и графства Тулузского, а потом туда же ринулись бургундские и нормандские рыцари.

Лозунгом первой колониальной экспансии стало «Освобождение Гроба Господня». Конечно, лозунг мог бы быть выбран удачнее для того времени. Но папа провозгласил, что нужно спасти из рук неверных Палестину – Святую Землю. Все закричали: «Так хочет Бог!» – и пошли. Но ведь это был только лозунг. Они пошли, потому что хотели идти. И пошли бы в любое другое место, с любым другим лозунгом, потому что у них был большой запас внутренней энергии.

Доказательство тому – завоевание Сицилии нормандцами в 1072 г. и их вторжение в православный Эпир в 1081 г., закончившееся поражением в 1085 г. Но самое показательное – и тоже с благословения папы – завоевание Англии в 1066 г. нормандским герцогом Вильгельмом. Ведь Английское королевство, хотя и христианское, было реликтом эпохи Великого переселения народов и не входило в европейский суперэтнос. Вот они его и завоевали.

Начались крестовые походы, во-первых, с массовых погромов евреев в прирейнских областях. Это не оказало никакого влияния на дальнейшие успехи или неудачи военных действий

в Палестине. Затем такой же разгром хотели устроить в Константинополе, когда туда явились крестоносцы первого крестового похода. Но Алексей Комнин, который там командовал в это время, был человеком очень деловым. Он окружил крестоносцев наемными печенежскими отрядами и лишил их возможности получать провиант. Крестоносцы подняли лапки и сказали, что они согласны подчиниться императору, готовы принести ему ленную вассальную присягу, но чтобы он их кормил и не обижал. Император переправил всех крестоносцев в Малую Азию, говоря: «Вы пришли с мусульманами воевать, ну и воюйте там с турками».

Рыцарь в одежде крестоносца.
Миниатюра из рукописи XIII в.

Первый удар крестоносцев был такой, что они одолели сельджукскую конницу. И так как мусульмане меньше всего ожидали такого удара, то крестоносному войску удалось достигнуть Иерусалима и даже взять его. По пути они захватили Эдессу в Месопотамии. Однако из 110 тысяч европейцев, переправившихся через Геллеспонт, до Иерусалима дошло около 20 тысяч. Таковы были потери!

Любое мероприятие можно осуществить, если не считаться с затратами. Можно, например, когда спичек нет, а закурить очень хочется, заплатить за коробку спичек 50 рублей. Таким же непроизводительным расходом был первый крестовый

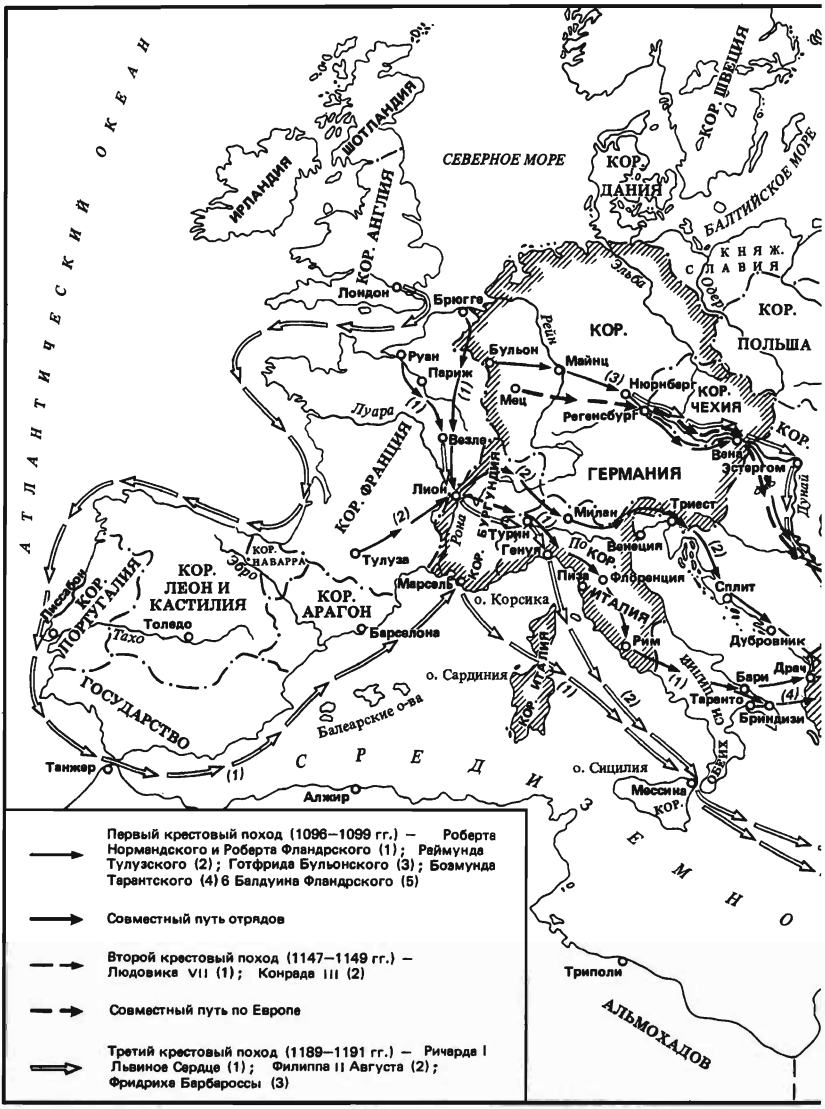
поход. И удался он только потому, что мусульмане, жившие в Палестине, никак не ожидали, что такое безобразие может произойти. Ведь они не мешали христианским паломникам-пилигримам посещать Гроб Господень и молиться. Наоборот, они их охраняли, они их очень уважали. Иисус и Мариам у них считались пророками, равными Мухаммеду. И Инджиль Шериф (Святое Евангелие), и Коран Шериф (Святой Коран) считались равноценными книгами. Никакого преследования за веру не было. Никакого повода для такого вторжения христиан не было, кроме внутреннего процесса пассионарного перегрева, который охватил Западную Европу в XI–XIV вв.

Феодальная Европа сто лет (1093–1192) бросала в Палестину храбрейших рыцарей, лучший флот, самых надежных союзников – армян – и даже заключала союзы с исмаилитами, но тщетно: даже отбитый у Фатимидов Иерусалим был снова захвачен курдом Салах ад-Дином, под предводительством которого сражались тюрки, как купленные на базаре, так и прикочевавшие со своими семьями и стадами. Персидский историк Раванди писал в сочинении, посвященном султану Рума (Малой Азии) Гийас ад-Дину Кай Хусрау (1192–1196): «Слава Аллаху... в землях арабов, персов, византийцев и русов слово принадлежит тюркам, страх перед саблями которых прочно живет в сердцах» [18, с. 33].

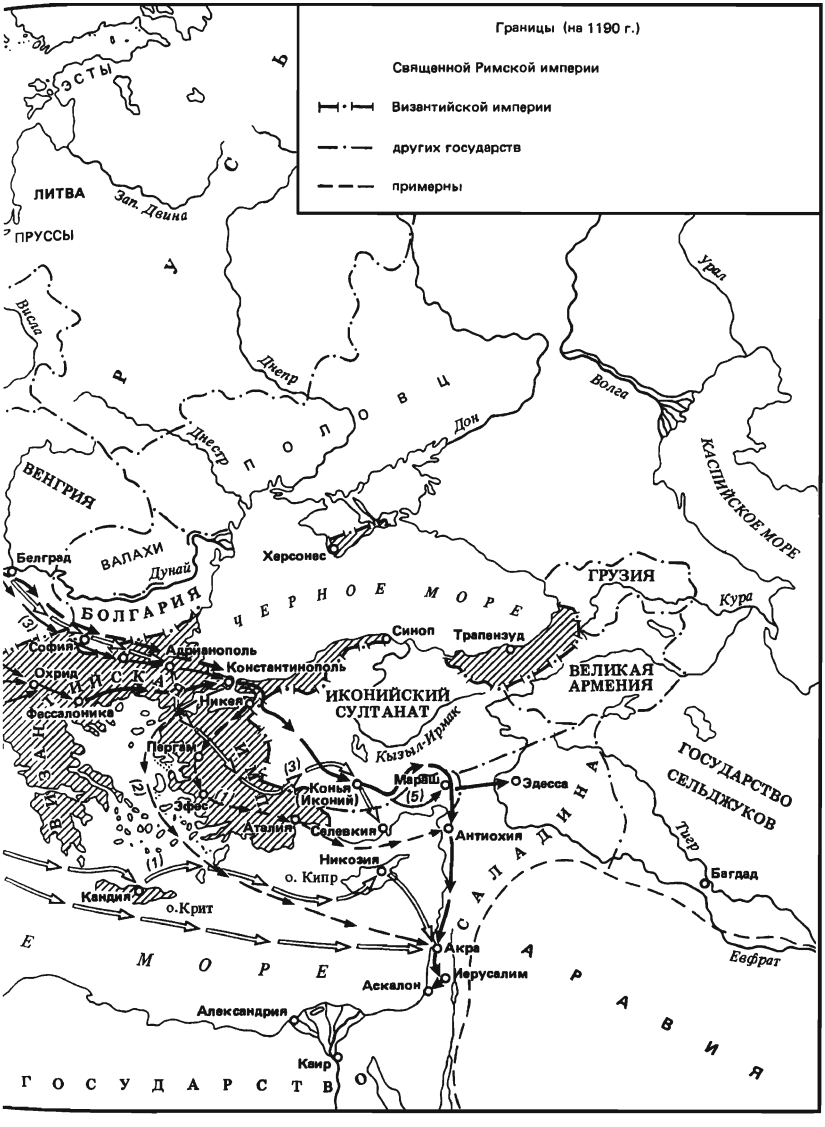
Итоги крестовых походов были очень неутешительны. В 1144 г. пала Эдесса и, восстав, снова была взята мусульманами в 1146 г. Вторжения крестоносцев в Египет в 1163 и 1167 гг. были отбиты. Второй и третий крестовые походы в 1147–1149 и 1189–1192 гг. захлебнулись. Лучшие рыцари Европы спасовали перед туркменами-сельджуками. Города Палестины и Ливана перешли к обороне. Гарнизоны крестоносцев держались в них лишь благодаря тому, что венецианцы и генуэзцы морем поставляли им оружие и провиант.

И в Магрибе, на западе арабского мира, было то же самое. При Аларкосе в 1195 г. берберы-альмохады сокрушили рыцарское воинство Кастилии, куда стеклись рыцари со всех стран Европы. Эта коллизия описана Л. Фейхтвангером в романе «Испанская баллада», и там устами арабского историка Мусы (персона вымышленная, но мысли ибн Хальдуна) дан прогноз: христианский мир молод и может позволить себе роскошь потерпеть отдельные поражения, а мусульманский мир стар и только продляет свое существование. Арабы уже потеряли к концу XII в. пыл молодости.

Не нужно думать, что избыток пассионарности гарантирует военный успех. Вспомним, что он ведет к дезорганизации,



Акматическая фаза западноевропейского



суперэтноса. Крестовые походы

происходящей от развития индивидуализма. Когда каждый хочет быть самим собой, то организовать значительную массу таких людей практически невозможно.

Приведем пример.

Когда в 1204 г. крестоносцы взяли и разграбили Константинополь, а потом бросились на Болгарию, то половцы (куманы) в 1205 г. напали на лагерь латинян у Адрианополя, притворным бегством увлекли императора Балдуина в засаду и взяли его в плен, перебив много отважных рыцарей. Болгарский царь посадил латинского императора в башню в Тырнове, где тот и умер. Наступление латинян на православие было так же остановлено тюрками, как и нажим их на ислам, хотя тюрки ни христианами, ни мусульманами не были. Зато там, где тюрок не было – в бассейне Балтики, – немцы, датчане и шведы имели полный успех. Сопротивление полабских славян было сломлено немцами, в устье Двины построена крепость Рига (1201); Эстонию захватили датчане, Финляндию – шведы. На очереди были пруссы, литовцы и русские, но эти «успехи» пришли уже в XIII в., когда расстановка сил изменилась.

Странно! Ведь половцы находились в *фазе гомеостаза*, а феодальная Западная Европа – в *акматической фазе*. Казалось бы, европейцы должны были идти от победы к победе, а половцы погибать, в лучшем случае – героически, как дакоты, семинолы и команчи. А случилось обратное. Почему?

Беда Европы была в том, что эта новая доминанта – крестовые походы – наложилась на старую – спор между папами и императорами, причем нельзя сказать, какая из сторон была хуже. Папа Иоанн XII был сатанистом,[1] император Генрих IV[2] –

---

[1] *Папа Иоанн XII*, в юношестве Октавиан, сын «сенатора Рима» (т. е. правителя), был избран на престол в 955 г. шестнадцати лет от роду. Ватиканский двор стал вертепом продажных женщин. То, что папа охотился, играл в кости, волочился и пьянствовал, куда ни шло. Но он давал пиры с возлияниями в честь древних богов и предлагал гостям пить в честь сатаны! Это шокировало римлян даже больше, чем связь папы с наложницей своего отца, с ее сестрой и ее племянницей. Иоанн XII был отрешен в 963 г., но боролся за власть, мучил пленных и умер в 964 г. от паралича в доме одной из своих дам [25, т. 6, с. 79–85].

[2] Императора Генриха IV погубила откровенность его жены – Евпраксии Всеволодовны, которую Генрих принуждал к участию в тайных оргиях – «черных обеднях». Русская женщина не стерпела немецкого кощунственного разврата и убежала в Каноссу, откуда папа (зафиксировав ее показания и дав отпущение) княжну под надежным конвоем отправил домой в Чернигов. Там она постриглась в монахини и скончалась 9 июля 1109 г. [108, с. 126–127].

тоже. Произвол императорских чиновников не уступал взяточничеству и кощунству прелатов. Гонения на еретиков те и другие проводили одинаково. И однако, до конца XIII в. взаимная резня не прекращалась: гвельфы сражались с гибеллинами, Капетинги – с Плантагенетами, альбигойцы – с католиками, города – с феодалами. Постоянная война в тылу гибельно влияла на успехи на фронтах. Избыток пассионарности так же вреден, как и недостаток ее. А избыток энергии был столь велик, что современник крестовых походов Усама ибн-Мункыз писал в «Книге Назидания»: «У франков, да покинет их Аллах, нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости». Правда, тот же ибн-Мункыз считал, что львы не менее храбры, но они звери [126, с. 208].

Итак, крестовые походы захлебнулись вследствие пассионарного перегрева этносоциальной системы, при котором неосуществима целенаправленная координация сил.

Предлагаемое мной объяснение причин возникновения крестовых походов и их неудачи оригинально. Но ведь оригинален и сам подход к этнической истории как к закономерному феномену становления биосферы.

Крестовые походы католические историки считали результатом религиозного энтузиазма, протестантские – папского своекорыстия, просветители – безумия необразованных людей, экономисты – результатом кризиса феодального хозяйства Западной Европы.

Все перечисленные подходы к предмету изучения – по отдельности и даже взятые обобщенно – очевидны, правомочны, но недостаточны для объяснения явления по одной весьма простой причине. Европейские историки рассматривают крестовые походы как явление уникальное, а это-то и неверно. Если мы сравним известные нам фазы этногенезов, то обнаружим, что при переходе фазы подъема пассионарности в акматическую стремление к расширению ареала наступает столь же неуклонно, как закипание воды при 100° С и нормальном давлении.

А что же произошло после этого в Западной Европе? Оказалось, что когда избыток пассионариев (этих свободных атомов, создающих своего рода броуновское движение) был убран и исчез, то выделились лишь те пассионарии, которые остались на месте и которые быстренько-быстренько начали укреплять свои позиции. Тут им понадобились лозунги, вокруг которых они могли бы объединять своих приверженцев, а для этого стали нужны идеологи, которые сами были пассионарны и готовы были поддержать любого герцога, палатина или короля, если он

давал им возможность высказывать свои идеи. Речь шла уже не о том, чтобы просто толковать Священное Писание, но о том, чтобы выступать со своими точками зрения. Эти идеологи назывались либо схоластами, если они преподавали в университетах и начальство на них не сердилось, либо ересиархами – основателями ересей, если их из университета вышибали и начальство на них почему-либо сердилось. Таким образом, разница между ними была чисто административная, потому что каждый из этих представителей средневековой мысли высказывал все, что он хотел, ссылаясь, конечно, при этом на Библию, но ведь она объемная – всегда можно подобрать соответствующую цитату.

Надо сказать, что в те времена цитаты не всегда указывались в схоластических или еретических сочинениях. Просто говорилось, что в Библии, мол, сказано так-то, а затем проповедник говорил свое, все, что ему вздумается. Заслуга университетской схоластики в том, что она ввела систему сносок, которой мы пользуемся и сейчас. Если ты ссылаешься на Библию, так укажи номер главы и стиха – в Библии все разбито на номерки. Иначе ссылку не принимали во внимание.

В результате деятельности идеологов характер столкновений в Западной Европе изменился чрезвычайно. Возникли различные программы: и такие, которые могли бы быть понятны тем субпассионариям, которые примыкали к своим вождям, и тем пассионариям, которые примыкали к разным королям или принцам, или тем гармоничникам, которые находили выгодным поддержать то или иное движение. Программы были самые разнообразные. Иногда это были программы религиозные, иногда социальные, иногда династические, но все находили своих приверженцев, пассионариев, искавших применения своей избыточной энергии. Так, очередной крестовый поход возник внутри самой Франции. В XI–XII вв. во Франции и Италии возникло антипапское движение, даже не христианское, – альбигойцы, или катары. Эта идеологическая доктрина была дуалистична, строилась на неприятии жизни как таковой и находилась в религиозном смысле за рамками католичества. На этой идейной почве и возникло первое могучее столкновение на территории Франции. Альбигойцы повели себя настолько вызывающе, что против них был организован крестовый поход. Крестовый поход так, зря, тоже не организуешь, но альбигойцы не удержались, зарезали папского легата – посла Петро де Кастельно. Он был прислан из Рима в Тулузу, не договорился, и на обратном пути его прикончили. Ну а после того, как кровь

потекла, все рыцарство Северной Франции, мечтавшее найти себе какое-нибудь дело, но не уехавшее в Палестину, потому что, во-первых, дорог проезд, а во-вторых, там они уже не требовались, бросилось истреблять этих самых альбигойцев [104].

Альбигойцы же были невероятно перемешаны на юге Франции с местными католиками. Причем поскольку они считали, что весь сотворенный мир – зло, а против зла все средства дозволены, в том числе и ложь, то они могли спокойно лгать, будто они самые правоверные католики, а на самом деле тайно соблюдали свои альбигойские обряды. И отличить их было невозможно. Но это не помешало войне, потому что, по существу, произошло столкновение между Северной Францией и Южной.

Глава Северной Франции, парижский король Филипп Август, официально в крестовом походе против альбигойцев не участвовал, ибо был отлучен от церкви за грехи (а грехи у него были действительно хамские, омерзительные)[1]; сам он не мог надеть крест и идти в крестовый поход, но деньги на него давал.

Его соперник граф Раймунд Тулузский был просто граф, но владений имел не меньше, чем французский король, а богатств значительно больше, и был он при этом католик, а вовсе не альбигоец. Тем не менее отлученный еретик поддерживал крестоносцев, а католик поддерживал еретиков. Как видите, дело было не в лозунгах, а в стремлении победить друг друга.

Печать графа Раймунда Тулузского

[1] *Филипп Август* женился на датской принцессе Ингеборг. Когда же она с богатым приданым приехала в Париж, прогнал ее под предлогом «непреодолимого отвращения», но имущество ее присвоил. Короля осудили и папа, и народ. В конце концов ему пришлось стать мужем датчанки, фактически или формально.

А зачем, спрашивается? Почему религиозный момент, который мог бы обсуждаться в кабинетных условиях или вовсе не обсуждаться – дело совести, не все ли равно, кто как верит, – вдруг стал главным. Очевидно, была такая тяга к действию, что могла выплеснуться по любому поводу и вылилась – в формах религиозной войны.

Победил Север. Тулуза была разрушена, Лион оккупирован, все замки альбигойцев, большая часть которых были феодалами, – взяты и уничтожены. Культура, богатая провансальская культура, была растоптана северными рыцарями, которые насаждали грубые нравы среди парижан (Париж тогда был диким городом по сравнению с Тулузой, Марселем, Лионом).

Ну одержали победу, ладно. Казалось бы, на этом и успокойся. Но воевать-то хочется, а если хочется, то повод найдется.

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ЭТНОГЕНЕЗ

Была выдвинута новая проблема. Вопрос о праве престолонаследия.

В начале XIV в. закончилась прямая династия Капетингов во Франции. У короля Филиппа IV Красивого умерли все три сына и осталась одна внучка – дочка старшего сына – Жанна. Ее выдали замуж за наваррского короля, и она оказалась наследницей французского престола. Но французские пэры сказали: «Негоже лилиям прясть», то есть не годится иметь женщину на престоле, и избрали ближайшего родственника короля по мужской линии – Филиппа VI Валуа. Ну какое нам, казалось бы, до этого дело? Однако есть! Вопрос о престолонаследии явился поводом для Столетней войны. Потому что у этих самых умерших трех братьев была сестрица Изабелла, которую французский король выдал замуж за английского короля Эдуарда II Плантагенета (Плантагенет – фамилия французская, происходит из Западной Франции, из Анжера). Их сын Эдуард III в потенции был король Франции и Англии одновременно. Поэтому он заявил: «А ведь я являюсь наследником французской короны, дайте мне эту корону!»

В это время в Англии уже существовал парламент, который очень скупо давал деньги на всякие королевские мероприятия. Без денег воевать нельзя. Но тут парламент почему-то ассигновал большие суммы на совершенно, казалось бы, безнадежную войну. Дело в том, что в Англии в это время было 3 миллиона человек населения, а во Франции – 22 миллиона. Франция была

гораздо богаче, и французы были ничуть не слабее англичан, организация и культура у них были даже лучше, чем в Англии, и, однако, война все-таки началась, и тянулась она больше ста лет, почему и получила название Столетней.

Герб английских королей, претендовавших на французскую корону

Давайте поищем причины этой войны. Экономические? Ну, допустим, они были. Англичане хотели сбывать свою шерсть фламандским купцам, а фламандские купцы – покупать ее беспошлинно. Ну, хорошо, все это правильно, но зачем было воевать тем, кто никакой шерсти не продавал и доходов от этой шерсти не имел: каким-нибудь стрелкам на границе Англии и Уэльса? Им-то было наплевать на доходы купцов из Сити, а, однако, они пошли и составили как раз самую убойную силу; не купцы, нет, купцы торговали, они на фронт не шли, а вот стрелки пошли. Чего ради?

Если французскому королевскому двору, например, была выгодна гегемония над Фландрией, то крестьянам Оверни и берегов Луары или мелким баронам и духовенству всех этих мест было совершенно наплевать на Фландрию. Однако они воевали, и еще как!

Давайте разберемся в традициях, которые определили характер этой войны. Англия была завоевана в VI в. англосаксами, до этого она называлась Британией. Англосаксы захватили восточную часть острова, а в Валиссе, который ныне называют Уэльсом, и в Корнвалиссе остались кельты. Часть ирландских кельтов перебралась в Шотландию и захватила северную часть английских владений – так называемый Лотиан. То есть тут уже было столкновение двух этносов, двух культур и двух религиозных си-

стем, потому что англосаксы были язычниками, кельты же – православными, принявшими христианство еще из Египта. Потом, когда англосаксы приняли христианство из Рима, то есть в противоположность православным кельтам стали католиками, то война все равно продолжалась. И добавилось еще к этому вторжение норвежских и датских викингов, которые захватывали Англию, пытались ее удержать и страшно обижали англосаксов.

Кончилось это все в 1066 г., когда Вильгельм Завоеватель подчинил себе Англию, а был он по происхождению норвежец, но его предки уже 100 лет жили в Северной Франции. Он забыл свой норвежский язык и говорил по-французски. Привел он с собой очень много французских рыцарей и устроил им доходные места при дворе и в управлении. Ведь этнический момент проявляется не в форме особых социальных порядков или установления новых социальных институтов, а в том, кто кому при данных порядках поможет хорошо устроиться... Так вот, Вильгельм и его потомки нормандской династии помогали французам. А когда династия пресеклась в XII в., королем Англии стал француз Анри Плантажене – Генрих Плантагенет. Уж этот-то был натуральный француз, но стал английским королем и всюду протаскивал своих французов, и потомки его тоже. Можно себе представить, как англичане лютой ненавистью возненавидели французов! Чужой – да еще начальник, да еще заблатованный, да еще ведет себя безобразно, и ничего не сделаешь! И когда англичанам те же самые Плантагенеты предложили идти бить французов, то англичане с восторгом пошли.

Английская армия оказалась сильной еще за счет другой этнической коллизии. Я уже говорил об уэльских кельтах. Сопротивлялись они англосаксам отчаянно, потому что англосаксы, пришедшие еще с волной Великого переселения народов, по отношению к кельтам вели себя исключительно жестоко, и те возненавидели их лютой ненавистью. И когда англосаксов победили французы, то кельты сказали: «Эти, пожалуй, получше. Впрочем, кто бы ни давил англосаксов, все равно мы его поддержим». С приходом французов война между кельтами и англосаксами не кончилась, но как-то стала ослабевать и к концу XIII в. совсем приостановилась. Эдуард I вошел в Уэльс, чтобы подчинить его себе.

Это было предприятие совершенно неосуществимое, потому что тяжелая рыцарская конница английского короля побеждала во всех открытых столкновениях, но уэльсцы выкопали себе ямки-бункера под мхом. Там много холмов, покрытых мхом и вереском. Они делали тайные лазы, целый день сидели в этих

ямах, и найти их не было никакой возможности. Потом, когда англичане, утомленные дневными поисками, ставили палатки и ложились спать, выспавшиеся за день уэльсцы вылезали и стреляли из своих длинных луков по палаткам и убивали спящих англичан. Те, конечно, старались побить уэльсцев, но уэльсцы убегали. А уж тем, кого удавалось поймать, пощады не было.

Такая война могла тянуться, пока не надоест. В конце концов она надоела обеим сторонам и был предложен компромисс. Уэльсцы сказали Эдуарду: «Мы примем от тебя государя (по феодальному праву он должен был дать им государя, который бы ему сам подчинялся), но он должен родиться в Уэльсе, быть знатного рода и не знать ни слова ни по-английски, ни по-французски». Тот сказал: «Ладно» – и велел вождям кланов явиться к нему. Те пришли. Он вынес своего двухнедельного сына и говорит: «Вот вам, пожалуйста. Он родился в Уэльсе две недели тому назад, он знатного рода – мой сын; и он не знает ни слова ни по-английски, ни по-французски». Уэльсцы согласились его принять. Это пошло на пользу и тем и другим, потому что свои этнические особенности, даже язык, уэльсцы сохранили до нашего времени.[1]

Английский лучник

А уэльсцы обладали искусством, которого не знал никто в Европе: они стреляли из длинных луков – составных, клееных, очень тугих. Они умели стрелять так, что стрела летела на 450 метров и имела большую убойную силу. И они этому подучили стрелков англосаксонских, но самые лучшие стрелки в английской армии были, конечно, уэльские. Они достигли почти половины уровня военной техники Восточной Азии, потому что из монгольского лука стрела летела на 700 метров, а на 450 – она пробивала насквозь любой доспех. Ну все-таки Европа как-то за Азией уже тянулась и ее догоняла.

---

[1] Это легендарная версия, но она точнее отражает характер создавшейся коллизии, чем фактическая история покорения свободных кельтов и казни их вождей в 1282–1283 гг. Эдуард II родился в Уэльсе и получил от отца титул принца Уэльского, но восстания кельтов продолжались до 1295 г.

Кроме того, уэльсцы получили возможность отправить своих юношей, желавших славы и добычи, на очень выгодную французскую войну. А английские короли получили пехоту, включавшую прекрасных лучников, которые стреляли в три раза быстрее, чем французские арбалетчики (арбалет – это механизм тугозаряжаемый). Когда война началась, то, к общему удивлению, англичане имели грандиозные успехи, захватив часть Западной Франции и даже Бретань. Как мы видим, повод к Столетней войне был чисто фиктивный, надуманный. Казалось бы, французам ничего не стоило сказать: «Ну что же, ты – внук нашего Железного Короля, садись на наш престол в Париже и управляй». Тем более что родной язык Эдуарда III был французский. Жена у него тоже была не англичанка, она была фламандка. Он мог бы управлять из Парижа обеими странами. Ничего подобного! Французы и англичане хотели воевать друг с другом, и поводы, как мы видим, у них нашлись. Кроме того, отобрав у Плантагенетов почти всю Юго-Западную Францию, французские короли не сумели занять полоску вдоль Бискайского залива с городом Бордо, который был долгое время столицей английских королей, вернее, их резиденцией: они предпочитали жить в Бордо, а не в Лондоне.

В Лондоне, по уставу лондонской коммуны, то есть городской общины, ни один дворянин не имел права ночевать в городе, даже король, который, приезжая в свою собственную столицу, должен был до заката солнца решить все дела, после чего он отправлялся в загородный дворец, специально для этого построенный, – он же дворянин. Король не имел права ночевать в своей собственной столице. Вот такие были обычаи. А Бордо – это множественное число от слова «бордель». Там жить было веселее, и поэтому английские короли предпочитали жить в Бордо.

Но удавалось им это только потому, что эта часть современной Франции вдоль берегов Гаронны и до Пиренеев была заселена не французами, а гасконцами – басками, которые по-французски ни слова не знали и терпеть не могли французов. Относились к ним так же, как кельты к англосаксам, и поэтому были готовы с удовольствием помогать англичанам. Не потому, что они любили англичан, на англичан им было плевать, но с помощью англичан можно было ударить по французам, и они действовали. Точно так же на хвосте у английского короля висела Шотландия. Шотландские кельты, как я уже говорил, захватили Лотиан, заселенный отчасти норманнами, отчасти даже северными саксами и ютами.

Образовался сложный, составной этнос, который очень ссорился с англичанами. Терпеть они друг друга не могли и считали, что, вообще говоря, надо только улучить хороший момент, для англичан – чтобы захватить Шотландию, а для шотландцев – чтобы разграбить Северную Англию. Последнее шотландцы делали часто и очень быстро, хотя конницы у них не было, но пехота в юбках делала сверхбыстрые марши и грабила почем зря. Конечно, юбка не повышала их боевых качеств, но, во всяком случае, давала стимул для того, чтобы получить больше материи, чем у них было. Единственным материалом для одежды у них была овечья шерсть. Шотландцы – скотоводческий народ, а не земледельческий. А на тех вересковых холмах много овец не разведешь, и поэтому их страна была очень бедна и нуждалась в грабеже как промысле.

Как мы видим, все пассионарные народы в этот период, период пассионарного перегрева, оказались уже не поборниками тех своих положительных идеалов, которые у них были до этого, а противниками своих соседей, и действовали они со страшной энергией, но уже не под лозунгом «за что», а «против чего». При этом этнический момент играл первостепенную роль.

Действительно, как можно было бы объединиться французским феодалам с английскими феодалами? Да никак! Они воевали друг с другом. Может быть, с испанскими? Попробовал Черный принц помочь Педро Жестокому занять престол Кастилии – половина испанских феодалов оказалась на стороне английского Черного принца, а другая половина – на стороне французского коннетабля дю Геклена и победила. Они все боролись друг с другом, даже сами кастильские феодалы. Арагон – тоже феодальная страна. Подчиненные арагонским королям каталонцы соперничали с французскими феодалами за право грабежей в западной части Средиземного моря.

Германское королевство к XIV в. распалось, немцы убивали исключительно друг друга (как обычно, немцы украшаются победами над своими) и поэтому в XIII–XIV вв. опасности для соседей не представляли. Благодаря этому французским королям удалось у них оттягать Бургундию. Тогда еще она считалась Германией.

А что касается провансальцев, то они хотя и подчинились французскому королю, но когда Людовик Святой попал в плен к мусульманам во время крестового похода, то в Марселе звонили в колокола, служили торжественные обедни и пели

«Te Deum laudamus» – «Тебя, Бога, хвалим» за то, что этого французского короля наконец кто-то захватил в плен.

Как мы видим, сменился вектор, сменилось направление деятельности. Повышенный индивидуализм в странах Западной Европы привел к тому, что каждый смог, используя пассионариев, к нему примыкавших, составить ту или иную банду и бороться за себя, включая королей, английского и французского.

Но тут, конечно, могут мне возразить: все-таки англичане – нация, французы – нация, в это время они уже сложились, они боролись друг против друга. Гасконцы, бретонцы, провансальцы боролись за свои национальные права, шотландцы тоже. Но когда кончилась эта Столетняя война, и английских феодалов сбросили в море, и англичане оказались у себя дома, вы думаете, они успокоились? Нет, они сразу же затеяли новою войну на 30 лет – войну Алой и Белой розы.

Одни феодалы повесили у себя на щите белую розу – это были графы Йорки и Невилли, другие алую розу – это были Суффолки и Ланкастеры и начали убивать друг друга, привлекая к себе стрелков, копьеносцев, добровольцев, охотников. А те шли и убивали друг друга так, что Англия, в общем, опустела. Причем характер этой войны был понятен людям того времени – в последней решающей битве, когда Белая роза победила Алую розу при Тьюксбери, будущий король Англии Эдуард IV кричал своим воинам: «Щадите простолюдинов, бейте знать!» [25, т. 8, с. 839]. Почему? Да потому, что уже все пассионарные люди сумели обзавестись гербами и объявили себя знатными, а ему нужно было снизить количество пассионариев в своем королевстве. Иначе он управлять им не мог, потому что каждый пассионарий уже работал сам на себя. Таково было положение дел в Западной Европе, и длилось это довольно долго.

Францию спасла Жанна д'Арк. Так все французы считают, и это справедливо. Но чем она ее спасла? Дело в том, что французы делились тогда на два сорта. Объединенная Франция, примерно в современных границах, вмещала в себя два французских этноса – северо-восточный и юго-западный. Сначала (в первую половину Столетней войны) юго-западные французы – жители Аквитании между Луарой и Пиренеями – поддерживали Плантагенетов, то есть англичан, против ненавистных парижан. А жители северо-восточной Франции поддерживали Париж и национальное знамя Карла Мудрого против англичан и изменников-аквитанцев. Во второй период войны было

наоборот. Жанна д'Арк произнесла два слова: «Прекрасная Франция» – и победила. Но даже в первый период войны Франция одержала победу, потому что у французского короля оказался гениальный полководец Бертран дю Геклен, а он был не южный и не северный француз, а бретонец, кельт. Он был мастер партизанской войны. Два раза он попадал к англичанам в плен, и два раза его освобождали за выкуп, равный королевскому. Собирали деньги и выкупали. Исключительной храбрости был человек.

Вы скажете, что это был изменник своего народа, отщепенец, который перешел к французскому королю служить, мог бы и к английскому. Нет, он был бретонец и остался бретонцем. Когда после победы над англичанами Бертран дю Геклен стал коннетаблем Франции, то есть вторым лицом после короля, то получил вдруг приказ подавить восстание своих земляков, бретонцев. Он отказался. Король заявил, что если он отказывается выполнять миссии, на него возложенные, то будет лишен звания коннетабля. Дю Геклен бросил меч коннетабля – знак своего достоинства, сел на коня и уехал в Испанию. За ним побежали вслед, чтобы упросить остаться. Ведь это был национальный герой Франции! Но вернуть его не успели, потому что по дороге он схлестнулся с какими-то разбойниками и разбил их, но они его убили в стычке. Этнический принцип, как видите, соблюдался и тут.

Бретань в этой катавасии между Англией и Францией занимала промежуточное место. Там были партии проанглийская и профранцузская, хотя гораздо точнее будет иначе – антианглийская и антифранцузская, потому что и те и другие воевали за свою Бретань и за своих бретонцев, а не за англичан и не за французов. Блуа были противниками англичан, Монфоры были противниками французов, причем хотя и те и другие были французского происхождения, но войска их состояли из бретонцев, потому что бретонцы в это время были тоже весьма пассионарным этносом.

Акматическая фаза продолжалась во Франции до конца XIV в. Последовавший затем спад пассионарности был неизбежен, поскольку убыль пассионариев в ходе кровопролитий уже не восполнялась естественным приростом. Итог этого периода был подведен в XV в.: Франция была объединена Людовиком XI, который прикончил всех феодальных вождей, снова подчинил себе Бургундию и создал единое королевство, в котором, как говорили после него: «Одна вера, один закон, один король».

БУЙСТВО УМА И СЕРДЦА

Несколько иначе сложилась ситуация в Византии. Там пассионарный перегрев не сопровождался территориальной дивергенцией. Территориальное распадение заменилось на идеологическое. Произошло это следующим образом. После декрета Константина христианство стало официальной религией. Цель многолетней борьбы была достигнута, гонения с христиан перенесены на язычников.

Но пассионарность продолжала расти, пассионарии стремились действовать, а действовать стало негде и незачем. Поэтому признак этот стал проявляться в весьма уродливых формах. Началось это еще с Константина. Константин сказал, что, конечно, он церковь допускает. Допускает, чтобы соборы собирались, всё обсуждали, но он как император желает присутствовать на этих соборах, для того чтобы смотреть, чтобы не было какого-нибудь государственного беспорядка. А он же язычник, его нельзя было допустить. Тогда ему дали чин дьякона, самый младший чин церковной иерархии, чтобы на этом основании имел право быть допущенным на собор император всей империи Римской. Константин был человек практичный, он сказал: «Мне все равно, ладно». А африканские христиане, наиболее горячие, заявили: «Ничего подобного. Какое дело императору до церкви? Мы сами по себе. В гражданских делах мы ему подчиняемся, а к нам пусть не лезет». Это кричал дьякон карфагенской церкви Донат, поэтому его последователи назывались донатистами. Так как умеренные были, как всегда, в большинстве, то программа Доната не прошла и создала первый раскол в христианской церкви. Донатисты заявили, что новый, слишком благополучный порядок их не устраивает – мученической смерти-то уже нет, значит, затруднено спасение в загробной жизни, поэтому они создали свои группы, или банды, которые ходили по дорогам около Карфагена, ловили какого-нибудь путника, окружали его и говорили: «Убей нас во имя Христа». Тот говорил: «Да вы что! С ума, что ли, спятили, чтобы я людей убивал, уйдите от меня». – «Э-э-э! – говорили ему. – Тебе мало не будет, мы из тебя сейчас котлету сделаем, если ты нас не убьешь во имя Христа!» И ему ничего не оставалось делать, как брать у них из рук дубину и бить по темени, и они покорно падали и умирали, считая, что идут в рай.

Менее трагические уродливые формы эта повышенная пассионарность при определенной конфессиональной доминанте приняла в Египте. Там, правда, не требовали, чтобы их убивали, но говорили: «Нет, мы откажемся от всей жизни, которая нас привлекает. Мы всего хотим. Мы хотим эти вкусные финики, мы хотим это сладкое вино, мы хотим этих милых женщин, мы хотим наслаждаться поэзией, а ведь это же все грешно! Все! Уходим в пустыню!» Уходили в Фиваиду, в Верхний Египет, и сидели там на крайне постной пище – кусок хлеба и немножко воды, чтобы убить свою плоть, подавить желания. Даже сами себя наполовину в землю закапывали, чтобы избежать соблазнов, если те будут. Так родилось монашество и аскеза. Было ли это плохо или хорошо? Я бы сказал с точки зрения нашей, географической, то есть с точки зрения охраны природы, это было очень хорошо, потому что если бы этих страшных, оголтелых пассионариев да выпустить на природу или на людей напустить, так они бы дров наломали. И подумать страшно! И это-то реальное ослабление пассионарности всей системы спасло Византию от полного распада, хотя от неполного не спасло. Пассионарный взлет увел у Византии Закавказье, которое ей принадлежало, Сирию с Месопотамией, всю Африку и Сицилию. Удержать эти земли оказалось невозможно, удержалась только Малая Азия и южная часть Балканского полуострова (северная часть Балкан тоже была потеряна – славяне захватили). Южная часть Балканского полуострова – относительно маленькая территория, имевшая, естественно, меньше пассионариев, – могла организовать их в систему защиты.

Те, кто не сидел в Фиваиде, немедленно развивали бурную деятельность, которая отнюдь не пошла на пользу ни им, ни церкви, ни Византийской империи – вообще никому. Они начали проповедовать разные учения. Вот, например, в Александрии появился один пресвитер, священник Арий, очень образованный человек, который сказал, что есть в Троице Бог Отец и Бог Сын, значит, отец раньше, сын позже, сын меньше, чем отец. «А-а-а! – сказали ему. – Ты что? Хулишь Господа Бога нашего? Отец и Сын – это просто названия, которые мы на нашем бедном языке даем, а они равны». Ну, казалось бы, поспорили и разошлись. Нет! Дикая свалка, междоусобная война, аресты, доносы, наушничество. Первых императоров обратили в арианство, они начали преследовать противников Ария. Потом император Феодосий оказался связан – по знакомству, конечно, – с противниками Ария, поддержал православных, которые

победили ариан. Но арианство распространилось среди готов, вандалов, бургундов – вообще германских племен, то есть германцы и римляне оказались разной веры, и все из-за абстрактного спора.

Но когда с арианами кончили, казалось бы, можно успокоиться. Ничего подобного! Возник спор о том, имеет ли Христос одно тело или два: божественное и человеческое или только одно божественное? О том, что у Христа тело только одно, человеческое, – об этом и разговора не было. Была и такая идея у Павла Самосатского, но о ней не стали разговаривать. А тут еще начался спор: Дева Мария, она кто – Богородица или Христородица? Собрали соборы в Эфесе в 431 г. Большинство стояло за то, что у Христа два тела и, вообще, нечего шум поднимать, но в 449 г. в Эфес приехали египетские монахи, анахореты, в рясах из верблюжьей шерсти, надетых на голое тело, подпоясанные веревками, а за поясом большие топоры; они бегали по Эфесу и кричали: «Кто признает два тела у Господа нашего, того мы сейчас рассечем надвое!» Этот собор был назван «Эфесский разбой» [83, т. 1, с. 195].

Началось заседание собора, монахи ворвались туда, переломали писцам пальцы, митрополита загнали под стол и забили ногами, стражу разогнали. Создался такой кошмар, что пришлось перестраивать весь собор и переносить его поближе к столице, в Халкидон, отбирать депутатов специально по спискам, окружать здание войсками. Собор этот принял решение, которое и сейчас лежит в основе христианской церкви, но это решение вызвало отпадение Египта и Сирии, которые передались арабам в VII в. Была ли кому-нибудь от этого польза? Все это издержки пассионарного подъема. О «пользе» и речи не было.

Но, с другой стороны, Западная Римская империя, где не было такого подъема, не было и издержек, стала легкой добычей варваров, повторяю – потрясающе легкой. Восточная, включавшая в себя Балканский полуостров, Малую Азию и Сирию с Египтом, держалась, сохранила большую часть своих границ с небольшими потерями – Сирию потеряли, Египет и Африку, но зато и там христианская церковь получила все права под властью арабских халифов. Халифы вынуждены были терпеть самостоятельность этой церкви, ибо она была монофизитская, то есть признавала единое тело в Христе и поэтому не зависела от врага арабов – Константинополя. То есть Византии от избытка пассионарности был вред, но была и польза.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

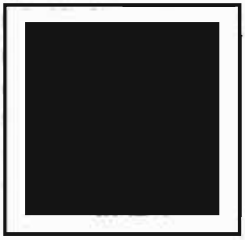
Нужно понять, что в истории этносов, в отличие от истории социальной, государственный вред и польза не имеют никакого значения. Эти понятия вообще не фигурируют, так же как в физике понятия положительного и отрицательного зарядов вовсе не означают, что один лучше, а другой хуже. **Этногенезы – явления природы, которые мы наблюдаем, исследуя историю как статистический процесс.** А ведь при всех этих религиозных спорах если кто-то и выиграл, так только языческие философы, которых христиане, боровшиеся между собой, оставили в Афинах без внимания. Там спокойно обучали философии Платона и Аристотеля, пока у христиан горели страсти. Эти страсти начали утихать в VI в., уже при Юстиниане, и, когда Юстиниан навел порядок (выгнал несториан, договорился с монофизитами, поскольку их поддерживала его собственная жена Феодора), он расправился и с греческими философами, прикончил античную языческую мудрость и закрыл афинскую Академию. Как видите, спад пассионарности, остановка ее подъема для культуры сыграли роль весьма прискорбную.

Посмотрим вкратце, каковы были итоги акматической фазы в Арабском халифате, раскинувшемся от Памира до Пиренеев. Там наследственного феодализма вообще не было, там был феодализм должностной: какую человек занимал должность, тем он и считался. Самая высокая должность, которой мог достигнуть любой человек, не принадлежавший к роду пророка или халифа, – это эмир, т. е. эмиром мог стать любой мусульманин, вне зависимости от своего происхождения.

Мало того, ведь в гаремах было совсем уж все перепутано, и никто не знал своих бабушек и дедушек – представления не имели, кто есть кто. Но поскольку они рождались в арабских гаремах, то считались арабами и имели все права. Но и, кроме того, каждый перс, туркмен, армянин, сириец, бербер, курд, заявивший, что он хочет принять веру ислама, тем самым получал и право занять любую должность, до какой он дослужится, и, естественно, все стремились стать эмирами. Результат был сначала довольно положительный. Все огромное мусульманское государство, от Аравии до Памира на востоке и до Луары на западе, управлялось эмирами, которых назначал халиф. А эмиры, естественно, каждый старался обеспечить себе максимум

самостоятельности, согласно императиву «Будь самим собой!». То есть каждый старался уже быть не просто уполномоченным халифа, но и Абу Бекром, Абдаррахманом, Саидом или кем-нибудь еще. Поэтому колоссальная страна, завоеванная первыми халифами в первый период этногенеза, уже во второй половине VIII в. стала быстро дробиться на части, ибо эмиры, вовсе не нарушая ни присяги, ни уважения к халифу, просто не давали ему денег, которые собирали со своей области. Деньги они оставляли себе. Они очень уважали халифа. Они подчинялись ему, но деньги такая нужная вещь, зачем ему отсылать? А потом они заставляли читать хутбу, то есть моления за правителя в мечети, не на имя халифа, сидевшего в Багдаде, а на свое имя и должности свои умудрялись передавать своим близким. Самые близкие – дети, а детей у них было много: раз они занимали такие должности – у них были гаремы, так что всегда можно было выбрать подходящего ребеночка и осчастливить его. Так возникли в Магрибе (на западе) государства Аглабидов, Идрисидов и Фатимидов, Омейядов в Испании; так возникли на востоке Тахириды, Сафариды, Саманиды, Гуриды и т. д. Сирия и Египет, уж такие, казалось бы, близкие к столице области, тоже отделились.

Итак, пассионарность арабов сначала создала, а потом взорвала социально-политическую систему халифата. Вместо того чтобы укрепить свое государство, пассионарный перегрев стимулировал внутренние войны, в которых пассионарии гибли так же, как в завоевательных походах. В итоге уже в X в. арабы на своей родине превратились в угнетенный этнос, а подлинными хозяевами страны стали на востоке туркмены, а на западе – берберы и туареги.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

АНТИСИСТЕМЫ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

СФЕРА МЫСЛИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Ознакомившись с первыми двумя фазами этногенеза: подъема и перегрева, мы можем сделать предварительный, но важный вывод. В фазе подъема складывается, а в акматической фазе кристаллизуется оригинальный для каждого случая стереотип не только поведения, но и мировосприятия и мироосмысления – то, что мы называем культурным типом.

Разумеется, и здесь не обходится без пассионарности, так как для того, чтобы выработать новую, ни на что не похожую систему взглядов и воззрений, нужны огромные затраты пассионарной энергии, пожалуй, не меньше, чем для освободительных и завоевательных войн.

И если уж мы затронули вопрос взаимовлияния культуры (творения рук человеческих) и этногенеза (феномена природы), имеет смысл остановиться на этом вопросе подробнее. Надо сказать, что к у л ь т у р а для этнолога – не предмет, а инструмент исследования, но инструмент крайне необходимый. Ведь культура – это как раз то, что мы можем изучить, это то, что лежит на поверхности.

Очень сильно сказывается на культуре временной момент, момент памяти – памяти генетической, памяти традиционной, – памяти прежних культур, то есть наличия в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами. Этот тезис звучит довольно маловразумительно, когда его формулируешь

абстрактно, но сейчас мы перейдем к конкретным примерам и увидим, что все это реально.

То, что мы уделили такое большое внимание возрастам этноса, то есть фазам этногенеза, позволяет нам своим методом исследовать древние культуры, начальные фазы которых источниками не освещены и историкам фактически неизвестны. Но акматические фазы, как правило, освещены достаточно, а поскольку мы знаем, что акматическая фаза наступает примерно через сто пятьдесят лет после начала явного подъема, то мы можем сделать вывод, что пассионарный толчок произошел там за 300 лет, учитывая инкубационный период до зафиксированной акматической фазы.

В древнем мире известны четыре культуры, относящиеся к VI–V вв. до н. э. Акматические фазы этносов, создавших эти культуры, изучены достаточно хорошо. Местообитания этих этносов расположены по 30-й параллели и охватывают Грецию, Северную Персию, Индию и Средний Китай. Очевидно, на этой полосе где-то на рубеже IX–VIII вв. до н. э. был пассионарный толчок. Что происходило в это время в этих странах, никто толком не знает. Есть догадки, отрывочные сведения, легенды. А вот что касается VI – V вв. до н. э., то тут мы знаем уже много. Если мы возьмем четыре основных очага – Элладу с областями ионийской культуры; Иран с Мидией и прилегающими областями Бактрии; Бенгалию, которая лежит, правда, немножко южнее, чем Иран, но, с другой стороны, в пределах допуска, и Центральный Китай, то мы увидим, что здесь в одно и то же время, в VI – V вв. до н. э., существуют четыре большие, хорошо изученные культуры. Это – классическая Греция с ее классической философией; Ахеменидская монархия с ее новым культурным достижением – маздеизмом, антагонистическим дуализмом; в Индии это – эпоха Будды и его проповеди; в Китае, в пределах допуска, это Конфуций и Лао-цзы. Все четыре перечисленных региона отличаются одной общей чертой – здесь возникают философские системы настолько остроумные, настолько логичные, настолько увлекательные, что влияние их в той или иной степени доходит до нашего времени. Все авторы тоже хорошо известны. Им уделяют огромное внимание. Их изучают, с ними спорят. Но как они не похожи друг на друга!

Когда древние эллины заинтересовались проблемами мироздания, бытия и места человека в нем, они обратили внимание

прежде всего на природу. Это были натурфилософы, которых интересовало, как устроен мир.

Первый из греческих мудрецов – Фалес Милетский считал, что вода – источник всего живого и что «все полно демонов», то есть мир – это не косная материя, а живые существа, которые между собой взаимодействуют. Остроумная система, увлекательная: и Земля – живой организм, и скалы, и утесы, и моря, и горы, и долины; все полно жизнью, но непохожей на нашу, которую мы просто не можем распознать.

Его младший современник Анаксимандр объявил, что в основе всего лежит *апейрон* – беспредельность; Анаксагор, тоже их современник, предположил, что в основе всего лежит *эфир* – очень тонкий газ.

Гераклит сделал еще шаг. Он предположил, что вообще нет никаких вещей – это все обман чувств, обман зрения, на самом деле есть только процессы: «Никто не может вступить дважды в один и тот же поток. И к смертной сущности никто не прикоснется дважды». Это, пожалуй, близко к нашему современному диалектическому подходу, хотя другой тезис Гераклита, логически вытекающий из предыдущего, воспринимается в наше время без симпатии: «Война – отец и царь всего живущего; война сделала одних людей богами, других – смертными и рабами». В самом деле, если мир – живой процесс, то естественно, что столкновение и пересечение потоков жизни должно выявляться как борьба, война. Так что, с его, гераклитовской, точки зрения, это вывод логичный.

Иная концепция мироздания была разработана Пифагором, жившим на западе, в Кротоне (Южная Италия). Пифагор предположил, что в основе мира лежит *абстракция* – число. Но как ни отличны эти учения, важно, что для всех греков было характерно стремление узнать, а что же такое мир, который нас окружает? Им в голову не приходило, что можно интересоваться чем-нибудь другим.

ИРАН И ТУРАН

В отличие от греков, персов мало интересовала натурфилософия, им интересно было другое – где друзья и где враги, что считать добром, а что – злом, извечна ли вражда? Здесь Зердушт (я произношу по-новоперсидски; по-древнеперсидски будет Заратуштра), уроженец города Бальха (это на самом

востоке Ирана), объявил, что дело не в том, чтобы разобраться, из чего состоит мир – это каждый сам видит: есть реки, горы, леса, пустыни, скот, храбрые воины; дело в разнице между днем и ночью – светом и мраком. Облек он это в замечательную философскую концепцию, ставшую основой многих видов дуализма.

По древнеарийским воззрениям, характерным и для персов, и для индусов, и для эллинов, и для скандинавов, и для славян – для всех древних арийцев, было три поколения богов, то есть три эпохи космического становления.

Первое поколение – это Уран, то есть космос – стабильное пространство, заполненное вещами. В эпоху Урана все было в полном порядке; никто никуда не двигался, ибо не было времени, не было и движения.

Движение пришло на смену этой эпохе в «век» Сатурна, или Хроноса, то есть когда появилось время. Сатурн, как известно, изуродовал своего отца Урана, заключил его в темницу и начал свирепствовать, все изменяя. Мир превратился в вертящийся калейдоскоп, в котором ничто не может удержаться надолго; тогда стали появляться чудовищные изменчивые формы – гиганты.

Греки считали гигантов чем-то совершенно омерзительным, и индусы так же считали, а вот Зердушт решил, что те, которых индусы называли асурами, а греки – гигантами или титанами, – это и есть амешаспента, лучшие помощники Светлого Божества. И на этом он остановился.

Это был переворот в мировоззрении. Ведь греки, например, тоже верили в гигантов, но поклонялись они третьему началу, персонифицированному в виде Зевса, то есть бога (Зеус и Деус – это одно и то же; «з» в «д» переходит). Сила Зевса была в электричестве – молнии. Зевс победил Сатурна, заключил его в какую-то пещеру и навел порядок. Он установил власть олимпийских богов, которые с тех пор постоянно воюют с гигантами, так как гиганты все время нападают на них.

Точно такая же мифологема существует и в Индии, где тоже уважают Дэва (Дэв, Деус – это одно и то же). Боги воюют с асурами, а асуры стремятся победить богов, но все время терпят поражения, однако, потерпев поражение, немедленно реорганизуются и опять бросаются на богов, и так – бесконечно. Нам важно отметить здесь то, что и эллины, и древние индусы стояли на стороне богов, а Зердушт предложил стать на сторону гигантов и, следовательно, считать богов дьяволами, хотя поперсидски они называются так же: Дэв – на староперсидском и

Див – на новоперсидском. Таким образом бог превратился в дьявола; Див, как это все знают теперь, просто черт.

Так вот, в V в. до н. э. Зердушту удалось победить своих противников. Он уговорил Ксеркса издать «антидэвовскую надпись» и запретить почитание дэвов в своем государстве. Исключение было сделано только для двух бывших богов: для прекрасной Анахиты (уж очень ее полюбили персы и поэтому поклоняться ей разрешили – это богиня любви и плодородия) и для Митры.

О Митре надо сказать особо. Митра считался братом Урана (Варуны по-индийски, т. е. Космоса). Митра тоже космическое божество. Солнце – это только глаз Митры, однако Митра имел узкое назначение. Так как в древние времена война была постоянным занятием, которое изредка прерывалось периодами мира, то мир скреплялся клятвой. Во время войны обман и всякого рода дезинформация противника считались разрешенными – на то и война, не будь лопухом, – а вот клятву надо было беречь, и раз мир заключен, то уж, извините, никого обманывать и убивать нельзя. А так как клятвы, случалось, нарушали и в те времена, то Митра получил узкую специализацию – охранять клятвы и наказывать клятвопреступников, то есть он боролся против предателей. И дело это было весьма актуальным по тем временам, да и для более поздних времен тоже, поэтому культ Митры уцелел даже после реформ Зердушта. Уж очень важно было иметь гарантию спокойного существования, подтвержденного договором, и знать, что договор будет соблюдаться. Митра не требовал специального поклонения, он был «для верных и неверных». Он охранял любые клятвы, наказывал любых клятвопреступников. И Зердушт тоже в основу нового мировоззрения положил дуализм, борьбу света и тьмы, светлого Ормузда и темного Аримана. Но Ормузд был богом только персов, которые были допущены к таинствам поклонения огню, солнцу и всем видам света, а арименовцами считались все остальные, в том числе почти все наши азиаты и парфяне. И если у иранцев священным животным была собака, то туранцы почитали змей.

А Митра был «для всех». Хотя и митраизм был системой строго дуалистической и только в этом смысле сходен с зороастризмом.[1]

---

[1] Литература по *митраизму* громадна. Известны и описаны иранский, киликийский и римский митраизмы. Митраизм был главным соперником христианства в I тыс. н. э. Восточный вариант митраизма обнаружен у тибетцев и монголов [см.: 49, 52].

ТИБЕТ

Митраистическая система распространилась по Тибету, Монголии, Восточной Сибири, по всей Центральной Азии. Врагом Митры (его другое название – Бог Белый Свет) был демон Длинные Руки – в персидских текстах названия этого демона не сохранилось, это тибетское название. Демон Длинные Руки, вождь целого полчища демонов, – это обман. Обман – это то противоестественное, чего нет и не должно быть в мире. Животные не обманывают друг друга. Они смело убивают, охотятся друг на друга, едят друг друга, но они никого не предают и не обманывают. Они не злоупотребляют доверием. Обман – это то, что приходит через человека, это то зло, с которым борется Митра.

Таким образом, мы видим вторую систему дуализма, распространившуюся за пределами Ирана. В Иране восторжествовал зороастризм, за его пределами – религия, почитавшая Бога Белого Света, сохранившаяся в Тибете до XX в. под названием *религии бон*. Последние бонцы бежали из Тибета в 1949 г. сначала в Индию, потом в Норвегию, а сейчас поселились даже в Швейцарии. В Индии им жарко показалось: они привыкли там, где горы. Так как это были интеллигенты, работать грузчиками им было тяжело, то они начали издавать и продавать свои бонские древние книги тибетологам. На это существовали, хотя и скудно. А западные тибетологи покупали эти книги и меняли на наши советские издания. Так концепция бона получила известность в советской литературе[1].

Как мы видим, и задачи и постановка вопросов в иранотуранском и в эллинском культурных мирах были диаметрально противоположны. Их интересовали разные вещи.

ИНДИЯ

Возвратимся теперь к Индии и посмотрим, что тогда интересовало индусов. Оказывается, индусов очень мало волновало

[1] Таким образом в Ленинград попала карта легендарной страны Шамбала и карта мира, включавшая Америку. Оказалось, что Шамбала – не мистическая область злых богатырей, а Селевкидское царство в Сирии и Иране во II в. до н. э. [см.: *Гумилев Л. Н., Кузнецов Б. Н.* Две традиции древнетибетской картографии. – В кн.: *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. М., 1993].

то, как устроен мир и кто их друзья, а кто враги (свет – тьма). Они смирились с тем, что какие-нибудь враги все равно придут и их убьют, сопротивляться они в это время уже не умели. Поэтому их интересовало только, как спасти свою душу и обеспечить ей приличное воплощение после неизбежной близкой смерти. Здесь верили в переселение душ; считали, что душа хорошего человека после смерти воплотится в человеческом теле, а если он был грешным, его душа воплотится в теле крокодила, что, конечно, уже менее приятно, или в теле асура, или дэва – это лучше, а если в теле воздушного (бирита) беса или подземного демона, то это совсем плохо. Так вот и вопрос: какие принять меры, чтобы обеспечить себе перерождение в тело человека? И имеет ли это смысл? В это время здесь уже были йоги, брамины, отшельники-аскеты, и всем этим очень заинтересовался гениальный мальчик – сын княжеского (кшатрия) рода Шакья. Звали его Сиддарта, или Шидарта. Он обошел всех мудрецов-учителей, не удовлетворился их учениями и создал свое собственное. Учение его было до крайности простым вначале и стало невероятно сложным через две тысячи лет.

Заключалось оно в том, что у людей есть желания, которые порождают при неудовлетворенности страдания, а страдания ведут к смерти, к новым воплощениям и новым страданиям. Следовательно, для того, чтобы избавиться от страданий, надо ничего не желать, и тогда избегнешь и страданий и смерти. Он сложил ноги калачиком, сел под пальму и стал ничего не желать. Но это оказалось дьявольски трудно. Говорят, что ему это все-таки удалось, и тогда он начал других учить, как это делать, и сотворил двенадцать чудес, потому что демон Мара (не демон Длинные Руки, а демон Мара, то есть иллюзия) насылал на него всяких чудовищ, например бешеного слона, блудницу, немедленное вступление в нирвану с отказом от проповеди и т. п. Но он с этим справился и стал «Буддой», то есть совершенным!

Гораздо труднее ему было справиться со своими ближайшими учениками. Один из них, Девадатта, усвоив учение, решил сделать побольше. Он ввел, наряду с отречением от желаний, строгий аскетизм. Сам Будда считал, что человек должен для спасения не страдать ни в коем случае, то есть получать достаточно пищи, и у него была чашечка, куда ему клали рис или овощи, заправленные постным маслом. Он питался одной такой чашечкой в день; если с постным маслом, да еще хорошим, то этого действительно достаточно. Будда запрещал прикасаться

к золоту, серебру и женщинам, ибо это соблазны, распаляющие желания.

А Девадатта сказал: «Нет, мы еще и поголодать можем», и это было уже искушение; это было уже ни к чему. Хоть ты и можешь перенести голод, но зачем? Это же влечет страдания! Аскетизм категорически противопоказан идее Будды. И поэтому община Будды раскололась еще при его жизни, но многие все-таки слушали, что он говорит. Дамы знатные его приглашали к себе из любопытства. «Ладно, не прикасайся, – говорили они, – но ты и нам хоть что-нибудь расскажи». Давали ему взносы на общину. Сам он ни к чему не прикасался, но ученики брали и использовали на благо дела.

Учил Будда многих, так что после него осталась довольно большая память, но ни одного записанного текста – не публиковали его при жизни. Кончилось все это для него печально, потому что хотя он и построил свою систему абсолютно логически и, казалось бы, непререкаемо и действительно не впадал, видимо, ни в какие соблазны, тем не менее судьба уготовила ему такое искушение, от которого он не мог удержаться, – сострадание. Пока он сидел под пальмой и пользовался уважением всей Бенгалии, соседнее племя напало на княжество Шакья и перебило всех его родственников. Ему об этом сообщили. И восьмидесятилетний старик, самый уважаемый в Индии человек, пошел с палочкой по саду, в котором играл ребенком, по дворцу, где его воспитывали, и везде лежали его родственники, его слуги, его друзья, разрубленные пополам, искалеченные, изувеченные. Все было залито кровью. Он мимо всего этого прошел, но не смог остаться равнодушным и вошел в нирвану.

Что такое нирвана? Нирвана – это понятие, которое невозможно на Западе, вследствие логического закона исключенного третьего. У нас три закона логики: закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего, основной. Согласно последнему закону, нет ничего такого, что могло бы быть одновременно и «а» и не «а» – например, любая данная вещь либо существует, либо не существует, третьего не дано. Так вот, нирвана исключает этот закон. Нахождение в нирване означает одновременно и существование, и несуществование. У индусов своя логика. По-нашему: вошел в нирвану – значит, скончался, но, по буддийским учениям, Будда не умер, а только переменил место своего обитания, модус своего состояния, из сансары – вечно двигающегося мира – он перешел в нирвану и там сейчас обитает. Это значит, что он

ничего не знает, ничего не видит, ничего не слышит, ничего не хочет. Он находится в вечном покое. Он не счастлив, и он не несчастлив, потому что счастье и несчастье – понятия относительные, а ничего относительного в нирване нет. В общем, что он есть, что его нет – совершенно одинаково, сохранилось только его учение и память. Потом его учение восстанавливалось по памяти, три века спустя. Передача шла из уст в уста, наконец все это было записано и получился первый источник, называемый Трипитака – три корзины текста, то есть три корзины мемуаров.

Я читал мемуары, которые писали по поводу моей покойной матери, и могу оценить, как врут мемуаристы. Я думаю, что Будда не исключение. Про него тоже врали, но тем не менее три корзины мемуаров – это первичный источник, датируемый III в. до н. э. Сам Будда скончался в V в., то есть примерно за двести пятьдесят лет до того, как эти мемуары были опубликованы. Факт тот, что буддизм широко распространился в Индии. Как видим, там сама постановка вопросов, цели, задачи – все было совершенно отличным и от персидского, и от эллинского направления развития культуры.

Сказать, что Будда был религиозным человеком или антирелигиозным, – нельзя, хотя он, конечно, признавал, что есть дэвы – боги. Это, мол, каждый понимает, но молиться он им не рекомендовал, потому что они существа хотя и не вечные, но долговечные, довольно могущественные. А чего им, собственно, молиться.

Однажды какая-то старушка спросила его: «Учитель, я привыкла молиться Индре, могу я этим путем добиться спасения?» Он говорит: «Да, бабушка, молись Индре, этим путем ты тоже придешь к спасению». То есть ему это было в общем-то безразлично. И когда его спрашивали, как устроен мир, то он отвечал вопросом на вопрос: «А какого цвета волосы ребенка нерожавшей женщины?» Ему говорили: «Учитель, что ты глупости спрашиваешь, раз она не родила, значит, нет ребенка, нет волос и нет цвета». «Так вот, – говорит, – и мира нет, что же вы глупости спрашиваете? То, что вам кажется, – это обман чувств». – «А что же есть?» Что он тут отвечал, этого я вам не могу сказать, да и никто не знает, но впоследствии выяснилось, по трудам последующих буддистов, что есть поток дарм.

Дарма – это слово, имеющее 47 значений, но в данном случае нужно предпочесть одно из них, один из нюансов. Дарма – квант закономерности. Это не материальный атом. Это не

платоновская идея, нет. В мире существуют причинно-следственные связи, которые квантуются. Каким образом? Я объяснить не могу, я сообщаю, что так в учении. Квант закономерности называется дармой.

Еще «дарма» значит «закон». И вот дармы сталкиваются, иногда образуют *сканды,* а сканды, в сочетании по нескольку сканд, образуют душу человека, и душа эта может либо достичь нирваны, либо не достичь, потому что если она сильно нагрешила, то она разваливается на свои составные части и теряет индивидуальность. Индивидуальность души – это сочетание сканд, а если нет сочетания, тогда нет и души. Душа нагрешившего человека рассыпается, как у Пер Гюнта[1], которому сообщили, что его душу пустят на переплавку, потому что он очень подло себя вел. Поэтому важно достигнуть совершенства, а совершенства можно достигнуть только одним способом – через человеческое существование, ибо дэвы (боги) не могут достигнуть совершенства, им и без того хорошо, они долго живут и поэтому не эволюционируют. Совершенства не могут достичь и асуры, которые слишком заняты тем, что готовятся к войне с богами, а после очередного поражения опять готовятся, так что им просто некогда заниматься совершенствованием. Животные? Они неразумны и не знают, что нужно стремиться к совершенству. Демоны, живущие в преддверии ада, – прета или бириты – все время голодны; их изображают так: большущая голова и маленький ротик диаметром с булавку, тонкая шея, огромное пузище, крохотные ножки и ручки. Конечно, такой демон не может насытить свое брюхо через столь маленький рот, поэтому он страдает от голода, а если сосет что-нибудь питательное, кровь своих жертв например, то она из него выходит огнем, и поэтому он очень недоволен. Но и это еще ничего, а в подземельях ада живут таму. Про тех ничего сказать нельзя, разве лишь то, что им уж совсем плохо, еще хуже, чем биритам, и если они так страдают, где уж им совершенствоваться!

Совершенствоваться может только человек. Смысл жизни в том, чтобы совершенствоваться через ряд перерождений, стать святым и наконец попасть в нирвану – чрезвычайно труднодостижимая цель. Но если бы эллину, или персу, или нам с вами предложили попасть в нирвану, чтобы там мы ничего не желали, ничего не делали, не имели возможности ничего предпринять, никому помочь и вообще не могли бы даже услышать

---

[1] *Пер Гюнт* – герой пьесы Г. Ибсена.

просьбы о помощи... так мы бы, пожалуй, не пожелали такого величественного конца. А индусам это почему-то нравилось. Китайцам же нет.

КИТАЙ

Китайцы создали два учения, совершенно непохожие на три, мной перечисленные. Китай в VIII и VII вв. до н. э. был расколот на большое количество государств, нельзя сказать, на какое точно, потому что в каждом столетии и даже десятилетии будет свое деление. Они все время воевали, беспощадно уничтожали друг друга, стремясь овладеть землями и богатством соседей. Причем они стремились не покорить людей, нет, они убивали их и заселяли освобожденные земли своими потомками. Это безобразие продолжалось у них с VIII по III в. до н. э., и даже выражение было – «вырезать город», то есть убить всех, включая детей, а потом своими детьми населить страну. Детей у китайцев женщины рожали ежегодно, и каждая женщина производила, следовательно, 15–20 детей, а в благодатном климате кормить их было чем. Болезней особых тоже не возникало, и интенсивное размножение невольно стимулировало и массовое уничтожение соседей.

Но жить в таком кошмаре было все-таки трудно, и поэтому стали обсуждаться идеи выхода из такой постоянной тотальной братоубийственной войны. И в VII–VI вв. до н. э. появились два идеолога. Один из них, Кун-цзы, которого стали называть Конфуцзы (фу – это выражение уважения к нему) – Конфуций. Другой – его младший современник Лао-цзы, который был у князя библиотекарем, а потом ушел в пустыню.

Конфуций сказал, что кругом делается много безобразий. Но это потому, что люди необразованны, надо их обучить. Надо ввести просвещение, научить людей чувству долга, и тогда они будут вести себя прилично. Конфуций ввел три категории долга: высший долг – по отношению к родственникам; второй долг, ниже рангом, – по отношению к общине; третий, еще ниже, – по отношению к государству, то есть интересы родственников надо ставить выше интересов и общины и государства.

Например, рассказывают, что какой-то старикан занялся кражей не то овец, не то ослов, а сын на него донес. Так Конфуций его за это осудил, он сказал: «Конечно, нехорошо, что старик

крал у своих соседей, у своей общины, но сын должен был уговорить старика, чтобы тот вернул краденое и вообще перестал бы этим заниматься, но нельзя доносить на отца».

А если община страдала от какого-нибудь князя или вана, то надо было интересами общины руководствоваться в первую очередь.

Главной своей задачей Конфуций считал научить ванов, как правильно себя вести, как соблюдать церемониалы и обычаи, как управлять государством и как отражать иноземцев, которых было очень много и которые китайцам тоже жизни не давали. Как это воспринимали ваны (среднее между царем и князем), можно понять. Каждый человек, особенно начальник, терпеть не может, чтобы его учили, и поэтому Конфуцию все время приходилось бегать от одного князя к другому. Но бегал он вместе со своими учениками, везде оставлял свои труды, рассеивая их по Китаю в огромном количестве, и создал школу. И конфуцианство просуществовало вплоть до середины XX в., пока Мао его совсем не запретил.

А Лао-цзы пошел совсем по другому пути; он считал, что все установления человеческие – дрянь, что надо подражать природе. Надо идти в гору (а гор там было много, и все они были лесистые, и климат теплый – снег южнее хребта Цинь-Лин не выпадает вообще) и жить там, подражая животным и вольным птицам, изучать законы Вселенной. Надо стараться понять, как меняется погода и как вызывать дождь, когда нужно (магия); надо понять, как будущее сменяет прошедшее, то есть научиться гадать; надо изучить человеческий организм, чтобы уметь лечить его; надо наблюдать, как растут растения, изучать животных, то есть Лао-цзы горячо рекомендовал заняться естественными науками. А мир он представлял как «дао». Дао – это то, что существует, и то, что не существует. Откровенно говоря, я долгое время, сколько ни читал всякую литературу, не мог понять, что такое «дао». Но когда стал общаться с китайцами, то все-таки кое-что понял (они мне объяснили, и я нутром почувствовал). Дао – это вселенная с диаметром в бесконечность, которая то сокращается до точки, то опять расширяется. И все существа, и все люди через ряд перерождений, согласно даоской системе, существуют, а потом исчезают, а потом, при новом расширении, возникают заново. Вот такая пульсирующая Вселенная и есть дао. Понятнее объяснить не могу.

А у Конфуция все понятно. Когда его спрашивали, есть ли бог или бессмертие, он говорил: «А это не важно, это несущественно,

и не о том надо думать, не тем надо заниматься». «А как устроен мир и природа?» – «Тоже не важно, важно знать, как себя вести в данной жизни».

ТРЕТИЙ ПАРАМЕТР – ЭНЕРГИЯ

Итак, четыре очага культурного творчества в полосе одного пассионарного толчка дали не только разные решения, но и разные постановки вопросов. Объяснить это исключительно влиянием ландшафта и естественными потребностями я не могу. Вероятно, строгое доказательство теоремы Пифагора и китайцам бы не повредило, хотя они и без этого умели строить прямые углы на земле и здания воздвигали четырехугольной формы. Каким они это способом делали, тем ли, как Пифагор, или другим, это в общем-то несущественно, главное, что умели. Но математические обобщения им были ни к чему, так же как гераклитовское учение об огне и постоянном перерождении. А греки, напротив, были совершенно равнодушны к проблемам этики. Они сочли бы нахальством, если бы кто-то вдруг вздумал учить их, как вести себя по отношению к родителям, к своему городу и к какому-то большому государству. Они бы сказали: «Да это мы и сами знаем, у нас законов хватает, отойдите, пожалуйста, гражданин, не мешайте нам думать о мироздании».

За счет чего такие различия? Дело в том, что на процесс создания этноса или суперэтноса влияют пространство и время, причем не в мистическом смысле, а во вполне реальном. **Пространство – это окружение: ландшафтное и этническое.** Ландшафтное окружение влияет на формы хозяйства, уклад данного этноса, определяет его возможности, перспективы. Этническое окружение – связи с соседями, дружеские или враждебные, – весьма и весьма влияет на характер создаваемой культуры.

Единственное, что мы знаем о времени, – это то, что оно необратимо. **Время – это фаза этногенеза и этнического окружения, определяющая варианты этнических контактов с ним.** Кроме того, уровень научно-технического прогресса, свойственный данной эпохе, тоже оказывает свое влияние в рамках фактора времени, позволяя заимствовать уже имеющиеся технические достижения при создании новой культурной традиции.

Но кроме времени и пространства, есть и третий компонент – **энергия.** В энергетическом аспекте этногенез является источником культуры. Почему? Объясняю. Этногенез идет за счет пассионарности. Именно **эта энергия – пассионарность – и растрачивается в процессе этногенеза.** Она уходит на создание культурных ценностей и политическую деятельность: управление государством и написание книг, ваяние скульптур и территориальную экспансию, синтез новых идеологических концепций и строительство городов. Любой такой труд требует усилий сверх тех, что необходимы для обеспечения нормального существования человека в равновесии с природой, а значит, без пассионарности ее носителей, вкладывающих свою избыточную энергию в культурное и политическое развитие своей системы, никакой культуры и никакой политики просто не существовало бы. Не было бы ни храбрых воинов, ни жаждущих знания ученых, ни религиозных фанатиков, ни отважных путешественников. И ни один этнос в своем развитии не вышел бы за рамки гомеостаза, в котором жили бы в полном довольстве собой и окружением трудолюбивые обыватели. К счастью, дело обстоит иначе, и мы можем надеяться, что на наш век хватит и радостей и неприятностей, связанных с этногенезом и культурой.

Однако всякая энергия имеет два полюса, и пассионарная энергия (биохимическая) – не исключение. На этногенезе *биполярность* сказывается тем, что поведенческая доминанта может быть направлена в сторону усложнения систем, то есть созидания, или упрощения их.

Эта биполярность четко прослеживается не столько в зоологии, сколько в истории человечества и его культуры. Это происходит потому, что мы знаем историю культуры много подробнее и обстоятельнее, чем историю происхождения и исчезновения видов.

Кроме того, в истории мы можем применять абсолютную хронологию, в то время как в зоологии хронология относительная, то есть зоолог знает, что было раньше, что позже, но насколько – точно сказать не может.

Для определения направления доминанты нужен исключительно чуткий прибор, и таковым является история мировоззрений и философских учений, о положительном значении коих мы уже говорили. Но наряду с ними встречаются *жизнеотрицающие системы,* которые мы вправе называть отрицательными. Казалось бы, что такие самоубийственные идеи не могут оказать воздействие на здоровые коллективы,

многочисленные популяции, крепко слаженные этносы. Однако могут и оказывают. Это происходит в тех случаях, когда столкновение этносов с различной *комплиментарностью* насильственно связывает их в одну *химерную* целостность, которая всегда бывает неустойчивой. Вот **в ареалах столкновений этносов, где поведенческие стереотипы неприемлемы для обеих сторон, повседневная жизнь теряет свою повседневную обязательную целеустремленность и люди начинают метаться в поисках смысла жизни, которого они никогда не находят.** И вот тут-то возникают философские концепции, отрицающие благость человеческой жизни и смерти, то есть диалектического развития. Антипод материалистической диалектики – это *антисистема,* то есть упрощающаяся система. Лимитом упрощения является *вакуум.*

И сейчас мы перейдем к примерам, иллюстрирующим правомерность этого соображения.

В начале нашей эры в Средиземноморье, когда мысль была раскована от предрассудков, осыпавшихся как шелуха при контакте эллинского, иудейского и персидского мировосприятий, люди излагали свои соображения без обиняков. В III–IV вв. н. э. эти концепции кристаллизовались в несколько систем: гностицизм, талмудический иудаизм, христианство, зороастризм. Все они заслуживают специального описания, которое мы отложим, чтобы не отвлекаться от главного – уяснения принципа биполярности. Этот принцип дошел до нашего времени и сформулирован уже в XX в. двумя поэтами, стоявшими по отношению к биосфере на двух противоположных позициях. Поскольку нам здесь нужна не история проблемы, а уяснение принципа классификации – ограничимся двумя наглядными примерами.

Первая позиция – мироотрицание.

Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Так вот она – гармония природы!
Так вот они – ночные голоса!
На безднах мук сияют наши воды,
На безднах горя высятся леса.

Природы вековечная давильня
Объединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна
Соединить два таинства ее.

Н. Заболоцкий [79]

В этих прекрасных стихах, как в фокусе линзы телескопа, соединены взгляды гностиков, манихеев, альбигойцев, карматов, махаянистов – короче, всех, кто считал материю злом, а мир – поприщем для страданий.

Вторая позиция – мироутверждение.

С сотворенья мира стократы
Умирая, менялся прах:
Этот камень рычал когда-то,
Этот плющ парил в облаках.
Убивая и воскрешая,
Набухать вселенской душой –
В этом воля земли святая,
Непонятная ей самой.

Н. Гумилев [32]

Сходство позиций только в одном: иррациональности отношения персоны (человека или животного) к биосфере. Остальное – диаметрально противоположно, как в средние века и, видимо, до нашей эры.

В первой позиции – стремление заменить дискретные системы (биоценоз) на жесткие («И снится мне железный вал турбины»), которые, по логике развития, превратят живое вещество в косное, косное при термической реакции разложится до молекул, молекулы распадутся до атомов, из атомов выделятся реальные частицы, которые, аннигилируясь, превратятся в виртуальные. Лимит такого развития – вакуум. И наоборот, при усложнении систем, где жизнь и смерть идут рука об руку, возникает разнообразие, которое немедленно передается в психологическую сферу, создает искусство, поэзию, науку. Но, конечно, «за все печали, радости и бредни» придется отплатить «непоправимой гибелью последней».

Итак, этническая история имеет три параметра:

1. Соотношение каждого этноса с его вмещающим и кормящим ландшафтом, причем утрата этого соотношения непоправима: упрощаются, а вернее, искажаются и ландшафт, и культура этноса.

2. Вспышка и последующая утрата пассионарности; этногенез как энтропийный процесс.

3. Выделение из этноса отдельных персон и консорций (сект), изменяющих стереотип поведения и отношение к природной среде на обратное. Идеал[1] меняет знак[2].

Только в этом, последнем параметре решающую роль играет свободная воля человека, обеспечивающая ему право выбора, но и подлежащая морально-юридической оценке: если некто желает стать преступником и злодеем, осуждение его уместно.

В эти три формулы умещается вся теория, необходимая этнологии для объяснения, почему история народов и государств идет не прямо по пути прогресса, а зигзагами и частыми обрывами в никуда. И почему на фоне столь трагичном этносы существуют и радуются жизни.

НЕВИДИМЫЕ НИТИ. ИСТОКИ ГНОСТИЦИЗМА

Никто не живет одиноко, даже если очень этого хочет. Невидимые нити связывают страны, обитатели которых никогда не видели друг друга. И как ни называть эти связи: культурными, экономическими, политическими, военными... они нарушают течение этногенезов, создают зигзаги истории, порождают химеры и зачинают призраки систем, то есть антисистемы. Так обратим на них внимание, чтобы наше представление о ведущем сюжете исследования не было ни однобоким, ни неполноценным.

Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неофитов действуют подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим завлекательным и

---

[1] *Идеал* – далекий прогноз, желанная цель, формирующая психологическую доминанту не только на персональном, но и на популяционном уровне.

[2] *Знак* – либо усложнение, либо упрощение системы. Не смешивать с обывательскими понятиями «хорошо» и «дурно» и с умозрительными: «прогресс» и «отсталость».

опьяняющим идеям. К числу таких принадлежал гностицизм как логика жизнеотрицания.

Бывают эпохи, когда людям жить легко, но очень противно. Именно таким был закат Римской империи, но с рождением Византии появились цели и интерес к жизни. Как было уже сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но в этом яйце таился и второй зародыш, так называемый – *гностицизм.*

Словом «гностицизм» мы определяем те течения христианской мысли, которые были не приняты церковью, восторжествовавшей несколько веков спустя. Это явление имеет свою предысторию.

Александр Македонский, завоевав Персию с ее провинциями (Малой Азией, Сирией и Египтом), решил, что он создаст из эллинов и восточных людей единый грандиозный этнос. Для этого он даже переженил несколько сот своих офицеров-македонян на осиротевших дочерях погибших в войне персидских вельмож. Конечно, нового этноса не возникло: по приказу этноса – явления природы – не создашь. Как социальная система его империя раскололась, как этнический конгломерат она превратилась в химеру. Пришлые греки и аборигены жили в одних и тех же городах, занимались теми же ремеслами и торговлей, развлекались в тех же кабаках, но упорно чуждались друг друга.

Так, в Александрии – столице Египта, где правили потомки одного из македонских полководцев – Птолемеи, 50 % населения составляли греки, 40 % – евреи и 10 % – все остальные, в том числе и египтяне.

В это время впервые греко-римский мир получил возможность ознакомиться с текстом Библии. Птолемей, царь Египта, видел, что его философы никак не могут переспорить еврейских раввинов. Философы пришли к Птолемею и говорят: «Мы никак не можем с ними спорить, потому что мы не знаем, что они доказывают; мы опровергаем один их тезис, а они говорят: «Да это вы не то опровергаете» – и выдвигают совсем другой. Мы должны знать точно, что там написано, тогда будем спорить». Он говорит: «Ладно, я вам это сделаю».

В одну ночь в Александрии было арестовано 72 раввина. Царь вышел к ним, когда их привели, и сказал короткую речь: «Сейчас вам каждому будет дан экземпляр Библии, достаточное количество пергамента и письменных принадлежностей, и посадят вас в камеры-одиночки. Извольте перевести на греческий

язык. Филологи мои проверят, и, если будут несовпадения, я не буду разбираться, кто прав, кто виноват, а всех вас повешу, наберу новых и получу перевод». Но больше не пришлось никого сажать, перевод он получил. Раввинов отпустили по домам, и так получилась Библия Септуагинта – Библия семидесяти толковников, греческий перевод[1].

Когда прочли греки ее, они за голову схватились: как же по книге Бытия мир-то создан? Бог создал сначала весь мир, тварей и животных, потом человека Адама, потом из его ребра Еву и запретил им есть яблоки с дерева познания Добра и Зла. А змей соблазнил Еву, Ева – Адама. Они скушали с запрещенного дерева яблоки и узнали, где добро, где зло, и тем самым вызвали гнев Бога, который их лишил рая. Греки отнеслись к этому так: «Самое главное для нас – познание, а еврейский бог нам его запретил; вот змей – хороший, вот этот нам помог», и они начали почитать змея и осуждать этого самого, сотворившего мир, которого они называли ремесленником – Демиургом. Это, решили греки, плохой, злой демон, а змей добрый. Представители этого течения богословской мысли назывались *офиты,* от греческого слова «офис» – змей.

По этой логико-этической системе в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницу между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со змеем – символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость, «оросив светом» Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удается подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили **некоторые** еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с Божественным Христом.

---

[1] Сухое изложение этого события см.: 25, т.3, с. 315.

ПОКЛОННИКИ «ПОЛНОТЫ»

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василид и его соотечественник Валентин, переехавший в Рим.

Александрийские гностики представляли Бога высочайшим существом, заключенным в самом себе, и источником всякого бытия. Из него, подобно солнечным лучам, истекли второстепенные божеские существа – эоны. Чем более отдалялись эоны от своего источника, тем слабее они становились. Все они в совокупности назывались плеромой, или «полнотой», всего сущего. Вместе с плеромой существует грубая, безжизненная материя, не имеющая действительного бытия, а только вид его. Она называется «пустотой». Мир возник из соприкосновения и смешения этих двух стихий – плеромы и материи. Самый крайний из эонов по слабости своей упал в материю и одушевил ее, благодаря чему образовался видимый мир. Противоположность божественного и материального стала причиной зла в людях и демонах.

Зона, из-за которого возник мир, гностики называли Демиургом, то есть ремесленником, и приравнивали к Богу Ветхого завета. Они полагали, что он сделал мир халтурно, что он бы и рад освободить дух из уз материи, но сделать этого не умеет. Была также гипотеза, что он злобно противится помощи, которую могут ему оказать высшие зоны.

Высочайшее Божество постоянно заботится о жертвах Демиурга – людских душах. Оно стремится поддержать в них мысль об их высоком происхождении и укрепить их в борьбе с материей. Для этой цели оно по временам сообщало людям, к тому способным, – пророкам и философам – новые духовные элементы и, наконец, послало на Землю первого зона в призрачном теле. Этот зон соединился при крещении с человеком Иисусом и показал людям путь обратно в плерому. Раздраженный этим Демиург, а по другим мнениям – сатана, довел Иисуса до распятия. Небесный Христос оставил человека Иисуса на кресте и возвратился к Верховному существу. Спасение души – это освобождение от материи через борьбу с ней.

Еще была и антиохийская школа, где учил Саторнил, тоже очень почтенный человек, он говорил: «Нет, материя и дух – первозданны, они всегда были, просто материя захватила часть духа и держит его; конечно, вырываться надо, материя – это

плохо, а дух – хорошо, но материя, вообще говоря, тоже существует наряду с духом. Из этой саторниловской школы вышло учение персидского пророка Мани.

ПОКЛОННИКИ «СВЕТА». МАНИХЕЙСТВО

В Иране обстановка была несколько иной. Воинственные парфяне с Копетдага объединились со степными саками и выгнали македонян из Ирана. Их цари мужественно отстаивали свою землю от македонян и римлян, но обаянию эллинской культуры подчинились и они. В их столице, Ктезифоне, ставились трагедии Еврипида, шли диалоги о философии Платона, переводился на персидский язык Аристотель. И соответственно в этой химерной целостности – Парфянской державе – расцвел гностицизм.

В 224 г. н. э. князь из дома Сасана Арташир Папаган изгнал парфян из «Священной земли Ирана» и восстановил учение Заратуштры. Но к участию в зороастрийском культе допускались только персы, а население Месопотамии принимало либо христианство, либо гностицизм. И вот на границе двух миров – эллинского и персидского – в Месопотамии родился исключительно тонкий, талантливый художник, каллиграф и писатель Мани. В поисках мудрости он ездил даже в Индию, а вернувшись на родину, проповедовал новое учение, в дальнейшем сыгравшее огромную роль в развитии культуры, истории и даже этногенеза.

Заметим, что гностиками становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. **Гностицизм – это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности.** Гностические системы были совершенно потрясающими по красоте, логичности, неожиданности. Но они не имели никакого отношения к научной мысли, ничего не объясняли и не считали нужным объяснять, за одним исключением: учения Мани и его последователей. Манихеи объясняли людям, что такое зло.

Мани проповедовал такую идею: раньше свет и тьма были разделены между собой и тьма была сплошная, но не одинаковая – там были облака сгущенного мрака и разреженного мрака, и они двигались в беспорядке, в таком броуновском движении,

и однажды случайно они подошли к границе света и попытались туда вторгнуться.

Против них вышел «первочеловек», первый человек, под которым надо понимать Ормузда, который стал бороться и не пускать облака мрака в обитель света. Облака напали на первочеловека, облекли собой, разорвали его светлое тело на части, и частицы света это тело мучают; это и есть мир – смесь мрака со светом. Надо добиться, чтобы эти частицы были освобождены, ради чего приходил сначала Христос, а потом он, Мани, – Утешитель, и вот он учит, что нужно делать.

Да, действительно, нужно вести себя очень аскетически, не есть и не убивать животных с теплой кровью (лягушек и змей можно), есть растительную пищу, воздерживаться от всякого рода плотских развлечений, потому что, если женишься, это естественным образом оздоровляет твой организм и он крепче держит душу. Но разрешались оргии с полным развратом, только чтобы было неизвестно, кто с кем, потому что это расшатывает организм и помогает душе освободиться. Система логичная. Самоубийство не помогает, потому что существует переселение душ из тела в тело, и если ты самоубьешься, то опять возродишься и надо все начинать сначала. Поэтому надо добиться подлинной смерти – потерять вкус к жизни.

Мани трагически погиб, казненный по проискам магов – зороастрийского духовенства, но его учение распространилось по всей Ойкумене, от Китая до Тулузы, и везде встречало крайне враждебное отношение, потому что в нем отчетливо проявилась враждебность к живой природе, семье и творческой истории этносов как порождениям злого начала – мрака. В сравнение с манихеями нельзя поставить даже маркионитов.

МАРКИОН И МАРКИОНИТЫ

Большинство гностиков не стремилось распространять свое учение, ибо они считали его слишком сложным для восприятия невежественных людей, и их концепции гасли вместе с ними. Но в середине II в. христианский мыслитель Маркион, опираясь на речь апостола Павла в Афинах о «Неведомом Боге», развил гностическую концепцию до такой степени, что она стала доступной широким массам христиан.

Маркион происходил из Малой Азии. Был очень учен. Сначала был торговцем, потом занялся филологией и написал

большой трактат о Ветхом и Новом заветах, где доказал очень квалифицированно, что Бог Ветхого и Бог Нового завета – это разные боги и что, следовательно, христианину поклоняться Ветхому завету нельзя[1]. А так как поклонение Богу Ветхого завета вошло в обиход, то большая часть церковников его не приняла, но Церковь разделилась на две части – маркионитов и противников Маркиона. Победили тогда, во II в., маркиониты, но в III в. дуалистов одолели сторонники монизма.

Маркиона объявили последователем сатаны и не признали его учения. Церковь его низвергла, а книгу его подвергли осторожному замалчиванию – самое страшное, что может быть для ученого. Просто на эту тему считалось неприличным говорить. (Восстановил систему доказательств Маркиона только один немецкий ученый – Доллингер, который из разных текстов собрал аргументы Маркиона, доказывающие, что Бог Нового и Бог Ветхого завета – это разные боги, противостоящие один другому, как добро и зло.) Однако учение Маркиона все же не исчезло. Через сотни передач оно сохранялось на родине Маркиона, в Малой Азии, и в IX в., преображенное, но еще узнаваемое, стало исповеданием павликиан (от имени апостола Павла), выступивших на борьбу с византийским православием, причем они даже заключили союз с мусульманами.

Павликиан нельзя считать христианами. Несмотря на то что они не отвергали Евангелия, павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем был распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинств крещения и причастия и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов-расстриг и монахов, а также профессиональных военных. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже их духовные руководители. Жизнь брала свое, даже если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, филолога, показавшего принципиальное различие между Ветхим и Новым заветами. В идеологическую основу антисистемы могла быть положена и другая концепция, как мы сейчас и покажем.

Павликианство было разгромлено военной силой в 872 г., после чего пленных павликиан не казнили, а поместили на границе с Болгарией для несения службы пограничной охраны.

---

[1] Аргументацию этого тезиса см.: 6, с. 87.

Так смешанная манихейско-маркионитская доктрина проникла к балканским славянам и породила богомильство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихейского прототипа, укрепившегося в те же годы в Македонии.

Вместо извечного противостояния света и мрака богомилы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было. Сатаниил создал сушу и людей, но не мог их одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдунул в людей душу, и тогда Сатаниил его надул и сделал Каина. Бог, в ответ на это, отрыгнул Иисуса, бесплотного духа, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел форму человека, оставаясь призрачным. Ангелы Сатаниила скрутили, отняли у него суффикс «ил», в котором таилась сила, разумеется мистическая, и загнали его в ад. Теперь он не Сатаниил, а сатана. А Иисус вернулся в чрево Отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом мир. Вывод из концепции был прост: бей византийцев!

Как видно из описания, разница во взглядах у манихеев, маркионитов, богомилов и провансальских катаров была больше, нежели у католиков и православных. Однако дуалисты имели единую организацию из 16 церквей, тесно связанных друг с другом. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то что основой его было отрицание. В отрицании была их сила, но также и слабость; отрицание помогало им побеждать, но не давало победить.

КАТАРЫ

Западная Европа несколько позже, чем Передний Восток, испытала все последствия механического смешения этносов. Подлинная *химера* образовалась в Лангедоке, захватив на западе Тулузу, а на востоке – Северную Италию.

Беда была в том, что Великий караванный путь, начинавшийся в Китае и шедший по бескрайним безлюдным степям, доходил до богатого, обильного всеми продуктами Лиона, затем до величественной Тулузы и заканчивался в мусульманской Испании, в Кордове. А с международной торговлей всегда связано разнообразие людей и идей, неспособных слиться друг с другом. Зато в теле такой химеры часто прорастают, как

паразиты, жизнеотрицающие системы, примеры которых мы уже видели.

Дуалистическое учение *катаров* проникло в Лангедок с Балканского полуострова, где смешались уже знакомые нам павликиане, богомилы и манихеи. Катаров французы называли *альбигойцами*, ибо одним из их центров был город Альби.

Распространенное мнение, что пламенная религиозность средневековья породила католический фанатизм, от которого запылали костры первой инквизиции, – вполне ошибочно. К концу XI в. духовное и светское общество Европы находилось в полном нравственном падении. Многие священники были безграмотны, прелаты получали назначения благодаря родственным связям, богословская мысль была задавлена буквальными толкованиями Библии, соответствовавшими уровню невежественных теологов, а духовная жизнь была скована уставами клюнийских монахов, настойчиво подменявших вольномыслие добронравием. В ту эпоху все энергичные натуры делались или мистиками, или развратниками. А энергичных пассионарных людей во Франции было много больше, чем требовалось для повседневной жизни. Поэтому-то их и старались сплавить в Палестину, освобождать Гроб Господень от мусульман, с надеждой, что они не вернутся.

Но ехали на Восток не все. Многие искали разгадок бытия, не покидая родных городов, потому что восточная мудрость сама текла на Запад. Она несла ответ на самый больной вопрос теологии: Бог, создавший мир, благ, откуда же появились зло и сатана?

Принятая в католичестве легенда о восстании обуянного гордыней ангела не удовлетворяла пытливые умы. Бог всеведущ и всемогущ! Значит, он должен был предусмотреть это восстание и подавить его. А раз он этого не сделал, то он повинен во всех последствиях и, следовательно, является источником зла. Логично, но абсурдно. Значит, что-то не так. На это отвечали приходившие с Востока манихеи: «Зло извечно. Это материя, оживленная духом, но обволокшая его собой. Зло мира – это мучения духа в тенетах материи». Следовательно, все материальное – источник зла. А раз так, то зло – это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.

В чем же усматривали катары (альбигойцы) и вообще все гностики-манихеи свою задачу? Они считали, что надо вырваться из этого страшного мира. Для этого мало умереть, так как смерть тела ведет к новому воплощению души – к новым

мучениям. Надо вырваться из цепи перевоплощений, а для этого мало убить тело, нужно умертвить душу. Каким путем? Убив все свои желания. Аскетизм, полный аскетизм! Есть только постную пищу, но у них оливковое масло было хорошее, так что это было довольно вкусно. Рыбу можно есть, лягушек можно есть, французы едят лягушек. Затем, конечно, никакой семьи, никакого брака. Надо изнурить свою плоть до такой степени, чтобы душа уже не захотела оставаться в этом мире, тогда она в момент смерти воспарит к светлому Богу. Но плоть можно изнурять двумя способами – или аскетизмом, или неистовым развратом. В разврате она тоже изнуряется, и поэтому время от времени альбигойцы устраивали ночные оргии, обязательно в темноте, чтобы никто не знал, кто с кем изнуряет плоть. Это было обязательное условие, потому что если человек полюбил кого-то, то это уже привязанность, привязанность к чему? – к плотскому миру: она его полюбила или он ее – значит, все! Они не могут стать совершенными и изъяться из мира. А если просто в публичном доме плоть изнурять, то это – пожалуйста.

По учению альбигойцев, полезен сам по себе всякий акт изнурения плоти, ведущий к отвращению к жизни, но без брака и воспитания детей, потому что и дети, и любимая жена, и хороший муж – все они являются частями, составляющими этот мир, и, следовательно, соблазном дьявола, которого надо избегнуть.

Мораль, естественно, упразднялась. Ведь если материя – зло, то любое истребление ее – благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имеет никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

Но тут средневековый христианин сразу же задавал вопрос: а как же Христос, который был и человеком? Исцелял больных, одобрял веселье настолько, что превратил в Кане Галилейской воду в вино, защитил женщину, то есть не был противником живой материальной жизни? На это были подготовлены два ответа: явный для новообращенных и тайный для посвященных. Явно объяснялось, что «Христос имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чуждым материи, каким был прежде... Он не имел надобности ни в чем земном, и если он видимо ел и пил, то делал это для людей, чтобы не заподозрить себя перед сатаной, который искал случая погубить Избавителя» [104, с. 194].

Однако для «верных» (так назывались члены общины) предлагалось другое объяснение: «Христос – творение демона; он пришел в мир, чтобы обмануть людей и помешать их спасению.

Настоящий же не приходил, а жил в особом мире, в «Небесном Иерусалиме» [там же, с. 195].

Довольно деталей. Нет и не может быть сомнения в том, что манихейское альбигойство не ересь, а просто антихристианство и что оно дальше от христианства, нежели ислам и даже теистический буддизм. Однако если перейти от теологии к истории культуры, то вывод будет иным. Бог и дьявол в манихейской концепции сохранились, но поменялись местами. Именно поэтому новое исповедание имело в XII в. такой грандиозный успех. Экзотичной была сама концепция, а детали ее привычны, и замена плюса на минус для восприятия богоискателей оказалась легка.

Следовательно, в смене знака мог найти выражение любой протест, любое неприятие действительности, в самом деле весьма непривлекательной. Кроме того, любое манихейское учение распадалось на множество направлений, мироощущений, мировоззрений и степеней концентрации, чему способствовали в равной мере пассионарность новообращенных, позволявшая им не бояться костра, и оправдание лжи, с помощью которой они не только спасали себя, но и наносили своим противникам неотразимые, губительные удары.

Конечно, далеко не все в Западной Европе понимали сложную догматику манихейства, да многие и не стремились к этому. Им было достаточно осознать, что сатана для них не враг, а владыка и помощник в затеваемых ими преступлениях. Тайно исповедовал это учение император Генрих IV, враг папы Григория VII. А простодушный Ричард Львиное Сердце откровенно заявил, что все члены дома Плантагенетов пришли от дьявола и вернутся к дьяволу. Этим заявлением он оправдал все совершенные им преступления и предательства; по крайней мере, так считал он сам.

И ведь эту доктрину, упразднявшую совесть, исповедовали в XII в. не только короли, но и священники, ткачи, рыцари, крестьяне, нищие, ученые законоведы и безграмотные бродячие монахи, причем большинство из них не отдавали себе отчета в значении своих умонастроений. Эти последние легко переходили из одного стана в другой, потому что от них не требовалось формального отречения от догматов своей веры.

Основная часть этого умонастроения – община катаров – имела строгую дисциплину, трехстепенную иерархию и ни на какие компромиссы не шла. Проповедь «совершенных» во Франции и даже в Италии так наэлектризовывала массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы

на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более что феодалы отказывались ее усмирять.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, честнее, добрее, благороднее катаров (альбигойцев). Оно столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им ни проповедовались. Да и почему концепция, что можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром?

Учение католиков было столь же логично, только с иной доминантой: католики утверждали, что мир должен быть сохранен и что жизнь как таковая не должна пресекаться. И во имя этого они очень много убивали. Казалось бы, парадокс? Нет, не парадокс. Для того чтобы жизнь поддерживалась, согласно диалектике природы, смерть так же необходима, как и жизнь, потому что после смерти идет восстановление.

А альбигойцы, отрицая жизнь и стремясь к ее уничтожению, делали очень хитрую вещь – они отказывались убивать все живые существа с теплой кровью (поэтому выяснить, кто альбигоец, кто не альбигоец, было очень легко: велели человеку зарезать курицу, если он отказывался, то его и тащили на костер). Вы скажете, что альбигойцы лучше католиков. Они ведь такие гуманные, что даже курицу не убьют. Но ведь если бы кур не стали резать и кушать, то их бы не стали и разводить, и куры исчезли бы совсем как вид. Только благодаря смене жизни и смерти поддерживаются биосферные процессы; альбигойцы это понимали, они стремились к смерти полной, окончательной, без возрождения.

А представим себе, что все люди последовали бы учению альбигойцев: жизнь прекратилась бы в одном поколении!

Вот потому-то там, где последователи антисистемы захватывали власть, они отказывались от антисистемных принципов. Не отвергая их официально, они превращали захваченную ими страну в заурядное феодальное государство.

ЗИНДИКИ (ИСМАИЛИТЫ)

Совсем рядом с двумя уже описанными суперэтносами, по другую сторону Средиземного моря, находился третий суперэтнос, известный также по конфессиональному признаку, –

мусульманский. Возник он в начале VII в. и, следовательно, был моложе византийского и старше романо-германского. Однако жизнь его протекала столь напряженно, что состарила его преждевременно.

Грандиозные победы арабов на востоке и западе расширили границы халифата до Памира и Пиренеев. Множество племен и народов было включено в халифат и обращено в ислам. Так создался мусульманский суперэтнос. Негативная антисистема здесь имела оригинальные формы, но несла ту же самую губительную функцию. И если провансальские катары и болгарские богомилы были явлением импортным, то арабы, завоевавшие Сирию и Иран, получили в качестве подданных маздакитов Азербайджана, огнепоклонников Хорасана, буддистов Средней Азии, манихеев Месопотамии и гностиков Сирии.

Все эти учения, весьма различные между собою, пылали одинаковой ненавистью к поработителям-мусульманам и к вере ислама. Неоднократно вспыхивали восстания, беспощадно подавляемые халифами, до тех пор пока не сложилась новая консорция – религиозная организация, поставившая себе целью борьбу против религии. Она вобрала в себя множество древних традиций и создала новую, оригинальную и неистребимую, ибо она потрясла мусульманский мир[1].

Мусульманское право – шариат – позволяло христианам и евреям за дополнительный налог спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но *зиндикам* (от персидского слова «зенд» – «смысл», что было эквивалентом греческого «гнозис» – «знание»), представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Следовательно, зиндики – это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок – «колдуны». Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палач зиндиков». Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье,и вышла из него преображенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдулла ибн Маймун,

---

[1] Главными и общедоступными работами по вариантам исмаилизма являются: «Сиасет-намэ»: Книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулька. М.-Л., 1949; *Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство. М., 1957; *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране. Л., 1966; *Бертельс А.Е.* Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959.

родом – перс из Мидии, по профессии – глазной врач, умер в 874 (875) г.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как **основным его принципом была ложь**. Сторонники новой доктрины называли даже себя в разных местах по-разному: наиболее известные названия в Персии – *исмаилиты,* в Аравии – *карматы.* Цель же их была одна – во что бы то ни стало разрушить ислам, как катары стремились разрушить христианство.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, то есть спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь почти всегда находит отклик в массах народа, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи и отпадения эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства наемных войск и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл – все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много; надо было уметь поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины выдавали себя за мусульман. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и проистекают, а вот если его восстановить, то... Но тут он, как бы спохватившись, замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просит продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, берет с него клятву соблюдения молчания, а затем, как испытание доброй воли прозелита, сумму денег, сообразно средствам, на общее дело. Затем идет обучение новообращенного. Мир, в котором мы живем, плохой, потому что здесь всякие кадии, эмиры, муллы, халиф со своим войском угнетают и обижают бедных людей, у которых, однако, есть выход: если они достигнут совершенства через участие в их общине, то попадут в антимир, где все будет наоборот – там они сами будут обижать кадиев, эмиров и т. д. Такая незамысловатая, казалось бы, система нашла себе большое количество приверженцев. Так как здешний мир, в котором мы живем, очень многими считался плохим, то антимир, естественно, казался хорошим.

Карматы, или, как их на Востоке называли, *исмаилиты,* должны были лгать всем: с шиитом он должен быть шиит, с

суннитом – суннит, с евреем – еврей, с христианином – христианин, с язычником – язычник, но только должен был помнить, что тайно подчинен своему пиру – старцу. Все мусульмане – враги, против которых дозволены ложь, предательства, убийства, насилия. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как смерть.

Община, исповедовавшая и проповедовавшая это страшное учение, бывшее бесспорно мистическим и вместе с тем антирелигиозным, очень быстро завоевала твердые позиции в самых разных областях распадавшегося халифата.

Никакого духовенства у них не было, но иерархия была очень строгая. Каждая община имела своих руководителей, которым подчинялась совершенно беспрекословно. На смерть они шли совершенно не дрогнув, потому что за мученическую смерть им гарантировалось место в антимире, где вечное блаженство. А чтобы они верили, что антимир действительно существует, что это не обман, им давали покурить гашиша – самый обыкновенный наркотик, – и они его видели! Видения у них были такие красочные, что за них стоило погибнуть.

И как только на фоне меркнущего заката на небе появлялась голубая звезда Зухра (планета Венера), исмаилиты проникали всюду и убивали ради убийства, сами оставаясь невидимыми. Ночь, символ тайны, была их стихией. Они заключали тайные сделки, тайно дружили с *тамплиерами,* тайно вступали в свое братство и, погибая под пытками, хранили тайну мотивов своих деяний.

Наибольший успех имела карматская община Бахрейна, разорившая в 929 г. Мекку. Карматы перебили паломников и похитили черный камень Каабы, который вернули лишь в 951 г. Губительными набегами карматы обескровили Сирию и Ирак, им удалось овладеть даже Мультаном в Индии, где они варварски перебили население и разрушили дивное произведение искусства – храм Адитьи[1].

Не меньшее значение имело обращение в исмаилизм части берберов Атласа. Эти воинственные племена использовали проповедь псевдоислама для того, чтобы расправиться с завоевателями-арабами. Вождь восставших Убейдулла в 907 г. короновался халифом, основав династию Фатимидов, потомков дочери пророка и Али. Его потомкам удалось покорить Египет.

---

[1] О политической истории карматов см.: *Мюллер А.* История ислама. СПб., 1895, т. II – III.

«СТАРЕЦ ГОРЫ»

Исмаилиты пытались также утвердиться в Иране и Средней Азии, но натолкнулись на противодействие тюрков, сначала Махмуда Газневи, а потом сельджукских султанов. Несмотря на понесенные поражения, исмаилиты в конце XII в. держались в Иране и Сирии. Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии сельджукского султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1090 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме, и он стал называться «старец горы», а позже исмаилиты приобрели и десяток крепостей в горах Ливана и Антиливана.

Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков. Большая часть подданных «старца горы» жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Мусульмане не считали их за единоверцев, и поэт XII в. Усама ибн-Мункыз в «Книге назидания» рассказывает, что во время осады его замка его мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам [126, с. 201]. Попытки уничтожить этот орден были всегда неудачны, ибо каждого вазира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего старца.

Хасан Саббах не ощущал недостатка в искренних приверженцах. Так погиб в 1092 г. вазир Низам аль-Мульк от кинжала фидаина. Так в Испахане ложнослепой нищий, прося проводить его до дому, заманивал мусульман в засаду, где доверчивого добряка убивали. Но это были мелочи. Хасан нашел способ сломать не социальную, а этническую систему. Он направил своих убийц на самых талантливых и энергичных эмиров, место которых, естественно, занимали менее способные, а то и вовсе бездарные тупицы и себялюбцы. А эти последние, занимая низшие должности, способствовали действиям исмаилитов, ибо знали, что кинжал фидаина откроет им путь на вершину власти. Такой целенаправленный геноцид за 50 лет превратил Сельджукский султанат в бессистемное скопление небольших, но хищных княжеств, пожиравших друг друга, как пауки в банке.

Наличие мощной антисистемы исмаилитов превратило борьбу христианства с исламом в трехстороннюю войну. Исмаилиты были врагами всех, но, как все, они нуждались в друзьях и искали их где могли, даже среди христиан. Православные

византийцы для исмаилитов не подходили; греки так обожглись на былом попустительстве павликианам, развязавшим восстание в IX в., что в XII в. предпочитали иметь дело с сельджуками, у которых можно было запросто выкупать и обменивать пленников.

Зато крестоносцы за полвека растеряли первоначальный религиозный порыв и поддались обаянию роскоши и неги Востока. Война из грандиозного столкновения «христианского» и «мусульманского» миров превратилась в серию феодальных стычек, обычных для любой страны того времени. Исмаилиты держались в своих замках, пользуясь всеобщим беспорядком, и продавали услуги своих фидаинов феодалам, желавшим избавиться от того или иного соперника. Убийства приносили секте доход.

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ

А теперь остановим караван нашего внимания для того, чтобы поразмыслить над уже сделанными описаниями. Как легко было заметить, три большие суперэтнические системы сопровождались антисистемами, вернее, **одной антисистемой,** подобно тому как тени разных людей различаются друг от друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам.

Как уже было показано, провансальские катары, болгарские богомилы, малоазиатские павликиане, аравийские карматы, берберийские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой – **неприятием действительности, то есть метафизическим нигилизмом.** Эта их особенность так бросалась в глаза всем исследователям, что возник соблазн усмотреть в ней проявление классовой борьбы, которая в эпоху расцвета феодализма, безусловно, имела место. Однако это завлекательное упрощение при переходе на почву фактов наталкивается на непреодолимые затруднения.

Каково было поведение самих еретиков? Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и

бродяги – искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, то есть феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X – XIII вв. это умели только феодалы.

Когда же исмаилитам удавалось одержать победу и захватить страну, например Египет, то они отнюдь не меняли социального строя. Просто вожди исмаилитов становились на места суннитских эмиров и также собирали подати с феллахов и пошлины с купцов. А превратившись в феодалов, они стали проводить религиозные преследования не хуже, чем сунниты. В 1210 г. «старцы горы» в Аламуте жгли «еретические» (по их мнению) книги. Фатимидский халиф Хаким повелел христианам носить на одежде кресты, а евреям – бубенчики; мусульманам было разрешено торговать на базаре только ночью, а собак, обнаруженных на улицах, было велено убивать.

И даже карматы Бахрейна, учредившие республику, казалось бы свободную от феодальных институтов, сочетали социальное равенство членов своей общины с государственным рабовладением. Как отметил востоковед Е. А. Беляев в книге «Мусульманское сектантство», «напряженная борьба, которую вели карматы против халифата и суннитского ислама, приняла с самого начала характер и форму сектантского движения. Поэтому карматы, будучи нетерпимыми фанатиками, направляли свое оружие не только против суннитского халифата и его правителей, но и против всех тех, кто не воспринимал их учения и не входил в их организацию... Нападения карматских вооруженных отрядов на мирных городских и сельских жителей сопровождались убийствами, грабежами и насилиями... Уцелевших карматы брали в плен, обращали в рабство и продавали на своих оживленных рынках наравне с другой добычей» [8, с. 60].

Естественно, что этот стереотип поведения оттолкнул от карматов широкие слои крестьян, горожан и даже бедуинов, которые были всегда готовы пограбить под любыми знаменами, но считали излишним убивать женщин и детей.

Ну какая тут «классовая борьба»?!

Но может быть, это все клевета врагов «свободной мысли» на вольнодумцев, осуждавших правителей за произвол, а духовенство – за невежество? Допустим, но почему тогда эти «клеветники» не возражали на критику своих порядков? Негативная сторона еретических учений не оспаривалась, а о

позитивной французы и персы, греки и китайцы отзывались единодушно, причем явно без сговора. Но выслушаем и другую сторону – знаменитого поэта и идеолога исмаилизма Насири-Хосрова.

Мыслитель считал, что «если убивать змей для нас обязательно по согласному мнению людей, то убивать неверных для нас обязательно по приказу Бога Всевышнего, и неверный более змея, чем змея...» [цит. по: 12, с. 262]. Высшая цель его веры – постижение людьми сокровенного знания и достижение «ангелоподобия». Средство достижения – установление власти Фатимидов, которое он мыслит следующим образом:

Узнавши, что заняли Мекку потомки Фатьмы,
Жар в теле и радость на сердце почувствуем мы.
Прибудут одетые в белое[1] божьи войска;
Месть бога над полчищем черных[2], надеюсь, близка.
Пусть саблею солнце из рода пророка[3] взмахнет,
Чтоб вымер потомков Аббаса безжалостный род,
Чтоб стала земля бело-красною, словно хулла[4],
И истинной вере дошла до Багдада хвала.
Обитель пророка – его золотые слова,
А только наследник имеет на царство права[5].
И если на западе солнце взошло[6], не страшись
Из тьмы подземелий поднять свою голову ввысь. [12, с. 263]

Перевод *Л. Н. Гумилева.*

Стихи недвусмысленны. Это призыв к религиозной войне без какой бы то ни было социальной программы. Следовательно, движение исмаилитов не было классовым, равно как и движения катаров, богомилов и павликиан. Последние три течения отличались от исмаилитства лишь тем, что не достигли политических успехов, после которых их перерождение в феодальные государства было бы неизбежно.

---

[1] Цвет Фатимидов.

[2] Цвет Аббасидов.

[3] Мустансир, халиф Египта, Фатимид (1036 – 1094).

[4] Плащи бедуинов – белые с красными полосами.

[5] Подразумевается происхождение Мустансира от Али и Фатьмы, дочери пророка Мухаммеда. На самом деле родоначальником Фатимидов был Убейдулла – пасынок Абдуллы ибн Маймуна, еврей, обращенный в исмаилизм.

[6] Имеются в виду успехи войск Мустансира.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ОТРИЦАНИЯ

Как мы должны расценивать все сказанное выше с точки зрения географии? Казалось бы, фантасмагория какая-то, при чем тут география? Очень при чем! Мироощущение альбигойцев, манихеев, павликиан в Византии, исмаилитов и прочих – это **система негативной экологии.** Не любя мир, манихеи не собирались его хранить, наоборот, они стремились к уничтожению всего живого, всего-всего прекрасного. Вместо любовной привязанности к миру и к людям они культивировали отвращение и ненависть. Должна была стать уничтоженной вся жизнь и биосфера там, где возобладала бы эта система. Но, к счастью, у манихеев возможности были ограниченны: победить до конца, реализовать свою идею целиком они не могли принципиально.

В самом деле, если бы манихеи достигли полной победы, то для удержания ее им пришлось бы отказаться от разрушения плоти и материи, то есть преступить тот самый принцип, ради которого они стремились к победе. Совершив эту измену самим себе, они должны были бы установить систему взаимоотношений с соседями и с ландшафтами, среди которых они жили, то есть тот самый феодальный порядок, который был естественным при тогдашнем уровне техники и культуры. Следовательно, они перестали бы быть самими собой, а превратились бы в собственную противоположность. Но это положение было исключено необратимостью эволюции. Став на позицию проклятия жизни и приняв за канон ненависть к миру, нельзя исключить из этого собственное тело.

Поэтому манихеи первым делом уничтожали свои собственные тела и не оставляли потомства, так что этим все и кончалось. Полного уничтожения биосферы в тех местах, где манихеи побеждали, не происходило. И тем не менее это их отрицательное отношение ко всему живому явилось лозунгом для могучего еретического движения, которое охватило весь Балканский полуостров, большую часть Малой Азии, Северную Италию, Южную Францию и привело к неисчислимым жертвам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПАССИОНАРНЫЕ НАДЛОМЫ

МЕХАНИЗМ НАДЛОМА

Акматическая фаза этногенеза недолговечна. Пассионарность, как огонь, и греет и сжигает. Перегревы в акматической фазе сменяются временными спадами, когда правительствам удается навести кое-какой порядок. Но следующая вспышка пассионарности ломает установившиеся нормы, и регион событий опять становится ареной соперничества страстных и отчаянных персон, умеющих находить себе сторонников среди субпассионариев – бродяг-солдат, кондотьеров, вольных стрелков, ландскнехтов, ценящих свою жизнь меньше, чем волю, добычу, успех.

Хорошо еще, когда удается сплавить таких людей за пределы страны: в Палестину, в Мексику, в Сибирь; тогда пассионарный уровень снижается, народу становится легче, правительство может координировать ресурсы страны и с их помощью одерживать победы над соседями. Внешне этот спад пассионарного напряжения кажется прогрессом, так как успехи затемняют подлинное снижение энергетического уровня. Такое, вполне поверхностное наблюдение находит подтверждение в последующем развитии культуры. При невысокой пассионарности и достаточных способностях люди самопроявляются в областях, не связанных с риском: в искусстве, науке, преподавании и технических изобретениях. В предыдущую фазу они бы с мечами боролись за свои идеалы, а теперь они читают лекции о классиках и ставят эксперименты по теории

тяготения, как Ньютон и Галилей. А другие жгут женщин, объявленных ведьмами, как Шпренгер и Институрис, и ученых, как Кальвин. А потом будет еще хуже.

Спад пассионарности этнических систем проявляется медленно. В угасающей системе еще долго появляются пассионарные особи, тревожащие соплеменников несбыточными стремлениями. Они всем мешают, и от них избавляются. Постепенно приближается уровень «золотой посредственности» Августа, крепкой власти базилевсов Македонской династии и упорядоченности великого кардинала Ришелье. Но процесс этого «умиротворения» долог и мучителен.

Первая половина этой фазы носила в Европе название «Возрождение», хотя по сути дела была вырождением; вторая называлась Реформацией, которая была не только перестройкой устарелых воззрений, но и поводом к жуткому кровопролитию и остановке в развитии наук и искусств на многие десятилетия[1]. Но страсть охлаждается кровью мучеников и жертв. На местах пожарищ снова вырастает поросль сначала трав, потом кустов и, наконец, дубов. Эта смена фаз этногенеза столь значительна, что уделить ей особое внимание необходимо хотя бы уже потому, что меняются стереотип поведения, нормы нравственности и идеалы, то есть далекие прогнозы, ради которых людям стоит жить. Так, например, в былом «христианском мире» воцарилась «религия прогресса» и суперэтнос превратился в «цивилизацию».

На примере перехода от фазы подъема к акматической мы уже видели, как чутко реагирует этническая система на изменение уровня пассионарного напряжения. Переход от акматической фазы к надлому не является исключением.

После акматической фазы характер этногенного процесса резко изменяется. Это явление отмечено было еще до меня, хотя и не было объяснено, поскольку пассионарность была не известна автору этого наблюдения – Арнольду Тойнби. Он отметил, что время от времени в развитии, которое он рассматривал как общественное, наступает то, что он назвал «брейк даун» (по-русски – *надлом*), после чего развитие продолжается, но уже в смещенном виде. Меняется знак вектора, а иногда система разваливается на две-три системы и более, где различия увеличиваются, а унаследованное сходство не исчезает, но отступает на второй план.

---

[1] Лютер и Кальвин категорически не признавали открытий Коперника, потому что об этом ничего не было сказано в Библии.

В романо-германской Европе фаза надлома пала на XIV в. Началось с малого: французский король Филипп IV в 1307 г. арестовал тамплиеров по вымышленным обвинениям и казнил их в 1314 г. В 1309 г. папский престол был переведен в Авиньон под контроль французской короны. Достоинство церкви и рыцарства было попрано, а идея папской монархии уступила место политическим расчетам себялюбивых королей. Но это было еще предвестие бури.

Филипп IV Красивый

Настоящий развал – «Великая схизма» (1370–1415 гг.) – разделение церкви на три лагеря, во главе которых стояли три папы, проклинавшие друг друга. Наконец, в 1410 г. на папский престол взошел Бальтазар Косса, бывший пират, алчный, развратный, жестокий человек, без тени совести и искренней веры. Он был низложен Констанцским собором (1415 г.), с которого сбежал в Австрию, и в Италии умер (1421 г.) в сане кардинала (подробности этой детективной биографии опустим). Характерно для эпохи то, что отношение общества к преступнику было гуманным, а к искренним ученым, борцам за веру – беспощадным.

Итак, западную христианскую церковь в XIV–XV вв. разоряли папы и кардиналы, превратившие ее в источник доходов, а защищали ее профессора: Виклиф в Оксфорде, Жерсон в Сорбонне и Ян Гус в Праге. Большинство же населения Европы

стало либо индифферентно к религии, либо принимало участие в «черных мессах», кощунственных мистериях оргиастического характера: они предпочитали сатану – Христу. В чем механизм описанной здесь дивергенции?

Средневековая католическая церковь (как подсистема суперэтноса) для нормального функционирования требовала много пассионарной энергии со строго определенной доминантой. Излишняя энергия выбрасывалась из Европы в «крестовые походы», что сообщало суперэтносу необходимую стабильность.

Снижение уровня пассионарности привело к замещению ведущих блоков подсистемы либо гармоничными особями (шкурниками), либо субпассионариями, проникавшими на высокие должности благодаря непотизму (родственным связям). Энергии для поддержания системы стало мало, и она начала давать сбои. Продажа индульгенций была выгоднее и легче войны за Гроб Господень, изучения теологии, миссионерства и аскезы. Эгоистическая этика продиктовала новый стереотип поведения, а он, в свою очередь, привел к упрощению системы, причем пассионарии были вытеснены на окраины ее социального ареала.

Упрощение системы всегда ведет к выбросу свободной энергии. Поскольку пути за границу суперэтноса оказались прегражденными, то несостоявшимся войнам и путешественникам пришлось обратиться к деятельности интеллектуальной, к творчеству, к реформаторству (этот период XVI в. принято называть «Высоким Возрождением»). Но так как радости творчества доступны не всем, а пассионарность – феномен популяционный, то там, где возникали «слабые места», люди проявляли себя тем, что брались за оружие. Первый пример тому показали славяне. Традиция, принесенная св. Мефодием в Чехию, не умерла; она воскресла в начале XV в.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ЧЕХИИ

В Европе пассионарный надлом начался в Чехии, на самой окраине христианского мира. Почему в Чехии? Чехия была в стороне и никакого активного участия в войне гвельфов и гибеллинов не принимала. Чехи поддерживали пап, но и с императорами не ссорились, стараясь быть подальше от всех этих немецких свар и склок, потому что чехи все-таки

славяне и немецкие дела им были не так близки, как самим немцам. Поляки были от этого еще дальше, они вообще довольно вяло смотрели, как там немцы режут друг друга. Поэтому у них сохранился первичный заряд пассионарности, он не был еще растрачен, а ее уровень здесь с самого начала был относительно низким. И пока в Германии в эпоху Гогенштауфенов пассионарность была очень сильна, чехи помалкивали, вели мелкие войны с венграми, с австрийцами, и то неудачно: Рудольф Габсбургский разбил Пшемысла II – чешского короля, разгромил всю его конницу. Это для чехов большого значения не имело, поскольку этот их король был им чужой, убежденный западник, то есть по образованию, воспитанию, культуре он был настоящий немец, хотя и носил славянское имя[1]. После этого чехи выбрали себе королем люксембургского герцога Карла. Трудно сказать, кто он был – то ли немец, то ли француз. Да он и сам не интересовался этим, потому что Люксембург – маргинальная область, граница между французами и немцами, и там человек мог игнорировать такой вопрос. Карлу предложили престол в Чехии, он согласился и стал добросовестно заботиться о своих чешских подданных, построил им университет, роскошный – один из самых лучших в Европе. Отсюда-то все и пошло[2].

Дело в том, что в средневековых университетах жизнь студентов и профессоров шла по линии внутренней самоорганизации. Они жили одной группой, одной корпорацией, а организовывались по нациям (землячествам). Голосование в ученом совете шло по нациям, студенты носили значки и кокарды тоже по нациям, выпивали – по нациям, дрались тоже. А деление по нациям устанавливалось ученым советом. И в Праге были четыре нации: баварцы, саксонцы, поляки и чехи, то есть две нации чисто немецкие – верхненемецкая и нижненемецкая, а под

---

[1] *Оттокар II* – последний славянский король Чехии, потомок крестьянина Пшемысла, выбранного в короли и завещавшего как реликвию свои лапти потомкам. Оттокар II и его двор увлеклись блестящим церемониалом рыцарской Германии. Оттокар II усердно строил города для немецких колонистов, чем ограничил права крестьян и чешской знати. Присоединив в 1252 г. Австрию, он превратил Богемское королевство в этническую (германо-славянскую) химеру. Рудольф I Габсбург, заключив союз с венграми и половцами, разбил Оттокара II на Мархском поле в 1278 г. Оттокар пал в бою [25, т. 7, с. 709–711].

[2] Пассионарный толчок, поднявший славянство и византийство, был в I в., а германо-французский – в IX в. Отсюда несходство в традициях и фазах этногенеза, что ускорило надлом суперэтнического поля.

поляками понимались немцы Ливонского ордена, но отнюдь не поляки, потому что польская шляхта в это время травила зайцев, пила водку и мед и в университетах обучаться не очень-то стремилась. Таким образом, три нации были немецкие, а одна чешская, то есть чешская оказывалась в меньшинстве.

Карл очень беспокоился о своих чехах, он стремился создать им условия, чтобы они могли в своем собственном университете чувствовать себя спокойно, поэтому ректором все-таки был чех. И даже когда король умер и его сменил пьяница Венцеслав, то и тогда эта политика продолжалась[1], и ректором оказался профессор богословия чех Ян Гус, который очень хорошо преподавал на чешском языке, переводил латинские тексты на чешский язык. Он говорил: «Мы же чехи, мы в своей стране, при чем тут немцы!»[2] А половина населения Праги были немцы. В Кутенберге (Кутна Гора) богатый рудник близко от Праги – там были рудокопы-немцы, и в больших городах Богемского королевства сидели немцы. Чехи составляли мелкое дворянство и крестьянство, а бюргеры и крупное дворянство делились на чешское онемеченное и просто немецкое. И вот с университета и началась свалка между чехами и немцами. Сюда добавился еще один момент: Гус, человек очень набожный и искренний, решил, что пора наконец исправить безобразия, которые творятся в церкви. Например, если священник католической церкви совершил уголовное преступление, то его надо судить на общих основаниях, а не освобождать от наказания под видом духовного суда, где все заблатовано; осудил Гус и индульгенции, ибо, считал он, грехи за деньги не отпускаются; осудил он целый ряд таких злоупотреблений. Кончилось это дело трагически, когда был созван собор в Констанце. Созван он был для того, чтобы отрешить папу Иоанна XXIII. Папа этот был настоящий разбойник, сумевший пролезть на папский престол. Дело вскрылось, и его решили все-таки низложить. Туда же вызвали и Гуса, чтобы судить их обоих одновременно – первого за уголовные преступления и за жульничество, а второго за ересь. Результат был

---

[1] Король Вацлав (Венцеслав) IV в 1409 г. издал Кутногорский декрет, по которому во всех важных университетских делах чехи имеют три голоса, а «тевтоны», то есть иностранцы, – только один. Тогда немецкие профессора покинули Пражский университет, ректором коего стал Ян Гус [127, т. II, с. 134–139].

[2] О национальном подъеме у чехов существует огромная литература не только на русском, но еще больше на иностранных языках (как старая, так и новая), приводить ее здесь нецелесообразно.

такой. Иоанн, увидев, что благополучный исход невозможен, убежал из Констанцы с деньгами и остаток жизни провел спокойно в Италии в полном благоденствии и благодушии, а Гуса, которому перед собором дали Охранную грамоту, большинством в один голос собор присудил к казни, и этим одним голосом был голос императора Священной Римской империи – венгерского короля Сигизмунда, брата Венцеслава Чешского (1415 г.).

Фаза надлома поведенческого стереотипа, именуемая эпохой Возрождения, характеризуется текстом Охранной грамоты императора Сигизмунда магистру Яну Гусу и последующим нарушением ее самим императором [см.: 15, с. 11]. И магистр и император были людьми фазы надлома, но с разными доминантами. Поэтому мотивировки их поступков заслуживают внимания.

Сигизмунд, выслушав окончательный результат, побледнел и затрясся, как будто бы должен был произнести приговор над самим собою: он знал, что от него зависели свобода и жизнь Гуса. Гробовое молчание воцарилось под сенью храма, когда отзвучала последняя речь и Сигизмунда спросили: «Ваше величество император! Каково будет ваше окончательное решение: за учение Гуса или против? Признаете ли вы его еретиком, заслуживающим смерти?..»

Вопрошаемый взволнованным голосом ответил так: «Продолжаю утверждать, что Гус – еретик и по праву вполне заслуживает смерти сожжением, если не отречется...»

Тогда Гус мужественно спросил: «Ваше императорское величество, ужель вы можете так поступить в унижение своей короны и немецкой чести? Ужель сами уничтожаете свою Охранную грамоту, утвержденную вашей печатью и подписью, беря на свою голову преступление и вероломство? Не о моей жизни речь, но о вашем честном имени...»

«Я действительно обещал тебе, еретик, безопасный проезд, но только сюда, а это ты получил. Обратного же пути я не обещал... Твое требование неосновательно. Тебя осудил Собор большинством голосов» – так ответил Сигизмунд.

Все были столь разгорячены, что ломали столы и бросались обломками их. Во время этого шума государь удалился. Мог бы удалиться и Гус, если бы захотел. Он, однако, возвратился в свою тюрьму. Когда в храме никого уже не было, противники Гуса хватились его. Они распорядились ударить в набат и сторожить городские ворота, чтобы он не мог убежать из города. Однако, войдя в тюрьму, они нашли Гуса стоящим

на коленях и усердно молящимся. Стражи не заперли даже дверей тюрьмы и любовались благородством души Гуса [111, с. 254–272, 282–284].

Осуждение Яна Гуса

Ян Гус идет на казнь
Миниатюры из Констанцской хроники 1417 г.

Будь это тихое время, спокойное, все сочувствующие Гусу чехи почесали бы в затылках и сказали: «Во, чего немцы-то с нашими делают» – и разошлись бы пить пиво. Но время было бурное, и в Чехии вспыхнуло восстание: «Как? Нашего профессора! Кто сжег?» – «Немцы». – «Бей немцев!» И ведь не случись это дело

с Гусом, случилось бы что-нибудь другое, что стало бы причиной побоища. Чехи видеть не могли немцев. Их тошнило от немцев – и в университете, и на площадях, и в торговой жизни, и на охоте, всегда, когда они встречались. И все-таки на раскачку после казни Гуса понадобилось четыре года, то есть восстание в Праге было, конечно, не просто результатом возмущения по поводу невинной гибели профессора, обманутого и замученного. Это был взрыв накопленной пассионарности, ее реализация в момент столкновения с уже растраченной и сниженной пассионарностью немцев. Поднялись студенты и потребовали, чтобы все три немецкие нации вместе имели равное число голосов с чехами, поскольку университет чешский. При этом чешские студенты отлупили немецких. Драки были и вне стен университета. Сторонники немцев и императора Сигизмунда шли по улице, на них напали, забили до смерти. Толпа чехов ворвалась в ратушу и всех католических депутатов – немецких чиновников – выкинула из окна – это верная смерть, там высоко. После этого жители Праги заявили немцам: «Мы вас не знаем, папу не признаем, папа – антихрист, а вера у нас истинно Христова. И обряды истинные мы знаем: вот там, у русских и у греков, совершенно правильно из чаши причащают и мирян и священников, а вы мирянам облатку даете, а из чаши только священники пьют. Так нехорошо». Немцы, император и папа заявили, конечно, что все это жуткая ересь и чехов надо наказать»[1]... «А, – сказали чехи, – наказать!» И пошло... С 1419 по 1438 г. шла война, состоявшая из бесконечных набегов.

Одна Чехия воевала против всей немецкой империи и даже сталкивалась с Польшей, хотя поляки старались соблюдать нейтралитет. На знамени у чехов была чаша, из которой они хотели получать причастие в виде хлеба и вина, а на знамени католиков был крест латинский – то и другое атрибуты христианской религии. Собственно говоря, в той же соседней Польше были православные, которые пользовались чашей при причастии, и были католики-поляки, которые имели свой латинский крест, такой длинный, вытянутый, но при этом и те и другие великолепно жили в мире, так что, очевидно, не религиозные лозунги были причиной этой невероятно жестокой войны, которая унесла

[1] В воскресенье 17 марта (1450 г.) по приказанию папского легата, находившегося в то время вместе с Сигизмундом, королем римским и венгерским, в городе Братислава, был объявлен на проповедях по храмам крестовый поход против богемцев, особенно против ревнителей причащения чашей, как против еретиков и врагов церкви римской» [93, с. 50].

свыше половины населения Чехии и соответственно немножко меньше в окрестных немецких странах. Важно то, что чехи отбили все крестовые походы, которые были направлены против Праги, они сами вторгались в Баварию, в Бранденбург, в Саксонию, доходили до Балтийского моря: используя новую тактику – езду на телегах; эту тактику они, очевидно, через венгерских половцев заимствовали от монголов. Способ защиты с телег, способ строительства лагеря из телег – чисто кочевнический. Ян Жижка сражался в польском войске, так что он великолепно знал восточные обычаи, он ввел эту новую тактику, против которой рыцарская тяжелая конница была бессильна.

Кончилось тем, что маленькая Чехия, не поддержанная ни Моравией, которая осталась католической, ни Венгрией, ни Польшей, которая избрала католицизм, удержалась против всей Германии, то есть против почти всей объединенной Европы. Не принимали участия в крестовых походах на гуситов только французы и англичане; французы в это время предавали свою спасительницу Жанну д'Арк, а англичане ее жгли, поэтому им было некогда. Но одна маленькая Чехия удержалась против всех, значит, пассионарный уровень среди чехов оказался в это время гораздо выше, чем у немцев. Однако чехи немедленно разделились, как все сильные пассионарии, и перебили друг друга. В 1420 г. чехов было 3 млн. После битвы при Белой Горе (1618 г.) чехов осталось всего 800 тыс. [123, ч. 1, с. 180]. Почему? Гуситы разделились на три партии: крайние табориты, которые вообще не хотели признавать ни церковь, ни священство; «сироты», или сторонники полководца Яна Жижки (после его смерти они назвали себя «сироты»), которые признавали церковь, но категорически отрицали всякое духовенство и компромиссы с немцами; утраквисты (чашники), которые боролись за то православие, какое было на востоке – в Византии и России. Утраквисты готовы были на любой компромисс, лишь бы найти какой-то способ существования без немцев. Это было население Праги. А были там и другие партии, помельче, например адамиты, которые бегали голыми, как Адам, грабили путников и не признавали вообще ничего. Их перехватал и всех сжег или перевешал сам Ян Жижка – вождь гуситов. Грабили все при этом жутко. В 1434 г. три партии схватились между собой, произошел бой при Липанах, в результате которого чашники одержали победу над крайними и перебили их. Таким способом было снижено пассионарное напряжение в Чехии и были усмирены те совершенно жуткие зверства, которые в этой несчастной маленькой стране происходили. Испытываешь потрясение, когда читаешь,

например, о том, как немецкие рудокопы Кутенберга кидали захваченных чешских гуситов в шахты и смотрели, как они там с переломанными ногами и руками умирают. А когда их Жижка захватил и они стояли на коленях и просили пощады, то пощады им не давали. Жижка не любил щадить немцев.

Вот эта ничем не обоснованная жестокость, дошедшая до взаимоистребления, и является в этническом плане очень показательной.

Вспомним битву при Фонтанэ в 841 г. (Мы уже говорили о ней, разбираясь с фазой подъема.) Там немцы и французы после боя носили раненым врагам воду, мотивируя это тем, что они люди свои, хотя и принадлежат к разным партиям. Именно такой характер поведения указывает на наличие суперэтнической целостности. Не зря мы говорили, что 841 год – год рождения «христианского мира», поскольку до того ничего подобного при войнах в Европе не было. Дело в том, что внутри любого суперэтноса, конечно, идут войны, проливается кровь, творятся жестокости, но, обусловленные самой войной, они никогда не превращаются во взаимоистребление – люди помнят, что воюют хоть и не с соседями по улице, но и не с совсем чужими, не с «дикарями».

Все так, но ведь немцы и чехи в XV в. тоже принадлежали к тому же самому «христианскому миру»! В чем же причина этих перемен в поведении? Конечно, можно сказать, что суперэтнос-то один, но чехи – славяне, а немцы – германцы. Ну, хорошо. А что же поляки – не славяне? Славяне, и это не мешало им видеть в украинцах и белорусах (тоже славянах) даже не людей, а просто «быдло», то есть воспринимать их наравне со скотиной. И тоже не случайно – суперэтносы-то были разные, а при контакте на уровне суперэтноса различия столь велики, что чужое кажется противоестественным.

Выходит, немцы и чехи в XV в. почему-то утратили чувство суперэтнического единства, стали ощущать себя такими же чуждыми, как немцы и русские, и относиться начали друг к другу соответственно, тем более во время войны, что сразу стало заметно.

И действительно, гуситские войны были первой вспышкой, которая показывала, что в суперэтносе начинается новый процесс – дивергенция. Недаром Гус сказал: «Я-то гусь («гус» – это и есть «гусь»), а за мной придет лебедь». И этот лебедь пришел через сто лет. Звали его Мартин Лютер, и проповедовал он тоже только некоторые улучшения норм религии, точнее – культа.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ГЕРМАНИИ

В 1517 г. Мартин Лютер прибил в Виттенберге к дверям церкви свои девяносто пять тезисов, по которым он считал себя несогласным с католической церковью. Если бы в наше время, в XX в., кто-нибудь прибил тезис к дверям где-нибудь в Лондоне: «Я не согласен с английской конституцией и постановлением парламента», ему сказали бы: «Ну, иди домой». И этим все кончилось бы. Но это было средневековье – «страшная» эпоха. Все сказали: «Как так, этот монах не согласен с тем, во что мы, весь христианский мир, веруем? Давайте разберем, какие у него доводы, устроим диспут, он имеет право выслушать возражения». И устроили. И кто бы, вы думали, председательствовал на этом диспуте? Император Карл V Габсбург, во владениях которого «не заходило солнце»: он был императором Германии, правителем Нидерландов – это был его наследственный домен, еще было у него Испанское королевство, испанские владения в Америке, Филиппины, Неаполитанское королевство, Милан в Ломбардии. Он был председателем на этом диспуте. Рядом с ним сидел папский легат – богослов, который должен был спорить с наглым монахом.

Мартин Лютер
Гравюра Лукаса Кранаха Старшего

По правую сторону от представителей духовной и светской власти были все магнаты Германской империи и послы из соседних католических государств, по левую сторону – духовные лица. Привели Лютера и говорят: «Спорь! Отстаивай свои тезисы». Он смешался. Карл посмотрел на него и сказал: «Я думал это человек... а он дрянь. Ну, ладно, завтра приведите его к отречению и отпустите. Что с ним разговаривать». А Лютер за ночь-то передумал все, и, когда его на следующий день привели отрекаться, он сказал: «Я здесь стою и не могу иначе». И пошел крыть доводами, очень вескими. Половину собрания переубедил. Его решили арестовать – такое случалось. Герцог Саксонский успел его спасти, дал ему всадников, конвой, увез в один из своих замков и там спрятал. Идеи Лютера пошли по всей Европе, а сам он сидел тихонько и переводил Библию, чтобы занять свободное время, которого у него теперь было много. Отсюда пошел раскол суперэтнического поля: «Вормский эдикт» 1521 г.[1].

Ясно, что дело, очевидно, не в том, что Лютер говорил. Подавляющая часть европейцев была безграмотна, а у тех, кто были грамотны, тоже было не очень много времени, чтобы читать и изучать все эти принципы, взвешивать аргументы, сравнивать, что правильнее: следовать Преданию или Писанию. Для этого Писание надо было хорошо знать, а оно толстое, да еще на латинском языке – трудно читать. Как надо понимать пресуществление во время мессы? Или предопределение? Какое учение о спасении правильнее?.. Господи, да некогда! Но тем не менее вся Европа разделилась на протестантов и католиков, потому что каждый, толком не зная, за что он, точно знал, против кого он. А кроме того, все без исключения – от Северной Норвегии до Южной Испании, – все были недовольны и не удовлетворены той системой католической средневековой мысли, которая была прилажена для эпохи подъема и которая очень хорошо работала при акматической фазе.

---

[1] Карл V (1500–1558) 6 мая 1521 г. издал в Вормсе эдикт о провозглашении Лютера еретиком, но не был поддержан князьями, рыцарством и городами. Лютер публично сжег папскую буллу с требованием отречения от своего учения и в письме к одному из своих друзей, Спалатину, объявил папу Льва X антихристом. Надо отметить, что «формула отлучения от церкви», возникшая в XIII в. и постоянно употреблявшаяся в XVI–XVIII вв., содержит повод для такого обвинения: «Взываю к тебе, сатана, со всеми посланниками, да не примут они покоя, пока не доведут этого грешника до вечного стыда, пока не погубят его вода или веревка... Предписываю тебе, сатана, со всеми твоими посланниками, чтобы, как я гашу теперь эти светильники, так ты погасил свет его очей» (там же, с. 213). Трудно дать в руки врагов папства более веский аргумент о союзе папы с дьяволом.

Кальвинисты разрушают статуи
и священные сосуды в храме

РЕФОРМАЦИЯ – ИНДИКАТОР НАДЛОМА

Явно выступил на поверхность новый поведенческий императив – реактивный императив *фазы надлома*. Формулируется он просто: «Мы устали от великих! Дайте пожить!» И теперь им нужно было что-то другое, потому что старая система не отвечала ни накопленному уровню знаний, ни растраченному уровню доблести и мужества, ни сложившимся экономическим отношениям, ни бытовым заимствованиям и нравам, вообще ничему.

Реформы, в сущности, были необходимы для обеих сторон, и обо всем можно было мирно договориться. Но весь фокус в том, что договариваться никто не хотел. По существу, равными реформаторами были не только несчастный Гус и счастливый его последователь Лютер, не только страшный Кальвин, обративший в свою кальвинистскую веру Женеву и половину Южной Франции, не только мечтатель Цвингли, не только прохвост и жулик Иоанн Лейденский, который, провозгласив «царство Сиона», залил кровью поверивший ему город Мюнстер, но и такие католические деятели, как Савонарола –

Савонарола
Бюст в соборе Св. Марка во Флоренции

истинно верующий доминиканский монах, который заявил: «Хватит рисовать проституток в церквах под видом святых, художники шалят, а нам каково молиться?» Кончил Савонарола свои дни на костре, унеся в небытие большое количество произведений подлинного искусства из-за того, что решил бороться против неуместной в храмах порнографии. Таким же реформатором был и испанский офицер, раненный в ногу, Игнатий Лойола, который решил, что бороться с Реформацией надо теми же средствами, которыми борется Реформация с католической церковью, то есть воспитывать жертвенных людей и учить их католицизму. Учить! Доминиканский орден – ученый орден. Доминиканцы учились сами, они сидели и зубрили латынь, Августина, Писание – сложные вещи; карты им были запрещены, все развлечения запрещены, так они, бедные, придумали костяшки-домино, это им никто не удосужился запретить, и играли в свободное время.

Францисканцы – это был нищий орден. Они ничему не учились, подпоясывали свою верблюжью рясу веревкой, ходили и проповедовали массам учение католической церкви – как в голову придет. Но проповедь ни тех, ни других не могла соперничать с обыкновенным светским школьным обучением, поэтому основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола поставил задачу: надо учить детей католичеству, тогда они будут не падки на протестантизм, не будут протестовать. Сначала он никого не мог увлечь, его выслушивали, но отходили и занимались своими делами. За два десятка лет у него появилось шесть искренних и верных сторонников. Только шесть человек, которые согласились войти в основанный им орден, и он умер, оставив орден из шести братьев. Но уже его преемник, португалец Франциск Ксавье, сумел широко развернуть дело своего учителя, так что в орден вошло много монахов, которые посвятили себя школьному образованию. Они стали учить детей, и, по существу, в ряде стран, в частности в Испании, отчасти во Франции и в Италии, им удалось остановить развитие протестантизма.

Конечно, Лойола был человек незаурядный, хотя и пустил реформаторское движение не по принципу ломки, а по принципу сохранения, реставрации – это тоже переделка. Но почему именно Испания ему отдалась почти беспрепятственно? Разберемся.

Надо сказать, что Европе в этот страшный период пассионарного перегрева повезло по сравнению с другими суперэтническими целостностями. Во-первых, она находилась на окраине континента, окруженная морями со всех сторон. Она не

испытала вторжений извне и таких вмешательств, которые бы нарушили ход процессов. К тому же очень полезным человеком в это время оказался Христофор Колумб. Он вовремя открыл Америку. Конечно, если бы не сделал этого он, то сделал бы это Кабот или еще кто-нибудь. Факт в том, что Америка, про которую уже знали, что она существует, и даже индейцев привозили, чтобы доказать наличие там жителей, до XVI в. никого не интересовала. А тут те испанские идальго, то есть нищие дворяне, которые обеспечили королям Кастилии и Португалии победу над мусульманами, но у которых были только плащ, шпага и, в лучшем случае, конь, оказались без дела. Очень хорошо. Все они и отправились в Америку, и там они нашли себе применение.

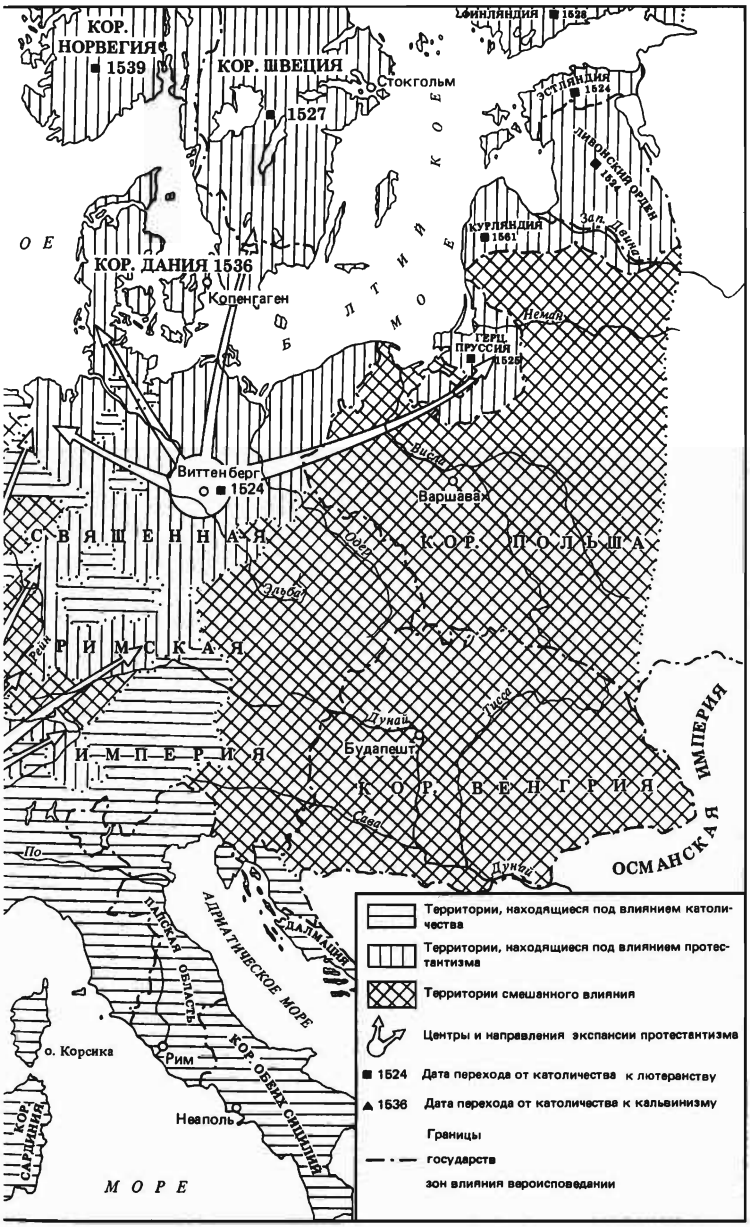
А в Испании оставались люди спокойные, тихие, которым меньше всего хотелось спорить с начальством, и поэтому они приняли то новое исповедание, которое под видом восстановления старого предложила католическая церковь.

Более подробно останавливаться на сюжетах, связанных с Германией и Испанией, не буду. Скажу лишь, что кончился спор, начатый Лютером, Вестфальским миром 1648 г., когда Германия за тридцать лет непрерывной войны потеряла 75% своего населения. Перед началом войны в Германии было 16 млн человек, по окончании войны – 4 млн [75, т. II, с. 307–346][1].

---

[1] При этом примечательно, что погибло 3/4 населения – 40 % городского и 60 % сельского (12–13 млн). В этой связи интересна депопуляция Чехии. В 1420 г. чехов было 3 млн., а в 1618 г. после битвы на Белой Горе – всего 800 тыс. человек [123, с. 180]. Это показывает, что лозунги Реформации были не причиной, а индикатором смены знака, или надлома, то есть начала упрощения системы. Проверим этот вывод на примере Галлии [см.: 125, с. 33–43]. В I в. до н. э. население этой страны насчитывало 6,7 млн человек, а во II в. н. э. после жестокого завоевания Цезарем, восстаний и гражданской войны против Нерона – 8 млн человек. Вторжение германцев в IV–V вв., казалось бы, должно было повести к обезлюдению страны, но около 1000 г. при первых Капетингах население достигло 9 млн, в три раза превысив население Германии, где между Эльбой и Роной обитало 3 млн человек [там же, с. 26–27]. В акматической фазе во Франции уже жило 18 млн (в 1328 г.), но победу в Столетней войне одержала Англия, где имелось всего 3 млн жителей [там же, с. 57], и население Франции после объединения ее Людовиком XI составляло всего 15 млн [там же, с. 43]. Даже эти отрывочные данные позволяют сделать вывод, что характеристика фаз определяется естественным процессом этногенеза, а не культурными сдвигами и кризисом, хотя последние часто совпадают с ними.

Фаза надлома в западноевропейском суперэтносе.



Реформация и Контрреформация (1571–1648)

Битва при Креси (1346 г.)

Сами понимаете, что здесь люди погибли не столько в боях. В боях вооруженные люди себя берегут, они сами на рожон не полезут и к себе близко противника не пускают; в любой войне так. Погибло несчастное мирное население, которое грабили всеми способами солдаты всех армий, потому что в то время война кормила войну. Таковы были события этой жуткой эпохи. Каждая страна Европы по-своему участвовала в них.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В АНГЛИИ

Несколько позже, чем в остальных странах, начался надлом в Англии. Объяснить такое запаздывание просто: Британские острова лежали за пределами полосы, по которой прошел

толчок IX в. Англия получила пассионарность импортную. Сначала на остров пришли норвежские и датские викинги, которые захватили англосаксонские королевства, долгое время держали их в своей власти, ну и, конечно, рассеяли свой генофонд по популяции. Потом Англию захватили норманны из Нормандии – это офранцуженные норвежцы. Эти повторили ту же операцию. И наконец, когда норманнская династия кончилась, в XII в. из Пуатье был приглашен родственник покойной королевы Матильды, Анри Плантагенет (мы его упоминали). Этот француз привез с собой массу своих земляков, поскольку больше любил Францию и свои французские владения, чем Англию, которую унаследовал. Но кто же отказывается, когда дают корону! Тогда, естественно, произошло новое внедрение пассионарности в массу английского населения. В результате Англия оказалась страной с уровнем пассионарности не меньшим, чем ее соседи – Северная Германия или Франция, но произошло это позже, нежели во Франции и Германии, – уже в конце XVI – начале XVII в. Поэтому Англия, где прошла и страшная Столетняя война, унесшая массу жизней, и Тридцатилетняя война Алой и Белой розы, через сто лет оправилась, и появилось здесь опять огромное количество пассионариев.

Пассионарность, которая в Англии была сначала достоянием феодалов и приносилась в страну то норманнскими рыцарями, то анжуйскими баронами, то викингами, совершенно естественно в результате случайных связей перешла в среду йоменов – свободных крестьян (несвободных в XV в. уже не было, они вывелись), в среду членов кланов в Шотландии, в среду горожан. И в XVI в. Англия также набухала пассионарностью, как и за сто лет перед этим. Тогда появились при королеве Елизавете английские корсары.

Должен сказать, что этот пассионарный момент в значительной степени определяет политику самой Англии как державы на фоне европейского концерта политических сил.

Самой сильной страной в XVI в. была Испания, обладавшая колоссальными владениями в Америке и посылавшая ежегодно караваны с золотом на галионах через Атлантический океан, так что испанские короли были самыми богатыми людьми – в смысле золота. У англичан золота не было, и достать им его было негде: те золотоносные места, которыми завладели испанцы, были уже заняты, а те места, где можно было поселиться англичанам, были бесперспективны в смысле быстрого обогащения. Следовательно, самое выгодное и самое простое было – грабить испанцев.

И англичане занялись этим с подлинной страстью, с энтузиазмом и не без успеха. Такие корсары, как Вальтер Ралей, Фрэнсис Дрейк, Фробишер, Гоукинс, опустошали испанские прибрежные города, уничтожая местное население, и захватывали караваны с золотом. Причем им удалось даже объехать вокруг мыса Горн и пройти в Тихий океан, где уж испанцы никак не ожидали нападения, и ограбить там испанские города.

А это в свою очередь повлияло на общественное мнение Англии, потому что эти счастливчики, возвращавшиеся с большим количеством золота, приобретали друзей и подруг, а через таковых они уже обращали настроение английского общества (в данном случае уже не столько этноса, сколько общества) против Испании, потому что испанцев было выгодно грабить.

Конечно, для этого нужно было иметь и какую-то идейную основу. Основа была простая: испанцы – католики, следовательно, мы перейдем в протестантизм. И протестантизм в Англии восторжествовал, хотя перед этим королева Мария, прозванная Кровавой, сестра Елизаветы, была ревностной сторонницей Испании. Марию не поддержали, и католики оказались в изоляции. И наоборот, Елизавету, которая казнила не меньшее количество людей, чем ее сестрица, поддержали, назвали «Девственница-королева». О, это была хорошая королева, ведь она принимала участие в пиратских предприятиях, вносила свой вклад и получала свои доходы. Так начала богатеть Англия.

Но и из Англии эти походы уносили большое количество людей, а так как пиратством занимались люди, близкие к королевскому двору, и они быстро гибли, то, естественно, партия, поддерживающая короля, слабела. Напротив, парламентская партия усиливалась. И парламент стремился ограничить власть короля, что в средние века, когда короли воевали во Франции и нуждались в деньгах, удавалось довольно эффективно.

По английской конституции парламент определяет сумму налогов. Без парламента нельзя ни с одного англичанина собрать ни одного фартинга. И парламент стал отказывать королю в дотациях. По этому поводу возник конфликт, король произвел революцию против парламента, то есть выступил против конституции, против основного закона своей страны.

Звали его Карл I. Он захотел быть таким же самодержавным государем, как европейские государи. И кто его поддержал? Свободные зажиточные крестьяне – йомены, бедные рыцари и некоторое количество англокатоликов. Кто выступил

ротив него? Богатеи из Сити, огромное количество бедного аселения, которое нанималось служить за деньги, и протес-анты, вплоть до крайних сектантов.

Карл I
Гравюра XVII в.

Оливер Кромвель
Гравюра XVII в.

Судьба английской революции всем известна – король роиграл, был разбит, бежал в Шотландию, откуда он был ро-ом. Шотландцы продали его за деньги, потому что шотланд-ы очень скупой народ, любят деньги, и королю отрубили го-ову в 1649 г.

Но победа была одержана не массами народа и не капита-ами богатеев из Сити; решающую роль сыграл энтузиазм не-ольшой кучки фанатиков-сектантов, индепендентов, отрица-ших всякую церковь – и католическую и протестантскую. Эту руппу возглавил небогатый помещик Оливер Кромвель.

Очень любопытна оценка положения. Он говорил: «Мы не состоянии разбить короля, потому что за него сражаются ыцари, которые сражаются ради чести, а за нас сражается вся-ая дрянь, которую мы нанимаем за деньги. Те, кто сражается ади чести, победит тех, кто сражается ради денег, потому что аемники хотят заработать и остаться живыми. Это их истин-ая цель, а вовсе не победа. С такими не победишь». И поэтому н отобрал в свой отряд искренних фанатиков-протестантов, ндепендентов, которые так ненавидели все церковные уста-овления, что не жалели ради их низвержения свою жизнь.

Эти люди назывались железнобокими или круглоголовыми, потому что они стриглись в кружок, а сторонники короля носили длинные волосы. И они разбивали рыцарей и роялистов, одерживали победы в решающих сражениях, например при Нэсби. Они не сдавались, не уступали, никого не жалели, лозунг у них был простой: «Верь в Бога и держи порох сухим!» Когда же победа была одержана, то именно Кромвель, вопреки желаниям большинства парламента, настоял на том, чтобы королю отрубили голову за государственную измену. И после этого его объявили лордом-протектором Английской республики (тогда в Англии была объявлена республика), то есть фактически диктатором с полномочиями, которых не имел даже тот король-деспот, которого он низверг, потому что у Кромвеля оказалась реальная сила – его железнобокие.

Казалось бы, после войны надо бы армию распустить – пусть идут домой и занимаются своим делом, но эти железнобокие категорически отказались расходиться по двум причинам, и обе причины были крайне весомы. «Во-первых, – сказали они, – как только мы разойдемся, нас крестьяне передавят поодиночке и не пощадят ни одного». Действительно, натворили они в Англии столько, что этот прогноз был похож на правду. А во-вторых, они задавали резонный вопрос: «Что же мы будем делать? Мы умеем молиться и убивать, а больше ничего мы не умеем». И поэтому Кромвель их сохранил и благодаря этому спокойно царствовал (я должен бы сказать – правил, но он действительно царствовал).

Но эта кучка фанатиков-пассионариев была все-таки очень чужда широким слоям английского этноса, всем его группировкам. Когда Кромвель умер, то унаследовал власть его сын Ричард – человек очень веселый, добродушный пьяница, который терпеть не мог фанатиков своего папаши и дружил с уцелевшими роялистами; они шатались по Лондону, сочиняли стихи, пили вино и вообще развлекались так, как умеет развлекаться золотая молодежь. Ричард некоторое время занимал пост лорда-протектора, но потом сказал: «Мне это все надоело, я буду лучше пить, чем сидеть в этом вашем парламенте, в канцеляриях». И ушел с поста сам. Вот поведение человека отнюдь не пассионарного, но, с нашей точки зрения, очень милого.

Власть перехватил генерал Ламберт – сторонник железнобоких и их вождь, которого низверг генерал Монк, командовавший корпусом в Шотландии. Монк хотел удержаться и применил для этого самый простой способ: он пригласил вернуться наследника престола Карла II Стюарта. Король вернулся,

народ усыпал его дорогу цветами, все сказали: «Слава Богу, кончилось».

Но куда же девалась английская пассионарность? Если она оставалась, то она должна была продолжать сотрясать страну; если она исчезла, то почему, собственно говоря? Ведь она не исчезла во время Столетней войны, она не исчезла во время войны Алой и Белой розы. Очевидно, не могла она исчезнуть и во время революционных войн, хотя потери здесь были с обеих сторон страшные, но ведь они, как мы знаем, восполняются, хотя и не целиком.

И вот тут сыграла решающую роль колонизация. Новый порядок Стюартов, а после того, как их выгнали, и Ганноверской династии был направлен на установление в Англии такого порядка, при котором люди слишком мятежные, со слишком ярко выраженной индивидуальностью были в общем-то совершенно не нужны, поэтому им было предложено уезжать, куда они хотят, а Америка была рядом.

В начале XVII в., еще до революции, туда на корабле «Мэйфлауэр» переправилась группа гонимых в Англии пуритан и основала колонию Новая Англия. После этого все неудачники стали переезжать в Америку и основывать там колонии. Католики основали там колонию Мэриленд, названную в честь Марии Кровавой; сторонники Елизаветы основали Виргинию (virgo – значит «девственница», девственная королева); сторонники Стюартов – Каролину; сторонники Ганноверской династии основали Джорджию (короля звали Георг), баптисты – Массачусетс; квакеры – Пенсильванию; все группы населения, которые оказывались гонимыми в Англии, уезжали туда.

И казалось, что если в Англии они воевали и боролись друг с другом ради лозунгов, то они должны были продолжать борьбу и в Америке. Ничего подобного – как рукой сняло. Они начали воевать с индейцами, французами и испанцами, но никак не между собой. Уже во втором поколении они перестали интересоваться, кто квакер, кто католик, кто роялист, кто республиканец – это потеряло всякое значение. А вот война с индейцами интересовала их всех колоссально. И ярче всех себя проявили здесь тихие баптисты-массачусетцы, которые предложили плату за отстрел индейцев. За принесенный скальп, как за волчий хвост, они платили премию. Гуманно, гуманно... Правда, кончилось это дело для них плохо, потому что когда колонии начали отделяться от Англии, то англичане мобилизовали индейцев, и индейцы почти всех массачусетских баптистов с удовольствием перестреляли. Но тем не

менее практика премий за скальп была введена и употреблялась вплоть до XIX в.

Таким образом, произошел колоссальный отлив в Америку пассионарной части английского этноса. Эти люди назывались тогда по-английски «диссиденты», что значит «еретики». Их выселяли в Америку, и они там организовали те 13 колоний, из которых потом создались Соединенные Штаты Америки.

Чтобы закончить с американской проблемой, скажу, что колонисты вовсе не хотели отделяться от Англии, которая их выгнала, которая их преследовала; которая привязывала их учителей к позорному столбу, и тех забрасывало грязью простонародье; где их сажали на галеры, или в тюрьмы, или ссылали на каторгу. Тем не менее они совершенно не хотели отделяться от Англии. Они только требовали себе равных прав с англичанами, то есть представительства в парламенте, и соглашались платить все те налоги, которые платят англичане. А отчего им было не платить – денег у них было много.

Но англичане из-за своего традиционализма сказали: «Нет, у нас есть определенное количество графств, которые присылают определенное количество депутатов в парламент, и менять это незачем. Раз вы уехали, так там и живите».

«Да, – говорят колонисты, – но, согласно вашим же английским законам, платить англичанин может только те налоги, за которые проголосовал его представитель, а у нас нет представителя; значит, вы с нас не можете брать никаких налогов».

Англичане говорят: «Да! Но мы же вас защищаем от французов, от испанцев, от индейцев».

Колонисты отвечают: «Ну и что! Вы обязаны нас защищать, мы ваша страна, а платить мы можем только то, за что проголосуют наши депутаты, дайте место в парламенте!»

Англичане думали, думали и сказали: «Ладно, не платите, только мы введем маленький налог на содержание флота – один пенс пошлины на фунт чая».

И чай, который должен был стоить два пенса за фунт, стал стоить три. Эта фраза «Чай стоит 3 пенса за фунт» и стала паролем для повстанцев в день знаменитого «Бостонского чаепития». То, что чай стал стоить три пенса за фунт, значило: «Бей англичан!»

Вот таким образом, ради сохранения своего этнического стереотипа поведения, американские колонисты пошли на политическое отделение, и англичане вынуждены были примириться с потерей богатейшей колонии только потому, что они

не могли переступить своего обычая, своих привычек, своих традиций. Ибо ни один член этноса не мыслит, как можно поступать иначе, чем он привык с самого детства.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ИТАЛИИ

Кроме Англии была в Европе и еще одна страна, тоже получившая инъекцию пассионарности. Это Италия, страна прекрасная по климату, по ландшафтам, по дарам природы и совершенно беззащитная. Поэтому ее захватывали то византийские греки – люди весьма пассионарные, то арабы и берберы, тоже люди достаточно энергичные. Южную часть Италии они долго держали в руках. Затем туда вторгались вслед за ослабевшими лангобардами германские императоры Оттон I, Оттон II, Оттон III, Оттон IV; затем – последующие короли франконской династии, захотевшие стать императорами, – Генрих II, Конрад, Генрих III, Генрих IV, Генрих V; потом швабские короли: Фридрих Барбаросса, его сын Генрих VI, затем Фридрих II, Манфред, Конрадин. В общем, все это были горячие пассионарные немцы из мест, которые были затронуты пассионарным толчком; их дружины в прекрасной Италии рассеивали свой генофонд по популяции.

Не теряли времени и отчаянные французы, которые всеми силами старались вышибить немцев. Из Нормандии явились нормандцы, в которых сочеталась норвежская пассионарность с французской. Они захватили в XI в. сначала Сицилию, выгнав оттуда мусульман, потом Южную Италию, выгнав оттуда греков, создали Норманнское, точнее Нормандское, королевство в Сицилии и Неаполе – оно называлось тогда просто Сицилианское королевство и Неаполитанское. Их выгнали в свою очередь немцы, немцев снова французы – Карл Анжуйский разбил Манфреда и Конрадина, захватил эту территорию, и французы долго там держались, пока их не вышибли оттуда испанцы в 1282 г. во время так называемых «сицилийских вечерен».

Дело было так: один француз под видом обыска на предмет оружия полез под юбку сицилийской женщине, она завизжала, сицилийцы француза убили – они ревнивые люди, и после этого закричали: «Бей французов!» – и убили всех французов, а потом дико перепугались: «Что нам за это будет?» – и пригласили арагонского короля, который явился с флотом и отстоял Сицилию от репрессий французов. Но арагонцы тоже

не зевали насчет женщин. Короче говоря, в Италии оказался мощный импортный пассионарный генофонд.

Проявился он в XI, XII и XIII вв., то есть в эпоху самого «мрачного» средневековья. В это время итальянцы продемонстрировали совершенно головокружительные наклонности. Жители небольших городов, по тем временам очень маленьких и слабых, – Венеции, Генуи, Пизы, Ливорно, Флоренции – бросились вдруг в отчаянные финансовые операции, занялись торговлей на Средиземном море, обслуживанием королей Европы, благодаря чему у них развилась и юриспруденция, и наука о дипломатии. В результате эти города быстро превратились в исключительно богатые центры с большим скоплением всякого рода имущества и людей.

Пассионарные итальянцы уезжали в далекие страны, как Марко Поло в Китай. Многие из них попадали во Францию, в Англию, Швецию, становясь там министрами, советниками королей. Опытные проходимцы были эти пассионарии! Возвращаясь, они обогащали свои родные города. Недаром Данте писал в одной из песен «Ада»: «Гордись, Фьоренца, долей величавой. Ты над Землей и морем бьешь крылом. И самый ад твоей наполнен славой» [74]. И дальше он описывал тех жуликов и негодяев, которых Флоренция выдала миру и которые обогатили Флоренцию за счет своей деятельности.

В XIV–XV вв. размах их деятельности начал сходить на нет. В Италии ясно обозначился пассионарный спад. Богатые синьоры сидели в своих палаццо, следили за поведением своих жен и дочерей, выдавали их замуж и вели себя довольно пассивно по отношению к соседним городам. Активность, которая уничтожала и сжигала Италию во время войн гвельфов и гибеллинов, заменилась мелкими интригами, война стала делом рук кондотьеров – наемных солдат, которые продавали свою шпагу и очень берегли свою жизнь. Они чаще всего сражались так, чтобы сохранить свою жизнь даже ценой отсутствия победы, потому что платили не за победу, а за то время, которое они проводили на военной службе. Этим они очень напоминали английских люмпенов, служивших Кромвелю. Была в это время битва в Италии, в которой не погиб ни один человек, только один был захвачен в плен противоположной стороной, потому что, пьяный, упал с лошади. Его подобрали. И это было в ту самую эпоху, когда Францию сжигала Столетняя война, когда Испания выживала последние остатки мусульман, в Германии господствовало «кулачное право», то есть там пассионарность кипела.

В Италии пассионарность стала остывать и, остывая, оставляла великолепные кристаллы, которые мы называем искусством раннего Возрождения или гуманизмом. Но сколько было гуманистов? Знаменитый историк Огюст Минье подсчитал, что за сто лет Кватроченто, то есть на протяжении XV в., в Италии было пятнадцать гуманистов и примерно столько же хороших художников, а население страны было свыше 10 миллионов. То есть эти гуманисты никак не отражали этнических процессов в Италии; они являлись их «отходами».

В XVI в. положение несколько изменилось: гуманистов стало совсем мало, и они занялись главным образом подготовкой к изданию (тогда уже появилось книгопечатание) тех рукописей, которые им удалось собрать в Византии, разгромленной турками. Выучив греческий язык, они перевели эти рукописи на латынь и стали их издавать в таких роскошных изданиях, с таким хорошим филологическим анализом и на таком уровне, который недоступен в наше время ни одному издательству мира; это были издательства Альдов и Эльзевиров. Альды издавали большие тома, главным образом Святых Отцов – христианское чтение. Эльзевиры издавали маленькие изящные книжки для общего чтения.

Художников стало меньше, хотя они стали лучше. К этому времени относятся такие имена, как Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль; Бенвенуто Челлини – человек этого же времени.

Он был невероятно пассионарный деятель: очень талантливый писатель, великолепный ваятель, отчаянный драчун; его постоянно хватали за какие-то убийства, совершенные ночью на улице. Но когда пришли немецкие войска грабить Рим, а руководил ими коннетабль Бурбон, ренегат, перешедший от французского короля к немецкому императору, то Бенвенуто Челлини принял участие в защите Рима. Он сам лично навел ту пушку, которая убила коннетабля Бурбона, чем очень гордился. И после, когда он был во Франции, он об этом повсюду говорил с огромным удовольствием, потому что во Франции убийство ренегата, изменника, оценивалось очень высоко. Но таких людей, как Челлини, становилось все меньше и меньше. Французские войска вторгались в Италию и занимали итальянские города почти без сопротивления. Французы с 1494 до 1559 г., не раз захватывавшие Флоренцию и всю Италию вплоть до Неаполя, встречали сопротивление не среди итальянцев, а среди испанцев или немцев, которые выбивали их оттуда и в свою очередь захватывали эти земли.

А теперь перейдем к обобщениям и попытаемся показать суть происшедшего более широко.

Каков был итог Реформации и Контрреформации? Весь конфликт, как известно, закончился компромиссом, а не победой той или другой стороны.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ ВО ФРАНЦИИ

Самый показательный пример – Франция, где посадили на престол Генриха IV Французского – очень энергичного, веселого, пассионарного человека и в то же время чрезвычайно практичного. Генрих знал, что гугеноты, партия, к которой он принадлежал, не могут обеспечить ему торжества во Франции, потому что большая часть Франции была католической. С крайними католиками, членами Лиги, поддерживающими Гизов, он, конечно, договориться не мог – те не шли ни на какие компромиссы, но подавляющее большинство населения заявило: «Мы, конечно, католики, но мы политики, политика для нас важнее, и если король изменит свою религию, то мы его поддержим». Он ответил: «Париж стоит мессы» – и стал католиком. Все вдруг стало тихо и спокойно. Генриха поддержало подавляющее большинство Франции.

На этом кончилась трагедия, но за счет какой энергии она была? Ведь после невероятной резни в XVI в. вдруг оказалось, что гугеноты и католики могут очень мирно уживаться друг с другом, и до сих пор есть во Франции протестанты, но никто даже не интересуется тем, кто протестант, кто католик.

Кстати, католическая вера не помешала Франции в Тридцатилетней войне сражаться на стороне протестантской Швеции против Габсбургов: испанцев и австрийцев. Как мы видим, те лозунги, которые были начертаны на знаменах, довольно слабо отражали суть дела; они являлись скорее индикаторами, которые определяли то или иное направление этногенетических процессов.

РОЛЬ ИСПОВЕДАНИЙ В ФАЗЕ НАДЛОМА

Чтобы уловить эту самую суть дела, нужно понять: по какому принципу шло разделение? На истфаке нас учили просто, что католики были феодалы, а гугеноты были буржуазия

и буржуазия боролась с феодалами. Но когда я стал готовиться к государственному экзамену и прочитал литературу по этому вопросу, я, еще будучи студентом, вдруг увидел: ничего себе буржуа – эти самые гугеноты! Во главе их стоит королева Наваррская и король Наваррский, адмирал Колиньи, принц Конде, маршал Бассомпьер – это все гугеноты! Гасконские бароны типа д'Артаньяна, д'Артаньян-то был уже католиком, а вот его деды – гугеноты; бретонские вожди кланов – ничего себе буржуазия! Горцы из Севенн (Южная Франция) – самые дикие крестьяне – они все гугеноты. Но в том числе и буржуазия, конечно, была. Ла-Рошель и Нант в устьях Луары – замечательные торговые города – были гугенотскими. Но с другой стороны, самый крупный буржуазный центр Франции Париж – католический, Анжер – католический, Лилль – католический, Руан – католический. Герцоги Гизы – католики, крестьяне центра Франции в подавляющем большинстве католики. То есть принцип сословности не выдерживается никак.

Посмотрим соседние страны эпохи Реформации, например Нидерланды. Там кальвинисты-гёзы – обедневшее дворянство. Зато католики в крупных городах Южной Фландрии (современной Бельгии) – буржуазия. Итальянские купцы, например, остались католиками, испанские тоже. Дворяне: южнофранцузские были гугеноты, северофранцузские – католики. В Швеции и Дании короли и вся масса населения с потрясающей легкостью перешли в протестантизм. Даже Ливонский орден, состоявший из братьев монахов, запросто перешел в протестантскую веру; эти монахи-рыцари объявили, что теперь они все просто феодалы, бароны; подчинились они частью Польше, частью Швеции – в общем, с потрясающей легкостью отказались от католичества. И рядом с ними Бавария, тоже феодальная страна, отстаивала католицизм с дикой яростью.

Но попробуем положить все это на этническую карту и сразу увидим, по какому принципу строилась эта война, подогреваемая пассионарным напряжением, которое уже начало спадать. Возьмем ту же самую Францию. Северо-западная часть населена кельтами; кельты ненавидят Париж, а в Париже католики, следовательно, в Вандее – гугеноты. Юго-западная – населена гасконцами; гасконцы ненавидят Париж – гугеноты. На юге провансальцы живут; они к XVI–XVII вв. довольно вяло относятся в Парижу – и Прованс не участвует активно в религиозных войнах. В Севеннах дикие горцы, которые и говорят даже не по-французски, а на каком-то диалекте, здесь основа гугенотов. Центральная часть Франции,

захваченная еще за тысячу лет перед этим франками, – сплошь католики.

Социальной системы здесь нет; система здесь, видимо, была чисто психологическая. Сложились два психологических рисунка, которые оказались несовместимы друг с другом.

ПАССИОНАРНЫЙ НАДЛОМ В ВИЗАНТИИ

По тому же самому конфессиональному принципу раскололась золотая Византия. Несториане ушли с родины в Китай и Монголию, монофизиты – в Африку и Армянские горы, но и оставшиеся православные раскололись на иконопочитателей и иконоборцев.

Акматическая фаза в Византии была в IV–VI вв. Значит, надлом падает на VII–VIII вв.

Византия была в это время уже маленькая. Она охватывала Малую Азию, Грецию, небольшие части Италии и Сицилии и часть Балканского полуострова. Это была Византия в узком смысле слова, но и здесь нашли повод для раскола, хотя при строгих формах православия, казалось, и спорить-то нечего, и все предусмотрено, все расписано, система стала жесткой, ортодоксальной, и тем не менее нашли из-за чего разойтись. Греки очень любили писать иконы, художники они были замечательные, традиции их великолепного искусства шли из Древнего Египта и Ближнего Востока. Люди вешали в церквах и у себя дома иконы и на них молились, находя в этом утешение и удовлетворение.

Малоазиаты – народ восточный, и поэтому они склонны больше мыслить абстрактными категориями. Они говорили, что надо молиться богу-духу, а не видимости, изображению. Им говорили: «Да изображение нам просто помогает сосредоточиться». «Ну да, – говорили те, – сосредоточиться?! Вы доске молитесь, а не духу». Слово за слово... Император Лев III из Исаврийской династии, выходец из горных районов Киликии, подвел итог спорам в 718 г. «Мы, конечно, православные, люди, – сказал он, – но иконам молиться нельзя; если вы хотите рисовать, рисуйте светские изображения, а не иконы». И велел сорвать самую красивую икону Божьей Матери, которую жители Константинополя очень почитали. Но когда солдат полез снимать икону, то прихожане, женщины главным образом, выбили у него лестницу из-под ног, и он разбился.

И с этого началось. Воинственные, храбрые, прекрасные организаторы, императоры-малоазиаты требовали, чтобы икон не было и чтобы люди молились абстрактным идеям. Исавры считали, что иконы – это идолопоклонство. Жители европейской части империи – греки, славяне, албанцы – говорили: «Как! Наши святые иконы разрушать? Что за безобразие!» Но у правительства в руках была вся власть, армия и финансы, чиновничий аппарат. Выступали против них монахи Студийского монастыря и все любители изобразительного искусства. М. Я. Созюмов в очерке «Трагедия иконоборчества» [83, т. 2, с. 54–56] показал мировоззренческие противоречия малоазиатов и греков. Иконоборцы считали почитание икон идолопоклонством, утверждая, что икона – материализация исконной реальности, отображение сверхчувственного мира: связь изображения с прототипом осуществляется не естеством, а благодаря божественной энергии. И они обвиняли иконоборцев в манихейской тенденции – отрицании причастности материи к Божеству. Позднее, в конце фазы надлома, при императоре Феофиле, в Малой Азии появилось движение еще более крайнее, уже не христианское – павликианство. Павликиане считали всю материю творением сатаны, грабили монастыри и города, а пленных юношей и девушек продавали арабам. Так они боролись с материальным миром [там же, с. 77].

Эта война унесла очень много жизней и стоила Византии больших потерь, потому что соперники мешали друг другу сопротивляться внешним врагам: арабам, болгарам, западным европейцам, берберам, которые тем временем захватили Сицилию; тем не менее внутренняя война продолжалась. Только кончалось в Византии все это несколько быстрее, чем в Европе, потому что сам по себе массив Византии был меньше, и в 842 г. иконоборчество было отменено. Все эти споры погасли, и началась здесь четвертая фаза этногенеза – *инерционная,* о которой разговор впереди.

Я сказал сейчас о переходе Византии в инерционную фазу как о чем-то само собой разумеющемся. А это не так, вернее, не совсем так. Вероятность перейти из одного состояния в другое есть всегда, но в этногенезе, как и в каждом природном явлении, вероятность состояния еще не предопределенность. В надломе обычно бывает короткий период депрессии – разгула субпассионариев. Надо суметь его пережить, чтобы выйти в инерционную фазу. В Византии с этой задачей справился Василий Македонянин, в Риме – Октавиан Август, в Древнем Китае – Лю Бан (основатель династии Хань), во Франции – Людовик XI,

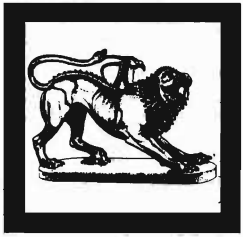
а вот в Арабском халифате попытки халифов Мамуна (813–833), Мутаваккиля (убит в 861 г.) и Мутамида (погиб в 870 г.) навести порядок кончались трагическими неудачами. Фактически уже в X в. Багдадский халифат Аббасидов перестал быть арабским по этносу, хотя и оставался таковым по языку[1].

Ослабление, а потом и унижение такой мировой державы, как Багдадский халифат, трактовались неоднократно и разнообразно. В аспекте этнологии мы уже говорили об этом, и проблема ясна: полигамия и привоз разных рабов из Азии, Африки и даже Европы создали в арабских странах этническую пестроту, для удержания которой в рамках системы требовалась огромная затрата энергии, то есть высокий уровень пассионарного напряжения. Но и это не спасало, потому что дети грузинок, половчанок, гречанок и африканок наследовали пассионарность своего арабского отца и вкусы своих матерей, вследствие чего часто становились врагами друг друга. При спаде пассионарности в фазе надлома это усугубилось, и наиболее сильными оказались этнические монолиты, например дейлемиты, захватившие Багдад в 955 г.

Так арабам X–XIII вв. не повезло, хотя они сами в этом были не виноваты.

***Фаза надлома* – это возрастная болезнь этноса, которую необходимо преодолеть, чтобы обрести иммунитет.** Этнические коллизии в предшествующей, акматической, и последующей, инерционной, фазах не влекут столь тяжелых последствий, ибо не сопровождаются столь резкими изменениями уровня пассионарности, как при надломе, и раскола этнического поля в этих фазах не происходит.

[1] Этническая пестрота в Багдадском халифате повела к многочисленным беспорядкам, из коих наиболее опасными были восстания зинджей (869–883) и карматов (890–906). Для подавления мятежей халиф Мутасим (833–842) учредил гвардию гулямов – тюркских удальцов, которых покупали в степях Евразии и в Африке. Они служили в коннице. Тюрки предпочитали своих вождей халифам и, почувствовав свою силу, стали низвергать и убивать халифов. Запуганное население Багдада подчинялось тюркам, а все области отпали, за исключением Ирака и Западного Ирана. Политическое единство было утрачено навеки, но суперэтническая целостность – мусульманский мир – сохранилась.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КОНТАКТЫ НА УРОВНЕ СУПЕРЭТНОСОВ

ПОЛЯРИЗАЦИЯ В СУПЕРЭТНОСАХ

Суперэтносы имеют одну интересную особенность – внутри системы происходит поляризация. Как монолиты они ведут себя только в фазе пассионарного подъема, а затем, подчиняясь диалектическому закону единства противоположностей, они находят направления для деятельности, осуществляющие устойчивое равновесие в постоянной борьбе между собой. Однако по отношению к другим суперэтносам они выступают как целостность, хотя разные половины системы ведут себя неодинаково. Поясним этот тезис на некоторых примерах.

Еще Фукидид заметил, что эллины, единодушно сражавшиеся с персами, раскололись на партии, аристократическую и демократическую; первую возглавила Спарта, вторую – Афины. Теперь, после многих исследований, ясно, что эти названия отнюдь не отражали классовых противоречий. И та и другая сторона были равно рабовладельческими, а присвоенные ими наименования не более как клички. То же самое наблюдается в эллинизированном Вечном городе – Риме. Там «демократами» были богатейшие всадники: купцы и ростовщики, а «аристократов» поддерживали обнищалые крестьяне, ставшие для пропитания легионерами. И вождем «демократов» был член древнего патрицианского рода Юлиев – Цезарь, а главный его противник Лабиен начал карьеру как народный трибун, то есть плебей. Да, дело не в названиях, а в смысле событий. Ведь когда обе партии исчезли, а остались только тихое население и легионеры, эти

последние постоянно схватывались друг с другом без каких-либо политических программ. Это была эпоха солдатских императоров (III в. н. э.).

Ту же самую коллизию можно увидеть в Византии, которая начала делиться на православных и еретиков начиная с IV в. В Арабском халифате единый ислам раскололся на три партии: суннитов, шиитов и хариджитов, причем последние впоследствии примыкали к шиитам. В средневековом Китае тоже боролись направления: имперское, династии Тан, опиравшейся на кочевников, и шовинистическая оппозиция, победившая в X в. и погубившая свою страну.

Но самая наглядная картина – это Западная Европа, Христианский мир, ставший в XIX в. «миром цивилизованным». Там под *христианством* понимался только католицизм, причем папы имели опорой императоров. Так вот они и ссорились между собой. При кульминации борьбы в акматической фазе сторонники папы назывались в Италии – гвельфы (от фамилии своих немецких союзников саксонских герцогов Вельфов), а их противники – гибеллины, защищавшие швабских императоров – Гогенштауфенов. Однако в крестовые походы они ходили вместе.

Но это еще пустяки, а вот в фазе надлома настала Реформация: паписты и протестанты схватились насмерть, а когда выяснилось, что силы равны и надо думать не столько об убийствах из-за тонкостей в обряде, сколько о политике и экономике, те и другие успокоились. Был провозглашен циничный лозунг: «Чья власть, того и вера»; и подданным было запрещено выбирать себе исповедание.

Война в Западной Европе не утихла, но приняла иной характер, свойственный инерционной фазе этногенеза. Прошедшие бури Реформации унеслись в прошлое, оставив после себя различия в этнографическом облике и психологическом складе католиков и протестантов. Внутри европейского суперэтноса эти особенности постепенно стирались, но за океанами они ощущались настолько сильно, что обойти их вниманием неправомерно и невозможно.

В АМЕРИКЕ

Раскол единого поля в Христианском мире совпал с эпохой Великих открытий. И представители обеих сторон этнической дивергенции, происшедшей в XV–XVI вв., устремились

за пределы Европы. Устремились и католики – испанцы, французы; устремились и протестанты – англичане, голландцы. На новых землях все они столкнулись с одними и теми же народами, и вдруг оказалось, что эти контакты дают совершенно различные результаты. Когда испанцы захватили Центральную и Южную Америку, то оказалось, что при всем своем зверстве, при всех ужасах и жестокостях, сопровождавших их вторжение, они нашли общий язык с местными жителями: побеждая и покоряя ацтеков и инков, муисков в Колумбии, они видели в них людей.

Надо сказать, что создавшиеся в XII в. государства: ацтекское (Анагуак), инкское (Тахуантинсуйу) и муисское (Чибча)[1] – к XVI в., к моменту появления испанцев, были на самых ранних фазах этногенеза. Поэтому ацтеки, инки и муиски вели себя очень жестоко по отношению к покоренным, которых сделали низшими сословиями, низшими классами. Например, муиски (это народность, которая заселяла современную Колумбию), составлявшие высший, господствующий класс, то есть господствующие племена, завоевавшие местное население, считали, что если к ним, к господину, вождю или аристократу, должен подойти по какому-то делу обыкновенный индеец, то он должен раздеться голым, сесть на карачки, ползти спиной, уткнув голову в колени, и в таком виде произносить свою просьбу, которая будет либо удовлетворена, либо нет. А если он нагло посмотрит на своего повелителя, на человека, принадлежащего к высшему классу, то в лучшем случае с него могли просто снять кожу живьем, в худшем случае бросали в подземные пещеры, заполненные водой до половины, и он в полной темноте там плавал, пока его не кусала ядовитая водяная змея. Вот такие наказания были за непочтительность.

И когда Кесада завоевал эту территорию, назвав ее Новой Гренадой, то он этих аристократов, захватив в плен, конечно, крестил и сделал своими приближенными. Один из них, уже став очень образованным человеком, хорошо писавший по-испански, говорил Кесаде: «Странно, ты, Кесада, себя ведешь, я вижу, к тебе подходят твои солдаты, они тебе что-то говорят и даже смеются, а ты им отвечаешь, потом они посмеются, поговорят и отходят». Для испанца-конкистадора солдаты были его боевыми товарищами, а для цивилизовавшегося индейца –

---

[1] Обобщенное описание индейцев и необходимую библиографию см.: 119. См. также предисловие Ю. Аверкиевой к русскому изданию этой книги (с. 9–17).

низшая каста; ему непонятно было, как солдат смел взглянуть на своего предводителя, его надо было бы убить немедленно или проучить.

Инки, которые создали хорошо продуманную административную систему, ввели одновременно с ней полицию нравов – например, за гомосексуализм они сжигали живьем, запретили передвижение местного населения из одной деревни в другую, ввели жесткую трудовую повинность, запретили грамотность, которая до них была, уничтожили все письменные исторические документы, которые были написаны на древних, доинкских языках, чтобы покоренные индейцы забыли свою историю [81]. А ацтеки устроили службу спасения мира от стихийных бедствий. По их теории, мир четыре раза погибал и должен погибнуть в пятый раз. Один раз мир погибал от страшных ураганов, другой раз – от наводнений, третий – от землетрясений, четвертый – от огня, и пятый раз он должен был погибнуть от голода. Для того чтобы спастись, надо умилостивить солнце, а «солнце любит цветы и песни». Под цветами ацтеки разумели кровь из живого сердца, и они хватали людей и приносили их на своих теокалли в жертву солнцу – вырывали у них сердце из груди, для того чтобы спасти весь мир [98а, с. 144–145]. «Ну, что там, – рассуждали они, – несколько человек мы убьем, зато остальные спасутся». Но индейцы, у которых брали юношей для принесения в жертву, относились к этому без всякого энтузиазма и поэтому предпочли поддержать испанцев [88]. Испанцы заставили этих освобожденных индейцев работать в своих гасиендах, очень сильно эксплуатировали их, так как вывозили колониальные товары на продажу в Испанию и получали большие барыши. Они загнали их в серебряные рудники, но таких издевательств, какие индейцы терпели раньше от местных своих властителей, испанцы не допускали. Вместе с тем испанцы привезли сюда скот, вьючных животных, облегчив передвижение для индейцев, они учили крещеных индейцев грамоте, а инкским и ацтекским вождям давали титул «дон», то есть причисляли к дворянству, и те не платили налогов, а должны были только оружием служить испанскому королю. Браки испанцев с индеанками сразу стали обычным явлением.

В результате в Мексике, Колумбии, Перу и Боливии, в северном Чили образовалось метисное население, которое в XIX в. откололось от Испании и вместо Новой Испании, какую хотели создать испанцы, завоевывая эти страны, метисы создали Антииспанию с испанским языком и с официальной

католической религией, хотя большинство этих метисов не верили ни в Бога, ни в черта. Они приняли якобинский культ разума и европейский атеизм XVIII в. и занялись главным образом освобождением себя от Испании для того, чтобы хозяйничать в своей стране самим. Экономически они на этом ничего не выиграли, так как флота у них не было, и поэтому они попали в зависимость сначала от английских, потом от американских торговых компаний, но национально они себя освободили и, страшно гордые, ходили в своих сомбреро и говорили, что к испанцам они отношения никакого не имеют, что они американцы. Тем и кончилось дело [107, с. 136].

Но получилось так из-за того, что первоначально испанцы путем завоевания установили возможность контакта, а контакты этнические устанавливаются не законодательными мерами (нельзя никому приказать хорошо относиться к другому человеку), а потому, что победители относятся к побежденным как к людям, а что касается жестокости, так не меньше жестокости было и в самой Испании: постоянные заговоры, мятежи, подавления и другие неприятности – эпоха тяжелая. Надо сказать, что французы-католики, выезжавшие в Канаду, довольно быстро договорились с местными индейцами, сначала с гуронами, а когда гуронов перебили ирокезы, заполучив от англичан оружие, они установили контакты с алгонкинами, с племенами кри около Лабрадора, со всеми племенами, которые там были. Да и сами французы «обындеились», они женились на индеанках (на «скво») и охотились, как индейцы, переняли их быт, сохранив только свой язык и какую-то абстрактную память о католической религии: ведь в лесу, понятно, в церковь не пойдешь, молиться негде, они просто считали, что они католики, и больше ничего. Таким образом в Канаде создалось население, до сих пор там существующее, – канадские метисы.

Ничего похожего не происходило в английских колониях, где селились протестанты. В индейцах протестанты видели диких животных. Тихие баптисты объявили в Массачусетсе плату за скальп индейца, как за хвост волка; индейцев рекомендовалось отстреливать, и выдавали за это премию, как за хищных животных. Причем платили одинаково за скальп женщины, ребенка, вождя племени – все равно. То есть они по отношению к местному населению повели совершенно истребительную политику. И поэтому, когда вспыхнула война между Францией и Англией, большинство индейцев было на стороне французов, кроме ирокезов, с которыми французы неосмотрительно

поссорились. А потом, когда уже Америка откололась от Англии и стала самостоятельной, то индейцы подняли всеобщее индейское восстание.

Возглавил его некто Понтиак – вождь племени оттавов, он объединил все племена, кроме ирокезов, и в число объединенных племен входили и канадские французы, они сражались на правах племени против англосаксов. Конечно, Понтиака убили, конфедерация разошлась. Пассионарное напряжение у индейцев было слабое: они были очень храбрые, способные, умные, честные, деловые люди, но одного им не хватало – соподчинения, умения жертвовать собой ради абстрактной цели, идеи, то есть пассионарности, и их разбили, вытеснили за Миссисипи. Англосаксы продолжили свое проникновение в страну, беспощадно уничтожая коренных жителей [1]. Сказать, что протестантская религия благословляла их на убийства, геноцид, было бы несправедливо, хотя, конечно, в Ветхом завете, который особенно ценили протестанты, можно найти проповедь геноцида для всех «неизбранных» и не «предопределенных» Господом к спасению. Дело не в этом. Очевидно, протестантами стали люди такого склада, которые не могли с индейцами уживаться, так же как они не могли уживаться дома с католиками или с ирландцами.

В ЕВРОПЕ

С ирландцами произошла очень странная история. Ирландцев обратили в христианство святой Патрик и миссионеры, которые пришли из Египта в V в., минуя Рим. Таким образом, ирландские кельты были обращены в христианскую веру, еще не католическую и не православную, ведь это случилось еще до раскола Церкви. И потом, когда на Востоке и Западе религия развивалась, ирландцы сохраняли древние навыки египетских монахов.

Создалась европейская суперэтническая целостность, возник папизм, католическая схоластика, а ирландцев все это нисколько не трогало. Причем сказать, что они были люди серые, ничем не интересовались, – нельзя. Они были люди культурные, они давали лучших учителей, прекрасных знатоков греческого языка, богословия, но они не входили в Христианский мир – западноевропейскую целостность – и боролись против нее, против католицизма вплоть до конца XV в.,

пока их окончательно не завоевал Генрих VII Тюдор, основатель династии Тюдоров, после войны Алой и Белой розы[1].

А вскоре его сын Генрих VIII объявил, что Англия становится протестантской, что король создает англиканскую церковь и становится ее главой. Ирландцы, которые так долго боролись против католической церкви, казалось, должны были возликовать, но оказалось напротив – они немедленно объявили себя верными сынами католической церкви, лишь бы было у них идейное основание бороться против англичан. Это подтверждает тезис, что люди чаще борются не столько **«за»**, сколько **«против»**. Ирландцам были противны англичане, а не догмы их религии, в догмах они не очень-то разбирались, да и кто в догмах разбирается? Сдают когда-то богословие в школах, а потом забывают, не в этом же дело, а вот что англичане – скверные люди, это каждый ирландец знает. И ирландцы сопротивлялись до XX в., да и сейчас продолжают сопротивление. Так вот, когда ирландские католики стали попадать в Америку, то, в противоположность протестантам, они прекрасно уживались с индейцами. Очевидно, дело тут в каком-то внутреннем складе, а не просто в исповедании веры.

После Реформации в Европе возникла борьба между протестантской унией и католической лигой, продолжалась она 30 лет (Тридцатилетняя война), и в нее была втянута вся Европа; не могла остаться нейтральной и Россия. На чью же сторону должна была стать православная Россия, для которой спор Лютера с папой был совершенно безразличен. Русские не признавали ни того, ни другого, у них была своя вера, святоотеческая, от Византии полученная. И все-таки... Хотя догматика и обрядность православной и католической церквей очень во многом совпадали, русские оказались на стороне протестантской унии; они сразу же бросили свои войска под Смоленск против Польши, которая с такой же категоричностью высказалась за католицизм, жестоко подавив собственную Реформацию. Реформация задела и Польшу: арианами называли польских протестантов сами поляки. Ну, поляки тогда нас победили под Смоленском, заставили русскую армию капитулировать, выдать артиллерию и склонить знамена.

---

[1] Завоевание Ирландии англичанами длилось с 1155 по 1487 г. с переменным успехом. В 1487 г. ирландцы поддержали восстание сторонников Белой розы и были разбиты Генрихом VII Тюдором [25, т.8, с. 851]. Дальнейшая борьба проходила в рамках единой государственной (но не этнической) системы, вплоть до возвращения Ирландией самостоятельности путем гражданской войны 1919 г.

Но наши русские люди были народ хитрый. «Ага, – говорят, – если у нас не получается прямо воевать с поляками, мы их побьем иначе». И стали давать хлеб в виде дотаций шведскому королю. Швеция была страна бедная, в ней было два миллиона населения и никаких материальных ресурсов. А тогда, во время войны, хлеб в Европе был, естественно, в огромной цене. Поля-то обрабатывать было некому, и некогда, и опасно, ибо надо было прятаться от солдат, чужих и своих. Поэтому русский хлеб оказался мощным фактором борьбы. Получив несколько караванов судов с хлебом в Стокгольм, шведский король немедленно снарядил 20-тысячную армию и разгромил австрийские войска на всей территории Германии, чем, собственно, и доставил победу протестантизму, хотя и неокончательную.

И как все помнят, русские стали в это время, в XVII в., добывать себе с Запада специалистов по всем областям военного дела, техники и промышленности, но – только из протестантских стран. Принимали англичан, принимали шведов, принимали северных немцев (те ехали в большом количестве), голландцев. Правда, англичане занимали среднюю позицию между протестантами и католиками, а голландцы – крайнюю. Но в 1650 г. в Англии произошла революция и кончился одновременно торговый договор между Россией и Англией. Торговля шла через Архангельск. На просьбу революционного кромвелевского правительства о продлении договора правительство Алексея Михайловича ответило: «Поелику оные аглицкие немцы свово короля Каролуса до смерти убили, то Великий Государь Московский и Всея Руси повелел оных аглицких немцев на русскую землю не пущать» – и заключило договор с голландцами. Таким образом, торговля пошла по линии чисто протестантских стран. Заимствование происходило по линии контактов с протестантской Европой.

Правда, на Руси никогда не было единого мнения. Многие предлагали уклониться от контактов с Западной Европой, но они успеха не имели. Была партия, которая стремилась установить контакты с Австрией и Францией, – это были боярин В. В. Голицын и царевна Софья. Хотя они имели временный успех, победила партия пропротестантская во главе с князем-кесарем Ромодановским, с семьей Нарышкиных и представителем этой клики – царем Петром, который предпочел контакт с протестантами.

Есть ли здесь связь? Имеется ли какое-нибудь соответствие в настрое между Россией и протестантской Европой? Проверим.

Если протестантская Европа не гармонировала с индейцами, то как Россия должна была относиться к индейцам и индейцы к русским? Посмотрим, не будем гадать.

В СИБИРИ И НА АЛЯСКЕ

Русские землепроходцы прошли до Чукотского мыса почти без сопротивления. С чукчами у них, правда, не заладилось – американоидные чукчи отбили казаков и их на свою землю не пустили, но правда и то, что в эту тундру никто особенно и не пытался тогда проникнуть. Проникли через Алеутские острова в Америку. Алеутские острова были богатейшей страной пушного морского зверя. Русские миссионеры обратили алеутов в православие. Там и сейчас алеуты православные, у них даже свой православный епископ есть. С алеутами русские столковались, вышли на берег Америки, встретили эскимосов, с ними тоже установили полный контакт. Столкнулись с индейцами. И тут началось! Первые русские матросы, высадившиеся, чтобы установить контакт с местным населением, были индейцами убиты. И в дальнейшем тлинкитов, которые жили по побережью Тихого океана южнее Аляски, покорить не удалось, хотя территория считалась Русской Америкой. За тлинкитами в бассейне Юкона жили атапаски, к ним относятся, между прочим, знаменитые племена апачей и навахов, выселившиеся с севера и попавшие на границу с Мексикой. Это народ очень смелый и воинственный. Русские особенно туда не лезли, но, во всяком случае, с атапасками мира не было. Поддерживали наших только алеуты и эскимосы, и поэтому именно на берегах Берингова моря и Берингова пролива были русские поселения – там безопасно было жить русским. В Калифорнию, до Сан-Франциско, русские проникли, когда там еще не было, в сущности, никаких европейских поселений – ни англосаксонских, ни испанских. Испанцы потом выдвинули несколько отрядов, чтобы остановить русское движение, но никакого столкновения не было, просто испанские офицеры остались там как гасиендеры – развели стада скота и стали жить, ничего не делая. А русские не удержались в этих местах, потому что индейцы их не поддержали, не было контакта с индейцами. Почему? Да, очевидно, потому же, почему не было контакта индейцев с англосаксами, но те, в отличие от русских, бросили огромные силы и перебили почти всех индейцев, а оставшихся загнали в резервации.

Это жесточайшая операция, за которую вся англосаксонская этническая группа несет ответственность перед историей. Наши предки не пошли на такой геноцид, они предпочли удалиться в те места, где с населением был контакт, и ограничили себя Сибирью, Алеутскими островами и Аляской. Потом и Аляска была продана Америке, а в Сибири контакт с населением был полный.

Другой пример. С монголами русские устанавливали контакт начиная с XIII в., а вот китайцы не могли установить с монголами контакта никогда. Но с монголами не могли установить контакта и европейские католики. Следовательно, они должны были суметь установить контакт с китайцами? Но ведь так оно и есть! 30 миллионов китайских католиков имелось в начале XX в. Католическая проповедь в Китае имела очень большой успех. Православные миссии такого успеха не имели, и если обращали кого-нибудь, то только в Северной Маньчжурии, где жили народы некитайские. Хотя мы их называем китайцами, но они не китайцы, а маньчжуры. Они легко находили способы сосуществования с русскими, и в ряде мест проходила метисация с весьма положительными результатами. Забайкальские казаки – это смесь монголов и русских, причем не только русских мужчин с монгольскими женщинами, но и монгольских мужчин с русскими женщинами; русские сибирские бабы за монголов охотно выходили замуж – хорошие мужья, честные, крепкие, верить можно.

В ПОЛИНЕЗИИ И АФРИКЕ

Здесь, как мы видим, возникают какие-то странные коллизии. Почему англосаксы уничтожали индейцев? Может быть, они вообще ни с кем ужиться не могут? Однако, когда они попали в Полинезию, они великолепно установили контакты с полинезийцами и в Новой Зеландии, и на Таити, где король Помаре II обратился в протестантизм в 1812 г., и на Гавайях. И, наоборот, французы, которые захватили Таити в 1880 г., никаких контактов не установили. Французско-полинезийских помесей в Полинезии нет, а англо-полинезийскими она полна. Тут дело, скорее всего, в психологии. Ведь французы и англичане, несмотря на перемешивания, все-таки имеют разные облики и разный генофонд.

Но французские гугеноты, массами покидавшие Францию

в XVII в., выселялись в английские колонии и вели себя точно как англичане. А когда они выселились вместе с голландцами в Южную Африку, то они вошли в состав этих голландских буров, которые с чрезвычайной жестокостью обращались с бедными неграми, то есть они вели себя не как французы, а как протестанты и поэтому уживались с голландцами, такими же живодерами, как и они сами.

Тут интересный вопрос: а как же Центральная Африка? А она была чужда и той и другой стихии. Добровольно она не принимала ни протестантство, ни католичество, но зато ислам там распространялся с потрясающей легкостью, даже без каких-либо насилий. Таким образом, мы видим, что характер сочетаний отнюдь не связан с расовыми моментами, а с совершенно другими – этническими. Попытка обратить негров в христианскую веру дала результаты крайне мрачные. Когда французы стали заселять Гаити и построили там массу плантаций, великолепные гасиенды, они привезли туда негров-рабов и обратили их всех в свою католическую веру. Негры католичество приняли, причем забыли свои языки. Они ведь были многоязычны, из разных мест. Поэтому они говорили между собой на французском языке, и у них даже появились негры-священники, католические, посвященные как следует. Но случилась французская революция, и тогда негры сразу потребовали, чтобы и им дали тоже свободу. Об этóм и речи, конечно, французы не допускали. Свобода, равенство и братство были не для негров. Тогда негры восстали, и возглавил их не какой-нибудь невежда. Там был один деятель весьма прогрессивный, Туссен-Лувертюр, весь пропитанный идеями Руссо и Вольтера. Он был политическим вождем, а идеологическую часть взяли на себя негритянские кюре, которые трактовали распятие Иисуса Христа следующим образом: «Бог пришел к белым, но белые убили Бога, отомстим же за Бога, убьем белых». И под этот лозунг все белое французское население было вырезано. Подать помощи из Франции было невозможно, так как Франция была в войне с Англией, и английский флот не пропускал французские корабли, и выехать с острова было нельзя. До сих пор там негритянская республика; официально религия там католическая, но, кроме того, существует культ Воду – культ змеи. Это африканский культ с мистериями, с тайными служениями змее. Подробно этого культа никто не знает, потому что допускаются на эти мистерии только местные негры-католики.

Но, пожалуй, наиболее наглядным примером суперэтнического контакта является коллизия, возникшая в середине

XIII в. в Палестине и Египте, где столкнулись четыре, а точнее – пять суперэтносов: *«греки»* – ортодоксальные христиане, в том числе армяне, грузины, сирийцы и копты; *«франки»* – так назывались все народы Западной Европы, появившиеся там в эпоху крестовых походов; *мусульмане* – арабы, курды, тюрки; и *монголы,* бывшие христианами-несторианами, стремившиеся освободить Иерусалим. К этому надо добавить половцев и черкесов, проданных в рабство в Египет и именовавшихся *мамлюками.* Эти сыграли наиважнейшую роль в той трагедии, которая воспоследовала в результате суперэтнического контакта.

ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ

Под синим куполом Вечного Неба раскинулась от Желтого моря и Желтой реки до Черного моря и Кавказа Великая степь, пересеченная горами, покрытыми густым лесом и серебристыми струями чистых рек. Степь окаймляют бурая пустыня Гоби и бескрайняя тайга – зеленая пустыня, но между этими пустынями много тысячелетий кипит жизнь. Растения питают травоядных животных, а тех съедают хищники, в том числе люди. И этот порядок кажется вечным, а Небо (Тенгри) и Земля-Вода (Йерсу) – неизменными. Поэтому древние тюрки назвали свою державу «Вечный эль», подобно тому как латиняне, построив крепость на семи холмах мутного Тибра, назвали ее «Вечным городом».

Но время беспощадно и всемогуще! Оно губит и возрождает все: государства и культуры, высыхающие озера и горные хребты, рассыпающиеся в осколки, потом засыпаемые пылью пустынь; и даже небо не постоянно: Солнце то вспыхивает протуберанцами, сжигая травы и иссушая реки, то утихает, давая возможность Жизни – биосфере планеты – заполнить погибшие регионы и обновить ландшафты и этносы.

Это понимал замечательный писатель VIII в. Йоллыг-тегин, автор надгробных надписей своему отцу – Бильге-хагану и своему дяде – Кюль-тегину. Гении рождаются во все эпохи, и долг потомков – уберечь память о них от забвения [45, с. 329–349].

Никто не живет одиноко. Древние тюрки не были исключением. При отце Бильге-хагана, Кутлуге Эльтерес-хагане (683–693), «справа (то есть на юге) народ табгач (империя Тан, *кит.* «Тоба») был врагом, слева (то есть на севере) народ тогуз-огузов (уйгуров)... был врагом, кыргызы, курыканы, тридцать татар,

кытаи и татабы – все были врагами» [96, с. 38]. Почему? Откуда такая ненависть? Чтобы ответить на этот законный вопрос, обратимся к истории и исторической географии.

В начале нашей эры в Великой степи господствовали хунны. Это были мужественные, талантливые, свободолюбивые люди, умело отстаивавшие свою родину от империи Хань. Несмотря на то что у китайцев был двадцатикратный перевес в силах, они не могли подчинить себе Великую степь [34, с. 38; 62, с. 11]. Но тут на хуннов пала немилость природы. Во II–III вв. в степи наступила Великая засуха. Пустыня Гоби на востоке и Бетпак-Дала на западе отодвинули травянистую степь на север и юг [37, 41, 64], сократив площадь пастбищных угодий и культурных земель. Кони тощали, овцы падали, а хунны стали терпеть поражения. Им пришлось покинуть иссушенную родину. Часть их переселилась в Китай и там погибла, ибо смешалась с китайцами, тибетцами и табгачами, не щадившими побежденных. Неукротимые хунны ушли на запад, где в V в. под предводительством Аттилы потрясли Римскую империю, но после смерти своего царя были истреблены германскими племенами – гепидами, герулами, готами – в 454 г.

Об этом событии сохранилась легенда, по которой последний хуннский царевич с обрубленными руками и ногами, брошенный в болото (озеро Балатон), осеменил волчицу, убежавшую затем на Алтай и оставившую там потомков – хуннов[1].

Но этнос, как и человек, должен иметь не только мать, но и отца. Отцом оказался противник табгачей и друг последних китайских хуннов – Ашина, который спас свой народ, уведя его на Алтай в 439 г. Там обе ветви хуннов объединились, и через 100 лет возник этнос тюрк (множ. число – «тюркют», ибо Ашина говорили по-монгольски и лишь в VI в. перешли на тюркский язык, понятный большинству потомков хуннов) [там же].

Первые вожди тюрков, Бумын и Истеми, создали первый Тюркский каганат от Великой стены Срединной империи – Китая до границы Ирана, а в Крыму столкнулись с Византией. Все этносы Великой степи были объединены тюркским народом, и эта форма государства называлась «эль». Это была система объединения орды – ставки хана – и подчиненных племен – огузов. «Их силами тюрки геройствовали в пустынях севера» [16, т. 1, с. 301], а средства на содержание державы они получали в

[1] Три версии происхождения тюрков содержатся в китайских анналах (переводы на русский, французский, немецкий языки); обобщение и критику источников см.: 45, с. 21 – 24.

качестве таможенных сборов с купцов, возивших шелк из Китая в Византию.

Византия была союзницей Тюркского каганата, а Иран и Китай находились с ним в постоянной вражде, не умея, однако, одержать окончательной победы. Но беда пришла изнутри. Йоллыг-тегин писал: «... младшие их братья... не были подобны в поступках старшим, сыновья не были подобны отцам, сели (на царство) неразумные... трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы. Вследствие непрямоты правителей и народа... и обмана... со стороны народа табгач (империи Тан) и... вследствие того, что табгачи ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга их правителей, тюркский народ привел в расстройство свой эль и навлек гибель на царствовавшего кагана» [96, с. 36–37].

Все описано точно. С 604 г. Великий каганат раскололся на Восточный – в Монголии и Западный – в Казахстане. Каганаты были завоеваны империей Тан, а их союзница – Согдиана – Арабским халифатом в VIII в. Уцелевших кочевников современной Монголии возглавил Уйгурский каганат, но и он в IX в. пал под ударом енисейских кыргызов. Мужественные уйгуры отступили на южную окраину пустыни Гоби и продолжали оказывать сопротивление врагам, но внезапно в затянувшуюся войну вступила третья сила – Природа.

В X в. сместилась к северу зона повышенного увлажнения. Влага, приносимая циклонами с Атлантического, а муссонами – с Тихого океана, стала изливаться на тайгу, а пустыня Гоби, расширившись на север и на юг, разделила противников. Уйгуры осели в притяньшаньских оазисах, а кыргызы вернулись в Минусинскую котловину [59].

Итак, сочетание двух параметров: этнической старости и климатических колебаний – вызвало обрыв исторического времени – традиции хунно-тюркского этногенеза, продолжавшегося 1300 лет. История этой замечательной культуры оказалась забытой. Когда в XI в. дожди вновь оживили верховья Онона, Керулена и Селенги, туда пришли иные люди, сибиряки из Забайкалья, говорившие по-монгольски и представления не имевшие о тех богатырях «Вечного эля», которые жили в степи за двести лет до них. История началась заново. Поэтому-то монголы, встретившиеся только с одним этносом древней культуры – енисейскими кыргызами, приписали им все сарматские, скифские и хуннские каменные курганы (корумы), назвав их «кыргызскими могилами» (кыргыз ур). Но реального смысла это название не несло, являясь синонимом понятия «древние». Кое-что из

элементов старинной культуры попало к монголам через полузабытые предания или заимствования у соседей, но, хотя все люди имеют предков, не все получают от них наследство. Монгольские племена XI в. начали новую жизнь на пустом месте.

А тюрки? Изгнанные засухой со своей прародины, разметанные исторической судьбой по Передней Азии, Сибири, Индии, Египту, Причерноморью и Закавказью, потерявшие этническую структуру из-за энтропии, уничтожившей их первичную (толчковую) пассионарность, а вместе с ней и последнюю активную фазу этногенеза – обскурацию, не исчезли, ибо перешли в новую, пассивную фазу – мемориальную. Этот переход спас тюрок как суперэтнос, точнее – как суперэтническое поле, обладающее самым важным свойством – противопоставлением себя всем остальным.

Внешних сходств между тюркскими этносами: якутами и сельджуками, куманами и уйгурами, гузами и теленгитами – действительно было маловато. Но ощущение единства их не покинуло и в какой-то мере определяло их поведение. В прошлом веке это назвали бы «тюркская душа», как говорили «славянская душа», когда уже между поляками и сербами никаких общих черт не наблюдалось, но мы обязаны перевести этот аморфный термин на язык науки.

Да, без энергетической подпитки дискретная система существовать не может, но ведь существует импортная пассионарность, дающая тот же эффект, что и природная, или толчковая. Тюрки за тысячу лет одержали много побед, захватили много женщин, дети которых становились тюрками. Особенно много смешанных браков было в XI в. и в Иране, и в Сирии, и в Грузии, и на Руси. Эта метисация не могла остановить общего процесса увядания, ибо способствовала не сплочению, а распылению этноса, но этническое поле, организованное сходной ментальностью[1], продолжало существовать. Тюрки в XIII–XIV вв. обрели как бы вторую жизнь, в чем активную роль играли монгольские пассионарии. Но искать виновных антинаучно. Сода и лимонная кислота, будучи смешаны в водном растворе, шипят и выделяют тепло: это реакция нейтрализации, которая идет естественным путем. Разве меньше пролили крови готы и вандалы в III–V вв., или викинги в IX–XI вв., или крестоносцы в XII в.? Конечно, нет! Но их движения были подобны расширению Римской республики, с той разницей, что римляне делали свои завоевания

[1] Здесь – мировосприятием, не связанным с книжной образованностью, то есть культурой.

медленнее, от чего испанцам, галлам, нумидийцам и грекам было не легче. Арабы в VII–VIII вв. расправлялись с персами, армянами, испанскими вестготами, берберами, а согдийцев – культурный и богатый этнос – уничтожили так, что от них остались только реликты в недоступных горах Гиссара и Западного Памира.

На этом фоне взрывы этногенеза у чжурчжэней и монголов не представляют собой ничего особенного, хотя летописцы-современники не пожалели черной краски для истории XIII в.

Этногенезы – процессы, возникающие вследствие природных явлений, а, как известно, природа не ведает ни добра, ни зла. Ураганы, ледники, землетрясения приносят людям бедствия, но сами являются частями географической оболочки планеты Земля, в состав которой наряду с литосферой, гидросферой, атмосферой входит биосфера, частью коей является антропосфера, состоящая из этносов, возникающих и исчезающих в историческом времени. Моральные оценки к этносам так же неприменимы, как и ко всем явлениям природы, ибо они проходят на популяционном уровне, тогда как свобода выбора, определяющая моральную ответственность, лежит на уровне организма или персоны. Этногенезы (на всех фазах) – удел естествознания, но изучение их возможно только путем познания истории, содержащей необходимый материал, подлежащий обработке методами естественных наук. Поэтому вернемся к истории XIII–XIV вв.

КРЕСТОНОСЦЫ

В средние века люди воевали много и часто, но, как правило, они твердо знали не **за** что, а **против** чего они воюют. Отрицательная доминанта действовала эффективнее положительной. И когда папа Урбан II произнес роковые слова: «Так хочет Бог!», массы простых крестьян и рыцарей бросились в отчаянную битву с мусульманами и, потеряв девять десятых воинов, взяли Иерусалим в 1099 г. и создали там Иерусалимское королевство.

Королевство это довольно быстро стало терпеть поражения, терять города и просить защиты у европейских монархов. Второй и третий крестовые походы, имевшие целью выступить **за** своих земляков, были неудачны. Четвертый поход превратился в коммерческую операцию по приобретению колоний на Востоке под руководством венецианского дожа слепого Дандоло.

Было быстро придумано, что «греки (православные) такие

еретики, что самого Бога тошнит»[1]. Константинополь был взят и разграблен, а в Греции воздвиглись замки, перемешанные с несданными крепостями византийских властителей. Устояли укрепления Никеи, далекий Трапезунд и горный Эпир, которые к 1261 г. выгнали латинских захватчиков из Константинополя. Но все это время шла жестокая война, и крестоносные европейцы, сначала пришедшие на помощь греческим христианам, нашли в них врагов еще более страшных и неукротимых, чем мусульмане: арабы и туркмены-сельджуки.

Несколько удачнее держались крестоносцы на восточном берегу Средиземного моря, потому что их поддерживали местные христиане: монофизиты Сирии[2] и монофелиты Ливана[3]. Будучи отлучены от церкви в V и VII вв., они чуждались греков, хотя причины религиозных споров были забыты и произнесенные анафемы исходили столь же от Рима, сколь и от Константинополя. Но это была слабая поддержка.

Последний серьезный крестовый поход предпринял французский король Людовик IX в 1250 г. Еще одна полная катастрофа! А затем – анархия, взаимная резня на улицах Акры, война на море генуэзцев против венецианцев, на острове Тире – французов против венецианцев, и так до безумия – все против всех! А беда близилась.

ПОЛОВЦЫ НА НИЛЕ

Египет – страна беззащитная. Стоит лишь азиатам перейти Синайскую пустыню и достичь самого восточного из рукавов нильской дельты, покорение остальной страны – дело легкое. Поэтому в древности на этом рукаве была сооружена крепость

---

[1] Это выражение приписано Балдуину Фландрскому, первому императору Латинской империи (1204 – 1205) [106, с. 5–6].

[2] *Монофизиты Сирии*, или яковиты; их община основана в середине VI в. епископом Эдессы Яковом Барадеем. К этой церкви примкнули армяне и сирийцы, противниками ее были несториане и Римский патриархат; Константинопольская патриархия искала компромисса, но безрезультатно [83, т.1, с. 280].

[3] *Монофелитство* – попытка примирения монофизитов с православием; признание наличия у Иисуса Христа двух естеств, но единой божественной воли. Авторство доктрины принадлежит константинопольскому патриарху Сергию (VII в.). Учение монофелитов было отвергнуто и монофизитами, и православными, но нашло приверженцев в горах Ливана. ВТXII в. их община объединилась с католической церковью.

Пелузиум, имевшая целью предотвратить вторжение противника в дельту, но крепости сдаются, и толку от них мало. Поэтому египетские владыки средневековья предпочитали иметь мобильную армию, но поднять на войну население своей страны они даже не мечтали. Потомки героических воинов Тутмоса III и Рамзеса II без слова платили налоги, но категорически отказывались защищаться от любого врага. Поэтому фатимидские халифы и эюбидские султаны покупали воинов: кыпчаков и черкесов, а те воевали так, что выдержать их натиск не могли даже храбрые французские рыцари.

Мамлюки составляли две дивизии, скомплектованные по этническому принципу: кыпчаки и другие степняки, расположенные на острове Ар-Рауда на Ниле (ал-Бахр), и черкесы, размещенные в цитадели Каира (ал-Бурдж, то есть бург, немецко-французское слово, осевшее в Египте). Именно бахриты дважды разбили французских рыцарей и считали, что их мужество заслуживает награды. Но молодой султан Туранша́х, обученный в багдадских медресе юриспруденции, диалектике, теологии и т. п., совсем не знал этнографии, то есть не имел представления о тех людях, которые спасли его престол и изгнали наглых захватчиков. Он наградил чинами не их, а своих фаворитов, назначил эмирами филологов и однажды ночью, спьяну, велев принести себе много светильников, тушил их, срубая огонь саблей и крича: «Вот как я расправлюсь с бахритами». Через несколько дней – 2 мая 1250 г. – бахриты напали на его шатер. Когда султан вышел, ему отрубили полруки, он бежал в лес, росший по берегу Нила, и вошел в реку по горло. Тут его прикончили стрелами.

Очередной парадокс истории! Половцы, или куманы, разгромленные, преданные и проданные в рабство, стали хозяевами мусульманской страны, где большую часть населения составляли угнетаемые христиане – феллахи и копты. Казалось, что Египет превратился в этническую химеру – сочетание несовместимых элементов системы, но этого не случилось. Все эти элементы жили раздельно, в симбиозе, благодаря чему социальная структура оставалась крепкой. Однако мамлюки решили, что не они должны служить такой неполноценной стране, но нужно заставить эту страну служить им. Они произвели переворот, убили султана Туранша́ха и отдали престол султанше, вдове предшествовавшего султана, выдав ей мужа – мамлюкского эмира, туркмена Айбека.

Султанша полюбила своего мужа настолько, что пожертвовала всем из-за ревности. Узнав, что Айбек нашел ей соперницу, она дождалась, когда после конной игры в шары он пошел

в баню, послала своих евнухов убить мужа, а престол предложила юному эмиру.

Бедная, глупая женщина! Она не знала, что такое степная дружба. А мамлюки были степняки и друзья. Эмир отказался от престола. Евнухов-убийц распяли. Султаншу увели из дворца в Красную башню, и там юный раб забил ее насмерть каблуками, а труп бросили в тюремный подвал. Это случилось 2 мая 1257 г.

Игнорирование этнографии, как и фантазирование на эту тему, всегда ведет к трагичным последствиям. Люди не одинаковы, а тем более разнятся этносы. Те реакции, которые естественны у арабов, нелепы у французов, оскорбительны у тюрок и монголов и противоестественны для китайцев. Поэтому оптимальным вариантом этнического контакта является симбиоз, когда этносы живут рядом и порознь, сохраняя мирные отношения, но не вмешиваясь в дела друг друга. Такая система сложилась в Египте и дала отменные результаты.

СИДОНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Летом 1260 г. монгольский правитель Сирии Китбуга-нойон со своей крошечной армией (20 000, по Киракосу, и 10 000, по Гайтону) стоял у Баальбека, считая, что он и его войско в безопасности. С востока его охраняла пустыня, на западе высились замки христианских рыцарей. Увы, Китбуга знал пустыни, но не ведал рыцарей. Он был христианин и верил христианам.

Владетель Сидона, Жюльен, унаследовал город от деда и отца, сражавшихся первый с мусульманами, а второй – с имперцами. Жюльен имел очень большие руки и ноги, был ширококостен и толст, считался храбрым рыцарем, полностью опозоренным морально. Игра и частые развлечения сделали его должником тамплиеров, и дошло до того, что ему пришлось заложить им свою сеньорию – Сидон. Р. Груссе [131] называет его «тяжелый барон с легкой головой» и рассказывает, что он поправлял свои финансовые неудачи грабежом соседей. Так, он ограбил окрестности Тира, где правил его родной дядя. В отсутствие мамлюков он грабил Сирию, а после завоевания Сирии монголами он снова напал на беззащитное население и вернулся в Сидон с добычей и пленными, позабыв, что Сирия уже год как принадлежит монголам.

Монголы были изумлены. Они полагали, что набеги можно и нужно делать на врагов, но не на союзников, а грабежом

может заниматься разбойник, а не владетельный принц. Племянник Китбуги с небольшим отрядом погнался за сидонскими рыцарями, чтобы выяснить недоразумение, освободить пленных и вернуть им принадлежащее имущество. Рыцари увидели, что монголов мало, повернули коней, окружили монгольский отряд... и всех монголов убили.

Так совершилось первое предательство, надорвавшее причинно-следственную связь событий актом произвола, имевшего, в данном случае, противоестественную доминанту. Ведь грабежа и убийства по силе вещей могло бы и не быть.

Впрочем, произойди такое где-нибудь около Лиможа или Арраса, особых последствий не было бы. Родственники погибшего подали бы в королевский суд, где дело лежало бы долго, пока не ушло бы в архив. Может быть, брат или отец погибшего прикончил бы при случае пару убийц, а потом все было бы предано забвению. Таковы преимущества цивилизации и блага культуры.

Но Китбуга был не француз, а найман. Он знал, что за удаль в бою не судят, а предательское убийство доверившегося не прощают. Не успели жители Сидона отпраздновать удачный набег, как у стен города появились монгольские всадники. Сир Жюльен проявил франкскую храбрость. Он защищал стены, давая возможность жителям Сидона эвакуироваться на островок, куда монголы, не имея флота, попасть не могли. Потом он сам убежал туда на генуэзской галере. Материковая часть города была разрушена полностью, а стены срыты.

Можно ли считать гибель Сидона проявлением силы вещей? Нет. Бандитизм не заложен в природе взаимоотношений людей между собой. Преступления противоестественны, а потому и подлежат наказанию. Жаль Сидона, но еще больше жаль, что монголы не поймали Жюльена. Так считал даже его тесть, армянский царь Гетум I, полагавший, что его зятя надо просто повесить «высоко и коротко».

Иную позицию заняли тамплиеры, оправдывавшие разбой Жюльена и его самого. Они даже купили у него развалины Сидона, погашая тем самым долги сеньора, неудачливого и в игре, и в войне. И что самое странное, аналогичную попытку грабежа ничьих земель предприняли сир Бейрута, маршал Иерусалимского королевства и многие рыцари храма. Они напали на туркменов, раскинувших свои шатры в Галилее, где те спасались от ужасов войны.

Туркмены разбили крестоносных бандитов, взяли в плен их вождей и вернули их домой за большой выкуп. Отсюда видно,

что феодалы и рыцари-монахи руководствовались совсем не религиозными и даже не патриотическими мотивами. Их можно было бы понять и даже оправдать, если бы они не лгали. А лгали они нагло, систематически и подло.

Делами Заморской земли, и особенно Иерусалима, интересовались во всей Европе. Там радовались успехам восточных христиан, сравнивали монгольского хана Хулагу и его женухристианку Докуз-хатун с Константином и Еленой, водворившими христианство в Римской империи в 313 г., ждали окончательного освобождения Гроба Господня. Но одновременно с этими настроениями были другие, им противоположные. Папа получал информацию из Палестины от тамплиеров и иоаннитов, которые открыто заявляли, что «если придут монгольские черти, то они найдут слуг Христа готовыми к бою» [91, с. 404]. Зачем? Ведь монголы шли им на выручку. Странная логика, если не сказать больше.

Когда рыцарей Акры спрашивали, почему они так плохо относятся к монголам, рыцари приводили как пример разрушение Сидона. Получалось, что если граф или барон убивает азиата, то он герой, а если тот защищается и дает сдачи – это чудовищно. Позиция эта явно хромала хотя бы потому, что князь Антиохии Боэмунд VI был союзником монголов. Во избежание досадных недоразумений папа отлучил его от церкви.

Собственно, отсюда пошла гулять по Европе «черная легенда» о монголах, да и о византийцах, которые год спустя без выстрела вернули свою столицу и продолжали вытеснять «франков» из Латинской империи. Так же относились братья Тевтонского ордена к литовцам и русским, не дававшим себя завоевать. И даже немецкий историк XIX в. А. Мюллер писал: «Бороться с турками с такими союзниками-варварами то же, что изгонять беса силою Вельзевула» [101, т.3, с. 259], но французский историк XX в. Р. Груссе, наоборот, считал позицию рыцарей изменой христианству и безумием, а их версию – подлой ложью. И мы с ним согласны.

ПУТЬ К БЕДСТВИЮ

Мамлюки султана Кутуза быстро форсировали Синайскую пустыню и, используя численное превосходство, легко опрокинули монгольский заслон в Газе, но монгольский нойон Байдар успел известить Китбугу о вторжении. Китбуга стоял у

Баальбека. Узнав о внезапно начатой войне, он со всеми своими войсками двинулся на юг, к Назарету, чтобы остановить противника. Китбуга правильно рассчитал, что кони мамлюков утомлены переходом и отдохнуть им негде; а в то время степень утомленности коней определяла исход сражения, как ныне наличие бензина для машин. Расчет Китбуги был правильным, но все-таки он кое-чего не учел.

То, что сирийские мусульмане ждали Кутуза с таким же нетерпением, как христиане год назад Хулагу, было понятно. Что в Дамаске загорелись церкви, как незадолго перед тем мечети, вытекало из хода событий и расстановки сил, было очевидно. Что генуэзцы продолжали конкурировать с венецианцами, а банк тамплиеров – с банком иоаннитов, в то время когда враг подходил к стенам Акры, тоже можно было вообразить. Но то, что рыцарский совет Акры будет обсуждать вопрос о союзе с мамлюками против монголов, то есть с мусульманами против христиан, – это лежало за пределами нормального воображения. А ведь обсуждали, и только магистр тевтонских рыцарей помешал заключению этого союза. Ограничились компромиссом: приняли мамлюков как гостей, снабдили их сеном и продуктами, позволили отдохнуть под стенами Акры и даже впускали мамлюкских вождей в крепость, чтобы хорошо угостить. Кутуз, видя такое легкомыслие, хотел было захватить Акру, но жители города стали по собственной инициативе выгонять мамлюкских воинов, частью вежливо, частью грубо. Поэтому ввести в город достаточно воинов не удалось.

При всем этом безумном легкомыслии рыцари Акры заключили с мамлюками торговую сделку: мамлюки обязались продать им за низкую цену лошадей, которые будут захвачены у монголов. Мамлюки согласились, но потом не выполнили обязательства. Видимо, этим степнякам были слишком противны титулованные спекулянты.

Дав войску и коням хороший отдых, Кутуз прошел через франкские владения в Галилею, чтобы получить возможность оттуда броситься на Дамаск. Китбуга с монгольской конницей и вспомогательными отрядами армян и грузин встретил противника у Айн-Джалуда, недалеко от Назарета, 3 сентября 1260 г. Монгольские кони были утомлены форсированным маршем [30, с. 53], но ведь монголы еще не терпели поражений. «Горящие рвением, они шли вперед, доверяя своей силе и храбрости», – писал армянский историк Киракос. Надежда на победу не оставляла монголов до конца.

Кутуз, используя численное превосходство, укрыл фланги в глубоких лощинах, а против главных сил Китбуги выставил авангард под командованием своего друга Бейбарса. Монголы пошли в атаку и снова скрестили сабли с половцами. Бейбарс устоял. Фланговые части вышли из лощин и окружили монголов. Китбуга, спасая честь знамени, скакал по полю битвы, пока под ним не убили коня. Тогда мамлюки навалились на него и скрутили ему руки.

Разгром был полный. Беглецы с поля боя тоже не уцелели. Их усталые кони не могли уйти от свежих мамлюкских. Желтый крестовый поход кончился катастрофой. Связанного Китбугу привели пред лицо султана Кутуза. Пленный найман гордо заявил победившему куману, что Хулагу-хан поднимет новую конницу, которая, как море, зальет ворота Египта. И добавил, что он был верным слугой своего хана и никогда не был цареубийцей. После этих слов Кутуз велел отрубить Китбуге голову [55, с. 214–215].

Надежды последнего паладина восточного христианства, найманского богатыря Китбуги, не сбылись. Гражданская война в Монгольском улусе затянулась до 1301 г. и погасла лишь тогда, когда монгольские богатыри перебили друг друга. Перегрев пассионарности сжег монгольские улусы и степную традицию. Улусные ханы оказались не государями, а пленниками своих подданных, которые заставили их принять свою веру: на западе – ислам, в Китае – буддизм. Гибель Китбуги и его ветеранов оказалась не отдельной потерей, а поворотной датой истории, после которой сила вещей повлекла цепь событий по иному пути.

После того как монгольская армия откатилась за Тигр, в Сирии и Месопотамии началось поголовное истребление христиан. То культурное наследие Византии, которое пощадили арабские правоверные халифы, Омейяды и Аббасиды, еретики Фатимиды, рыцарственные курды Эюбиды, было сметено мамлюкским натиском начисто. И нельзя сказать, что свирепствовали новообращенные половцы. Нет, они только разрешали мусульманам убивать христиан, а сами расширяли ареал гибели, одерживая победу за победой. В 1268 г. пала Антиохия, в 1277 г. Бейбарс одержал свою последнюю победу над монголами при Альбистане, после чего его преемник султан Калаун взял в 1289 г. Триполи, а в 1291 г. – Акру, Тир, Сидон и Бейрут. Дольше всех держалась героическая Малая Армения (Киликия), завоеванная мамлюками только в 1375 г. Ближний Восток из христианского превратился в мусульманский, но это

еще не самая большая беда. С утратой традиции ушла культура и не заменилась другой. Разбитые осколки подобрал в 1516 г. османский султан, безжалостный Селим I. И тогда Ближний Восток, мудрый, доблестный и творческий, превратился в ту этнокультурную руину, которую описал М. Ю. Лермонтов в своем стихотворении «Спор», в котором ведут спор горы Казбек и Эльбрус о возможности покорения природы человеком:

Не боюся я Востока! – отвечал Казбек. –
Род людской там спит глубоко уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары пену сладких вин
На узорные шальвары сонный льет грузин;

И склонясь в дыму кальяна на цветной диван,
У жемчужного фонтана дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима, Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима мертвая страна;

Дальше, вечно чуждый тени, моет желтый Нил
Раскаленные ступени царственных могил.
Бедуин забыл наезды для цветных шатров
И поет, считая звезды, про дела отцов.

Все, что здесь доступно оку, спит, покой ценя...
Нет! Не дряхлому Востоку покорить меня.

М. Ю. Лермонтов прав только отчасти. Он описал самую тяжелую, самую неудачную для развития эпоху на Ближнем Востоке – начало XIX в. Но времена меняются, и в них меняются люди. Время врачует самые тяжкие болезни этносов. И наступает выздоровление, когда происходит процесс вторичной интеграции или, вернее, регенерации.

До тех пор пока кочевники, покинувшие родную землю и оказавшиеся господами своих бывших хозяев-рабовладельцев, противопоставляли себя им и беззащитным народным массам, которых они только угнетали, но не считали даже нужным защищать, страны Среднего Востока слабели. Но внуки и правнуки куманов, карлуков, канглов и найманов, родившиеся в цветущих оазисах Хорасана, на просторах междуречья Тигра и Евфрата, в стране, которая называлась Диарбекир – Месопотамия, постепенно сливались с местным населением в новые этнические целостности. И этот процесс вторичной кристаллизации этногенеза идет в наши дни.

Этот процесс, не замеченный великим поэтом, шел исподволь с XVI в. и, как всякий инкубационный период, мог быть замечен только с большого расстояния. Народы-этносы обновлялись на основе очень сложного генезиса, преодолели инерцию распада, и в настоящее время можно ждать появления обновленной культуры Передней Азии, Ирана и Северной Африки.

А тот тяжелый период, который породил 600-летний упадок, не был предначертан закономерностями истории. Он был в конечном счете и результатом трагической случайности – победы султана Кутуза над Китбугой-нойоном в долине Айн-Джалуд.

ГИПОТЕЗА ЭТНИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Принципы «поля» и «системы» не только не противоречат, но и дополняют друг друга. Первоначальный пассионарный взрыв создает популяцию особей весьма энергичных и тянущихся друг к другу. «Поле» создает причину для их объединения и дальнейшей солидарности, чаще всего неосознанной. Но даже эта первичная консорция, вступая в соприкосновение со средой, организуется в систему корпускулярного типа, чем противопоставляет себя окружению. Следующий шаг – оформление себя как социальной группы, то есть создание жесткой системы с разделением функций ее членов; это вступление в исторический процесс развития, запрограммированного локальными особенностями географического и этнического окружения, что при единстве модели этногенеза создает неповторимые коллизии в каждом отдельном варианте его.

Если можно определить психологию личности как науку об импульсах человеческой деятельности, то ***этнопсихологию*** следует счесть **наукой об импульсах поведения этнических целостностей, то есть народов.** Предлагаемое определение сразу же создает несколько трудностей, которых можно было бы избежать при другом подходе, зато, как мы увидим ниже, любой другой путь заводит исследователя в тупик, тогда как принятый нами после труднопреодолеваемого перевала ведет в благодатную долину, изобилующую научными результатами, следствиями и возможностями применения к предельно разнообразному материалу.

Таким образом, мы видим, что вне зависимости от расового состава, от культурных связей, от уровня развития возникают какие-то моменты, которые дают возможность в одних случаях установить дружественный этнический контакт, в другом случае он становится нежелательным, враждебным и весьма кровавым. В чем тут дело?

Если мы примем нашу гипотезу этнического поля с определенной частотой колебаний каждой суперэтнической и этнической группы, то мы увидим, что здесь все можно объяснить. Представим, что «христианский мир» существовал как некое этническое поле, в котором колебания шли в одном определенном ритме. В то время испанец и швед, англичанин и неаполитанец считали себя принадлежащими к одной целостности, к «христианскому миру», куда не входили, конечно, ни ирландцы, ни греки, ни болгары, ни русские – все они были схизматики, «еретики такие, что от них самого Бога тошнит». Это цитата [106, с. 5–6]! А вот все католики составляли единство, но в результате спада пассионарного напряжения поле это раскололось на две половины с разными ритмами. В таком расколе, вероятно, и заключается то внутреннее содержание фазы надлома, которое приводит к утрате ощущения единства внутри суперэтноса. Как мы видели, разность во вновь образовавшихся ритмах поля такова, что один ритм соответствовал индейскому, другой был ближе к полинезийскому. Те звучания, которые вступали в гармонию с индейским звучанием, дисгармонировали с русским, абиссинским и монгольским звучаниями, но были созвучны с китайским. И наоборот, протестантские звучания соответствовали совершенно чуждому протестантам по культуре православному миру и далеким полинезийцам, но не соответствовали китайцам. И действительно, англичане в Китае считаются плохими, колонизаторами, хотя они гораздо гуманнее, чем французы. Французы исключительно жестокий народ. Но французов в Китае принимали хорошо, и французские иезуиты и прочие католические миссионеры создали основную литературу по истории Китая, избавив, в частности, меня от необходимости учить китайский язык. Достаточно читать по-французски, по старой орфографии. Все переведено, целые тома, целые полки книг стоят, а английских работ такого значения по Китаю почти нет. Таким образом, концепция биофизической основы этноса дает возможность объяснить всю совокупность наблюденных фактов. Я не знаю другой концепции, которая могла бы все это объяснить, и никто мне ее не подсказывает.

ДИАХРОНИЯ КАК ПРИНЦИП

Синхронистический подход позволяет собрать большой и необходимый материал по этнической истории. Но это лишь подготовительная работа для главной задачи этнологии – диахронного сравнения разных этногенезов. Поэтому начнем отсчет не от того или иного условно принятого за начало летоисчисления года, а от момента рождения, точнее, «зачатия» этноса. Понятно, что у каждого из известных этносов такой момент индивидуален. А совпадают они, как и у людей, лишь в тех случаях, когда этносы являются ровесниками, то есть вызваны к жизни (этногенезу) одним и тем же пассионарным толчком.

Начальную точку отсчета – сам пассионарный толчок, или микромутацию, – трудно датировать, так как современники ее не замечали, а следовательно, связывать события с космическими явлениями еще не умели. Но и когда первое поколение пассионариев-мутантов начинает действовать, современникам еще невозможно заметить в их активности начало грандиозного, почти полуторатысячелетнего процесса. Так, римляне не обратили внимания на рождение в 5 г. до н. э. плеяды пассионариев (точнее, на события 30–40-х гг. н. э., связанные с деятельностью этой плеяды), были удивлены вспышкой фанатизма в Иудее в 65 г. и Дакии приблизительно в то же время и лишь около 155 г., после апологии Юстина Мученика, поняли, что существует особая «порода людей» (как считал философ, друг Лукиана, – Цельс), то есть христианские общины-консорции как самостоятельный феномен, выросший в последующий период (II – IV вв.) в суперэтнос – Византию. Византийский этногенез – редкий случай, когда благодаря церковной истории мы можем ретроспективно определить точную дату толчка. В других случаях она вовсе неуловима.

Но толчок – не единственная опорная точка хронологизации этногенеза. Наиболее ярким, впечатляющим событием является момент рождения этноса как новой системной целостности с оригинальным стереотипом поведения. Такое явление при всем желании не может не зафиксироваться у соседей, обладающих письменной исторической традицией. С этим событием часто связано и появление нового этнонима, то есть самоназвания этноса. Так, 20 сентября 622 г. (хиджра) – событие инкубационного периода арабо-мусульманского этногенеза. До 632 – 642 гг. арабы еще не фигурировали как «арабы» (этнос), а

сам термин применялся как синоним кочевников Аравийского полуострова. И только после того, как мусульманские армии вторглись в Сирию и Иран и разбили греков и персов, арабами стали называть этнос, воодушевленный проповедью пророка [31, с. 128 – 129]. Только после грандиозного события, олицетворяющего рождение этноса, у пассионарной популяции возникает нужда противопоставления себя как системной целостности всем окружающим соседям и необходимость в названии самой себя. В дальнейшем потомки уже не помнят причин происходившего, ибо этноним часто теряет свой первоначальный смысл. Так, уже в X в. Абу Мансур ал-Азхари (ум. в 980/981 г.) писал: «И расходятся люди во мнениях о том, почему арабов назвали арабами» [там же, с. 122]. Сопоставляя момент рождения этноса и дату толчка в известных случаях (толчки в I и XIII вв. н. э.), можно определить длину инкубационного периода этногенеза – 130–160 лет – и тем самым «привязать» процессы этногенезов в остальных случаях к диахронической шкале.

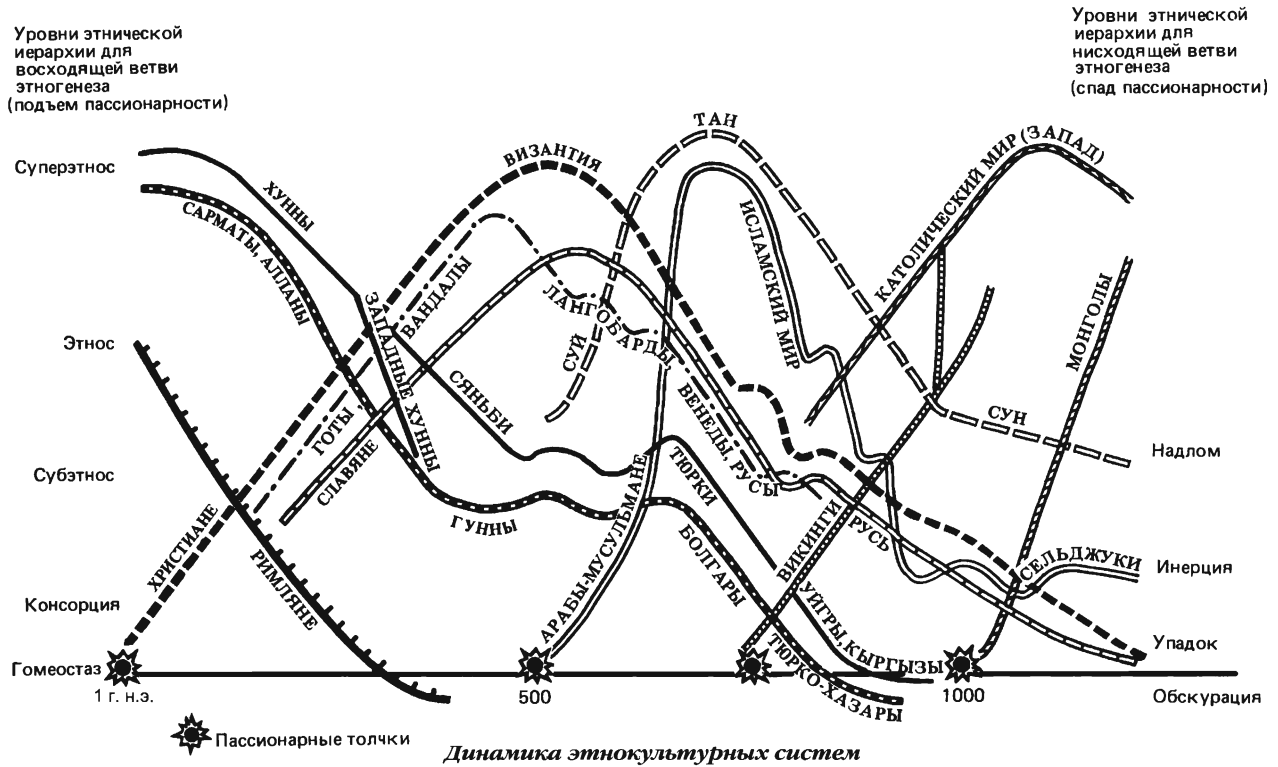
Можно отсчитывать возраст этноса не только от начала толчка, но и от любого яркого и легко диагностируемого периода, например от фазы надлома: ее начала или конца. Ошибка при этом для не смещенных контактами этногенезов составит всего плюс-минус одно поколение, что в пределах допуска, необходимого для понимания закономерностей этногенеза. Надлом – фаза выразительная, и не заметить ее трудно. Пассионарное напряжение этнической системы вдруг начинает стихийно снижаться. Происходит это самым простым способом: убийством наиболее выдающихся деятелей. Сначала гибнут политики, затем идеологи: поэты и ученые, потом – толковые администраторы и, наконец, трудящиеся – приверженцы уже погибших вождей. Остаются только предатели, постоянно переходящие на сторону очередного победителя, чтобы изменить и ему, как только он попадет в беду, и люди столь ничтожные, что их не трогают, если они не попадают под горячую руку. Начавшийся надлом замечают прежде всего современники, не все, разумеется, но наиболее патриотически настроенные и дальновидные. В Риме еще Катон Старший отметил начавшийся процесс падения нравов, Катон Младший пытался противодействовать легкомысленным римским модницам, но безуспешно, а начиная с Гракхов идеалы республики уже не владели большинством сенаторов и открыто стали попираться. Гражданские войны, кончившиеся принципатом Августа, знаменуют конец надлома и выход этноса в инерционную фазу, что по диахронической шкале соответствует 700–750 гг. от момента толчка.

В Древнем Китае начало надлома совпадает с проповедью легизма, а конец – с торжеством династии Цинь. В Византии это эпоха иконоборчества, в Христианском мире – Реформация. В мусульманском суперэтносе надлом наступил раньше запрограммированного законами этногенеза в результате активных этнических контактов и связывался с передачей халифом Мутасимом фактической власти в руки гулямов (иноземных наемных воинов) [80, с. 139]. Кончился он со «смещением»: захватом Багдада в 945 г. Ахмедом Буидом – вождем дейлемитов. Иногда, но не всегда удобной точкой привязки может служить фаза обскурации, сопровождающаяся распадом этнической системы. Итак, диахрония позволяет уточнить общую закономерность природных процессов – этногенезов – путем сопоставлений их друг с другом.

Первым историком, попытавшимся уловить принцип диахронии, был афинский архонт и жрец Аполлона, бывший прокуратор Греции – Плутарх (ум. около 120 г.). Из его многочисленных сочинений замечательно параллельное жизнеописание 46 знаменитых деятелей Эллады и Рима; сопоставления идут попарно, что является попыткой понять исторические процессы обеих стран не как беспорядочное нагромождение случайных событий, а как две закономерные линии развития, того самого, которое мы назвали этногенезом. Ограниченный в эрудиции только этими двумя этносами и недлинным отрезком хронологии – меньше тысячи лет, он вынужден был принять за основу не суперэтнический, а этнический уровень, что повлияло на степень доказательности сопоставлений. Позже это было воспринято читателями просто как литературный прием, а не перспективный научный метод.

Дело в том, что Плутарх сопоставлял деяния своих героев и, следовательно, сходство их ролей в истории, то есть в двух историях, двух процессах, проходивших по одной схеме. Это значит, что он открыл одно из свойств исторического времени: направленность через каузальность, то есть причинную обусловленность хода событий, несмотря на разную длину фаз.

Эллада во времена Плутарха уже лежала в развалинах (фаза обскурации), ибо интенсивная колонизация увела из страны большинство пассионариев (эллинизм), а с оставшимися дома расправились местные тираны: Набис – в Спарте и римские полководцы Метелл – в Коринфе и Сулла – в Пирее и Беотии. Рим же был на гребне могущества: он избавился от излишних пассионариев, сохранил «золотую посредственность» эпохи Августа и накопленные богатства завоеванных провинций. Это



Динамика этнокультурных систем

была инерционная фаза этногенеза, когда Рим представлялся современникам «Вечным городом», как в XIX в. в Европе «прогресс» кажется бесконечным совершенствованием.

Плутарх чувствовал истину, но не мог ее доказать и даже объяснить. Сравнительного материала у него не хватало; что такое «энергия», тем более – «энтропия», он не знал, а понятие «система» как целостность и в наше-то время известно далеко не всем. Однако он ближе всех подошел к проблеме исторического времени как функции от ряда событий, обозримого в силу дискретности и необратимого, как необратима биография организма от рождения до смерти, потому что организм или, если угодно, звезда – тоже системные целостности.

Точность научного вывода пропорциональна количеству накопленных и учитываемых сведений. В XX в. написана событийная история человечества за три тысячи лет, а фрагментарно – даже за пять тысяч. Вряд ли кто-либо усомнится в том, что антропосфера – одна из составляющих биосферы планеты, а этногенез – зигзаг на биологической эволюции, варианты коей у растений, животных и микроорганизмов крайне разнообразны. Виды сменяют друг друга, но жизнь как явление идет, побеждая смерть, вследствие чего очевидны биологические времена (где счет идет по поколениям), особые для каждого отдельного вида. Это диалектическое отрицание отрицания; без него наступил бы обрыв развития.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ: ЦИВИЛИЗАЦИИ

ОТ НАДЛОМА К «РАСЦВЕТУ»

Фаза надлома, которой мы уделили столько внимания, в Европе хронологически совпала с эпохой Возрождения – временем, которое принято считать «расцветом культуры».

Как видно из приведенных примеров, а все прочие им не противоречат, эту фазу снижения пассионарного напряжения трудно считать «расцветом». Во всех известных случаях смысл явления заключается в растранжиривании богатств и славы, накопленных предками. И все же во всех учебниках, во всех работах, во всех многотомных «историях» искусства или литературы и во всех исторических романах потомки славят именно эту фазу, прекрасно зная, что рядом с Леонардо да Винчи свирепствовал Савонарола, а Бенвенуто Челлини сам застрелил из пушки изменника и вандалиста – коннетабля Бурбона.

Очевидно, широкий диапазон поступков, от подвигов до преступлений, действует на эстетические струны души исследователя и романиста. А поскольку каждому человеку свойственно помнить светлые полосы спектра и забывать темные пятна, потому-то и называют эти жуткие эпохи «расцветом».

Чаще всего такой «расцвет» вызывает реакцию – стремление к ограничению распрей и убийств. Этому стремлению способствует и то обстоятельство, что представители популяции индивидуалистов столь интенсивно истребляли друг друга или гибли во внешних войнах, манивших их богатой добычей, что процент их снижается и тогда один из них, победивший,

слегка модифицирует принцип общежития, заявляя: «Будь таким, как я».

Возникает общезначимый идеал новой фазы. В некоторых случаях идеал – персона, чаще – это отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому надо подражать. В том и другом случаях смысл дела не меняется, а вариации соотношения между физическим и моральным принуждением для этнологического анализа несущественны.

В Англии общезначимым стал идеал джентльмена; в Византии был идеал святого; в Центральной Азии – идеал богатыря; в Китае – просвещенного крестьянина, грамотного, читающего философские книги. Римляне сделали идеалом своего первого императора – Октавиана Августа и сказали: «Вот идеал, ему надо подчиняться». А когда Октавиан умер, его заместил следующий, причем было предложено даже переменить название месяцев, первый месяц (июль) они назвали в честь Юлия Цезаря, второй, август, – в честь Октавиана Августа, третий хотели

Август в виде триумфатора

назвать Тиберий, в честь очередного цезаря (жуткие подхалимы были римляне), но Тиберий был человек сухой, очень деловитый. Он сказал: «А что вы будете делать, когда дойдете до тринадцатого цезаря? Пусть останется сентябрем». Но и Тиберий принял почитание себя как бога. После этого в Римской империи от Тиберия до Константина императоры почитались, как боги, кем бы они ни были, потому что император стал мерой всего, эталоном, на который должен был равняться каждый римский гражданин или подданный империи.

Любое уклонение от общепринятого императива, где бы оно ни происходило – в Европе, в мусульманском ли мире, в восточно-христианском, на Дальнем Востоке или у индейцев Центральной Америки, – рассматривается как что-то очень одиозное и неприятное. Если человек говорит: «А я не хочу быть на него похожим», это уже нехорошо, это уже уклонение от нормы, это или лень, или крамола, а то и другое преследуется. А если человек говорит: «Я в общем-то хочу, но у меня не получается, да и некогда» – это небрежение обязанностями, за это положено наказание. Человек должен все время стремиться к достижению идеала, он не должен стремиться быть лучше своего идеала, потому что тогда он претендует на большее, чем ему положено (выше идеала никто не может быть), а если хочет – это дерзость, и это должно быть тоже наказано. Таким образом, это порядок, который обеспечивает возможность спокойно жить и существовать в меру своих обязанностей, никогда не претендуя на достижение решающего успеха. И даже лучше вообще не стремиться к слишком большому успеху.

Этот императив является естественной реакцией на те кровавые излишества, на те ужасы, которые люди пережили в предыдущую эпоху, поэтому он встречает большое одобрение основной массы населения: подавляющее большинство предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных, поэтому отличительной чертой инерции является сокращение активного пассионарного элемента и полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого обывателя. Склад обывателя встречается во всех стадиях развития этноса, но на ранних стадиях он подавляется рыцарями или индивидуалистами, а здесь его лелеют, ибо он никуда не лезет, ничего не добивается и готов чтить господ, лишь бы они его оставили в покое.

И вот эту-то фазу этногенеза мы будем называть «осенью», причем «золотой» в отличие от последующей дождливой и сумрачной. В эту осень собирают плоды, накапливают богатства,

наслаждаются покоем, нарушаемым только внешними войнами, расширяют территории своих государств и терпят, пусть нехотя, великих мыслителей, художников, писателей и даже иногда не дают им умереть с голоду. Транжирится только пассионарность. Но кто на это обращает внимание!

Но если с гармоничными людьми дело обстоит просто, то факт снижения пассионарности в мирное тихое время способен вызвать удивление: «Как же так? Войны-то нет!» Попробуем разобраться.

ИЗДЕРЖКИ РАСЦВЕТА

Как правило, во время войны пассионарии не успевают завести семью, но они все-таки оставляют незаконных детей, которые, собственно, и поддерживают систему на довольно высоком уровне пассионарности. И наоборот, в мирное время комплиментарность меняет свой знак. Если женщины во время войны ценят героев, а герои часто гибнут, то в спокойные эпохи они ценят положительных, основательных людей, которые способны обеспечить их и потомство.

Вспомните хотя бы «Горе от ума», уж на что яснее: в Софью влюблен пассионарий Чацкий, но она предпочитает субпассионария Молчалина. Почему? А он ей больше нравится, и она совершенно искренна. Она убеждена, что именно этот добросовестный чиновник, который, бесспорно, себе сделает не особенно шикарную, но вполне достаточную карьеру в Москве, даст ей спокойную жизнь и обеспечит ее детей. Этот пример очень характерен. Такую, и хорошо если не худшую, реакцию встречает в это время яркая индивидуальность.

Например, французский историк Г. Буассье написал прекрасную книжку «Оппозиция времен римских цезарей» (это ее французское название) [24], где он показывает, что в Римской империи в эпоху самых жестоких цезарей подавляющая масса населения была довольна. Все у них было и пища в изобилии, потому что не было техники и труд не шел на изготовление машин, а шел по преимуществу на изготовление пищевых продуктов. Они ели так вкусно, как у нас не едят миллионеры. Дома у них были исключительно удобные, потому что опять-таки без особых фокусов с водопроводами, телевизорами и всякими газами. Они имели атриум, бани, бассейн, жили в прекрасном климате, могли купаться в море. У них не было дорогостоящего

мыловаренного производства, зато они натирались естественными маслами и потом смывали их – это лучше мыла действовало: укрепляло кожу [116, с. 144–160].

Если они никуда не вылезали, ни к чему особенному не стремились и не лезли в Рим (где действительно было очень плохо, ибо в столице все очень обижали друг друга), а жили в провинции, так никто их не трогал. Римская империя буквально набухала сытостью[1], и тем не менее в эту эпоху все историки, и римские и поздние, отмечают исключительную жестокость, исключительное зверство, которые касались очень небольшого слоя пассионарных людей и тех, кто был с ними связан. И даже не класса какого-нибудь, нет, можно было быть сенатором, римским патрицием, но если ты живешь у себя на вилле, то тебя, пока у государства не будет нужды в деньгах, не тронут. Почему в деньгах? Потому что каждая казнь вела за собой конфискацию имущества. И когда нечем было платить легионам[2], то тогда сразу оказывалось огромное количество богатых преступников. А если человек в среднем достатке живет, живи себе на здоровье. Вот те, которые лезли в Рим и не могли удержаться от того, чтобы не принять участия в политике, в играх, в ухаживании за дамами (а это тоже было предметом спорным в Риме), – те бросались в глаза, и их, конечно, казнили. Казнили исключительно нехорошо. Подробности можно найти у Светония в «Жизнеописании двенадцати цезарей» [122, с. 409–520].

Но энергичные римляне, несогласные с мнением цезаря

---

[1] Роскошь пиров, даваемых богатеями, хорошо описана Петронием в «Пире Тримальхиона», но нам важнее знать, чем и как питались бедняки и рабы. Главной пищей римлян был хлеб с приправами соленых маслин, уксуса и дешевой пресноводной рыбы; богат был ассортимент овощей: лук, чеснок-порей, щавель, укроп, горчица, сельдерей, тмин – и «на сладкое» – инжир, яблоки, груши. Горячей пищей была бобовая или чечевичная каша – «растительное мясо», восполняющее недостаток в белках. Мяса было мало; свинина считалась лакомством, а молоко и творог были в изобилии только у пастухов, гонявших стада от Калабрии до Самниума. Слабое вино с водой играло ту же роль, что у нас чай [116, с. 121–127].

[2] Первоначально римское войско было ополчением; воин в походе получал от государства паек, единообразное вооружение и небольшое жалованье, из которого вычиталась стоимость оружия и пайка. Рабы и бедняки в армию не допускались. Во II в. до н. э. консул Марий повысил солдатское жалованье и привлек в армию «пролетариев». Для солдат был установлен срок службы: сначала 16, а потом 20 лет. Армия оторвалась от народа [120, с. 119–122]. Август превратил легионы в постоянное войско, оплачиваемое государством. Тогда (в I в.) начались солдатские мятежи.

или недостаточно осторожные в выборе друзей и подруг, были далеко не единственным объектом преследования.

Преследовались и христиане – зародыш нового этноса, «византийского», находившегося в фазе подъема. Религиозные гонения тоже начались в инерционной для римского этноса фазе. А почему? Да потому, что вели себя христиане вовсе не так, как предписывал новый императив: они не только кесарю, но и простым римлянам не подражали. Вместо того чтобы выпить, закусить или поспать в свое удовольствие, они где-то собирались, о чем-то непонятном говорили, чужих к себе не пускали. Их тоже сажали и тоже предавали казни.

В древности повсеместно (в Риме, в Индии и в Центральной Азии) бытовало поверье, что существуют колдуны и духи покойников, вроде вампиров, которые могут нападать на живых. Верили в колдунов и колдуний, которые якобы могут летать по воздуху и наводить чары. При императорах колдунов и гадателей начали высылать за пределы Рима. А если те возвращались, то их сжигали. Обычай сжигать людей, непохожих на нас, ввела, таким образом, вовсе не христианская церковь. Он, как мы видим, был в языческой Римской империи [103, с. 132–135].

С чем мы это можем связать? Колдун или ведьма считались людьми необыкновенными, людьми с особенными индивидуальными качествами. А поскольку после гражданских войн наступило время, когда все выдающееся из ряда стало раздражать массу, когда лозунгом стала «золотая посредственность» (это слова Горация, друга Августа), то и эта категория людей пострадала на общих основаниях. Знаменательно, что в предшествующую эпоху римской истории, эпоху гражданских войн и страшных казней, эпоху Мария и Суллы, восстаний Катилины и Брута, убийств, которые произвел Антоний, никто никого не преследовал за религиозные убеждения или за какие-то особенные качества, тогда не трогали ни колдунов, ни гадателей, которых было много. Никто ими не интересовался.

Существует соблазн подумать, что весь наступивший вслед за этим позор и ужас свойствен исключительно грубому древнему миру. А так ли это? Посмотрим в аналогичную эпоху на просвещенные европейские страны. В Европе инерция началась в конце XVI в. И что же?

Французы изгнали гугенотов, англичане резко ограничили католиков; Германии было не до того, потому что там был такой ущерб в населении, что в городе Нюрнберге даже разрешили

двоеженство для того, чтобы пополнить как-то количество людей. В Испании работала инквизиция. В протестантских странах, в Голландии например, работали суды с теми же правами и с теми же функциями, как инквизиция. Именно в XVI в. началась та инквизиция, о которой мы читаем в книжках и которой в средние века еще не было [94, с. 31].

В средние века была первая инквизиция, основанная для борьбы с врагами Церкви – альбигойцами и ложно крестившимися евреями. Донос в первой инквизиции требовал доказательств, а следствие не было тайным. Наряду со многими приговорами, осуждавшими виновных к наказаниям, эта инквизиция вынесла и много оправдательных приговоров [там же, с. 8–10].

В XVI в. работала вторая инквизиция, которая не оправдывала ни в каком случае, а для доноса не требовалось никаких доказательств. И дожила она до наполеоновских войн. Предметом ее деятельности, так же как и у юстиции римских императоров, было преследование ведьм и колдунов [там же].

Как видим, этот момент – важный индикатор, характеризующий сдвиги в этническом сознании, порожденные новой фазой этногенеза. Ведь в европейском средневековье, так же как и в республиканском Риме, отношение к проблеме было диаметрально противоположным: ведьм и колдунов не преследовали.

Так, в лангобардском и франкском законодательстве IX в. за донос на женщину, что она летала по воздуху и наводила какое-то колдовство, доносчика наказывали: лангобарды – тюремным заключением, а франки – смертной казнью. То есть такой донос заведомо считался злостным оговором и клеветой, ибо каждому нормальному человеку здесь было ясно, что женщина на помеле летать по воздуху не может. И наказывали доносчиков! В XI в., правда, перестали наказывать, но и дело к рассмотрению не принимали. В XIII в. дела стали принимать к рассмотрению, но по большей части оправдывали. Но пришла эпоха Возрождения, и всех, кто отклонялся от следования идеально-средней норме, стали истреблять. 200 лет пылали костры, и только наполеоновские войны прекратили эту охоту за ведьмами в «просвещенной» Западной Европе: предпоследнее сожжение произошло в Севилье в 1792 г., а через два года в протестантской Швейцарии в последний раз по такому доносу сожгли какую-то несчастную женщину.

Как видно из этого примера, занимались этим одинаково усердно и католики, и протестанты. Следовательно, причина

действительно лежала не в области религиозных разногласий, а в общем поведенческом сдвиге всех членов расколотого «христианского мира».

Таким образом, инерционный период, который я сейчас описываю, бесспорно, имеет свои отрицательные стороны, но имеет и свои достоинства. Сейчас скажем немножко о положительных сторонах. Гармоничные люди, которые удовлетворялись своей судьбой и своим положением, имели полную возможность делать великолепную карьеру. Они выполняли свои обязанности и получали за это огромную мзду: в европейский период – с колоний, в римский период – с провинций; в общем, за счет захваченных территорий. Если их число, скажем, превысило бы возможное количество благ, то что им оставалось бы делать? Англичане, как мы знаем, нашли великолепный выход – майорат. Только старший сын может наследовать имущество своего отца-лорда, а остальные, пожалуйста, служите в колониальных войсках. Большая часть не вернется, а кто вернется – с деньгами, их и обеспечивать не надо.

Вспомните роман У. Коллинза «Лунный камень». Из двух сыновей лорда Гернкастля старший получил титул и имение, а младший, Джон, определился в военную службу. Но «слишком большая строгость в армии была не по силам высокородному Джону. Он отправился в Индию, посмотреть, так же ли там строго, и понюхать пороху. Что касается храбрости, то, надо отдать ему должное, он был смесью бульдога, боевого петуха и дикаря». Естественно, что в колониях «беспокойный характер Гернкастля» проявился в полную силу. Уже полковником он возвращается в Англию «с такой репутацией, что перед ним заперлись двери всех его родных», мужчины не пускают его в свои клубы, женщины, на которых он хочет жениться, отказывают ему. От скуки полковник начинает курить опиум, собирает старые книги, производит «какие-то странные химические опыты», веселится «с самыми низкими людьми» в лондонских трущобах и, наконец, умирает в полном одиночестве, окруженный только экзотическими животными, привезенными из Индии. Все свои деньги он завещает на основание кафедры экспериментальной химии в одном из северных университетов и на уход за своими животными.

Вот образчик судьбы пассионарного человека в инерционной фазе: он презирается обществом и умирает, не оставив законных потомков.

Так определился у европейцев в этой фазе склад пассионарности и наклонность к колониальным захватам, потому что

при такой технике и, самое главное, при том уровне пассионарности, какие были у англичан, голландцев, французов и даже у испанцев и португальцев, они имели колоссальный перевес над народами более старыми, родившимися ранее, чем они, и поэтому еще менее пассионарными, менее энергичными.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

Пассионарный толчок в Африке довольно четко прослеживается. Он произошел на рубеже нашей эры, тогда же, когда и в Византии. Византия, как вы знаете, была захвачена в XV в. турками, а с XV в. Западную Африку с потрясающей легкостью захватывали европейцы, почти не встречая сопротивления.

В Индии пассионарный толчок проявился в VII в., то есть на 200 лет раньше, чем в Европе. Но Индия – это не страна и не народ, это полуконтинент, вмещающий в себя несколько суперэтнических целостностей, и поэтому появление дополнительного компонента дало возможность англичанам захватить сначала Бенгалию, а затем при помощи искусной дипломатии подчинить себе всю Индию. Сделали они это руками ирландцев, завоеванных ими и нанимавшихся в солдаты, лишь бы найти кусок хлеба, и местных индийских сипаев (сипай – по-персидски значит «воин»; слово это стало обозначением англо-индийского солдата), то есть Индия была завоевана руками индусов.

Об Америке разговор особый. В Северной Америке тоже не было пассионарного толчка очень давно, и географические условия там для него неподходящие: там монотонные ландшафты. Поэтому английское и французское продвижение в Америке, несмотря на сопротивление индейских племен и мексиканцев, проходило почти беспрепятственно. Разница была только та, что французы нашли довольно быстро общий язык и общую систему быта с гуронами и индейцами кри, которые жили в лесах, а англичане страшно с ними воевали. Но это дела не меняло. Так была захвачена Северная Америка. То есть и колониальное движение, подобно жидкости, выдуваемой из пульверизатора, распространялось по линиям наименьшего сопротивления; где было легко, там было хорошо и удачно. Например, энергичные голландцы захватили Южную Африку, где их противниками были почти совсем голые готтентоты, все состояние которых заключалось в стаде быков, а вооружение – обожженные палки,

которыми они пользовались как копьями. С ними, оказалось, можно справиться, тем более что голландцы нашли с ними и какие-то контакты, использовали их в качестве проводников в продвижении дальше на север. Это была крестьянская колонизация, потому что климат там умеренный и подходящий для европейцев. А вот Малайский архипелаг – зона контактов, и поэтому большого сопротивления малайцы оказать не могли. Перед этим малайские племена были захвачены мусульманами и значительная часть их перешла в ислам, то есть там уже не было монолитного этнического субстрата. Поэтому захватить Яву голландцам удалось сравнительно легко – просто одни завоеватели сменили других.

Однако ни в Китае, ни в Афганистане, ни в Турции, ни в Японии европейцы долгое время не имели никакого успеха, во всяком случае, в этот инерционный период, характерный для Европы XVIII и даже XIX вв.

Но и в этом плане Европа инерционной фазы – не исключение. Территориальное расширение, создание грандиозных империй, обширных колоний характерно для всех этносов, сумевших дожить до фазы цивилизации. Ведь фаза надлома – возрастная болезнь этноса, катаклизм, который надо уметь пережить, что удается не всегда и не всем. Например, арабо-мусульманскому суперэтносу это не удалось. Но если этнос во время катаклизма не распался и сохранил здоровое ядро, он продолжает жить и развиваться более удачно, чем во время пассионарного перегрева и раскола поля. Тогда все мешали друг другу, а теперь выполняют свой долг перед родиной и властью. Трудолюбивые ремесленники, бережливые солдаты, исполнительные чиновники, храбрые мушкетеры, имея твердую власть, составляют устойчивую систему, осуществляющую такие планы, какие в эпоху «расцвета» казались мечтами. В инерционной фазе не мечтают, а приводят в исполнение планы – продуманные и взвешенные. Поэтому эта фаза кажется прогрессивной и вечной. Именно в этой фазе римляне назвали свою столицу «Вечный город», а французы, немцы, англичане были уверены, что вступили на путь бесконечного прогресса, ведущего в вечность. А куда же еще? **Лишь социальное развитие идет по спирали, а этническое – дискретно, то есть имеет начала и концы.**

Поэтому, чтобы подтвердить, что Европа – не исключение, перенесемся с западной окраины Евразийского континента на восточную и посмотрим, что там происходило в инерционной фазе, наступившей на 100 лет раньше, чем в Европе.

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Монотонный ландшафт Арало-Каспийской равнины на востоке пересечен цепью горных кряжей: Алтаем, Тарбагатаем, Сауром и, наконец, Западным Тянь-Шанем. Склоны этих гор – одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей степи: гузов, канглов, карлуков и даже куманов.

По отношению к степным соседям Алтай – крепость, «Крутой скат» (Эргене кун), где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища – северные склоны речных долин, опаленные южным солнцем, а для охоты – южные склоны, поросшие густым лесом, по которым солнечные лучи только скользят, не иссушая почву и не сжигая растения. В чистых речках много рыбы, на опушках леса – птицы. Короче говоря, Алтай – самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся в совсем других местах; потому так богата и разнообразна археология Алтая. И не случайно, что именно на Алтае началась добыча и обработка железа, ранее получаемого хуннами из Тибета и Китая.

Инерционная фаза в Великой степи продолжалась 200 лет (546–747) и закончилась трагически: этнос-создатель исчез, оставив потомкам только статуи, надписи и имя. А может быть, это не так уж мало? [см. 45].

Вихрь времени ломал дубы – империи и клены – царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она вставала неповрежденной. Жужани, разросшаяся банда степных разбойников, с 360 г. терроризировали всех соседей и после удачных внезапных набегов укрывались на склонах Хэнтэя, или Монгольского Алтая. Захваченные в плен, они находили способ убежать. В 411 г. жужани покорили саянских *динлинов,* вернее – остатки их, и Баргу; в 424 г. разгромили столицу империи Тоба-Вэй; в 460 г. взяли крепость Гаочан (в Турфанской впадине), а в 470 г. разграбили Хотан. Жужани были проклятием кочевой Азии и всех соседних государств. Но и этому осколку эпохи надлома должен был наступить конец.

Во время жестокой эпохи надлома, перемоловшей все племена в муку, военные отряды часто комплектовались из представителей разных этносов: хуннов, сяньбийцев, тангутов и

прочих. Во главе такого небольшого отряда (500 семейств) стоял некий сяньбиец Ашина, служивший хуннам Хэси в 439 г. После завоевания страны табгачами Ашина увел свой отряд вместе с семьями воинов через Гоби на север, поселился на склонах Алтая и «стал добывать железо для жужаней». Это были предки этноса *«тюрк»*. Этноним не надо путать с современным значением этого слова – лингвистическим. В XIX в. их называли «ту-кю» по-китайски и «тюркют» – по-монгольски.

В конце IV в., когда повышенное увлажнение снова покрыло землю травой, на северо-запад Великой степи перекочевали *теле,* ранее жившие на окраине державы Хунну. Теле изобрели телеги на высоких колесах, весьма облегчившие им кочевание по степи. Они были храбры, вольнолюбивы и не склонны к организованности. Формой их общественного строя была конфедерация 12 племен, из которых ныне известны якуты, теленгиты и уйгуры. Этноним их сохранился на Алтае в форме *«телеут»*.

В 488 г. телеуты уничтожили хуннское царство в Семиречье – Юебань, распавшееся на 4 племени. Телеуты воевали в Средней Азии с *эфталитами,* а в Восточной – с жужанями... и крайне неудачно. Наконец, в 545 г. телеутов покорил глава тюркютов Бумын-каган, и с тех пор «тюркюты геройствовали их силами в пустынях севера». К тюркютам примкнули и остатки хазар, болгары-утургуры (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и согдийцы, а жужани, эфталиты и огоры были побеждены. Так создался Великий Тюркютский каганат.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, надо было создать жесткую социальную систему. Тюркюты ее создали и назвали «эль».

В центре этой социально-политической системы была «орда» – ставка хана с воинами, их женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли этнос «кара будун», или «тюрк беглер будун» – тюркские беги и народ; почти как в Риме: «сенат и народ римский».

Термин «орда» совпадает по смыслу и звучанию с латинским «ordo» – орден, то есть упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крылами. Восточные назывались «тёлес», а западные – «тардуш». Это, все вместе, было ядро державы, заставлявшее «головы склониться и колени согнуться». А кормили этот народ-войско огузы – покоренные племена, служившие орде и хану из страха, а отнюдь не по искренней симпатии. Восстания племен то и дело возникали в тюркском эле,

но жестоко подавлялись, пока одно из них не оказалось удачным. Тогда тюркютов не стало.

И вот что интересно. **Вместе с усложнением социальной структуры идет снижение эстетического уровня.** Искусство тюркютов – надгробные статуи хотя и эффектны, но и по выдумке, и по исполнению несравнимы с хуннскими предметами «звериного стиля». Тюркютское искусство уступает даже куманскому, то есть половецкому, сохранившемуся в европейской части Великой степи. Но это не вызывает удивления: тюркюты все время воевали, а это не способствует совершенствованию культуры. Зато оружие, конская сбруя и юрты – все то, что практически необходимо в быту, выполнялось на исключительно высоком уровне. Но ведь такое соотношение характерно для инерционной фазы любого этногенеза.

По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху Принципата, когда были завоеваны Прирейнская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакия, Каппадокия и Мавритания, или как Англия и Франция в XVIII–XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее Хунну, ибо он взял контроль над «дорогой шелка» – караванным путем, по которому китайский шелк тек в Европу в обмен на европейское золото, приставшее к липким рукам согдийских купцов-посредников.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства, Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан говорил: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам; тогда не нужно бояться бедности» (два мальчика – Чжоу и Ци).

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наравне с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она соглашалась оплатить любое количество шелка, но торговый путь шел через Иран, который тоже жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, но строго ограничивал, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Обостренная экономическая коллизия повела к войнам каганата с Ираном. Тюркюты, в отличие от хуннов и гуннов, использовали изобилие высококачественного железа и создали латную конницу, не уступавшую персидской. Но победы они не достигли. Войны повели к истощению сил не столько социальной системы каганата, сколько самого тюркютского этноса, ибо

от торговли шелком выигрывали и богатели согдийские купцы и тюркские ханы, а не народ. Но пока не сказал своего слова обновленный Китай, положение и расстановка сил были стабильны. Они изменились в начале VII в., когда снова в историю вмешалась природа и произошел раскол каганата на Восточный и Западный – два разных государства и этноса, у которых общей была только династия – Ашина.

Восточный каганат был расположен в Монголии, где летнее увлажнение стимулировало круглогодичное кочевание, при котором пастухи постоянно общаются друг с другом. Навыки общения и угроза сплачивали народ вокруг орды и хана, и держава была монолитна.

Западный каганат находился в предгорьях Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня. Увлажнение там зимнее, и надо запасать сено для скота. Поэтому летом скот и молодежь уходили на джейляу – горные пастбища, а пожилые работали около зимовий. Встречи были редки, и навыков общения не возникло. Поэтому вместо эля там сложилась племенная конфедерация. Десять племенных вождей получили в виде символа по стреле, почему этот этнос называли «десятистрельные тюрки». Ханы Ашина вскоре потеряли значение и престиж, ибо их собственная тюркютская дружина была малочисленна и вся политика определялась вождями племен. Китай был далек, Иран – слаб, караванный путь обогащал тюркскую знать, которая могла воевать друг с другом, что и ослабило Западный каганат настолько, что войска династии Тан, находящейся в фазе подъема, его легко завоевали в 757 г.

Можно привести наряду с «Вечным элем» и другие примеры инерционных фаз: эпох торжества здорового обывательского цинизма. Такая формулировка, хотя и может показаться на первый взгляд достаточно экстремальной, на самом деле содержит в себе лишь констатацию факта.

РАСЦВЕТ НАЧИНАЕТ МЕРКНУТЬ

Здоровый «обывательский» цинизм следует за мятежной эпохой неизбежно. В Европе он нашел словесное воплощение в тезисе Quius regio, eius religio («Чья власть, того и вера»), когда католики и протестанты перестали различать друг друга – высшее проявление равнодушия. В Византии такая же усталость наступила в середине IX в.

Последней трагедией пассионарного надлома, подорвавшей силы византийского этноса, было иконоборчество. Мы уже упоминали об идеологической программе и этническом наполнении этого явления: малоазиаты схватились с греками. Борьба тянулась с 718 по 842 г. Она унесла много жизней, причем погибли те люди, которые могли противостоять врагам Византии. В результате болгары захватили Фракию, арабы – Сицилию и Крит, франки – Истрию. А уж о культурно-религиозном влиянии на страны Запада можно было полностью забыть.

Но как только избыток пассионариев исчез из системы и миновала эпоха последствий пассионарного надлома – пассионарная депрессия, начался восстановительный период, связанный с пассионарным оптимумом. Это значит, что пассионариев в Византии было столько, сколько надо. Уже при Михаиле III (842–867) начались победы над арабами и болгарами. Последних даже удалось крестить. Последующая Македонская династия восстановила границы Византии по Евфрату и Дунаю, добилась крещения киевских каганов, подняла экономику и культуру Константинополя и вознесла его славу над всем миром. Но самой главной ее заслугой следует считать то, что в это время византийству удалось инкорпорировать множество славян и малоазиатов, хотя и не всех. Византийский этнос стал менее мозаичным, то есть более монолитным.

И это явление связано с пассионарностью, вернее, со спадом пассионарного напряжения системы. Огромный и богатый Константинополь своими соблазнами притягивал и втягивал в себя самых разных людей, искавших «карьеры и фортуны». Даже императорская фамилия и ее фавориты были в IX – X вв. не греческого, а армянского происхождения. Так можно ли вообще говорить о существовании византийского этноса? Согласно нашим дефинициям, можно и нужно. Понятие «византийство» (хотя в X в. его так не называли) существовало как стереотип поведения, устойчивость которого обеспечивалась социальными и идеологическими формами: властью базилевса над телами и православного патриарха над душами. И все варяги, армяне и половцы, попадавшие в столицу империи, легко входили в устоявшийся ритм городской жизни и, говоря языком этнографии, инкорпорировались местным населением. Так, несмотря на текучесть и постоянную смену населения, культурная традиция Византии сохранялась. Наличие большого пассионарного центра цементировало периферийные области – Малую Азию и Балканский полуостров. Благодаря постоянному обмену населения связь между столицей и фемами, как правило, не

нарушалась. А империя, защищенная храбрыми славянскими солдатами и способными армянскими офицерами, богатела, жирела и... опускалась.

В культуре ислама цивилизация – это эпоха Тимуридов, Сефевидов и Великих Моголов; в Китае – время династии Юань и Мин. Для древнего переднеазиатского Востока роль умиротворителя принял на себя царь города Аншана Кир, и Ахеменидская империя была фазой цивилизации, то есть угасания страстей и накопления материальных благ.

Как видно из краткого, далеко не полного перечня, **явление «цивилизации» в указанном смысле свойственно всем народам, не погибшим до достижения этого возраста.**

Казалось бы, описанная система должна быть предельно устойчивой, но исторический опыт показывает как раз обратное. Именно «цивилизованное» царство Навуходоносора пророк Даниил уподобил металлическому колоссу на глиняных ногах, и этот образ сделался классическим. Все перечисленные выше «цивилизованные» империи пали с потрясающей легкостью под ударами малочисленных и «отсталых» врагов. Для каждого отдельного случая можно подыскать локальные причины, но, очевидно, есть и что-то общее, лежащее не на поверхности явления, а в причинной глубине. Разберемся.

ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ

Как бы ни свирепствовали пассионарии, но в отношении кормящей нас природы торжествующий обыватель – явление куда более губительное. В фазе подъема ландшафт старались приспособить к своим потребностям и сохранить для будущих поколений: природу организовывали. В акматической фазе, когда все убивали друг друга ради чести, славы, богатства, ненависти, злобы, мстительности и других страстей, природой заниматься было некогда. Но когда оказалось, что человекоубийство – дело рискованное, потому что можно получить сдачи и могут тебя самого убить, тогда силы большинства населения направились по линии наименьшего сопротивления – на беззащитную природу. Именно в это время в Европе сложилась теория прогресса, согласно которой природа имеет безграничные возможности, а наше дело – их использовать.

Было громко объявлено, что «человек – царь природы», и

он стал брать с нее дань спокойно и планомерно. Особенно преуспели в этом наиболее энергичные европейцы, переехавшие на жительство в Америку. Американские колонисты стали обрабатывать холмы – тогда еще не песчаные, как теперь, а поросшие субтропическим, очень красивым лесом: холмы Виргинии, Каролины – вплоть до Миссисипи, до Луизианы. Эта местность теперь называется Диксиленд, а была она кусочком рая на земле. Климат там не очень жаркий, потому что холодное течение, которое отделяет Гольфстрим от Америки, смягчает зональное воздействие солнца. Ведь это очень южные места: Нью-Йорк там северный город, но какому городу у нас по широте он соответствует? – Батуми! А поскольку там такой жары, как в Батуми, нет, поэтому там росли великолепные леса, полные дичи. Там индейки водились дикими; потом их приручили и развели в Старом Свете. Там были олени. Там можно было жить небольшой легкой охотой, не испытывая боязни, что может возникнуть голод. Индейцы, которые там существовали и которые применились к местным условиям, разводили маис, который тоже вполне обеспечивал их существование. Но когда пришли туда европейцы, то они увидели, что на этих богатых землях, если свести лес, можно сажать хлопок. А хлопок, вы знаете, – это белое серебро, которое везли в Англию, там вырабатывали хлопчатобумажные ткани, которые развозили по всему миру. Это было легкое средство обогащения.

Для того чтобы разводить хлопковые плантации, потребовались рабочие. Рабочих сначала брали в Англии из числа бедных. Там против бедных действовали законы. Бедность считалась преступлением. Нормальный человек обеднеть не может: с чего он обеднеет, если у него участок земли, он всегда прокормится, а если у него нет, значит, он его пропил, и тогда – пожалуйста, на плантации. Были белые рабы, но это недолго продолжалось, потому что англичане были достаточно энергичными и предпочитали сами уезжать в Америку, чтобы их не увозили в кандалах. И тогда началась работорговля черными. Стали ловить несчастных негров, привозить их туда и заставлять работать до упаду.

Две теории в отношении использования рабов существовали в этих южных штатах Северной Америки. Одна, что купленного негра надо заставлять работать, чтобы он успел окупить затраченные на него средства, а потом пусть умирает. Другая концепция заключалась в том, что нужно создать негру лучшие условия существования, чтобы он жил, работал долго,

пусть не так интенсивно, но количеством дней он покроет затраты на себя, а если у него еще окажутся и дети, то тем лучше. И так как дети негров ценились тем больше, чем они были светлее, то хозяин не жалел своих сил на то, чтобы сделать своих рабов более светлыми, а если ему не хватало своих сил, то он всем гостям, которых приглашал к себе на гасиенду, предлагал оказать ему такую услугу. Таким образом, американцы, выходит, обращали в рабство своих собственных детей.

Для природы результат был чрезвычайно плохой. Ж. Дорст в своей книге «До того, как умрет природа» приводит данные, что для того, чтобы смыть 10 кв. см гумуса в лесу, требуется 1500 – 1800 лет; при сложном земледелии совсем немного – несколько десятков лет; при монокультуре десять лет достаточно, чтобы оголить основные породы и превратить богатейшую местность в песчаные бесплодные дюны [76, с. 137]. И это проделали американские рабовладельцы с той страной, которой они овладели. Вот последствия миграции, которые до сих пор для Америки неисправимы. При всей своей технике американцы не могут вернуть того ландшафта, в который они приехали 200 лет тому назад. Если в Южной Америке испанские конкистадоры, убивавшие большое количество индейцев, грабившие их храмы, переливавшие золотые и серебряные произведения искусства в слитки, чтобы отвезти в Испанию, действительно были людьми отнюдь не добрыми, то гораздо больше ущерба природе принесли их довольно гуманные потомки, которые устраивали хозяйства-гасиенды капиталистического типа на завоеванных землях. Правда, в испанских колониях этот процесс был несколько осложнен тем, что испанцы изменили биоценозы Латинской Америки. Они привезли туда коров, лошадей, дали индейцам железные орудия. Привезли ослов, развели мулов, и индейцы, не имевшие транспорта, получили возможность перевозить тяжелые грузы на вьючных животных. Испанцы привезли из Аравии кофе, устроили кофейные плантации, а коров развелось столько, что Венесуэла и Аргентина превратились в мировых поставщиков мяса.

Но для того чтобы развести кофейные плантации или потом каучуковые, потребовалось колоссальное уничтожение сельвы, а сельва и так сильно пострадала во время первоначального заселения ее индейцами. Страшная сельва, описание которой можно прочесть во многих книгах, тот тропический лес Амазонии или Юкатана, в котором нельзя жить из-за обилия вредных насекомых и невероятно тяжелого климата. Там ужасно плохо: жара с влажностью, змеи, пауки-птицееды, от укуса

которых можно спастись, если только сразу руку отрезать, настолько они ядовиты, – ведь это тоже результат человеческой деятельности, только более древней. Вся эта страшная сельва выросла на переотложенных почвах, после того как индейцы, впервые пришедшие сюда, очевидно, с Североамериканского континента, ее заселяли, разоряя самым варварским способом – окоряли деревья, потом ждали, когда они подсохнут, и выжигали; сажали маис, два-три года собирали урожаи, потом, когда тропические ливни смывали гумус, уходили на следующий участок, а на месте первоначальной флоры, о которой мы даже не знаем, какая она была, вырастали эти грандиозные лопухи в виде современных тропических деревьев. Но среди них были каучуконосы. Для того чтобы собирать каучук, потребовались огромные силы и средства, потому что каучук нашел себе применение в автомобильной промышленности и в целом ряде других отраслей. Для того чтобы обеспечить безопасность этого сбора, истреблялись целые племена индейцев, которые и к этой тяжелой сельве приспособились. Убивали их, высасывали соки из каучуковых деревьев, строили себе на этом дворцы, оперные театры, там, в бассейне Амазонки. Денег плантаторам девать было некуда, до тех пор пока семена каучука не были привезены в Африку и он перестал быть их монополией. И на месте каучуковых плантаций оставалась еще худшая «зеленая пустыня».

РАСПРАВА С ИНДЕЙЦАМИ

Столь же плачевна была история прерий Северной Америки. Это было так: пока американцы продвигались через влажные леса восточной половины своего континента, пока они еще не дошли до Миссисипи, они свирепствовали главным образом над местным населением – индейцами. Индейцы были земледельцы, имели поля, строили большие дома, довольно быстро переняли у англичан и французов огнестрельное оружие, сопротивлялись как могли, но они не сумели организоваться. **Для того чтобы организоваться, даже в условиях крайней необходимости, нужна некоторая пассионарность, позволяющая ставить идеал выше ближних непосредственных интересов.** Ведь идеал – это далекий прогноз; для того чтобы защитить себя, нужно его иметь, а не жить только сегодняшним днем, как обыватели. При всех хороших качествах –

личной храбрости, выносливости, честности – нужно еще суметь сообразить, что необходимо подчиняться вождю, даже если он из чужого племени, иначе конфедерации племен создать было нельзя.

Конечно, и у индейцев попадались отдельные пассионарии, потому что и у них пассионарные толчки в свое время были. Имена индейских пассионариев мы знаем. Например, Понтиак – вождь оттавов (алгонкинское племя), Оцеола – вождь семинолов, возглавивший восстание во Флориде, Сидящий Бык – вождь сиу, сумевший вывести свое племя в Канаду, Херонимо – вождь апачей, Волчий Плащ – вождь чейеннов, Острый Нос – вождь арапахов и многие другие. Однако это были реликтовые персоны, а не этносы [119].

В дальнейшем последовательно племя за племенем индейцы истреблялись американцами, имевшими хорошую организацию. Эта организация заключалась в следующем: белые понимали, что подчиняться своим губернаторам штатов и своим полковникам надо, в этом есть смысл, и хотя это в данный момент неприятно, но потом окупится.

И вот эта пассионарная волна перешла Миссисипи и стала распространяться по американской прерии, а прерия – это примерно наша казахская степь, с той только разницей, что в ней паслись не стада сайги, а стада бизонов. Индейцы этих бизонов истребить не могли. Они не могли использовать огромные запасы бесплатного мяса до тех пор, пока у них не было лошадей, потому что с грузом пешком по степи далеко не пройдешь. Воду надо брать с собой, а она тяжелая. Поэтому они жили по берегам рек и на охоту ходили только очень недалеко. А бизоны безопасно паслись по всей прерии от Рио-Гранде до Южной Канады, до границы леса; их прирост ограничивался только эпидемиями, которые уносили их в большом количестве из-за скученности. Иногда их резали крупные серые американские волки.

Как уже говорилось, испанцы привезли в Америку лошадей; а так как они пасли их небрежно, то значительная часть лошадей убегала в прерию. Там они одичали и стали ходить по степи, как и свойственно диким лошадям, табунами. Индейцы сообразили, что это им выгодно, стали ловить этих лошадей и заново их одомашнивать – это были мустанги. Причем индейцы прерий были люди способные. Они вполне воспринимали все достижения европейской культуры. Ездить верхом они выучились гораздо лучше европейцев, потому что те племена, которые успевали поймать лошадей и приручить их, учили своих

дётишек верховой езде с четырех лет, так что, входя в возраст, они на лошади чувствовали себя так же, как наши монголы, ничуть не хуже. В связи с этим у них появилась возможность отходить далеко от рек и убивать бизонов, но они делали это крайне осторожно.

Как раз в тот момент, когда европейцы проповедовали безграничность богатств природы и теорию прогресса, согласно которой надо уничтожать вредных животных и сохранять полезных (как будто кто-то знает, кто вредный, кто полезный), индейцы исходили из убеждения, что Великий Дух не создал ничего плохого. Все, что он создал, должно существовать. И убивать просто так, не для еды, может только сумасшедший. Мы сейчас с наших позиций охраны природы стоим вполне на точке зрения индейцев сиу, но в то время они эту истину доказать никому не могли. И поскольку они протестовали против бессмысленного убийства бизонов, убийства не ради мяса, а ради шкур, кож, которые вывозили промышленники, то их самих истребили [77, с. 153]. Это и была в 70-х годах XIX в. так называемая «индейская война».

На несчастье Америки, прогресс техники дошел до такой степени, что американцы провели трансконтинентальную железную дорогу и стали совершенно свободно ездить из Нью-Йорка в Сан-Франциско. По дороге проезжающие джентльмены развлекались тем, что стреляли в бизонов, не имея возможности их даже подобрать. Просто развлекались стрельбой. Убивали и ранили животных. Бизоны падали и гибли. Иногда, когда поезд останавливался, пассажиры, перебив несколько сот бизонов, у некоторых вырезали языки, чтобы их поджарить, но мясо и даже кожи оставляли. Они были богатые, им это было не нужно. В результате стада бизонов сократились до таких пределов, что бизонов практически в степях не стало; вместе с бизонами погибли и индейцы, приспособившиеся к планомерной и регулярной охоте на бизонов.

МЕСТЬ ПРИРОДЫ

Но ведь никогда не бывает, чтобы «свято место» оставалось пусто. Нашлись предприимчивые американцы, которые привезли сюда овец и решили, что траву съедят овцы. Но если бизон недоступен мелкому волку, а доступен только крупному, то овца вполне может быть добычей шакала (их там называют

койоты), и шакалы стали делать набеги на овечьи стада, весьма сокращая их численность.

Пришлось перейти к крупному рогатому скоту, и тогда появились на месте индейских племен такие группы, которые называются «ковбои», причем они создали, по существу, субэтническую группу среди американцев.

Они жили в своих маленьких городках очень долго, иногда всю жизнь. Дети их оставались там на жительство, культуру они не воспринимали, грамоте их учить было незачем да и ни к чему, им все было неинтересно. Они пасли скот с малых лет, учились стрелять из длинноствольных пистолетов и пить джин в большом количестве, а также убивать тех индейцев, которые еще уцелели. Потом был создан романтический образ ковбоя для литературы и кино; появились ковбойские фильмы, ковбойская литература.

Но природа мстит за себя. Пока разводились стада коров, суслики, которые там живут в большом количестве, стали поедать оставшуюся от бизонов траву, а койоты, конечно, ели сусликов. Но суслики размножаются быстрее. И количество пастбищ резко сократилось, кроме того, норы, которые эти грызуны выкапывают в степи, очень опасны для крупных животных – и для лошадей, и даже для коров. Если те попадают в нору ногой, то ломают ногу, а животное со сломанной ногой подлежит немедленному убою. То есть суслики воспользовались преимуществом, которое для них создали первопроходцы англосаксонского происхождения. К тому же и ковбойское мясное хозяйство не выдержало конкуренции с Аргентиной и Венесуэлой, где быки и коровы попали на места более благоприятные. Пришлось перейти к земледелию.

Тогда американцы стали самым богатым вывозящим хлеб народом, перебили конкуренцию наших русских южных помещиков, которые раньше через Одессу вывозили огромное количество хлеба. Американский хлеб – маис и пшеница – был настолько дешев в то время, что он бил любую конкуренцию. Для того чтобы хоть как-то поддержать цены на них, правительство покупало по дешевке этот хлеб и уничтожало его – хлеб топили в море или сжигали для того, чтобы не снизить цены и не разорить фермеров. Остаток прерии, то, что осталось после бизонов, после овец и после крупного рогатого скота, распахали земледельцы, и тогда пошли пылевые бури.

Первая из них случилась в 30-х годах нашего века и нанесла неисчислимый ущерб, потому что сильный ветер с запада, дувший от Кордильер, засыпал песком и мелкой пылью почти

все сады и поля Восточной Америки. Убрать эту пыль было невозможно, а плодородия в ней никакого не было. Только тогда начали обязывать фермеров принимать меры по сохранению ландшафта, по восстановлению дернового слоя, по восстановлению почвы. Если какой-нибудь фермер отказывался принимать меры, то явившийся инспектор, констатировав, что работа не проведена, приводил подрядчика. Подрядчик проводил работу, а цена работ приписывалась к подоходному налогу фермера. Это они сделать сумели. И перешли к такой культуре, которая тоже оказалась крайне выгодной, – к картошке.

Картофель, как известно, растение американское, но южное, и на севере оно почти не было распространено. Но американцы посадили клубни, картошка прижилась и стала расти там. Очень хорошо! Фермеры богатели, пока не продвинули свои поля до склонов Кордильер, где обитали на каких-то кустах жучки с длинными носиками. Этим жучкам очень плохо жилось, потому что там кустов было мало и пищи не хватало. Вот они и приспособились есть картофельную ботву. И вместе с картошкой они победным маршем прошли по всей Америке, перебрались в Европу и дошли до нас.

Выходит, что истребление индейцев, бизонов, богатейшей природы Диксиленда, Новой Англии, где леса превращены в пустоши, в песочные дюны, – все это пошло на пользу главным образом жукам-долгоносикам, которые освоили новый континент – Европу. Так что, как видите, господство спокойного обывателя, «золотой посредственности» не всегда бывает полезно для окружающей среды, которая нас кормит и составной частью которой мы являемся.

И не стоит думать, что подобное отношение к природе свойственно только современным представителям так называемого «цивилизованного мира». И в более ранние времена у других народов встречалось такое же потребительское отношение к природе со столь же плачевными результатами. За 15 тысяч лет до н. э. на Земле не было пустынь, а теперь куда ни глянь – пустыня. А ведь любая пустыня – это результат гибели природы из-за деятельности человека, возомнившего себя ее царем.

Именно так трудолюбивые земледельцы, думающие об урожае одного года, превратили в песчаные барханы берега Эцзин-Гола, Хотандарьи и озера Лобнор, взрыхлили почву Сахары и позволили самумам развеять ее.

Сахара продолжала расти и в античное время. Дело в том,

что огромные стада лошадей, которые нужны были для римской кавалерии, паслись в предгорьях Атласа на рубеже Сахары. Они вытоптали землю так, что там тоже начала воцаряться пустыня, и до сих пор она расширяется. Свидетельство тому – недавняя Сахельская трагедия.

И ТАК БЫЛО ВСЕГДА

Вообще надо отметить, что воздействие на природу в античное время со стороны Римского мира (Pax Romana) было ничуть не меньше, чем в наше время со стороны Европейского мира, разумеется, с учетом разницы в уровне развития техники.

Чтобы убедиться в этом, посмотрим, каким пришел Рим к I в. н. э. – своей инерционной фазе. Начнем, для понимания механизма явления, с общего обзора тех изменений в отношениях римлян с ландшафтом, которые происходили в предыдущие два столетия. Итак, что же было в это время в Риме?

Ничего хорошего. Потому что Рим превратился из маленькой деревни, где жило 500 семейств, в победоносный Великий город, который распространился на большое пространство и превратился в город с миллионным, полуторамиллионным и, наконец, двухмиллионным населением.

Сами понимаете, что такой город надо было кормить, а кормить его было очень трудно, потому что сами римские граждане не желали работать. Они завоевали столько стран вовсе не для того, чтобы потом дома заниматься скучным земледельческим трудом. Они считали себя участниками общего дела («республика» – общее дело) и полагали, что если оно приносит доход, то они должны получать свою долю этого дохода. И потому легионеры, ходившие в далекие походы на восток – в Грецию, в Сирию, на запад – в Испанию, на север – в Галлию (современную Францию), возвращаясь с большой добычей и получая отставку и даже земельные наделы, эти земельные наделы быстро пропивали и свою добычу тоже.

Кстати сказать, они не могли поступать иначе, потому что походы требовали от них такого нервного напряжения, что отдых им был необходим, а отдых стоил дорого. Ведь отдых – это же не просто лежать под оливой. Отдых – это удовольствия, а они всегда денег стоят. И они закладывали все свое имущество, пропивали его, а потом надо было или снова идти в легионеры,

или (если они были старые, усталые и их не брали) получать от государства средства для существования. Им давали бесплатно хлеб, так как считали, что, раз у них есть хлеб, они не пропадут. Конечно, не единым хлебом жив человек, надо и оливок, и масла, и мяса поесть, и рыбки солененькой, и вина выпить. Для этого они доставали деньги, обслуживая вождей различных политических партий. И чем активнее они обслуживали своих вождей, тем больше те вожди им платили.

В результате Средняя Италия, родившая этот этнос, совершенно изменила свой ландшафт. Богатые земледельческие угодья превратились в пастбища по той простой причине, что в те старые времена холодильников не было и мясо привезти откуда-нибудь из-за моря было невозможно, оно бы протухло. Поэтому на бойни в Рим пригоняли быков и свиней для того, чтобы их тут же резали, и мясо сразу же продавали.

А хлеб можно было привезти из Африки, где в долинах Атласа были фосфористые почвы, дававшие баснословно большие урожаи. Плоды можно было привезти из Испании, из южной Галлии, называемой Прованс (букв. – провинция, то есть завоеванная страна), вино – из Греции, хлеб еще и из Египта везли в большом количестве, то есть все можно было привезти, кроме двух вещей – свежего мяса и цветов для женщин, ибо женщины, я не знаю почему, очень любят цветы.

В результате город Рим с двухмиллионным населением превратился в город-паразит, который жил за счет всех завоеванных провинций и высасывал из них все соки. Казалось бы, провинции должны беднеть, нищать и превращаться в совершенное ничтожество. Ничего подобного не было! Они при том, что их грабили целиком и полностью, богатели, увеличивали свою продукцию и выдавали на Рим столько, сколько требовало начальство, и еще себе и своим детям оставляли – не меньше, чем отдавали.

За счет чего же достигалось такое процветание? За счет совершенно безобразного ограбления природы. Великолепные дубовые и буковые леса Италии были вырублены, и склоны Апеннин поросли маквисом; Испания, которая была покрыта прекрасными субтропическими лесами, превратилась в степь, по которой можно было только овец гонять, как в Монголии, и испанцы стали скотоводческим народом. В Африке богатейшие долины были выпаханы, перестали давать какие-либо урожаи, то есть житницы Рима – Африка и Сицилия – оказались голыми, каменистыми странами, почти без почвенного слоя.

Отсюда ясно, что если мы процветаем, то всегда за счет

чего-то, а древние римляне, подобно нашим недавним предкам, считали, что богатства природы неисчерпаемы. Их потомкам пришлось убедиться, что они были не правы. Вместе с тем сказать, что у них была хорошая, веселая жизнь, нельзя. Понятно, что двухмиллионное население в Риме создалось не за счет естественного размножения и даже вопреки тем демографическим тенденциям, которые в это время были. В большом городе, где много всякого рода удовольствий и удовольствия эти бесплатны (не только хлеб давали, но и бесплатные представления ставились для римских жителей и обитателей), женщины не очень стремились иметь детей. Римские матроны принимали все меры, чтобы сохранить фигуру как можно дольше. Поэтому в Риме был отрицательный прирост населения. Пополнялось же население за счет людей из провинции, которые приезжали и, поскольку прописка там не требовалась, занимали угол и находили себе какое-то применение, далеко не всегда целесообразное с точки зрения государственной. Одни становились сутенерами, другие – контрабандистами, третьи – ворами, четвертые – наемными убийцами, женщины – проститутками – кто кем. И огромные пятиэтажные дома в Риме были. Там сдавали комнаты или даже углы. Теснота была жуткая. Дома строились плохо, вентиляция омерзительная, здания иногда падали, погребая жильцов под собой, но их строили заново так же скверно, потому что погибших никто не считал и не жалел.

Правда, римляне сделали несколько важных технических усовершенствований: они провели канализационную систему, использовав маленькую речку, которая называлась Клоака (с тех пор клоакой стала называться любая канализация), а с другой стороны, сделали водопровод. Раньше они обходились акведуками, то есть ставили желоб на подпорках и по нему пускали чистую воду, которая все время обменивалась кислородом с атмосферой. Но в город-то акведуки не проведешь, да и грязь в городе, воздух плохой. Поэтому сделали водопровод. Они умели делать водопроводы, но со свинцовыми трубами. Вино также хранили в свинцовых сосудах, а других и не было. Вода стала заражаться свинцовыми окислами. Вино портилось, и люди постоянно медленно отравлялись. Короче говоря, в Риме был очень тяжелый быт, который люди терпели, чтобы бездельничать.

Таким образом, в инерционной фазе вся система превратилась в паразитическую, существовавшую за счет ограбления природы Средиземноморья и окрестных стран, в которые шла постоянная экспансия: Цезарь захватил Галлию, получил оттуда

огромное количество золота и с помощью этого золота захватил власть в Риме; Помпей захватил Сирию, Антоний, женившись на Клеопатре, тем самым ввел в римскую систему Египет, который был после гибели Антония оккупирован Августом. Таким образом, к I в. создалась страна, которая ограничена была Рейном, Дунаем и Евфратом, – огромная страна. Природу спасало здесь отчасти лишь то, что население этой большой страны не превышало 50–52 млн человек [125, с. 20], то есть такого перенаселения, как сейчас, не было, но и при этом неэкономное расходование природных средств изменяло ландшафты: природные биоценозы упрощались и исчезали, расширялся антропогенный ландшафт мирового города.

Этот противоестественный уровень развития урбанизации – синоним инерционной фазы, когда этнос, как Антей, теряет связь с почвой, на которой он вырос. На эту тему Джон Стюарт Коллинс в книге «Всепобеждающее дерево» пишет: «Святой Павел был прав, призывая гнев Божий на головы жителей Антиохии. Правы были и другие пророки, проклинавшие города. Но, поступая правильно, они руководствовались ложными мотивами. Суть греха была не в его моральной стороне, он относился не к теологии, а к экологии. Чрезмерная гордыня и роскошь не навлекли бы кары на людей; зеленые поля продолжали бы плодоносить, а прозрачные воды нести прохладу; какой бы степени не достигли безнравственность и беззаконие, высокие башни не зашатались бы, а крепкие стены не обрушились бы. Но люди предали Землю, данную им Богом для жизни; они согрешили против законов земных, разорили леса и дали простор водной стихии – вот почему нет им прощения, и все их творения поглотил песок» [цит. по: 77, с. 161].

Блестяще, но неверно! Безнравственность и беззаконие в городах – прелюдия расправы над лесами и полями, ибо причина того и другого – снижение уровня пассионарности этносоциальной системы. При предшествовавшем повышении пассионарности характерной чертой была суровость и к себе, и к соседям. При снижении – характерно «человеколюбие», прощение слабостей, потом небрежение долгом, потом преступления. А привычка к последним ведет к перенесению «права на безобразия» с людей на ландшафты. Уровень нравственности этноса – такое же явление природного процесса этногенеза, как и хищническое истребление живой природы. Благодаря тому, что уловили эту связь, мы можем написать историю антропогенного, то есть деформированного человеком, ландшафта, ибо скудость прямых характеристик природопользования

у древних авторов может быть восполнена описаниями нравственного уровня и политических коллизий изучаемой эпохи. Именно динамика описанной взаимосвязи – предмет этнологии, науки о месте человека в биосфере.

А пока мы можем сделать жестокий, но логический вывод. То, что европейские эволюционисты называют «цивилизацией», а мы – инерционной фазой этногенеза, не так уж безобидно и прогрессивно. Оказывается, за все надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела. Потому и является неизбежной следующая фаза, о которой ни один историко-географ не скажет доброго слова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КОГДА НАДВИГАЕТСЯ ТЬМА

СМЕНА ФАЗОВЫХ ИМПЕРАТИВОВ

Характеризуя инерционную фазу, мы уделили много места анализу тех неблагоприятных изменений, которые в эту фазу происходят в отношениях этноса с кормящим его ландшафтом.

Но еще страшнее, пожалуй, те изменения, которые происходят внутри самой этнической системы в инерционную фазу. Ведь не надо забывать и об субпассионариях. А таковые всегда были. В фазе подъема они были совершенно не нужны и не ценились вовсе. Затем, во время акматической фазы, их использовали как пушечное мясо и ценили очень мало. А вот в инерционное, тихое время начинают возникать теории о том, что «Человек – звучит гордо», **всякому** человеку надо дать возможность жить, человека нельзя оставить, человеку надо помочь, надо накормить его, надо напоить его, ну а если он не умеет работать, что же – надо научить, а если не хочет учиться, ну что ж, значит, плохо учим. Вообще самое главное – человек, все для человека. Поэтому в «мягкое» время цивилизации при общем материальном изобилии для всякого есть лишний кусок хлеба и женщина.

Представьте себе, как люди определенного субпассионарного склада используют такое учение, которое становится *этическим императивом.* Они говорят: «Хорошо, мы на все согласны, только вы нас кормите и на водку давайте. Если мало дадите, то мы «на троих скинемся», ничего страшного». Их становится все больше и больше, но для них находят место, и они

размножаются, потому что им больше делать нечего. Диссертаций-то они не пишут. К концу инерционной фазы этногенеза они образуют уже не скромную маленькую прослойку внутри этноса, а значительное большинство. И тогда они говорят свое слово: «Будь таким, как мы!», то есть не стремись ни к чему такому, чего нельзя было бы съесть или выпить. Всякий рост становится явлением одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того, чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, выслеживать и убивать своих соратников.

Порядок, устанавливаемый в этой стадии, которую мы называем *фазой обскурации* – омрачения или затухания, нельзя считать демократическим. Здесь, как и в предшествовавших фазах, господствуют консорции, только принцип отбора иной, негативный. Ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость в мнениях, а беспринципность. Далеко не каждый обыватель способен удовлетворить этим требованиям, и поэтому большинство народа оказывается с точки зрения нового императива неполноценным и, следовательно, неравноправным.

Сейчас мы попытаемся охарактеризовать эту последнюю фазу существования этноса – фазу обскурации. Тут мы встречаем затруднения в выборе примеров. Дело в том, что не каждый этнос доживает до фазы обскурации. Бывают случаи, когда он гибнет раньше, и это случается настолько часто, что фаза обскурации вообще может быть прослежена только на небольшом количестве примеров.

Тут неуместны примеры из Новой истории, из истории Европы, которая не дошла еще до этой последней фазы своего этногенеза. Чтобы описать фазу обскурации, мы должны взять древние периоды истории, где эта фаза просматривается с достаточной четкостью и полнотой. Очень характерна для этого эпоха Поздней Хань и Троецарствия [46] в Китае (III в.), включая эпоху Пяти варваров и Северной Вэй (IV–VI вв.). Но Китай мы не будем брать в качестве примера, потому что это очень экзотическая тематика. Более доступна и понятна (просто ближе к нам и к нашей эрудиции) эпоха Римской империи, которая

была настолько грандиозна, что не сумела сгнить раньше, чем ее уничтожили соседи. Древнекитайская империя Хань проделала тот же самый путь [62].

Как видно из вышесказанного, обскурация характеризуется преобладанием субпассионариев, которые постепенно вытесняют и гармоничные, равновесные особи, особи «золотой посредственности», провозглашенной как идеал в инерционную фазу Октавианом Августом в конце I в. до н. э. Вытесняют в этой фазе субпассионарии и пассионариев, хотя и те и другие сосуществуют с ними. И тут нужно задать себе вопрос: «Каким же это образом субпассионарии, неспособные к сосредоточению, неспособные ставить себе цели, вести себя организованно в каких-нибудь мало-мальски длительных операциях, все разваливающие, оказываются на гребне волны и начинают диктовать всем даже не свою волю (потому что воли у них нет), а свои капризы?» Ведь это крайне невыгодно, крайне неприятно и для самих субпассионариев, и, конечно, для всех окружающих, и тем не менее это происходит!

Попытаемся уловить механизм этого явления. Для этого бегло просмотрим все фазы римского этногенеза и попытаемся уяснить, как изменялась роль субпассионариев в этнической системе Рима от фазы к фазе.

НОСИТЕЛИ ОБСКУРАЦИИ В РИМЕ

Мы уже упоминали раньше, что Рим в начале своего существования был городом, который населял народ-войско. Каждый римлянин был воин и в зависимости от своего состояния служил: если денег у него было много – в коннице, если мало – то в пехоте как тяжеловооруженный воин. Таким образом, римляне выиграли войну против Пирра – царя эпирского, захватив Тарент, против Карфагена – три Пунических войны, захватив Сицилию, Испанию и сам Карфаген, против Македонии, против сирийского царя Антиоха, против Митридата – против всех, кто выступал. Эти успехи и изобилие, связанное с ними, привели к тому, что субпассионарии, приходя из походов, уже не возвращались к скучному крестьянскому труду на своих участках, а, наоборот, пропивали их и шли в город, и требовали, чтобы их там обеспечивали. Они не хотели жить в деревнях. Это явление довольно понятное, но тем не менее противоестественное.

Попытка братьев Гракхов повернуть ход истории назад и посадить этих обедневших крестьян на участки не имела никакого успеха, потому что для этого надо было отобрать землю у богатых, но богатые протестовали – они эту землю купили, а бедные никак не поддержали своих защитников, своих трибунов, оставили их на полное уничтожение. И тут вмешался в дела административный гений вождя партии демократов Кая Мария.

Демократы в Риме отличались от аристократов только тем, что демократическая партия была партия богатых – денежных мешков, так называемых «всадников», у которых были средства, чтобы купить лошадь, и даже не одну, а аристократическая партия базировалась на еще не разорившихся крестьянах и части Сената. Обе партии были, конечно, рабовладельческие. Марий увидел, что пропившиеся легионеры, не желающие работать на своих участках и требующие бесплатный хлеб, могут быть использованы в качестве военной силы. Он и предложил их нанимать в армию с уплатой им пайка и небольшого жалованья. Таким образом народное ополчение превращалось в армию наемных солдат. Поскольку соответствующий закон был принят Сенатом и деваться было некуда, субпассионарии с охотой пошли на это дело, поскольку на свое вооружение у них средств не было, а воевать они привыкли. Благодаря такой реформе армия очень быстро стала постоянной и даже наследственной.

Почему наследственной? Дело в том, что нанимали легионера лет на 20, а часто он оставался до конца жизни, если его не убивали. Обучали этих легионеров военному искусству целые дни – это были спортивные упражнения с утра до вечера. Но поскольку такой человек был обречен на то, чтобы всю жизнь служить и заниматься военным делом, то он, естественно, требовал себе и некоторых жизненных удобств. Интендантская служба была поставлена в Риме очень плохо, и ее довольно быстро перевели, как мы сказали бы сейчас, на общественные начала: пустили туда женщин – маркитанток, которые солдатам продавали все, что им было нужно, за соответственную часть их добычи. Естественно, маркитантки беременели. Маркитантки иногда не знали, кто был отцом младенца, а иногда знали, тогда они назывались гетерами, то есть боевыми подругами. Эти подруги рожали детей, дети считались детьми полка и воспитывались в воинских традициях уже с младенчества, с колыбели, и поступали в соответствующие когорты соответствующих легионов. И таким образом за 200 лет – со II в. до н. э. к концу

I в. н. э. – создалась особая прослойка в римском населении – легионеры.

Как определять их классовую сущность? Сложно! Они, конечно, принадлежали к господствующему классу, потому что поддерживали существующий порядок, но назвать их рабовладельцами довольно трудно – никаких рабов у них не было. Служили они всю жизнь, иногда, если удавалось дожить, выходили на пенсию с минимальным обеспечением. Если им удавалось что-то сберечь и сэкономить от своей добычи, тогда дожить жизнь можно было относительно благополучно, но вообще большая часть их погибала: войны же шли постоянно. Таким образом, солдаты образовали самостоятельный субэтнос, значение которого росло с каждым годом, а стереотип поведения изменялся в соответствии с условиями пожизненной военной службы.

СУБЭТНОС ПРОТИВ СУПЕРЭТНОСА

Результатом появления нового субэтноса было то, что Рим одержал целый ряд новых побед. Была завоевана Сирия, Месопотамия – Помпеем, Галлия – Цезарем. В Германию ходили римские войска, Египет и Иллирию подчинил себе Октавиан после гибели Антония. Империя стала грандиозной, охватившей половину современной Западной Европы и значительную часть Ближнего Востока. Граница оказалась длинной и трудно защищаемой, поэтому в легионах была нужда, и легионы все время пополнялись набором желающих – добровольцев, которые находили себе таким образом хлеб и пищу, славу и место в жизни – уже описанным естественным путем.

Итак, выделившись из общего населения огромного Римского империума, включавшего в себя и собственно Италию (метрополию, так сказать), и завоеванные страны, называвшиеся провинциями, легионеры сначала были весьма дисциплинированны и добросовестно несли свои обязанности. Они подчинялись своим командирам, которых назначал Сенат, героически сражались в гражданских войнах, защищая своих командиров, побеждая те ополчения сторонников республики и старых порядков, которые были им неприятны, потому что легионеры предпочитали подчиняться не чужому гражданскому Сенату, а своему командиру, ставшему товарищем в походах и опасностях, которые они переносили. Так они

привели на престол сначала Цезаря, потом Августа с Антонием, потом они поддерживали всех людей, которые ими командовали. А командующий армией назывался *император*, то есть повелитель[1]. Он был никакой не царь, не глава правительства, он был командир войска, император. И все это продолжалось довольно благополучно до 68 г., когда проявилась первая попытка перехода к *обскурации*, хотя и неудачная. Дело в том, что очередной император – Нерон – вел себя настолько безобразно, что вызвал всеобщее негодование во всех западных областях империи. В восточных его как-то терпели, потому что он был далеко и благоволил к восточным людям – к грекам и особенно к сирийцам и малоазиатам, но тоже, вообще говоря, за него никто не собирался заступаться, когда произошло восстание, которое его погубило. Вот на нем-то мы и сосредоточим внимание.

Первое восстание против тирана возглавил командир аквитанских легионов, некто Юлий Виндекс[2]. Его поддержали испанские легионы, которыми командовал Гальба, не выступили в защиту императора рейнские легионы, которыми командовал пьяница Вителлий. То есть вся западная часть от рейнской границы (аквитанские легионы, испанские легионы) – все это отложилось от империи. А здесь были наиболее боеспособные войска, с которыми никто не мог равняться. Виндекс и Вителлий довольно быстро договорились друг с другом, а Гальба вообще был другом Виндекса.

Но оказалось, что нижнерейнские легионы (они состояли не из германцев, а из тех же римлян) решили схватиться с аквитанскими легионами, и удержать их от столкновения было невозможно, хотя вожди уже достигли договоренности. Виндекс пал в этой кровопролитной битве. Инициативу подхватил Гальба, который, захватив Рим, подчинил его себе.

В Риме существовал корпус преторианцев – гвардейцев, охранявших порядок, Сенат и особу императора. Эти преторианцы, увидев, что Гальба наводит среди них порядки и усиливает дисциплину, убили его и выбрали своим предводителем одного из собутыльников Нерона, которого звали Отон. Это был

---

[1] В старинном смысле слова – «победоносный полководец». Этим титулом легионеры наградили Германика в 16 г. за победу над германцами на равнине у р. Везер.

[2] *Юлий Виндекс* был потомком аквитанских царей [25, т.4, с. 202]. Примечательно, что все противники Нерона были уроженцами западных провинций, а восточные симпатизировали ему.

очень приличный человек. Он пьянствовал и развратничал с Нероном, но никого не убивал, что уже было его большой заслугой. Он возглавил преторианцев, но нижнерейнские легионы пошли на них войной.

Я говорю «легионы», имея в виду солдат и офицеров, но не полководцев, потому что Вителлий, бывший товарищ Отона по пьянкам, больше всего хотел подчиниться ему и остаться просто командующим своей пограничной линией. Но ни офицеры, ни простые легионеры не дали ему такой возможности. Ему была поставлена альтернатива – или быть убитым, или возглавить войско, наступающее на своих боевых товарищей, только из другой воинской части. В первом столкновении Отон потерпел небольшое поражение, которое ничего не решало, но, видимо, ему – человеку совести – это было настолько противно, что он отказался от борьбы и покончил жизнь самоубийством. Вителлия привели в Рим и заставили объявить себя императором.

Против него выступили восточные легионы под командованием Веспасиана Флавия, который, вообще говоря, тоже не хотел восставать, потому что у него было дел на Востоке по горло: он подчинял и усмирял восставшую Иудею. Но легионеры сказали: «Ничего подобного, какой-то Вителлий, какие-то нижнерейнские ребята там, в Риме, командуют, пошли Рим спасать».

Война приняла жуткий оборот. Восточные легионы, закаленные в постоянных боях, не из восточных людей состояли, а из тех же римлян. Он прошли через Балканский полуостров, взяли Кремону, которая не хотела сопротивляться. Однако они ее взяли штурмом и убили всех жителей этого римского города на том основании, что это были римские граждане и как таковые они не могли быть подвергнуты продаже в рабство, поэтому их не брали в плен. После взятия Кремоны они вступили в Рим.

Вителлий потребовал, чтобы его отпустили с престола, ибо он хочет уйти в частную жизнь. Он совершенно не хотел сидеть на престоле. Его воины запретили ему это и заставили его возглавлять сопротивление: сидеть во дворце и ждать, пока они будут убивать друг друга. Сражались же они не с врагами отечества, а со своими боевыми товарищами, пришедшими из Сирии. Последние победили, перебили всех своих ребят с Рейна, убили самого Вителлия. Его казнили, хотя он кричал, что он ни в чем не виноват. Действительно, он не был виноват. Установилась династия Флавиев.

Гальба

Отон

Вителлий

Веспасиан

Я остановился на этом эпизоде так подробно для того, чтобы показать, с чего это началось. Аналогичный случай был после третьего Флавия, Домициана, который был страшный тиран. Его убили по наущению неверной жены[1]. Нерва и Траян в 96 г. установили свою династию Антонинов. Она просуществовала до конца II в.

Решительный перелом в судьбе римского этноса произошел в 193 г. Именно отсюда начинается фаза обскурации Рима. Последний представитель династии Антонинов, сын философа Марка Аврелия, Коммод (прозвище, соответствующее его психике) оказался вырожденцем, извергом, убийцей, самодуром. Убивал он людей главным образом из трусости, потому что боялся, что его убьют. Кончилось это дело тем, что он обронил табличку с именами приговоренных к смерти в кровати своей любовницы. Та подобрала эту табличку, прочла и увидела, что там стоит и ее имя. Тогда она передала эту табличку назначенным на смерть приближенным. Те пригласили гладиатора по имени Нарцисс, который убил Коммода.

Нужен был новый император. Сенат предложил кандидатуру почтенного старика Пертинакса, который сразу навел кое-какой порядок, но преторианцы пошли к нему домой и убили его. После этого они стали торговать престолом с аукциона: кто больше даст. Нашелся покупатель: некий богач, мздоимец Дидий Юлиан, который в Галлии накрал массу денег. Преторианцы получили деньги в виде «подарков», и Юлиан стал императором.

ИМПЕРИЯ ПРОТИВ ВЕЧНОГО ГОРОДА

Тут против римских легионов выступили провинциальные: в Сирии поднялся Песценний Нигер, в Британии – Клодий Альбин, в Паннонии – Септимий Север, про которого очень остроумно сказал какой-то римский сенатор: «Ему нельзя было родиться или нельзя было умирать». Это был жесточайший человек, родом из всаднической фамилии. Командовал он уже не римлянами, а вновь набранными в провинциях фракийцами и

[1] Домициан свирепо истреблял образованных людей, но опирался на войско и городскую чернь. Узнав об убийстве Домициана, преторианцы убили много людей, не замешанных в заговоре. Разгул убийств усмирил только Траян в 98 г. [25, т.4, с. 269–273].

иллирийцами (*иллирийцы* – это те, кого сейчас нызывают албанцами). Это были отчаянные ребята (так же как и фракийцы), потому что на Востоке уже произошел тот самый пассионарный толчок, который вызвал Великое переселение народов.

Север, находясь близко от Рима, вступил в Вечный город без боя. Дидий Юлиан, покинутый и преданный преторианцами, был убит в своем дворце после 63 дней царствования. Столько понадобилось преторианцам, чтобы пропить полученные деньги.

Однако преторианцы, вышедшие навстречу узурпатору с лавровыми ветвями, просчитались. Септимий Север уничтожил корпус преторианцев, состоявший из римлян: преторианцев оцепили, иллирийские легионеры направили на них копья, разоружили, выслали из Рима и разослали по провинциальным частям – два человека на когорту. Весь корпус претория (основа римского могущества в социальном смысле) был заменен. Как социальный институт он остался, но людей туда назначали уже не из римлян, а из иллирийцев, фракийцев, мавров, галлов, германцев, приходивших на службу сарматов, арабов – из кого попало.

Камея конца II в. с изображением Септимия Севера и его семьи.
Слева – Септимий Север (в зубчатой короне) и его супруга Домна.
Справа – Каракалла (в лавровом венце) и его брат Гета

Таким образом, покоренные некогда Иллирия и Фракия одерживали верх над Римом. После окончательной победы над Нигером и Альбином Септимий Север облегчил положение

солдат и увеличил армию, как и корпус преторианцев, за счет уроженцев восточных провинций: все тех же иллирийцев, фракийцев, галатов, мавров, языгов, арабов и т. п. В результате, к началу III в. почти вся римская армия оказалась укомплектованной иноземцами. Это значит, что римский этнос, переставший поставлять добровольных защитников родины, потерял пассионарность. Структура, язык и культура империи по инерции еще держались, в то время когда подлинные римляне насчитывались отдельными семьями, даже в Италии, которую заселили выходцы из Сирии и потомки военнопленных рабов – колоны.

Вот такой была Римская империя во время царствования Септимия Севера, который не верил сенаторам, не верил всадникам, ненавидел Рим, хотя сам был римлянином, опирался на провинциальные, очень надежные войска. К Риму это уже не имело никакого отношения: Рим остался просто столицей огромной системы, которая перестала быть выражением или осуществлением римского этноса. Римский этнос оказался в своей стране в положении одного из многих, пока еще равноправного этноса.

Следующим актом трагедии был эдикт Каракаллы – наследника Септимия Севера. Это был убийца, изверг, развратник. Самое страшное, что он был садист и лжец. Он издал закон, по которому римскими гражданами объявлялись все свободные подданные Римской империи, все, кроме рабов, и, кстати, египтян туда не зачислили, потому что они не проявляли никакого интереса к общественной жизни. Иллирийцы, фракийцы, германцы, галлы, греки, испанцы, мавры – все они считались одинаково римлянами, поскольку были свободными подданными империи.

Таким образом понятие «римлянин» переменило свое содержание. Если раньше это были потомки патрициев и плебеев, основавших город Рим и завоевавших себе Средиземноморье, то теперь оказалось, что это жители того самого завоеванного Средиземноморья, которые пополняли легионы и через легионы – командование. Самым худшим в этой Римской империи было даже не положение несчастного податного населения, которое обжимали всеми возможными способами, а положение Сената – людей довольно богатых и издававших указы, якобы действительные по всей империи. Сенаторов убивали когда хотели и сколько хотели. Сенат должен был раболепно ползать на животе перед императором, потому что каждая попытка самостоятельности вызывала казни. К счастью, Каракаллу зарезали в персидском походе.

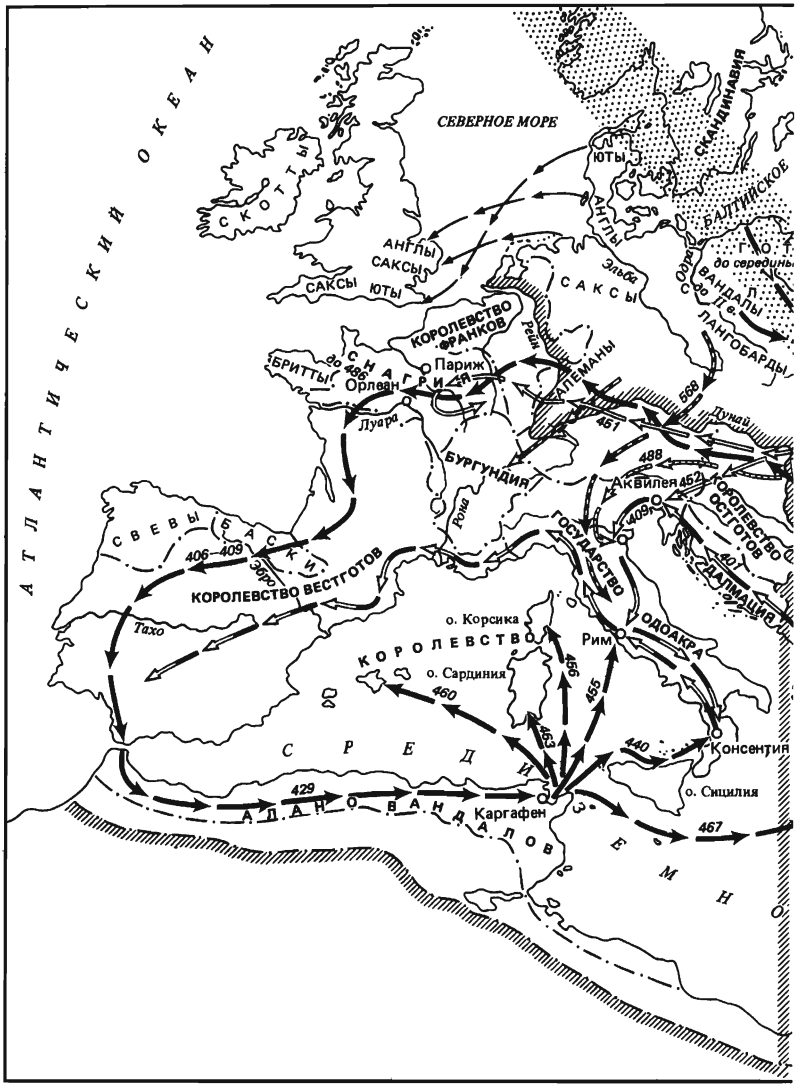
Таким образом, военная диктатура Северов продлила существование римской системы всего на 40 лет, а потом началось... В 235 г. солдаты убили Александра Севера и его умную мать – Маммею, передав престол фракийцу Максимину. Проконсул Африки, исконный римлянин Гордиан выступил против него вместе со своим сыном... Оба погибли. В 238 г. солдаты убили Максимина, а преторианцы – двух консулов – Пупиена и Бальбина. Гордиана III убил префект преторианцев Филипп Араб в 244 г., а его самого – Деций в 249 г. После гибели Деция в битве с готами солдаты убили Галла, потом Эмилиана. Империя развалилась на части: на западе – узурпатор Постум, на востоке – пальмирский царь Оденат, отразивший персов.

Император Постум был в Галлии довольно долго. Потом, когда он был убит своими солдатами, Галлию снова подчинили Риму. Но каким образом? Тут тоже нелишне остановиться на одном очень существенном моменте. От Постума унаследовал Галлию некий Тетрик – очень хороший человек, дисциплинированный, который меньше всего на свете хотел восставать против законного римского правительства. Но солдаты поставили ему, как и Вителлию, альтернативу – или будешь нас возглавлять, либо тебя убьем и назначим кого-нибудь другого. Тетрик согласился не быть убитым, повозглавлял это войско, а потом перед решающим сражением сбежал к своему противнику Аврелиану и доложился, что, мол, так и так. Но его, конечно, никто не обижал, никто не тронул, потом его назначили на очень большую должность – коректора (соправителя) Италии. А легионеры? – Сражались, пока не были перебиты.

При каждом солдатском мятеже, а в III в. их было очень много – примерно через каждые полтора-два месяца, солдаты расправлялись со своими злейшими врагами. А кто злейший враг у солдата? – Старшина и взводный! Легионеры убивали тех младших командиров, которые поддерживали среди них дисциплину. А так как вакансии все время надо было заполнять, то постепенно ухудшалось качество унтер-офицерского состава – скелета армии. Легионы превращались из лучшей в мире обученной армии в банду или несколько банд, которые соперничали друг с другом, а командование подчинялось собственному усмотрению.

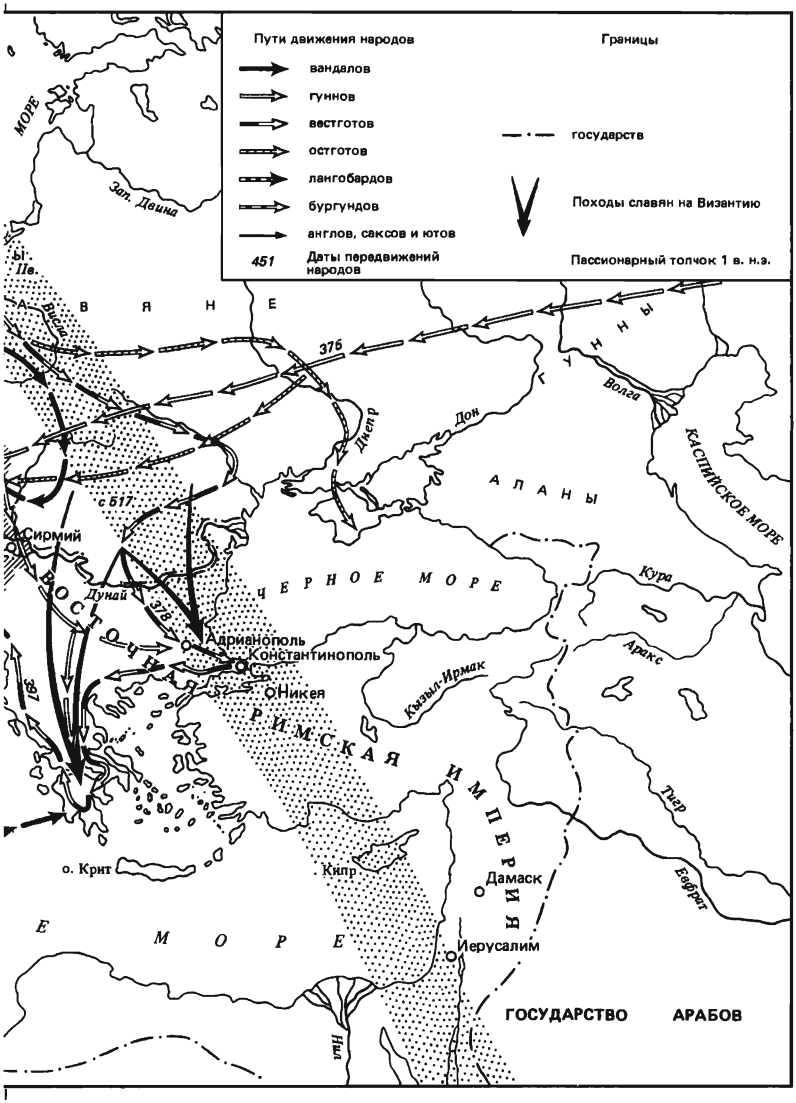
Именно их руками были последовательно убиты императоры Галлиен, Авреол, Клавдий II и Квинтилл, царствовавший 17 дней.

Гибель императора Валериана в 260 г. произошла опять-таки по вине его собственных закаленных легионов. Перед



Гибель Римского суперэтноса

битвой они потребовали, чтобы император Валериан отправился к персидскому шаху и договорился о свободном отступлении. Им, видите ли, сражаться не хотелось. Ему пришлось под угрозой смерти отправиться туда, а персы взяли его в плен, изуродовали, посадили в «башню молчания» – тюрьму и издевались над ним так, что он умер. К несчастью для него, это все-таки



и пассионарный толчок I в. н. э.

долго длилось – девять или десять лет. А легионеров, лишенных командования, персы перерезали. После этого персы захватили Малую Азию, Сирию, Египет, и императору Аврелиану пришлось выгонять персов и брать Пальмиру, которая овладела тоже большим количеством азиатских земель и стала самостоятельным арабским государством.

Аврелиан был очень крепкий человек, именно он воевал с Тетриком и помиловал его. Он помиловал и пальмирскую царицу Зенобию, но он совершенно безжалостно обращался с сенаторами, и сенаторы считали его, не без основания, палачом. Кроме того, он, иллирийский крестьянин, воин по призванию, очень не любил беспорядки и нечестность.

Когда выяснилось, что один из его министров финансов портит монету и страшно на этом наживается, он казнил этого министра и велел порченую монету изъять из обращения. Это вызвало финансовый кризис, и Рим восстал. Семь дней шли бои на улицах Рима, усмирять которые пришлось легионерам, между прочим не римлянам. Аврелиан навел порядок и хотел уже идти на войну против персов, когда выяснил, что один из его ближайших сотрудников, вольноотпущенник Мнестий – жулик. Когда это выяснилось, тот, зная характер императора, решил, что ему долго не жить. Тогда он подделал подпись императора под смертным приговором его ближайших сотрудников. Те убили императора. Но когда обман раскрылся, Мнестия бросили на съедение хищным зверям.

После Аврелиана были поочередно убиты старец консуляр Тацит, его брат Флориан, паннонский офицер Проб, Кар, Нумериан, Апр. Лишь в сентябре 284 г. был провозглашен Диоклетиан, который воспользовался тем, что его соперник Карин (сын Кара) был убит своими сподвижниками, и стал царем. Республика кончилась.

Это длинное перечисление цареубийств позволяет понять ход этнического развития, если мы учтем, что простых людей убивали куда больше.

При такой обстановке любая пассионарная система рассыпается. Пассионарий силен там, где его окружают или слабопассионарные люди, или народ более сильный пассионарно, но увлеченный каким-то идеалом – далеким прогнозом, или гармоничные, равновесные особи, которые, охотно доверяя своему вождю, поддерживают его и не стремятся даже его заместить – это самое надежное.

Но когда пассионарные люди окружены со всех сторон «жизнелюбами» – положение становится крайне тяжелым. У субпассионариев инстинктивные реакции (выпить – непременно сейчас, пожрать, найти гетеру, избить кого-то, кто не понравился) не имеют противовеса в виде сдерживающей пассионарности, и потому «жизнелюбы» находятся во власти своих несдерживаемых эмоций. Когда любителей жить весело и просто становится много и в руках у них оружие, поддерживать

существующую систему становится трудно. И ведь нельзя сказать, что в Риме в это время не было ни одного волевого полководца или умного дипломата (таких в огромной стране хватало!), но вот верных исполнителей было мало.

Диоклетиан понял, что только отсталая провинция может его спасти. Поэтому он разделил заботы по охране границ с тремя сподвижниками, а резиденцию учредил в малоазиатском городе Никомедии, далеко от Рима, и окружил себя войсками из иллирийских, фракийских и мезийских горцев, еще не потерявших боеспособности. Он создал бюрократию, потому что с полным основанием не доверял растленному обществу. Он воздвиг гонение на христиан и манихеев, потому что эти общины жили по своим, а не по его законам. Короче, он использовал инерцию не этноса, ибо таковая иссякла, а культуры, созданной предыдущими поколениями. Но и он капитулировал перед силой вещей, так как стал не главой республики (princeps), а царем государства (dominus).

И все-таки, несмотря на трагичное положение, римская армия удерживала границу по Рейну, вал по Твиду и неплохо справлялась с нумидийцами и маврами. Тяжелее было на Востоке.

УГАСАНИЕ ИРАНА

Главным противником Рима здесь была Персия. После того как в 260 г. император Валериан потерпел поражение от персидского шаха Шапура I и был взят в плен, Персия, располагая в 50 раз меньшими ресурсами, успешно и непрерывно вела войну в Месопотамии.

Что же уравновешивало столь большую разницу в силах? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу истории парфяно-персидской этносоциальной системы и ее фаз.

Древняя Персия, покорившая на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет[1], а на востоке – Согдиану и часть Индии, рассматривала себя как мировую империю – Иран, противопоставлявший

[1] Кир и Камбиз в VI в. до н. э. были «цари города Аншана». т. е. эламиты. По смерти Камбиза вся покоренная страна восстала против насильственного объединения. Победителем своих соперников оказался перс Дарий Ахеменид, потомки которого царствовали на Ближнем Востоке до похода Александра Македонского. Связь царей Аншана с Ахеменидами сомнительна.

себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия. Персидские цари покровительствовали учению Заратуштры – дуализму, согласно которому мир разделен на почитателей Ормузда – божества света и поклонников Аримана – владыки мрака. Догматика этого учения сложна, но, к счастью, нам здесь не нужна. Важно лишь противопоставление Ирана Турану, под которым понимались Средняя Азия и современный Афганистан. Там почитали не Ормузда, а дэвов – древних племенных богов, аналогичных эллинским олимпийцам.

Победа Александра Македонского над персами оказалась неожиданно легкой, но туранцы – парфяне под предводительством сака (скифа) Аршака – в III в. до н. э. вытеснили македонян из Ирана, во II в. до н. э. захватили Вавилонию (141 г. до н. э.), в I в. до н. э. нанесли поражение римлянам (53 г. до н. э.) и затем удерживали западную границу до самого падения династии[1].

Парфия была страной феодальной и либеральной. Во главе стояли четыре царские фамилии Пахлавов, ниже – семь княжеских родов, 240 дворянских семей и дехканы – бедное дворянство, обязанное служить в войске. Еще ниже – купцы, городские ремесленники и крестьяне; а еще ниже – рабы. Кроме этого, в городах были колонии христиан и иудеев, а в горах и степях – разнообразные племена, каждое со своей верой, обычаями и порядками. И ведь все уживались, не мешая друг другу. Это была единая, многоэтничная система.

Первые 200 лет (250–53 гг. до н. э.) – фаза этнического подъема, которую лаконично обрисовал поэт Бехар:

> На западе римляне, саки с востока,
> Два бились в твердыню Ирана потока.
> Но Парфии войско стояло меж ними.
> Вот саки бегут, вот смятение в Риме.
> Бойцы Хорасана, Гургана и Рея
> Отбросили недругов грудью своею. [14, с. 187]

Поэт правильно отметил области, бывшие самыми бедными, редконаселенными, но наиболее героичными. Эти области были расположены на окраине древневосточного ареала,

---

[1] Парфянское завоевание Ирана следует рассматривать как начало нового витка этногенеза, синхронного хуннскому. Фирдоуси в «Шахнаме» не рассматривает парфян как освободителей, а его поэма – рифмованная хроника, отражающая историософию его времени.

вследствие чего гниение разлагавшейся ассиро-вавилонской культуры отравило их минимально.

Второй период – акматическая фаза (50 г. до н. э. – 224 г. н. э.) – характеризовался разнообразием культурных влияний, династическими войнами и отказом от эллинизма ради зороастризма. Но смена вех не спасла династию Аршакидов. Для персов они оставались туранцами, чужаками и захватчиками.

В 224 г. один из семи князей, Арташир из Парса, потомок Сасанидов, при поддержке зороастрийского духовенства и местных дехканов разбил войско парфянского царя Артабана V и в 226 г. короновался шахан-шахом Ирана. С этого времени ведет начало «союз трона и алтаря». «Чистая религия» была объявлена государственной, и «идолопоклонство» (то есть племенные культы) подвергнуто гонению. Сабеизм, гностицизм, греческий политеизм, халдейский мистицизм, христианство, буддизм и митраизм должны были склониться перед религией Авесты. Проповедь гностика Мани, дозволенная при Шапуре I в 241–242 гг., закончилась казнью мыслителя при Бахраме I в 276–277 гг.

Только иудейство не подвергалось гонению, ведь евреи были искренними врагами Рима, с которым Иран вел постоянные войны. Короче говоря, в Иране III–V вв. жить было трудно, но можно. Тяжело было всем, хотя и по-разному, как всегда бывает в инерционной фазе. Вот здесь и кроется разгадка успехов Персии в войне с Римом: Персия была моложе. Когда в Риме уже наступила эпоха солдатских императоров, Персия еще переживала время, эквивалентное империи Августа. Наличие «золотой посредственности» хотя и снижало творческий потенциал, но давало огромные возможности координации гармоничного населения.

Короче говоря, Персия III в. обладала всеми недостатками и всеми достоинствами, которые мы упоминали, говоря о фазе цивилизации (инерционной).

Однако неумолимый ход этногенеза привел Персию, так же как и Рим, к последней фазе развития этноса – *обскурации*. И хоть случилось это позже и иначе, чем в Риме, логика событий была та же самая.

Шах Кавад (488–531) унаследовал сложную этносоциальную систему, которую его предки старательно поддерживали. Три знатных парфянских рода: Карены – в Армении, Сурены – в Хорасане и Михраны – в Арране – были опорой престола. Мобеды (жрецы) и дабиры (писцы) составляли интеллектуальную прослойку; азады (свободные) служили в коннице. Четвертое сословие платило налоги, обрабатывая землю и разводя скот.

Но чтобы поддерживать эту систему, осложненную наличием малых этносов: дейлемитов, арабов, саков, иудеев, армян, христианских общин несторианского и монофизитского толков, митраистов и гностиков, требовалась постоянная трата пассионарности; и однажды ее перестало хватать.

Началась *фаза этнической обскурации* – сокращение числа элементов, составляющих этносоциальную систему. Произошло это так. Стихийные бедствия – засуха, недород, налет саранчи – вызвали в 491 г. беспорядки, и тогда фаворит шаха вазир Маздак предложил свою программу, состоящую из двух частей: философской и экономической. Маздак полагал, что царство света и добра – это сфера воли и разума, а зло – стихийности и неразумия. Поэтому надо построить мир разумно: конфисковать имущество богатых и раздать его нуждающимся. Поскольку «нуждающихся» выбирал сам Маздак, то понятно, что в короткое время к существовавшим группам населения (субэтносам) добавилась еще одна – маздакиты, то есть желавшие жить за казенный счет, пополняя казну конфискациями.

Эта программа встретила сопротивление (особенно изъятие женщин из гаремов), а недовольство повлекло казни, причем гибли знатные люди, составлявшие конницу – основную силу персидской армии.

В 529 г. царевич Хосрой произвел новый переворот, казнил Маздака, лишил престола своего отца Кавада и перевешал за ноги маздакитов. Но восполнить потери было невозможно. Нечем было даже наградить участников переворота, лишившихся своего имущества, растраченного Маздаком и его приверженцами. Шах мог предложить им службу в армии за поденную плату... и тем пришлось согласиться, чтобы не нищенствовать. Так в Персии сложилась постоянная армия, а шах стал «солдатским императором».

Последние 120 лет протекали трагично. Регулярная армия одерживала победы над греками, эфиопами и тюркютами, но она же оказалась соблазном, повлекшим губительные последствия. Двенадцать конных полков были единственной реальной силой в Иране, и сын Хосроя, Хормизд (579–590), опираясь на армию, довершил дело Маздака: за десять лет он казнил 13 000 вельмож и мобедов[1]. Отпали арабы Двуречья, дейлемиты

[1] «Царствование Хормизда ибн-Нушинвана продолжалось 12 лет. Когда он сел на царство, опытных людей унизил и всех писцов великих, и священнослужителей, и людей, которых его отец возвеличивал, всех до одного убил!» [цит. по: 35, с. 15].

отказали в покорности, оскорбленный спахбед (воевода) Бахрам Чубин восстал, а вельможи Биндой и Бистам, чтобы избежать казни, убили Хормизда.

Бахрам стал шахом, но византийская интервенция вернула престол Хосрою II, отплатившему грекам за помощь в беде истребительной войной (604–628). Но коллизия повторилась. Шах пожелал убить победоносного полководца Шахрвараза, а был убит сам своими приближенными при поддержке несториан. А после этого началась чехарда шахов, пока на престоле Ирана не оказался Иездигерд III. Этот быстро проиграл войну с арабами, бежал в Мерв, не был впущен в город и был зарезан мельником, у которого вздумал переночевать (651).

На этом все кончилось. Халиф Омар, завоевав Персию, стремился не обратить персов в ислам, а собирать с них харадж – налог на иноверцев. Чтобы воспрепятствовать чрезмерному обращению, он запретил мусульманам владеть землей на завоеванной территории. Поэтому богатые землевладельцы сохраняли и землю и религию, платя высокие налоги. Зато бедняки и дехканы, не дорожившие своими клочками земли, охотно переходили в ислам и получали высокооплачиваемые должности, например сборщиков податей. Поэтому большая часть персов добровольно стали мусульманами, а богатые интеллигенты эмигрировали в Индию. Так Иран стал мусульманским, и притом искренне, потому что к этому времени персы не имели ни сил, ни желания отстаивать зороастризм от энергичных носителей ислама.

НЕИСТРЕБИМАЯ ЖИЗНЬ

Теперь, уяснив суть римско-иранской коллизии, мы вернемся в Рим и посмотрим, каков был там итог последней фазы этногенеза.

Итог был следующий: от страны начали отлагаться разные ее части. В 274 г. римляне оставили завоевание Траяна – Дакию. В Дакии образовался этнос, который мы называем «румыны». Дело в том, что со времен Траяна до Аврелиана Дакия римлянам была нужна. Там было золото в рудниках, римляне его выкачали и использовали эту страну как место ссылки преступников. Преступники были со всего Ближнего Востока – и македоняне, и греки, и фригийцы, и галаты, и исавры, кто попало. Каждый имел свой язык, но, чтобы понять друг друга, они говорили на общем языке – языке начальства, т. е. на латинском

(конечно, нелитературном). И когда римляне уходили из Дакии, то они, естественно, преступников и их потомков там оставили: зачем их брать с собой? Зачем им преступники внутри страны? Своих много! И те жили, жили в Карпатских горах, в степях, в лесах, в благодатном климате.

Открыли их совершенно случайно в конце IX в. или в начале X в. Произошло это открытие из-за осла. Дело в том, что в это время болгары воевали постоянно с Византией, делали набеги, брали добычу и уходили за Балканы. В горах они были недоступны. И вот, после такого набега, когда византийские войска преследовали отступавших болгар, а те уходили с нагруженными добычей ослами и лошадьми в горы по тропинкам, какой-то осел взял и заурустел, то есть стал биться, скидывать вьюк, кричать, вести себя недисциплинированно. И страшно перепуганный погонщик закричал ему: «Torbo, torbo, fratre!» – «Успокойся, успокойся, братец!» А византийский офицер, знавший латынь, – образованный человек – записал, что, оказывается, у этих дикарей есть ромеи, то есть потомки римлян. Таким образом вскрылось существование румын, которые служили в болгарских войсках.

Потеря Трансильвании для римлян была небольшим ущербом. Гораздо хуже обстояло дело с теми частями империи, которые продолжали оставаться в ее составе. В конце III в. кипела Галлия, где крестьяне устроили восстание и уничтожали все неукрепленные поселки и усадьбы. Это было знаменитое восстание багаудов.

В это же время восстали буколы, то есть пастухи, в дельте Нила в Египте. Поймать их было невозможно, потому что среди многочисленных протоков они были как дома. Они не признавали власти римлян и не платили налогов, а убивали всех пришедших из городов, особенно из Александрии. Война с ними была очень тяжела. Восстали гадраманты – это племя тиббу, негроиды, которые живут в Триполитании. Их надо было отгонять. Восстала вся провинция Африка.

Понятно, что система, которая пережила столетие таких постоянных безобразий, трудностей, самоистребления, не может быть резистентной, и поэтому нечего удивляться, что сравнительно небольшие отряды готов, вандалов, свевов (собственно, одного из свевских племен), франков, лангобардов и других германских, а также славянских племен проникали далеко в глубь страны.

А теперь поставим вопрос: может быть, это падение Римской империи было кризисом рабовладельческой формации? Все было бы очень просто. Конечно, кризис рабовладельческой

формации был, и, конечно, рабовладельческое хозяйство было совершенно нерентабельно в этих новых условиях, но почему-то погибла только западная половина империи. А восточная уцелела с теми же законами, со всеми социальными институтами, теми же порядками, с тем же кодексом римского права, который был кодифицирован в Константинополе, а не в Риме, и даже долгое время – 1000 лет – носила то же самое название – Восточная Римская империя, которую мы сейчас называем Византией?

Вероятно, социальный момент показывает нам одну сторону явления, но когда мы хотим охватить явление целиком, то должны брать и другие моменты, в том числе и особенности этногенеза. На западе, где были основные потомки римлян и римские поселения, мы видим полную деструкцию – замену исконно римского этнического состава населяемых областей на совершенно новый этнический состав. Немецким историком Т. Моммзеном показано, что уже в период начала инерционной фазы, то есть «золотого века» всеобщего процветания, ни мужчины, ни женщины в Риме не хотели иметь детей. Противоестественные пороки были повседневным явлением. Женщины особенно не хотели иметь детей, чтобы не портить фигуру, мужчины – потому что у них было много других занятий [100, т. 3].

Инстинкт отцовства у римлян ослабел. А с чем вообще связан инстинкт отцовства? Он постоянен для всех людей, всегда стремящихся «родить и вырастить». Но это при нормальном взаимоотношении с пассионарностью. А если пассионарность заметно больше инстинкта самосохранения, то, естественно, можно и пожертвовать своими детьми, как делали римские герои легендарного периода. Один из них послал сына, а потом внука на врага. Их убили! Но они успели вдохновить римлян, которые должны были одержать победу; и римляне победили.

В результате наступила в Риме депопуляция: убыль населения за одно только III столетие была очень большая. Насколько? – Сказать, конечно, нельзя, потому что статистику во времена столь беспокойные, естественно, никто не вел, и исследование надежных данных не дает. Но вот Испания потеряла половину населения, сколько Галлия – неизвестно, Италия потеряла очень много[1].

---

[1] Начиная со II в. население Рима неуклонно сокращалось. При Траяне (II в.) насчитывалось около 2 млн. человек; при Константине (IV в.) – около 0,3 млн; при взятии Рима Аларихом (V в.) – около 0,1 млн; через 100 лет, при освобождении Рима от власти готов Велисарием, – около 0,06 млн, из коих только 6 римских фамилий [125, с. 63–64].

Хозяйство в таких условиях, конечно, разваливалось, и рабов уже нечем стало кормить. Их стали сажать на землю и делать из них колонов. Италия стала заселяться захваченными военнопленными, посаженными на землю, которые, естественно, будучи разноплеменными, как в Дакии, изучали латинский язык, чтобы объясняться со своими соседями и начальством. Кроме военнопленных, заселяли Италию и иммигранты. Например, в Сирии было большое количество крестьян, которые уже настолько изуродовали природу своей страны хищническим, безрасчетным земледелием, что наиболее энергичные из них уезжали в Северную Италию и там селились. А так как эти сирийцы были по большей части христиане, то у них были моногамные браки и, следовательно, большие семьи. Они довольно быстро заселили долину По, которая раньше называлась Цизальпийская Галлия, но к тому времени от галлов и римлян, которые их завоевали, уже никакого следа не осталось. Там сложилась другая популяция – итальянцев, отличная от тех, которые были вокруг Рима, близкая к сирийским семитам, христианская по религии и латинизированная по языку. Вот так складываются новые этносы из обломков старых.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «УТРАЧЕННОГО РАЯ»

Таким образом, можно видеть, что утрата этносом пассионарности – процесс необратимый, но постепенный. Дети героев, хотя и не все одновременно, превращаются в капризных мальчишек и тупых эгоистов, не умеющих отличить приятное от необходимого.

Что остается от периода обскурации? Остаются реликты – отдельные остатки. Вот таким реликтом, например, были предки румын. Таким реликтом были баски, которые уцелели от доримского периода в своих горах, где их просто не сочли достойными завоевания. Считалось, что Баскония подчиняется Риму, но никто не устанавливал там никаких порядков.

После того как иллирийские легионы сказали свое слово, остались их потомки, менее пассионарные. Они уцелели в Албании и довольно долго там жили, причем уже не производя никаких великих пертурбаций в окружающем мире. Когда в той же Албании или Басконии появлялся какой-нибудь пассионарный юноша, то ему дома делать было нечего, и баск шел наниматься на службу к французскому или испанскому королю, а

албанец – или в республику Венеция, или в Константинополь, кто бы там ни сидел – христианский или мусульманский монарх, все равно. Он шел наниматься в войска, он шел заниматься торговлей, организовывал разбойничью банду. А те, кто оставались, составляли реликтовые этносы, этносы, которые переходили в состояние *гомеостаза.*

Так вот, поставим сейчас вопрос: а что же такое этнический гомеостаз? Одно время считалось общепризнанным, что гомеостатические этносы – это просто отсталые племена. Их считали примитивными, неполноценными. Думаю, что эта точка зрения абсолютно неприемлема для нас, потому что она отражает устарелые и уже отброшенные во всем мире концепции расизма. А почему им, собственно, было отставать в развитии, чем они хуже нас? Они не хуже нисколько, они к своим условиям применились и адаптировались точно так же, как мы применились к своим. Разве у нас все такие энергичные, все такие пассионарные, все такие творческие? Слава Богу, нет. Потому что если бы все занимались искусством, наукой и политикой, то для кого нужно было бы писать книги, рисовать картины, строить дома? Должен же быть и потребитель, который сделает что-то другое.

Среди так называемых цивилизованных народов (англичан, французов, русских, китайцев, да каких угодно) имеется достаточное количество людей того типа, который мы считаем характерным для гомеостаза. Весь фокус в том, что при гомеостазе этот тип гармоничного человека является преобладающим, что пассионарные особи не уживаются в таких этносах, которые иногда образуют очень примитивные общественные формы, иногда наследуют от прошедшей истории сложные. Иными словами, все эти **реликтовые народы** – это не начальные, а **конечные** фазы этногенеза, этносы, растерявшие свой пассионарный фонд и поэтому существующие в относительно благополучном состоянии.

Изменяется ли императив поведения при переходе в гомеостаз? Да, меняется.

В страшную эпоху обскурации, как мы уже говорили, императивом поведения был лозунг: «Будь таким, как мы, простые легионеры. Не выпендривайся! Императором мы тебя поставим за то, что ты хороший парень, а не за твои заслуги, и будем держать тебя, пока сами захотим. А если ты хочешь совершить какие-то подвиги, которых мы не хотим, мы тебя убьем. А если ты захочешь изучать какие-то науки, которые нам не под силу, так мы тебя убьем. И если ты хочешь составлять богатства и украшать город, чего мы не можем делать, так мы тебя убьем».

Заметим, что, убивая своих предводителей, носители этой фазы обрекают на гибель и себя, потому что они становятся жертвой любых, даже относительно очень слабых соседей. Их уносит поток природного этногенеза, и остающиеся тихие люди, которые были никому не заметны, воздвигают новый, и последний, императив коллектива к личности: «Будь сам собой доволен. Живи и не мешай другим, соблюдай все законы, и мы тебя вообще не тронем». В гомеостатическом обществе жить можно, жить легко. Это, можно сказать, возвращение утраченного рая, которого никогда не было. Но кто из нас согласился бы променять полную тревог и треволнений творческую жизнь на спокойное прозябание в таком гомеостатическом коллективе? От скуки помрешь!

Это прекрасно описано у такого бытописателя, как А. Н. Островский. Он описывает, что попал в гомеостаз актер Счастливцев. «Все, – говорит, – хорошо, тетушка у меня есть, всегда меня накормит, говоря: «Кушай, ты, души своей погубитель», водочки даст: «Выпей, души своей погубитель», «Погуляй, души своей погубитель». «Я, – говорит, – погуляю по садику, водочки выпью, закушу, лягу в светелке наверху. Яблони цветут, дух легкий, птички поют, а мысль – тук-тук-тук, а не повеситься ли мне?» И пошел этот бедняга Счастливцев, как всем известно, опять в бродячие актеры.

Мы знаем на пространствах Ойкумены большое количество реликтовых этносов, которые потеряли способность к саморазвитию, у которых процесс этногенеза закончился. Их очень много и в тропической Америке, и в Южной Индии, встречаются они и в Африке, есть они и в Индонезии, на Малакке, они весьма неактивны и живут спокойно. Прирост населения они регламентируют, чтобы не превышать определенной численности, так как знают, что увеличение численности населения ведет к оскудению района. Они поддерживают баланс в отношениях своего племени с природой – это то, о чем мечтают все цивилизованные государства мира.

У папуасов, например, существовал обычай, согласно которому каждый юноша, желающий иметь ребенка, должен убить человека соседнего племени, принести его голову, но при этом узнать его имя, потому что количество имен строго лимитировалось, и только тогда ему давали право на то, чтобы он завел ребенка. В противном случае не разрешалось [73, с. 180].

Индейцы в Северной Америке вели меж собой жесточайшие межплеменные войны, которые, с точки зрения европейцев, были бессмысленны: земли много, бизонов полно, почему же тогда сиу

убивают, например, черноногих, а те, в свою очередь, убивают дакотов, шаены убивают команчей, команчи убивают шаенов [1, с. 312]. Зачем? А потому что индейцы Северной Америки великолепно знали, что дары природы не беспредельны, они могут прокормить без ущерба для воспроизводства (нормального, природного) лишь определенное количество людей. Если ты хочешь иметь ребенка, пойди убей соседа и, когда освободится место, заводи ребенка. В противном случае это не разрешалось.

Правда, в Америке не было таких ограничений, как в Новой Гвинее у папуасов. Им этого не требовалось, потому что у них эти войны были постоянно и можно было принести скальп человека из соседнего племени или убить серого медведя гризли – это считалось равноценным, после чего юноша мог стать отцом семейства. Благодаря этому индейцам удавалось поддерживать природу Америки в равновесном состоянии вплоть до того момента, когда туда пришли белые, которые ее деформировали, ибо стремились не к гармонии с природой, а к получению прибылей [там же, с. 221–226].

УТРАТА МЕЧТЫ

Гомеостаз – это еще не конец. Люди в этой фазе подобны подавляющему большинству трудящихся инерционной фазы, и не только крестьян и ремесленников, но и исполнительных чиновников, работящих инженеров, добросовестных врачей и педагогов. Ведь пассионариев отличает не умение, честность и приспособленность к выполняемой работе, а честолюбие, алчность, зависть, тщеславие, ревность, которые толкают их на иллюзорные предприятия, а те могут быть иногда полезными, но крайне редко.

Человек фазы этнического гомеостаза чаще всего хороший человек, с гармоничным складом психики. Он, как правило, честен, потому что его не терзают страсти и не соблазняют пороки. Он доброжелателен, ибо ему нет необходимости отнимать у соседа то, что для него было бы не необходимостью, а излишком. Он дисциплинирован, так как воспитан в уважении к старшим и их традициям, но все это делает его природным консерватором, непримиримым к любым нарушениям привычного порядка. Короче говоря, гармоничные особи – фундамент этноса, но в критические моменты бывают нужны башни, а их с потерей пассионарности быть не может.

И ведь гармоничный человек неглуп. Он умеет ценить подвиги и творческие взлеты, на которые он сам неспособен. Особенно нравятся ему герои и гении времен минувших, так как покойники не могут принести никакого беспокойства. И он вспоминает о них с искренним благоговением, что дает право назвать описываемую фазу «мемориальной». Услужливая память опускает все эпизоды, огорчающие человека, да и этнический коллектив. Не то чтобы тяжелые и позорные события полностью забывались, но вспоминать стараются события приятные, тешащие самолюбие. История постепенно становится однобокой, а потом превращается из науки в миф.

Но и это еще не предел упрощения этнической системы. Память – груз тяжелый, а отбор воспоминаний требует некоторой, пусть небольшой, затраты пассионарной энергии. И если этнос-изолят доживает до очередной фазы – глубокой старости, то его члены не хотят ничего вспоминать, любить и жалеть. Их кругозор во времени сокращается до отношений с родителями, реже – дедами, а в пространстве – до тех пейзажей, которые мелькают у них перед глазами. Им все равно, вертится ли Земля вокруг Солнца или наоборот. Да и вообще, им удобнее жить на плоской Земле, ибо сферичность утомляет их воображение.

Субпассионарии этого сорта существуют во всех фазах этногенеза, но их обычно не замечают, потому что очень уж они неинтересны. Но когда они остаются одни, то их называют «примитивными» и «отсталыми», тогда как они просто старые и беззащитные. Но остатки мифов и легенд у них есть, а это показывает, что нами описано не начальное, а конечное состояние этноса, которое называть фазой как-то неудобно. Но предрешенность этногенезов – только вероятность. Безнадежных положений не бывает, ибо всегда возможна регенерация.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СКРЫТЫЕ СИЛЫ

ЭТНИЧЕСКАЯ РЕГЕНЕРАЦИЯ КАК ПРИНЦИП

Итак, мы рассмотрели все известные в этнической истории фазы этногенеза. Но нельзя считать изложение вопроса законченным, если мы не упомянем еще об одном специфическом свойстве этногенеза – способности этноса к *регенерации*.

Суть этнической регенерации – это частичное восстановление этнической структуры, наступающее после периода деструкции. Какой характер носит регенерация в зависимости от фазы этногенеза?

В фазе подъема регенерация на уровне этноса не наблюдается, поскольку пассионарность довольно устойчиво растет, что ведет к усложнению структуры этноса.

В акматической фазе уже есть, что восстанавливать, поскольку эта фаза подрывает политическую мощь этноса, его хозяйство, даже часто бывает связана с повышенным уничтожением собственных сограждан, когда они начинают бороться друг с другом.

Принцип «Будь самим собой» – это принцип обоюдоострый, и если один сам по себе и другой сам по себе, то они мешают друг другу, и в лучшем случае они толкают друг друга локтями, в худших – шпагами, а в еще худших пускают в ход тяжелую артиллерию. И тогда в эти критические моменты оказывается, что ради самосохранения следует восстановить старый принцип, принцип фазы подъема – «Будь тем, кем ты должен быть». Тогда все устанавливается, приходит на круги своя. Этнос создает социально-политическую и государственную систему, при которой он существует, и естественно

возвращается к акматической фазе, то есть опять к взаимоистреблению, но уже некоторое время спустя, когда условия станут более благоприятными и не столь трагичными.

Яркой иллюстрацией такого рода регенерации является восстановление России после Смутного времени. К началу XVII столетия высокий уровень пассионарного напряжения привел к крайне сильному кризису, поставившему под сомнение сам факт существования огромной страны. Только усилиями ополчения, руководимого нижегородским купцом Мининым и обедневшим князем Пожарским, был водворен хоть какой-то порядок и провозглашен царем юный Михаил Романов, на простых санях привезенный в Москву. Уже при Алексее Михайловиче были восстановлены засечные линии против татар, присоединена Украина, шел процесс крестьянской колонизации по Оке и Волге. Но продолжалось это недолго – растущая пассионарность вновь заявила о себе страстями раскола, кровью восстания Степана Разина, Хованщины, стрелецких бунтов и петровских казней. Пассионарный перегрев снова вступил в свои права, и снова каждый стремился быть оригинальным.

При инерционной фазе, когда идеалом является или римский Цезарь, или джентльмен, или святой, или богатырь, также возможна регенерация. Возможно, что в критический момент найдутся какие-то люди, которые опять поставят во главу угла не свой личный эгоистический интерес, не свою шкуру, а свою страну, как они ощущают ее, свой этнос, свою традицию.

ПРОВЕРИМ СЕБЯ

Османская Турция возникла в результате пассионарного толчка XIV в., который прошел через Русь и Литву, Малую Азию, Египет до Абиссинии (см. схему на с. 122–123). Как видите, и русские и турки – народы сравнительно молодые. Они прожили всего по 600 лет. Турция сначала росла как тесто на дрожжах. Первые турки, которые основали могущество будущей Турецкой империи – это кучка беглецов из Средней Азии – туркменов, которые убежали от монголов и, обратившись к местным сельджукским султанам, попросили места для поселения. Иконийский султан разрешил им поселиться за своими владениями, около места Бурса – на границе с Никейской империей, впоследствии Византией.

Турки начали, подобно крестоносцам, священную войну, но за мусульманскую веру и пригласили всех желающих принять в ней участие. Со всего мусульманского Востока стекались пассионарные товарищи, которые готовы были сражаться за веру ислама до тех пор, пока у них сабля не затупится и пока они не получат достаточное количество богатства и жен, потому что на Востоке это тоже считается очень большим достижением.

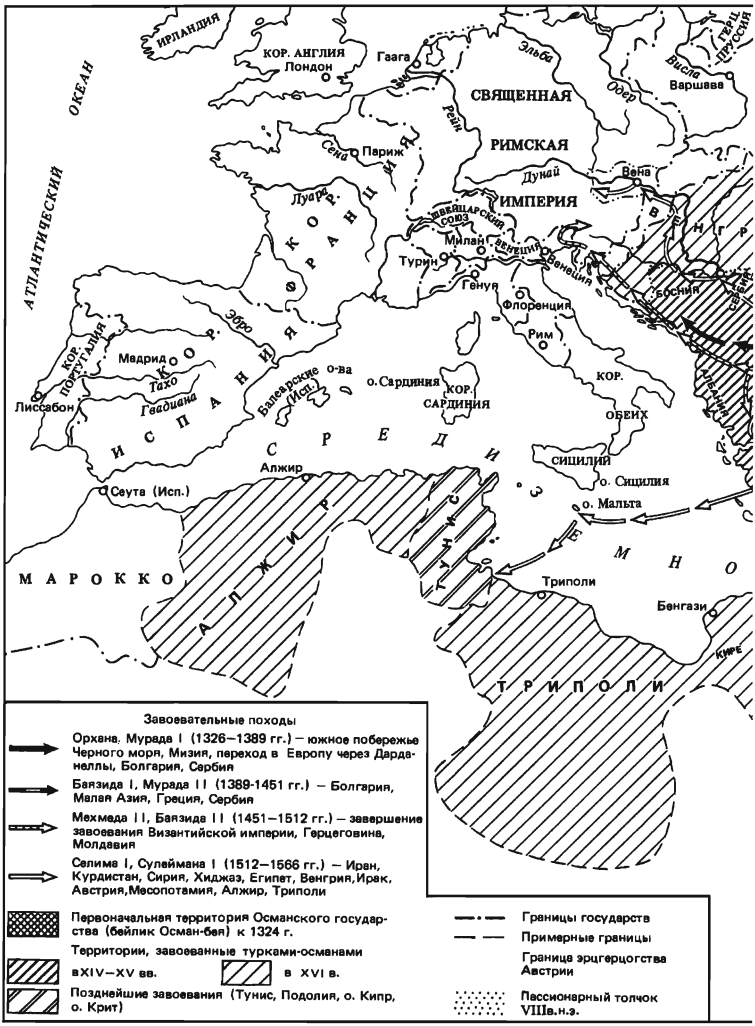
Им выдавались на захваченных землях очень маленькие участки для сельского хозяйства, которые назывались «тимар» – это не поместье, а такая усадьба, где семья обрабатывает садик сама, но тимариот-спаги (всадник) должен был приходить к султану вооруженным, на собственном коне, с собственным оружием и служить в конном войске. Всадниками становились и черкесы, и курды, и еще не разложившиеся арабы, и в большом количестве сельджуки, и туркмены, и малоазиаты, и татары – кто угодно. Каждый, кто произносил формулу ислама, становился турком, а если он хотел служить в армии, то становился спаги, то есть воевал и не платил налоги в виде денег, потому что налог он платил своей кровью.

Но пришел XIV в., когда потомки Эртогрула – Осман и особенно Урхан – перенесли свои военные действия в Европу. В это время одной конницей уже было не обойтись. Нужна была пехота. Тогда они создали новое войско: новый – «янг», а войско – «чарик», это то, что у нас называется «янычары».

Турки, войдя в Европу, на Балканский полуостров, стали брать у завоеванных христианских народов дань мальчиками в возрасте от 7 до 14 лет. Мальчиков обращали в ислам, очень хорошо кормили, обучали богословию (закону Аллаха), потом военному делу и делали из них пехоту. Жили они в казармах, имели котлы, из которых совместно ели очень вкусную кашу. Часть их служила в артиллерии, часть в пехоте. Это была самая лучшая в тогдашней Европе пехота, не уступавшая швейцарской, даже превосходившая ее.

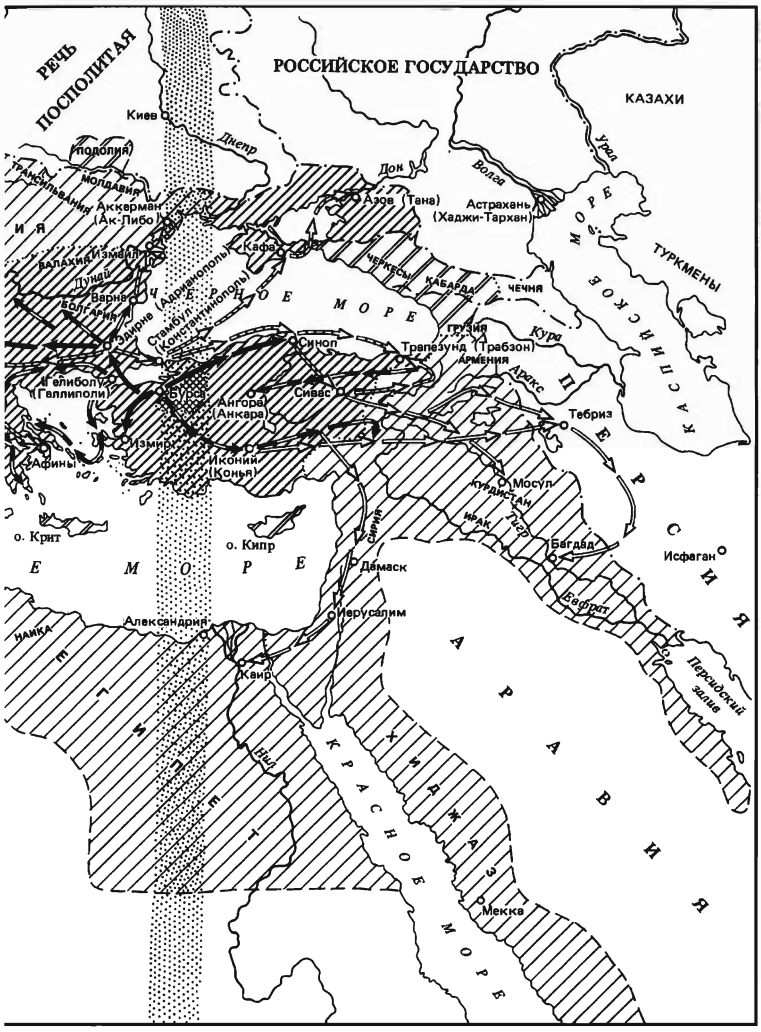
Атаки рыцарской европейской конницы на ряды янычар захлебывались, персидские кызылбаши[1] также не могли прорвать строй янычар. Боевое товарищество у них было изумительно тесное, несмотря на то что это были ребята из самых разных областей, даже из разных этносов. Сербы, болгары, македоняне,

[1] *Кызыл* – красный, *баш* – голова. Туркмены из Азербайджана – шииты, объединенные в 1501 г. шейхом Исмаилом ибн Хайдаром и завоевавшие весь Иран. Они красили бороды хной и носили красные шапки [19, с. 227].



Взрыв этногенеза турок-османов и

греки, албанцы, валахи (то есть румыны) – все могли стать янычарами, надо было только быть христианином, обращенным в ислам. Потом они стали жениться, семьи заводили, но ночевали у себя в казармах, только в отпуск ходили к женам, по-прежнему ели из общего котла и представляли собой надежнейшую и вернейшую силу султана.



создание Османской империи XIV в.

Но раз уж турки вышли на Средиземное море, то стал нужен флот. На флот набрали авантюристов, пиратов и бродяг по всему Средиземному морю. Это были и итальянцы, и греки, и берберы, приезжали датчане, норвежцы, которые нанимались в турецкий флот, а поскольку у них не было ni foi, ni loi, то есть ни веры, ни закона, ни чести, ни совести, то они охотно

переходили в мусульманскую религию. Они вообще не имели никакой веры и христианами были, так сказать, механически.

Они образовали корсарско-пиратский флот на Средиземном море, который свирепствовал так, что Испания в ужасе дрожала, Франция еле-еле держалась, берега Италии постоянно подвергались нападениям, и плавание по Средиземному морю было делом очень сложным. До XIX в. существовали эти корсарские эскадры, базировавшиеся в Тунисе, Алжире, Оране и, конечно, в портах Востока. Наиболее знамениты были два флотоводца. Один носил имя Барбаросса – рыжая борода, по-мусульмански его звали Хайреддин, а по происхождению он был грек с острова Наксос. Другой прозывался Еульдж Али. Происхождение его темное, кажется из берберов. Его переименовали из Еульдж, то есть мародер, в Клыч, то есть меч. Вообще-то он был самый натуральный мародер, хотя и исключительно талантливый адмирал. Испанский, венецианский, имперский и папский флоты терпели поражения от этих головорезов.

Вот так создался османский этнос с турецким языком в основе – как видим, из совершенно разноплеменных субстратов. Объединяющим здесь была военная, государственная судьба, политическое подданство при внешнем признаке – обязательной вере в религию ислама. Но проверить этих людей никто не мог. Они говорили, что они мусульмане, однако вино пили, водку пили, но особенно за ними никто не следил. Во время своих удачных походов они набирали огромное количество невольниц, делали их своими женами, а их дети от этих разных невольниц входили в ряды турок. Таким образом, турецкое государство из маленького княжества вокруг Бурсы превратилось в средиземноморскую державу, в совершенно новую державу, называемую Турция, или, на их языке, Высокая Порта. Сами себя они называли не турки, а мусульмане, а турками считалось туркменское население внутренней части Малой Азии, где было два или даже три мусульманских государства[1], завоеванные этими османами уже довольно поздно, в XV в., после того как они взяли Константинополь.

Надо сказать, что настоящие турки сопротивлялись этому завоеванию со страшной силой, и когда их подчинили, то их тоже заставили служить в войске, но в качестве неполноправных, легковооруженных вспомогательных воинов – акинджи,

---

[1] Караман в Центральной Анатолии (1256–1483), Кара-Коюнлу («черный баран») в Ираке (1380–1468) и Ак-Коюнлу («белый баран») в Восточной Анатолии (1378–1508).

которых использовали для разведки, для грабежа, для рейдов по тылам, для обслуживания транспорта или земляных работ, то есть их эксплуатировали и не уважали.

А те турки, которых мы называем «османами», а они себя – «муслим» (мусульманами), были совершенно особым этносом. Он прошел все фазы, о которых мы говорили, за исключением фазы обскурации. Он дошел до инерционной фазы, когда внутренняя пассионарность потомков туркменских богатырей, первоначальных борцов за веру, была растрачена. Это все было разбавлено огромным количеством европейских авантюристов, поступавших на службу к турецким султанам, тоже менявших свою религию (которой вообще-то у них и не было), становившихся турками, когда разваливалось османское хозяйство от неудачных войн с Россией.

Россия была единственной страной, которая побивала турок, а австрийцев и итальянцев турки били как хотели. Турция потеряла Крым и побережье Черного моря. Войны, которые стоили дорого, были неудачными. Османская империя постепенно стала разлагаться.

Разлагаться она стала не только от войн, но и от безобразного ведения хозяйства [118, с. 266 и сл.]. Поскольку из крестьян выжимали все соки, то они вели хозяйство хищнически, и в этом «благодатном полумесяце», который в древности кормил огромное количество народов, появлялось все больше и больше бросовых земель. Крестьяне бежали в города, тоже вступали в бандитские шайки на море и на суше, потому что это было выгоднее, чем сидеть дома, копаться в земле и подвергаться постоянным оскорблениям и ограблениям со стороны чиновников, чужих для них и непонятно откуда взявшихся. Хотя те и назывались турками, но происходили то из поляков, то из немцев, то из итальянцев, то из французов – из кого попало, кто только захотел обвить себе чалмой голову.

Кончилось это страшной катастрофой в XIX в., когда турки вдруг сообразили, что им чего-то не хватает. – Денег! А откуда их взять? Оказывается, есть очень легкий способ – взять в долг; и они стали брать кредиты под проценты у французских капиталистов на покрытие чрезвычайных расходов, а чрезвычайных расходов у них было много после побед Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича (который вошел в Адрианополь), – вообще огромные расходы были. В конце концов оказалось, что оплатить долг они не могут. И тогда французское правительство пошло навстречу своей французской буржуазии и сказало: «Ну ладно, мы для вас взыщем этот долг». Оно

ввело флот в Эгейское море и потребовало таможни во всех портах, разработки соли и других полезных ископаемых как концессии, право сбора налогов где угодно, пока они не вернут долг.

Итак Турецкая империя, огромная страна, оказалась колоссом на глиняных ногах. Она начала разваливаться и падать, а патриоты поехали в Париж и стали там обучаться европейской культуре и «цивилизации». Пожив некоторое время в Париже, они возвращались совершеннейшими французами и пытались устроить у себя какое-то подобие бонапартовского режима или даже республиканского. Это были младотурки. Кончилось все тем, что эти младотурки произвели революцию, низвергли султана Абдул-Гамида, заключили его под стражу, вступили в мировую войну на стороне Германии и были разбиты, уничтожены. Хорошего в их управлении не было ничего, хотя они обещали всем свободу, но кончилось это жуткой резней армян. Около миллиона армян было вырезано турками, потому что младотурки заявили, что армяне против этого режима. А те действительно были против, потому что никакие недостатки старой организации исправлены не были, и те армяне, которые 500 лет жили под гнетом турецких султанов, богатели, жирели и размножались со страшной силой, населяя даже Америку, были жесточайшим образом этими либералами убиты.

Турцию вот-вот должны были оккупировать войска Антанты. Англо-французы заняли Константинополь, греки – Смирну и пошли в глубь Турции. И тут случилась *регенерация.*

Акматическая фаза кончилась в XVI в., с XVII по XX в. шел инерционный период. Оказалось, что те турки, которые жили около Константинополя, у Эгейского моря, в культурных городах, действительно никуда не годны. Они могли только пить кофе, курить трубки, беседовать на любые темы – о погоде, о политике, о городских сплетнях, но защищаться они совершенно не умели.

А вот дикие, обиженные всеми туркмены внутренних нагорий Малой Азии сохранили свой пассионарный запас, потому что их никуда не брали и пассионарные юноши оставались дома. Им приходилось очень уныло пасти овец, ссориться с соседними армянами (хотя до резни не доходило), заводить семьи и размножаться. И когда их поднял Кемаль-паша на войну против захватчиков англо-французов и греков, то они очень быстро выгнали их из своих пределов и восстановили Турцию в тех границах, которые существуют ныне.

Но здесь мы видим законченный процесс: пример этнической регенерации за счет использования неизрасходованной пассионарности «отсталых» окраинных районов. Пассионарность сгорела в самом Стамбуле, но не в провинциях. То же самое произошло в Аравии, но тут доминанта была другая. Арабов подняли против турок, и они, не имея возможности сражаться с регулярной армией, парализовали турецкие тылы, дали возможность англичанам захватить Палестину, продвинуться от Басры на север, в Месопотамию, и разгромить турок.

Таким образом, импульс у арабов оказался тоже сохраненным в начале XX в., и они добились самостоятельности, потому что подчиняться туркам им было очень неприятно.

ВОЛЯ К СПАСЕНИЮ

В фазе обскурации регенерация носит ограниченный характер. Это особенно заметно, когда речь идет о Византии. Уже в XI в. 20-миллионное население империи охладело к интеллектуальным проблемам. Многие предпочитали всем занятиям роскошную жизнь в самом богатом городе тогдашнего мира – Константинополе.

И в самом деле, чудные постройки, которые искусные ремесленники украшали предметами дивного ремесла, рынки, полные зерна, мехов, девиц из Руси, шелков из Багдада и Китая, вин из Греции, коней из Венгрии и Болгарии, школы, где изучали наряду с Гомером и Платоном поэму о храбром Дигенисе Акрите и стихи Романа Сладкопевца, светлые храмы и могучие стены превращали город в особый мирок, только вписанный в тело Византийской империи.

А кругом столицы, по обе стороны Босфора, на опаленных солнцем холмах Фракии и Вифинии бродили козы, звенели цикады, и загорелые крестьяне обрезали виноград или собирали оливки на арендуемых участках, а то и на полях помещиков. А где-то полудикие горцы Эпира, Тайгета и Тавра готовили мечи и стрелы для отражения врагов: католиков и мусульман. Роскошь столицы была не для них; им достались в жизни труд и война.

Вот здесь и разгадка внезапного ослабления Византии в XI в., поставившего ее на край гибели. Столица и провинции перестали думать, чувствовать, а значит, и действовать согласно.

Особенно остро это сказалось на бюрократии, которая имела тенденцию пополняться за счет исполнителей, для коих отсутствие инициативы – обязательное условие для благополучия и продвижения. В Константинополе возникла школа юристов, главой которой был Михаил Пселл, весьма образованный и ловкий политик. Опираясь на расположение императриц Зои и Феодоры, юристы взяли в свои руки управление страной, сделали своими руководящими принципами законность и рационализм, ограничили провинциальную аристократию... и за полвека поставили Византию на край гибели.

Живое иррационально. Слишком жесткая система теряет пластичность и при столкновениях с внешними слоями ломается. И первыми жертвами становятся талантливые полководцы: здесь это были Георгий Маниак[1] и Роман Диоген[2]. За это время армия была сокращена и частью заменена наемниками из варягов: англосаксов и русских, военный бюджет урезан, крепости запущены, а страна приведена в состояние анархии.

Сицилийские норманды захватили Италию, печенеги вторглись на Балканский полуостров, сельджуки разбили византийцев при Манцикерте и покорили Малую Азию, папа порвал отношения с патриархом, наемные войска вышли из подчинения, и остаток страны потрясали внутренние войны, причем соперники не брезговали призывать на подмогу врагов... Греческое царство превратилось во Фракийский деспотат.

Спасла провинция. Богатый землевладелец Алексей Комнин законов не знал, а в делах разбирался и защищать себя от

---

[1] *Георгий Маниак* – талантливый византийский полководец, побеждавший арабов в Месопотамии в 1032 г. и в Сицилии, был там оклеветан своими бездарными помощниками и отозван в столицу. Зная, что его ждет, Маниак поднял восстание в 1043 г., но в выигранной битве был убит случайной стрелой [83, Т.2, с. 270–271].

[2] *Роман Диоген* – талантливый полководец, принадлежал к каппадокийской знати и, следовательно, был противником клики синклитиков (бюрократов). В 1067 г. он возглавил заговор против императрицы Евдокии, был приговорен к смертной казни, освобожден Евдокией, сослан к себе домой, возвращен из ссылки, стал мужем императрицы и императором 1 января 1068 г. В 1071 г., преданный деятелями оппозиции, Роман был разбит при Манцикерте сельджуками и попал в плен, откуда был вскоре выпущен. Дома его встретили как врага, разгромили с помощью иностранных наемников, взяли в плен и ослепили столь мучительно, что он умер в 1072 г. [там же, с. 283–288].

врагов умел. Он положил конец беспорядкам в стране и спас ее население от бесчинств иноземцев: сельджуков, печенегов и сицилийских нормандцев.

Три поколения Комнинов: Алексей, Иоанн и Мануил – вернули Византии большую часть утраченных земель, за исключением Малой Азии, где обосновались сельджуки, создавшие Иконийский султанат. В Европе же после победы над венграми в 1167 г. византийская граница прошла по Дунаю и Драве, включая Далмацию.

Победа Комнинов была достигнута путем сверхнапряжения, осуществленного путем мобилизации пассионарных резервов, еще не растраченных в провинциях.

Режим Комнинов – яркий пример этнической регенерации за счет использования пассионарности окраин. Так Византия на сто лет продлила свое славное существование, но разгром византийской армии сельджуками при Мириокефале в 1176 г. и огромные потери среди лучших войск были началом конца. В 1180 г. умер Мануил Комнин, и его современник написал: «Кажется, будто божественной волей было решено, чтобы вместе с императором Мануилом Комнином умерло все здоровое в царстве ромеев и чтобы с заходом этого солнца мы все были погружены в непроглядную тьму» [83, т.2, с. 333]. Он был прав!

Окончательный распад проходил при Ангелах и закончился падением Константинополя в 1204 г. Крестоносцы с потрясающей легкостью взяли и разграбили богатый, многолюдный город, население которого позволяло себя грабить и убивать. Но маленькая Никея и бесплодный гористый Эпир побеждали лучшие войска французских и итальянских рыцарей, пока не вернули себе столицу и захваченные врагами области.

Вспышка патриотизма в Никейской империи оживила на время расшатавшуюся страну, но процесс этнического распада продолжался, и даже мужество Иоанна Кантакузина не смогло его остановить[1]. Византийский народ исчез, растворился, деформировался задолго до того, как османы ворвались в беззащитный, вернее не имевший воли к защите Константинополь (5 мая 1453 г.).

---

[1] *Кантакузин* – «великий доместик» – главнокомандующий византийской армией, регент при Михаиле V (1341), вождь аристократической партии в гражданской войне 1341–1355 гг. С 1347 по 1354 г. – император Иоанн VI. Отрекшись от престола, умер монахом в 1383 г.

ПОСЛЕ КОНЦА

Даже тогда, когда этнос распался и перестал существовать как системная целостность, остаются либо отдельные конвиксии, либо отдельные персоны, причем последние оставляют в истории более заметный след. Так, в Константинополе, взятом турками, осталась патриархия в квартале Фанар. Обитатели этого квартала – фанариоты – долго жили, пользуясь милостью султанов, уважавших пророка Ису и мать его Мариам. Только в 1821 г. после восстания морейских греков славянского происхождения, безжалостно вырезавших мусульман, султан Махмуд II приказал повесить патриарха и уничтожил последних византийцев, живших уже без Византии. Но ведь пока они существовали, они помнили о своем прошлом величии и блеске! Пусть даже это не имело значения для истории, но этнограф должен отметить сам факт наличия осколка прошлого, а этнолог обязан это интерпретировать. А вот отдельные персоны, эмигранты, имели особые судьбы в зависимости от места, куда они попали. Во Флоренции они обучали гуманистов греческому языку и элоквенции, в Испании портреты грандов рисовал Эль-Греко, в Москве учил и действовал Максим Грек и т. д. Этой инерции хватило ненадолго, но эстафета культурной традиции была передана.

Таким же пережитком своего этноса был Сидоний Апполинарий, уже ставший христианином и епископом Клермонским в 471 г. Он был очень хорошо устроен при варварских королях, но в письмах изливал невероятную горечь, возникшую от недостатка культурного общения. Никто из собеседников не мог оценить его знаний в латинской филологии. Окружавшие его бородатые бургунды были либо заняты войной, либо пьяны.

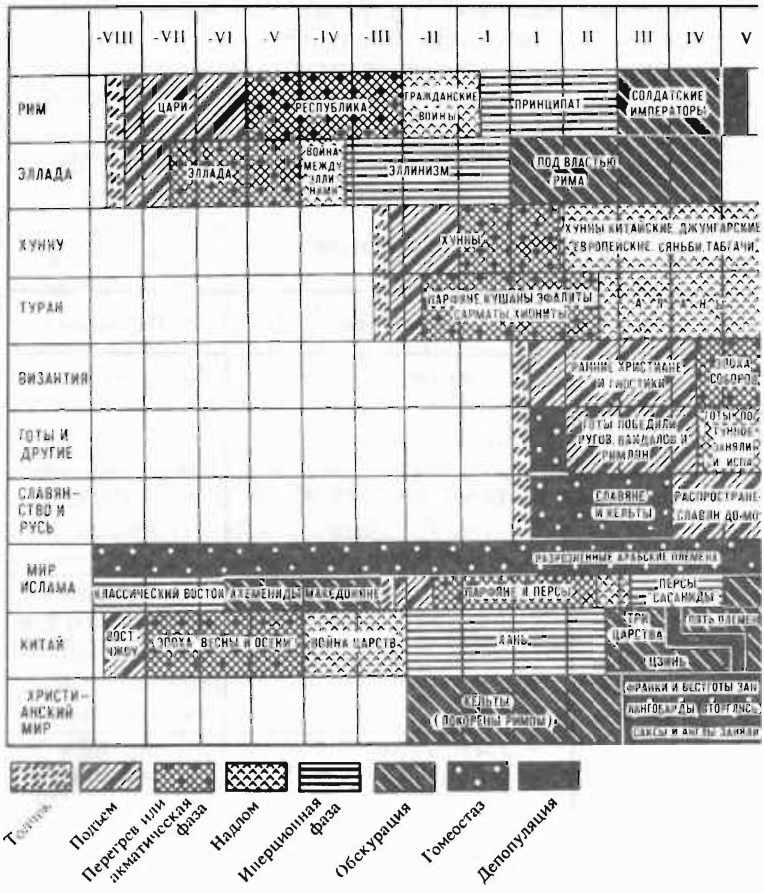
Наиболее обильный материал по этой фазе, которую можно назвать «мемориальной», имется в фольклоре и пережиточных обрядах так называемых «отсталых племен». Замечательные произведения устного творчества имеются у алтайцев, киргизов и, вероятно, у амазонских индейцев и австралийских аборигенов, хотя языковые трудности мешают разобраться в последних случаях детально. Но это не беда. Главное то, что эти этносы отнюдь не «отсталые», а чересчур передовые, т. е. уже достигшие глубокой старости. По сути дела, их память – памятник, столь же подверженный разрушительному влиянию времени как и их наряды, некогда прекрасно сшитые и украшенные, их деревянные дома, называвшиеся «хоромами», их бронзовое оружие,

окислившееся и рассыпающееся при прикосновении. Но это еще не конец, ибо воспоминания – тоже сила.

Описанные здесь люди мемориальной фазы еще имеют кое-какую пассионарность, мучающую их из-за сознания безнадежности. А их ближайшее окружение неспособно даже на отчаяние. Им уже ничего не надо кроме насыщения и тепла от

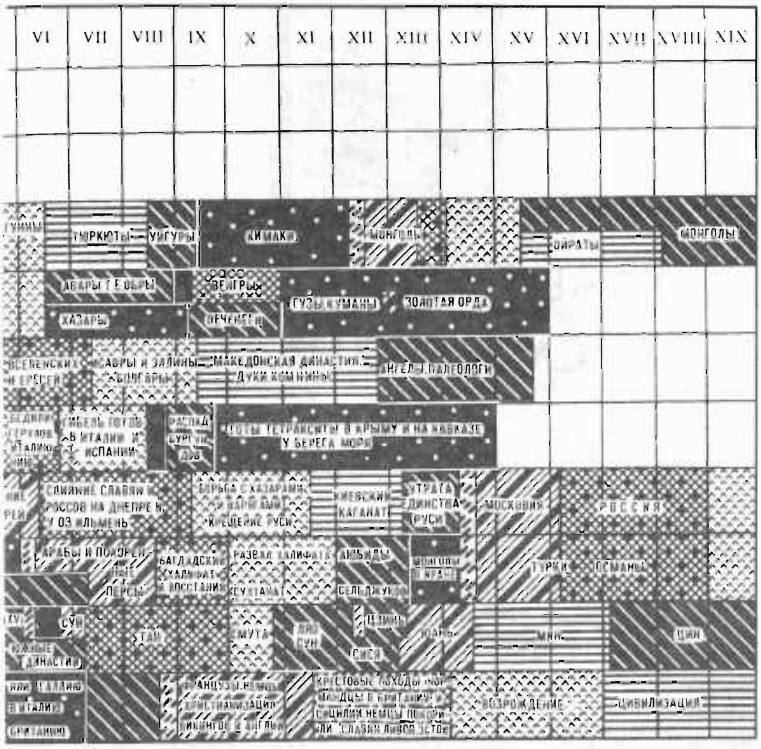
Фазы этногенеза

Фаза	Императивы	Перегибы
Исходное сочетание этносов и ландшафтов региона	Разнообразны	
	«Надо исправить мир, ибо он плох»	Пусковой момент
Подъем	«Будь тем, кем ты должен быть»	—
	«Не по-вашему, а по-моему»	Переход в акматическую фазу
Акматическая (пассионарный перегрев)	«Будь самим собой»	
	«Мы устали от великих»	Переход в фазу надлома
Надлом	«Только не так, как было»	
	«Дайте же жить, гады!»	Переход в инерционную фазу
Инерционная	«Будь таким, как я»	
	«Не будь ты моим благодетелем!»	Переход в фазу обскурации
Обскурация	«Будь таким, как мы»	
	«Да когда же это кончится!!!»	Переход к гомеостазу
Гомеостаз	«Будь сам собой доволен, тролль»	—
	«А ведь не все еще погибло!»	Переход к мемориальной фазе
Мемориальная	«Вспомним, как было прекрасно»	
Вырождение	«А нам ничего не надо»	—



очага. У них идеалы, то есть прогнозы, заменены рефлексами. Они не могут и, хуже того, не хотят бороться за жизнь, вследствие чего длительность этой фазы очень мала. Их подстерегает вымирание при любых изменениях окружающей среды, а так как она изменяется постоянно, то неуклонное однонаправленное развитие, будь оно возможно, привело бы вид Homo sapiens к депопуляции. Но поскольку этого не происходит, то следует заключить, что пассионарные толчки происходят чаще, чем финальные фазы этногенезов.

Новый пассионарный взрыв – мутация или негэнтропийный импульс зачинает очередной процесс этногенеза прежде, чем успеет иссякнуть инерция прежнего. Вот благодаря чему



Фазы этногенеза на суперэтническом уровне *(с. 336-337)*

человечество еще населяет планету Земля, которая для людей не рай, но и не ад, а поприще для свершений как великих, так и малых. Так было в прошлом, предстоит в будущем, во всех регионах земной поверхности.

Коль скоро так, а это действительно так, то можно свести все фазы этногенеза с учетом времени и места (эпохи и региона) на одну таблицу, каковую мы и сделали для северного полушария Старого Света.

Если бы было достаточно сведений, то можно было бы интерпретировать таким же образом этногенезы Америки, Южной Африки и Австралии, но это дело будущего.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СЛОВО О НАУКЕ

В ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ

Когда Наука была в зачатке, люди представляли мир как собрание недвижных предметов: звезд, гор, морей, а если им приходилось наблюдать движение – смену дня и ночи, произрастание трав или старение своих близких, то они считали эти формы движения цикличными. Осуждать их за это было бы несправедливо: ведь обыватели XX в. воспринимают мир так же.

Однако уже Гесиод уловил линейное течение мирообразования: эпоха Урана – пространство без времени и энергии; эпоха Хроноса – добавление времени с броуновским движением чудовищ; эпоха Зевса – добавка энергий (молний). Это было примитивное учение об эволюции, прогрессе и линейном времени. В наше время оно сохранилось в геологии – учении о смене эр: палеозоя, мезозоя, кайнозоя.

Великий Гераклит сформулировал учение о вечной изменчивости: «Все течет, все изменяется, никто не может дважды войти в один и тот же поток, и к смертной сущности никто не прикоснется дважды!», а Зенон доказал, что движения нет, ибо Ахилл не может догнать черепаху. Оба умозрительных заключения делают науку бессмысленной; гераклитовское – потому что описывать исчезающие и неповторимые феномены невозможно, а зеноновское – потому что без движения к предметам изучения нельзя приблизиться для обследования их. Потому-то научное познание заменилось софистикой и Горгий имел право сформулировать свои три тезиса: 1) «Ничего нет!»; 2) «Если бы что-нибудь было, оно было бы непознаваемо!»; 3) «Если бы познание существовало, его было бы нельзя передать!..» Тупик!

Как ни странно, все эти три философских подхода к Науке дожили до XX в., изменив формы, но не настолько, чтобы их нельзя было распознать.

Философские построения оказались неверными. Конечно, река и смертное тело изменяются, но в пределах законного допуска; следовательно, повторное «прикосновение» к ним возможно. Апорию Зенона, утверждавшую, что движение – лишь наше восприятие, поскольку оно немыслимо, опровергло появление дифференциального исчисления: оказалось, что движение, которое действительно основа мироздания, не только наблюдаемо, но и мыслимо, причем непротиворечиво.

Да, стабильными можно назвать те явления и предметы, которые изменяются медленно, но и тут нужно учитывать, что характер изменений определяется не столько видимостью такового, сколько диалектическими законами: переходом количества в качество, единством и борьбой противоположностей и отрицанием отрицания. Эти законы подсказывают ученым необходимость учитывать третий вид движения – колебательное, которое, как мы увидим, лежит в основе многих явлений, в том числе этногенеза.

Факт этнического изменения внутри системы определяется либо накоплением, либо растратой энергии живого вещества биосферы (биохимической), а устойчивость неоднородной системы – законом единства и борьбы противоположностей. Дискретность этногенезов и этнической истории, или, что то же, существование «начал» и «концов», есть прямое проявление закона отрицания отрицания, согласно которому рождение и смерть любой системы неразрывно связаны друг с другом. Диалектика, и только она, позволит решить поставленную нами задачу.

ТЕЗИС

Поставим следующий вопрос: к компетенции какой науки – естественной или гуманитарной – относится все то, что сказано выше о динамике этноса?

Для ответа нам прежде всего потребуется уточнить само понятие гуманитарных и естественных наук. Принято думать, что гуманитарные науки – это те, которые изучают человека и его деяния, а естественные науки изучают природу – живую, мертвую и косную, т. е. ту, которая никогда не была живой.

Это деление неконструктивно и полно противоречий, делающих его бессмысленным. Медицина, физиология и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками. Древние каналы и развалины городов, превратившиеся в холмы – антропогенный метаморфизированный рельеф, находятся в сфере геоморфологии – науки естественной. И наоборот, география до XVI в., основанная на легендарных, часто фантастических рассказах путешественников, переданных через десятые руки, была наукой гуманитарной, так же как геология, основанная на рассказах о Всемирном потопе и Атлантиде. Даже астрономия до Коперника была наукой гуманитарной, основанной на изучении текстов Аристотеля, Птолемея, а то и Косьмы Индикоплова. Люди предпочитали жить на плоской Земле, окруженной Океаном, нежели на шарике, висящем в бесконечном пространстве – Бездне. Эти мнения бытуют еще и ныне, несмотря на всеобщее среднее образование. Отсюда видно, что различие между гуманитарными и естественными науками не принципиально, а, скорее, стадиально. В. И. Вернадский еще в 1902 г. отметил: «В XVIII в. работы натуралиста в геологии и физической географии напоминали приемы и методы, царившие еще недавно в этнографии и фольклоре. Это неизбежно при данной фазе развития науки» [28, с. 200].

Исходя из сказанного, легко заключить, что деление образов мышления, тем самым и наук, по предмету изучения неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. Тут возможны два подхода: чтение книг или выслушивание сообщений (легенд, мифов и т. д.) и наблюдение, иногда с экспериментом.

Первый способ соответствует гуманитарным наукам, царицей коих является филология. Второй – естественным наукам, которые следует подразделить на математизированные и описательные. Математизированные имеют дело с символами; описательные – с феноменами. К числу последних относятся география и биология.

Причина такого странного размежевания наук глубока, но и она описана В. И. Вернадским, назвавшим ее «бессознательным научным дуализмом». Он разъяснял этот тезис так: «Под именем дуалистического научного мировоззрения я подразумеваю тот своеобразный дуализм... когда ученый-исследователь противопоставляет себя – сознательно или бессознательно – исследуемому миру... Получается фантазия строгого **наблюдения** ученым-исследователем совершающихся **вне его** процессов природы как целого» [28, с. 39]. Так, но филолог неизбежно

находится вне изучаемого им текста. Иначе он не может работать. Значит, научный дуализм, столь вредный в естественных науках, – наследие гуманитарных навыков, перенесенных в чуждую им область.

Тут разница принципиальная. То, что гуманитарий рассматривает извне, то естествоиспытатель должен стараться рассмотреть изнутри, ибо сам находится в биосфере, потоке постоянных изменений. В этом потоке он видит больше, чем гуманитарий, для которого открыта только рябь на поверхности, но соучастие в планетарной жизни кончается с его неизбежной гибелью как всякого живого организма. Это и есть диалектика природы.

Отмеченное размежевание гуманитарных и естественных наук не дает права на предпочтение одних другим. Ведь именно гуманитарные науки обогатили современное человечество информацией об иных культурах, как современных эпохе европейского Просвещения, так и мертвых. Именно за это XV–XVI вв., переполненные жестокостями и преступлениями, ныне называются Возрождением. И хотя гуманитарии приучили читателей, алчущих знания, к вере в источники, историческая критика, сопряженная с естествознанием, позволила ограничить веру **сомнением**, в результате чего наука история стала обладательницей огромного количества фактов, то есть элементов любой сложной конструкции. Беда была лишь в том, что, за одним исключением – социально-экономической истории, не было скелета науки – принципа классификации. В любой обобщающей работе факты излагаются просто в хронологической последовательности, вследствие чего плохо поддаются запоминанию.

Физико-химия, астрономия и космография преодолели аналогичные трудности, используя математику, но зоология, физическая география и историческая этнография не позволяют применять к себе математическую символику. Нельзя «думать, что все явления, доступные научному объяснению, подведутся под математические формулы... Об эти явления, как волны о скалу, разобьются математические оболочки – идеальное создание нашего разума» [28, с. 46–47].

Казалось бы, что компетенция естествознания простирается только на те факты, которые существуют ныне, но не на те, что ушли в прошлое. Однако палеонтология и историческая геология изучают именно прошлое, руководствуясь *принципом актуализма*, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом.

Однако это относится к массовым явлениям, но не единичным фактам, представляющим интерес для историка.

Как известно, все природные закономерности вероятностны и, следовательно, подчинены закону больших чисел. Значит, чем выше порядок – тем неуклоннее воздействие закономерности на объект; и чем ниже порядок – тем более возрастает роль случайности, а тем самым и степень свободы.

Поэтому в естествознании единичное наблюдение воспринимается критично. Оно может быть случайным, неполным, искаженным обстоятельствами, в которых находился наблюдатель, и даже его личным самочувствием.

И в опыте ошибки возможны. Опыт может быть не чистым: данные могут быть искусственно подогнаны (артефакт) или не учтены все привходящие компоненты. Но все эти недостатки компенсируются большим числом наблюдений, где неизбежная ошибка лежит в пределах допуска. Иначе говоря, она столь мала, что ею не только можно, но и нужно пренебречь.

Так возникает эмпирическое обобщение [26, с. 19] – непротиворечивый комплекс сведений, по достоверности равный наблюденному факту. И если историк или палеоэтнограф встает на этот путь, он получает столь же блестящие перспективы, какие уже имеют биологи, геологи и географы. Пусть исходный элемент исторического исследования – эксцесс. Если набрать их много, они будут поддаваться классификации, а в дальнейшем и систематизации, а тем самым дадут верифицированный материал для эмпирических обобщений. Этим путем в XIX в. пошла социально-экономическая история, и ее данные легли в основу исторического материализма, предмет которого – не отрывочные сведения летописцев, а объективная реальность со свойственной ей закономерностью.

В исторической географии и этнографии XIX в. такой постановки вопроса не было, потому что не было способов ее решения. Они появились лишь в середине XX в. Это были системный подход Л. фон Берталанфи [11] и учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого вещества биосферы [27]. Именно эти два открытия позволили сделать эмпирическое обобщение всех ранее установленных фактов и дать тем самым описательное определение категории «этнос», установив характер движения материи в этногенезах.

Тем самым гуманитарная историческая география и палеоэтнография превратились в новую естественную науку – *этнологию*.

А как же история, сведения которой мы употребили столь обильно?

Она, как двуликий Янус, осталась гуманитарной там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих, т. е. там, где изучаются здания и заводы, древние книги и записи фольклора, феодальные институты и греческие полисы, философские системы и мистические ереси, горшки, топоры и расписные вазы или картины, короче говоря, источники, которые по сути своей статичны и иными быть не могут.

Эти вещи человек создает своим трудом, при этом выводя их материал из цикла конверсии биоценоза. Он стабилизирует природный процесс, ибо эти вещи могут только разрушаться [86, с. 94].

Но человек – член не только общества (Gesellschaft), но и этноса (Gemeinwessen) [97]. Вместе со своим этническим коллективом он сопричастен биосфере. Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, он оставляет свой след путем свершения событий, которые составляют скелет этнической истории – функции этногенеза. В этом аспекте история – наука естественная и находится в компетенции диалектического, а не исторического материализма.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Как известно, география исследует становление поверхности Земли, включающей четыре оболочки: литосферу, гидросферу, атмосферу и биосферу. Сочетание их – результат множества природных и техногенных процессов, создавших и затем постоянно меняющих облик Земли. Именно это сочетание создает ту специфику, которая выделяет географию не как случайный комплекс сведений, а как самостоятельную науку о разнообразии географической среды.

Процессы в географической среде идут в рамках пространственно-временных закономерностей. Поскольку время здесь – обязательный параметр, то любые уточнения хронологии в географических науках небесполезны. Так, историческая геология показывает на изменение внебиологических оболочек Земли, однако даты происшедших изменений рельефа, химического состава атмосферы и гидросферы весьма приблизительны и измеряются геологическими периодами. При изучении биосферы – в палеозоологии и палеоботанике – допуск

меньше: мастодонты и махайродусы вымерли в кайнозое. Абсолютную же хронологию (с точностью до года) дает только изучение антропосферы даже не в голоцене, а в историческом периоде. На этой основе антропогеография показывает последовательность изменений, происшедших за последние пять тысяч лет. В таком аспекте биосферные процессы следует рассматривать как Мезокосм, лежащий между уровнями Макрокосма (Космоса) и Микрокосма (явлениями атомными и молекулярными). Но как считать планетарное время применительно к биосферным структурам, учитывая сменяемость видов и этносов?

Линейное время без начала и конца весьма удобно для абстрактных построений, но не может отразить разнокачественности возникающих в биосфере систем. И тут мы наталкиваемся на феномен, ранее не учитывавшийся и ныне непонятый в должной мере. Законы природы в общих своих формах едины для разных уровней структурной организации материи, хотя и проявляют себя через многообразие. Этот исходный принцип диалектического монизма получил блестящее подтверждение в синэргетике и этнологии. Поэтому хронологические уровни (как характеристика развития) имеют значение для множества уровней: от атомного и молекулярного (у И. Пригожина) [112] до популяционного (у автора этих строк). С последним обстоятельством связано и значение общей теории систем для географии. Наблюдаемая в природных процессах вспышка энергии (*отрицательной энтропии*) с последующей ее растратой представляет собой универсальный механизм взаимодействия системы со средой. Эта универсальность, доказанная И. Пригожиным для микрообъектов, в географии описывается как движение на популяционном уровне. Иными словами, и на биосферном уровне развитие осуществляется не эволюционно, а дискретными переходами – от равновесия к неравновесию и обратно. Возникающая структура всегда ведет себя иначе, нежели прежняя, уже растратившая первоначальный импульс и близкая к равновесию со средой. Значит, импульс – начало процесса *диссипации*, ведущей систему к неизбежному распаду.

В связи с этим напрашивается мысль восточной хронософии о цикличности процесса, подобной смене времен года или фаз Луны. Сыма Цянь в I в. до н. э. сформулировал, как уже отмечалось, тезис исторического развития так: «Конец и вновь начало». Однако дело обстоит сложнее: цикличность в биосферных процессах (видообразование) в этногенезе не наблюдается.

Обсуждаемый тип взаимодействия отвечает не ритму (повторению), а инерции эксцесса, при котором изменение потенциала описывается сложной кривой подъемов, спадов и зигзагов. Эта кривая сгорающего костра, вянущего листа, взрыва порохового погреба. Разница здесь лишь в продолжительности процесса, а этногенезы длятся от 1100 до 1500 лет, если их не нарушают экзогенные воздействия, например геноцид при вторжении иноплеменников или эпидемия.

Но кроме отвергнутых форм движения времени (поступательной и вращательной) есть еще и колебательная – затухающее звучание струны после щипка и маятника после толчка. Растрата энергии импульса от сопротивления вмещающей среды и ее рассеивание – это диссипация, которую мы наблюдаем в биосфере Земли. Биоценозы, да и этносы, возникают внезапно, образуют экосистемы и медленно рассеивают биохимическую энергию живого вещества, описанную В. И. Вернадским. В этом аспекте этническая история (в отличие от истории социальной, движение коей спонтанно) составляет часть биосферы.

И в древности были этносы – творцы антропогенных ландшафтов, ибо руины городов Месопотамии, Египта, Юкатана и курганы Великой степи – это следы былых диссипаций, так же как пустыни и солончаки в свое время завершали попытки древних людей бороться с их праматерью – биосферой. Победа была недостижима принципиально, ибо предел диссипации – равновесное состояние этнической системы со средой (гомеостаз), т. е. утрата резистентности, для которой не остается энергетических ресурсов. Вот почему большая часть этносов, живших и творивших в исторический период, уже не существуют. Этносистемы развалились на части, на обломки и на пылинки, т. е. отдельных людей, которые затем интегрировались в новые системы в обновленных ландшафтах с новыми традициями. По сути дела открытие И. С. Пригожина есть обоснование принципа защиты окружающей среды, ибо **оптимальна дружба с природой, а не победа над ней.**

ДИАЛОГ С ЧИТАТЕЛЯМИ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Автор: Литературный прием диалога позволяет суммировать разнообразные вопросы, некогда заданные автору, и длинные беседы с читателями и их знакомыми. Преимущество жанра диалога – лаконичность. Итак, предлагаю диалог.

Антрополог: Почему Вы отбрасываете антропологию? Это нелогично. Если считать этногенез явлением не социальным, то оно должно быть биологическим, а раз так, то расовый признак должен иметь решающее значение. Ведь не отрицаете же Вы наличия отдельных рас, с присущими им наследуемыми признаками?

Автор: Конечно нет. Расы существуют как подразделения вида Homo sapiens. По принятому делению их три, по В. П. Алексееву, их шесть, так как он выделяет в самостоятельные расы американоидов, австралоидов и «койсанскую расу» в Южной Африке (готтентоты, бушмены и т. д.), но этносов – сотни и даже, может быть, больше тысячи, если когда-нибудь удастся сделать полный подсчет за 30 000 лет. Уже это одно показывает, что системы отсчета в антропологии и этнологии различны.

Затем, расовые признаки могут определить пигментацию кожи, рост, толщину волос, а иногда даже темперамент, быстроту реакции, половую потенцию, но не пассионарность – основной этногенный фактор.

Кроме того, все этносы в начале своего возникновения были плодом скрещения двух и более расовых типов, способов взаимодействия с вмещающими ландшафтами и даже психическими складами. Только в результате длинного процесса энтропии эти различия уравниваются и получается «чистый» этнос с единым стереотипом поведения, но беззащитный и нежизнеспособный.

Антрополог: Но не будете же Вы отрицать,что физиологические расовые особенности не накладывают своего отпечатка на культуру, в которую входят их особи?

Автор: Конечно нет, но заметьте, что Вы ввели третью систему отсчета – культуру. Однако понятия «культура» и «этнос»

столь же несоизмеримы, как добавляемая к ним «раса». Эти аспекты не только не покрывают друг друга, но и не пересекаются. Не буду теоретизировать, а приведу пример. А. С. Пушкин имел негритянскую примесь, т. е. был мулат. В его характере были негритянские черты, но ни для окружающих, ни для него самого это не имело никакого значения. Мало этого, он говорил и читал по-французски с раннего детства, т. е. по культуре был западным европейцем. Ну и что? Знание иностранного языка просто расширило его кругозор, но русский патриотизм лежал глубже и не был затронут стихами Парни. Так, значит, надо искать эту среднюю стихию, на которую не влияют ни «кровь» (расовые черты), ни образование. Это и есть этническая система отсчета, которая, по нашей гипотезе, лежит в ритме (частоте колебаний) биополя. Многообразие ритмов очень велико... и каждый ритм соответствует особому этносу, возникает и пропадает в историческом времени и, являясь природным феноменом, формирует стереотип поведения этноса, или этнопсихологию. Это явление заслуживает самостоятельного изучения, а не сведения к расе или культуре.

Антрополог: Но ведь расы очень различны; так можно ли игнорировать возможности каждой из них?

Автор: Да нет, зачем? Любое знание лучше невежества. Однако все этносы находятся в тех или иных фазах, а расы развиваются так медленно, что их часто воспринимают как категории стабильные и присущие расоносителям. Это еще не беда, но, увы, за характеристикой постоянно следует оценка: «выше – ниже», «лучше – хуже», «прогрессивнее – регрессивнее».

Разве законно предпочитать анионы катионам или кислоты щелочам? Так же неправомерно вносить категорию качества в элементы системы, называемой «человечеством». Эти элементы разнообразны, но дополняют друг друга; поэтому при сравнении их между собой понятия «лучше – хуже» неуместны.

И наконец, принцип расовой диагностики – сходство признаков, а этнической – различие взаимодополняющих элементов системы, причем именно разнообразие (при единой доминанте) определяет стойкость этноса в межэтнических коллизиях, не всегда трагичных, но всегда опасных. Итак, не следует смешивать две науки в одну, чтобы затем спорить о том, что важнее. Синтез наук состоит в том, чтобы, обмениваясь информацией, помогать друг другу, а не подменять одной наукой другую. Не так ли?

Антрополог: Да, тут спорить не о чем.

Философ: Нет, погодите... В истории существует социальный прогресс, развитие производительных сил и смена

производственных отношений. Одни общества продвинулись далеко вперед, другие отстали. Значит, сравнение их по этому принципу возможно и, более того, закономерно. Социальное развитие спонтанно, а поэтому не зависит от природных явлений. Соотносить природные импульсы со спонтанным движением – географический детерминизм, что неприемлемо. Плохо только, что нет объяснений отсталости и регресса, наблюдаемых очень часто; но даже при этом понятие энтропии, т. е. уравнения потенциалов, кажется противоречащим принципу прогрессивной эволюции. Неужели автор книги отрицает прогресс?

Автор: Зачем отрицать или признавать. Лучше объяснить свою точку зрения, неизвестную Вам потому, что она нова.

Философ: А что может быть, кроме движения вперед или назад?

Автор: Форм движения три. Известная Вам поступательная, вращательная, породившая в древности теории циклизма истории, не выдержавшая критики при проверке на фактическом материале, и колебательная. Тронутая струна на скрипке звучит и смолкает, но в ее движении нет ни «переда», ни «зада». Именно эта форма движения – затухающая вибрация – отвечает параметрам этнической истории.

Философ: Но где же тогда прогресс?

Автор: В социальной форме движения материи! Только там идет прогрессивная смена формаций на основе развития производительных сил и производственных отношений. А там, где нет развития техники, – нет и прогресса. Вот Вам объяснение «застоя».

Философ: Но при чем здесь энтропия?

Автор: Для объяснения спонтанного социального развития принцип энтропии действительно неприменим. Но для дискретных процессов этнической истории он необходим: ведь люди – организмы, живущие в коллективах, возникающих и исчезающих в историческом времени. Это – э т н о с ы, а процесс от их возникновения до распада – э т н о г е н е з. Смысл этногенеза в утрате импульса, создавшего систему, до нулевого уровня – г о м е о с т а з а. Ничего подобного мы не видим ни в социальном развитии, ни в биологической эволюции, ни в циклическом движении планет вокруг Солнца. Следовательно, социальное развитие, биологическая эволюция и этногенез – явления несоизмеримые, как, например, длина, вес, степень нагрева и электрический заряд тела, хотя они вместе дают возможность описать предмет в его развитии, т. е. фазу процесса его становления, даже если это только момент.

Философ: Но какое измерение Вы считаете главным? Без ответа на этот вопрос Вы скатитесь к теории многих факторов, отброшенной еще в прошлом веке, так как она не давала возможности улавливания закономерности развития.

Автор: Для каждого объекта «главным» является свой фактор, выявленный путем эмпирического обобщения. Этим путем установлено, что этносы возникают то тут, то там. Значит, энтропийному процессу – этногенезу – предшествует негэнтропийный взрыв, своего рода толчок, импульс которого закономерно затухает в историческом времени от сопротивления среды или при рассеянии энергии. Вряд ли Вы будете защищать мнения профанов, что разрушительные завоевания совершались по капризу злых и глупых правителей, которым почему-то подчинялись их добрые и умные подданные и ради алчных начальников позволяли себя убивать в ненужных им войнах. Хотя в популярной литературе такие сентенции встречаются, но они не заслуживают обсуждения уже по одному тому, что под таким углом зрения нельзя объяснить, почему обижаемые не сопротивлялись обидчикам. Короче, почему древние, развитые цивилизации, обладавшие экономической базой, культурой и совершенной для их времени техникой, исчезли, равно как и создавшие их этносы, а на их месте появились новые, хотя от этой замены не выиграл никто? И наконец, везде ли так или гибель Рима в V в. – только частный случай, которого могло и не быть? По-моему, здесь, как и в социальной истории, есть своя закономерность, в которую укладываются случайности, погашающие друг друга, но неспособные нарушить общий ход этнической и социальной истории.

Философ: Ну раз Вы признаете диалектический монизм, в котором сочетаются случайности и закономерности, то у меня повода для спора нет.

Историк: Римская империя погибла из-за кризиса рабовладельческой формации, тормозившей прогресс вследствие несовершенства способов эксплуатации.

Автор: Но почему погибла только половина Римской империи – западная, а восточная существовала еще тысячу лет? И ведь нельзя сказать, что франки, захватившие римскую Галлию, вестготы, подчинившие римскую Испанию, англы и саксы, вторгшиеся в римскую Британию, и лангобарды, овладевшие Италией, навели там порядок в отношении развития производительных сил. Скорее, наоборот. Эти этносы показали свою бездарность и в мирной жизни, которой не стало из-за постоянных смут, и в военной, ибо их громили все соседи: арабы, викинги, греки и авары до X в. Даже феодализма они не умели

наладить целых 500 лет. Тем не менее сила была на их стороне. Почему? Объясните, пожалуйста.

Историк: Это не важно. С X в. в феодальной Европе наблюдается прогресс, который привел к капитализму англичан, немцев, французов...

Автор: Вот-вот! Именно новообразовавшиеся этносы. А иберы, пикты, фризы, гельветы – где они? Они или вымерли, или рассеялись розно, или вошли в состав новых этносов, забыв свою прежнюю традицию. Для их потомков это был такой же упадок, как и для древних римлян, эллинов, ассирийцев, исавров. Мир обновился и обновлялся везде и всегда, на фоне вечно меняющейся географической среды и развития социальной сферы. **В этом взаимодействии этногенез играет свою роль: он – звено между биосферой и социосферой.** Неужели Вы с этим не согласны?

Историк: Пожалуй, это верно, но я предпочитаю заниматься прогрессивными обществами, а не темными эпохами упадков. Я не врач, чтобы лечить болезни человечества, да еще без надежды на удачу.

Автор: Каждый волен выбирать себе тему по своему вкусу.

Археолог: Нет, я определенно не согласен с Вашим принципом. Меняются культуры, разумеется археологические, а не люди, потому что они происходят от своих предков. Французы происходят от галлов, ну и, конечно, франков, англичане – от англов и саксов, русские и украинцы – от восточных славян, а те – от скифского племени сколотов и т. д. Уж не думаете ли Вы, что эта преемственность может быть нарушена в будущем или нарушалась в прошлом?

Автор: Прошу сформулировать Ваш тезис корректно. Что все люди имеют предков – ясно; что далеко не все имели и будут иметь потомков – тоже ясно. А вот до какого предела можно искать предков? До верхнего палеолита? До нижнего? Но тогда жили неандертальцы! Значит, по Вашей мысли, они тоже предки русского, французского, английского этносов? А предки неандертальцев – приматы-антропоиды? Чьи они предки: немцев или поляков? Нет, не обижайтесь! Ученый обязан быть последовательным. Если Вы видите в сколотах прарусских, то, что Вам мешает искать их в межледниковом периоде, скажем в Рисс-Вюрме? Но тогда надо делить тогдашних питекантропов на прасколотов, прарумын, пранемцев, прафранцузов. Не так ли?

Археолог: А что Вы предлагаете взамен?

Автор: Согласно теории эволюции, мы все, включая нас с Вами, произошли от сумчатых мезозоя, как те – от рептилий

триаса, от амфибий карбона и от одноклеточных археозоя. Но ведь очевидно, что люди не амебы, не динозавры и даже не австралопитеки. Значит, подмена исторической традиции биологической эволюцией неправомерна, да и научно бесперспективна, потому что этнос – система, а не поголовье «двуногих без перьев», как назвал людей Платон.

При системном подходе, принятом ныне всюду, в мире все сложно, а просто – в голове дурака. Молекула – система атомов, клетка – система молекул, организм – система клеток, **этнос – система людских организмов**: да-да, именно **система, а не сумма!** Следовательно, различие между этносами заключается не в постоянной взаимозаменяемости людей, как клеток в организме, а в смене системных связей и образовании нового стереотипа поведения. А сменил ли он кремневые орудия на бронзовые,не имеет значения; убивать соседей можно любыми топорами и даже фугасной бомбой. Иными словами, отсчет по культурам (археологическим) и по этносам отнюдь не совпадает. Археология – наука о памятниках – не может подменить историю – науку о событиях в их связи и последовательности, а история лишь фиксирует «концы» – обрывы традиций и «начала» – вспышки пассионарности, зачинающие новый этногенез – образование еще не бывшего этноса.

Археолог: Но ведь у нового этноса был предшествовавший?

Автор: И как минимум два, а часто больше, как у ребенка есть отец и мать, а сам он не прямое продолжение того или другой, а нечто третье. Так, сколоты смешались на берегах Днепра с росомонами и антами, из-за чего образовался древнерусский этнос – русичи, расколовшиеся на части в XIV в. Северо-восточные русичи слились с мерей, муромой, вепсами и тюрками из Великой степи – образовались русские, а юго-западные слились с литовцами и половцами – белорусы и украинцы. Но для слияния необходим высокий накал биохимической энергии живого вещества, т. е. *микромутация*. Ее-то Вы ни в каком раскопе не найдете. Она обнаруживаема только по вариациям хода исторических событий.

Археолог: Да, приходится признать то, что моя наука для решения Ваших проблем непригодна. Ваша наука не гуманитарна. Это, скорее, география антропосферы за исторический период.

Автор: Ну вот, мы поняли друг друга. С Вашей формулировкой я теперь полностью согласен.

Филолог: Мне непонятно, о чем идет речь. История – это информация, записанная в текстах. Другой нет! Значит, дело историка собрать источники информации, дополнить их

библиографией, сделать переводы с экзотических языков и добавить комментарий, взяв данные из трудов предшественников. Это и есть гуманитарная наука – история.

Автор: Да, Вы правы. Гуманитарная наука дает возможность многое узнать, но не позволяет многого **понять**. Гуманитарий ограничен научным уровнем изучаемых авторов древности, а он был ниже, чем в XX в. *Этнология* ставит иные задачи. Она опирается не на тексты, а на факты и на их системные связи; при строгом соблюдении заданного уровня эмпирическое обобщение возможно и плодотворно, потому что, сопоставляя системные целостности с учетом фаз этногенеза (возрастов), мы получили целостное представление о тысячелетнем периоде этнической истории Евразийского континента. В этой истории, как мы видели, участвовали четыре больших суперэтноса, постоянно взаимодействовавших друг с другом и имеющих «начала» и «концы», что объяснило коллизии, время от времени возникающие при столкновениях на суперэтническом уровне.

Филолог: Самое главное – правильно перевести аутентичный текст, а понимание его придет само собой.

Автор: А если в тексте находится сознательная ложь? Или бессознательная, но отвечающая уровню знаний его составителя? Или просто ошибка, потому что древние люди ошибались так же часто, как и мы? Что делать тогда? Неужели верить источнику?

Филолог: Мы, гуманитарии, изучаем тексты, а Ваши соображения – домыслы. Доказательством являются слова древнего автора. Если же Вы разошлись с ним во мнениях, то Вы не правы. Для меня это очевидно, и доказать обратное Вы не можете!

Криминалист: Несмотря на то что по роду деятельности я не принадлежу к академической науке и являюсь только ее потребителем, т. е. читателем, полагаю, что мое мнение будет не лишним. Речь идет о «зигзагах истории». Преступления можно назвать «зигзагами биографии» преступника и жертвы. Следовательно, с позиции моей специальности я могу рассматривать зигзаги как преступления на этническом уровне, подлежащие раскрытию в полном объеме, с мотивами, связями и облегчающими обстоятельствами.

Материал тот же: многочисленные показания и доносы. Если все их принимать на веру, то все люди сидели бы за решеткой, а подлинный преступник имел бы наименьший срок. Поэтому методика филолога не конструктивна. Тексты доносов надо проверять, учитывая возможные алиби, применяя следственный эксперимент, сличение показаний и т. п. Но и это даст

возможность установить лишь сам факт, а не его причины и последствия.

Подход историка годится только для ортогенных процессов, а не для их нарушений. Общее направление деятельности человека, а равно и этноса определить можно, но «зигзаги» на любом уровне – результаты случая, нарушения закономерности (в науке) и закона (в личной жизни), а потому из общего правила выпадают, требуют индивидуального подхода и оригинального решения. Для всех случаев верно только одно положение: зигзаги в истории и в личной жизни бывают и иногда влекут за собой летальный исход – убийство или депопуляцию этноса. Этого одного довольно, чтобы оправдать интерес к мрачным периодам истории, чтобы искать средство для предупреждения возможных бед.

Ценнее соображения антрополога. Характеристика субъекта, хотя и не является причиной «зигзага», может кое-что прояснить в происшедшем, оценить размеры содеянного и его последствий. Но надо помнить, что его данные – вспомогательный материал, а суть дела в логике событий, которую ищет автор книги, используя историю и географию. По сути дела он употребляет мою методику расследования. Так мне ли с ним спорить?

Автор: Спасибо.

Географ: География – наука синтетическая. Она всегда граничит с соседними, точнее, смежными науками, используя данные математики, зоологии, ботаники, экономики, социологии, оставаясь при этом самой собой. Все явления географической среды динамичны, но литературоведы, источниковеды, искусствоведы изучают предметы статичные: тексты, картины и т. п. Поэтому мы считали, что история нам не нужна.

К счастью, мы ошиблись. Оказалось, что есть этническая история, изучающая процессы, проходящие в биосфере Земли и меняющие ее облик. Для такой постановки научной проблемы история – дисциплина вспомогательная, собирающая и накапливающая первичные данные, а **этнология** – способ их обработки для нужд природоведения. Короче, Клио не следует ссориться с Уранией; на Парнасе места много для всех сестер.

Великий ученый, академик Бэр мечтал о построении «мостов между науками». Этнология – это один из таких «мостов». Она описывает и объясняет изменения поверхности Земли, произведенные человеком, по значению равные геологическим катаклизмам малого масштаба; к этим катаклизмам относятся миграции растений и животных, изменение химического состава почв, искусственное преобразование рельефа за счет

архитектуры, ибо города и их руины создают метаморфизованный антропогенный рельеф, отличающийся от природного. Человечество – активная часть биосферы и как таковая входит в компетенцию географии.

Итак, если историки пренебрегают этнологией, действительно построенной не на пересказе текстов, а на наблюдениях, проверенных и осмысленных, то географам эта наука близка и нужна. К автору может быть предъявлена только одна претензия. Он должен показать, как и почему не происходит слияния этносов, даже при одинаковом уровне техники и материальной культуры. Казалось бы, что в искусственно созданной техногенной среде, например в урбанистических мегаполисах, мозаичная этносфера может слиться в монолитную антропосферу, осуществляя при этом единый общечеловеческий прогресс. Пока картины этого будущего расцвета описываются писателями-фантастами, но ведь мечта – тоже движущая сила прогресса.

Автор: А почему в природной среде мы не наблюдаем ничего аналогичного? Горы сглаживаются в одних местах и растут в других; циклоны меняют пути прохождения, создавая колебания климата не на всей планете, а в отдельных регионах, что, в свою очередь, влияет на флору и фауну. Природа Земли динамична, а для того, чтобы создать и поддерживать мегаполисы, необходимо брать дары этой меняющейся природы, а это значит, что надо меняться вместе с ней. И, кроме того, сами люди, поскольку у них есть тела, являются частью вечно меняющейся природы, ибо они так же подвержены мутациям, как и все организмы. И эти мутации так же неуправляемы у людей, как и у вирусов гриппа.

Нет, если бы мечта фантастов осуществилась, то разнообразное творческое и мятущееся человечество превратилось бы в эндемичную популяцию вроде новозеландской гаттерии. Желательно ли это? Ведь это финал энтропийного процесса!

Географ: Разумеется, нет! Но, исходя из Ваших идей, такая судьба нашим потомкам не грозит, так как пассионарные толчки то и дело перемешивают антропосферу, чем поддерживают меру разнообразия. Однако межэтнические коллизии ведут то к обмену информацией, то к столкновениям, часто весьма разрушительным. Упускать из виду эту проблему нельзя. Видимо, придется Вам написать еще одну книгу.

Научный сотрудник: Странные вы люди. И чего вам надо? Принцип науки: «Тех же щей, да погуще влей!» Диссертацию написать, конечно, надо, но так, чтобы оппоненты узнали в ней свои собственные мысли, ученый совет скучал, а диссертанту

только оставалось лишь кланяться и благодарить. А потом, для выполнения плана можно писать положительные рецензии, популярные статьи и читать лекции в обществе «Знание». А если и это не удовлетворяет тщеславного автора, пусть он купит себе цветной телевизор и ходит в туристские походы. И план будет выполнен, и начальство довольно.

Автор: Аналогичные советы мне давали неоднократно. То это были почтенные профессора, то директора издательств, то мои сверстники, уже купившие дачу и машину. Но я им не внял, и вот почему: есть еще одна категория, забываемая ими, – читатель; и еще одна эмоция – разочарование. Если мои работы не читают – мне обидно, но виню я только себя: не сумел написать. А когда со мной спорят, даже студенты после лекции, я счастлив. Меня радует, что мои собеседники думают.

Нет, я не навязываю Вам мой жизненный тонус. И отнюдь не осуждаю Ваши идеалы. Просто у меня иные представления о науке и ее задачах, причем поводов для споров с Вами у меня нет. Попробую объяснить свою точку зрения подробно.

Применим классификацию по произвольно выбранному принципу. Преимущество его в том, что он исчерпывающ и нагляден. Выделим четыре подхода к научной деятельности и результатам ее.

1. *Подход кропотливый* – составление необходимых пособий: библиографических справочников, подготовка к печати рукописей, проведение серий экспериментов, переводы и комментарии к текстам. Эти труды нужны и почтенны. Они – фундамент науки. Их читают специалисты, которые их ценят и уважают как полуфабрикаты. Эти труды используют, но им в голову не приходит эти книги любить. Впрочем, те на любовь и не претендуют, ограничиваясь сознанием своей необходимости.

2. *Подход мотыльковый* – легкая, изящная популяризация малоизвестных или спорных сюжетов; споры в защиту парадоксальных теорий, без претензий на точную аргументацию; рецензии, более или менее остроумные, реклама и рекламация чужих работ. Желательна широта образования, но глубина в этом жанре противопоказана, потому что она труднодоступна для широкого читателя. Этот подход весьма полезен для науки, так как подготовляет читателя, особенно юного, и осуществляет связь абстрактной мысли с повседневной жизнью. Опасен только переход доброкачественной занимательности в воинствующий дилетантизм. Конечно, досадно, что живут эти часто талантливые произведения, как мотыльки: прочтя, их забывают.

3. *Третий подход* наименовать трудно, хотя он основной

и два предыдущих существуют ради него. Сокровищница науки – это обобщение накопленных знаний в системе аспектов, позволяющих обозреть предмет исследования целиком, а затем довести его до читателя. Иначе говоря, это монографии, трактаты «всеобщие истории», глобальные географические описания и т. п. Чтобы написать такой труд, надо освоить предмет и прочувствовать тему, а чтобы сделать его доступным для читателя, надо вскрыть себе вену и каждую строку написать своей кровью, разумеется, фигурально. Иначе автор рискует быть единственным читателем своей книги. И чем больше «крови» перелить в печатные строки, тем больше читатель любит книгу, а иногда даже благодарен ее автору.

Этот акт «переливания крови» обычно не дает автору ничего, кроме морального удовлетворения. Однако это удовлетворение таково, что ради него стоит жить, даже поступаясь удобствами, служебными неприятностями, интригами завистников и недоброжелательством коллег. Духовное одиночество – это подобие ада; прорыв к читателю, т. е. к его пониманию, – путь через чистилище. Удовлетворение сделанным – награда за труд большая, чем зарплата и гонорары. Но это еще не вершина.

4. «Огненная наука» – творческая вспышка, в которой ассоциации, вроде бы случайные, сливаются в нечто целое, единое, новое, т. е. неизвестное автору доселе. Научная мысль, необходимый труд, самопроверка и проверка первичных данных не предшествуют огненной вспышке озарения, а следуют за ней, обрекая автора на служение научной идее, возникшей помимо его желания, а иногда и вопреки его намерениям.

Что это за «вспышка», откуда она берется, почему ее нельзя ни забыть, ни отбросить – не знаю. Знаю только, что это бывает и что люди, с которыми это случилось, пренебрегают выгодами и тягой к радостям земной любви, покоем и страхом. Так воскликнул Мартин Лютер: «Я здесь стою и не могу иначе!», Галилей пробормотал: «А все-таки она вертится», Мансур ал-Халадж заорал: «Я – истина!», и, наконец, В. И. Вернадский написал в своей тетради слова: «... химическая энергия живого вещества биосферы».

Эти моменты, случающиеся крайне редко, можно понять как внезапные импульсы влечения (аттрактивности), вырастающие внезапно и подчиняющие себе рассудок и волю человека на весь остальной период его земного существования. Именно они отличают «ученого» от «научного сотрудника», которому я больше ничего не сумею объяснить.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Аббас, дядя пророка Мухаммеда *201*
Аббасиды, дин. в Арабском халифате *100, 201, 236, 259*
Абдул Гамид, турецкий султан *330*
Абдулла ибн Маймун, исмаилит *195, 201*
Абдаррахман ибн Моавия, халиф Испании *100, 166*
Абу Бекр, халиф *90, 92–94, 166*
Абу Мансур ал-Азхари, арабский летописец *264*
Авалокита, бодисатва сострадания в буддизме *106, 107*
Август Октавиан, римский имп. *204, 235, 264, 265, 269, 272, 273, 294, 298, 300, 301, 313*
Августин Блаженный, христианский теолог *218*
Авраам, ветхозаветный патриарх *86, 185*
Аврелиан, римский имп. *77, 89, 307–310, 315*
Авреол, римский имп. *307*
Агарь, наложница Авраама *86*
Аглабиды, дин. арабских эмиров *166*
Адам, первочеловек *90, 185*
Адитья, божество, почитавшееся в Древней Индии *102, 197*
Айбек, мамлюкский эмир *254*
Аларих, король вестготов *317*
Александр Македонский (Великий), царь Македонии, полк. *50–56, 60, 67, 116, 184, 311, 312*
Александр Север, римский имп. *307*
Алексеев В. П., сов. антрополог *24, 346*
Алексей I Комнин, визант. имп. *146, 332, 333*
Алексей Михайлович, русский царь *244, 324*
Али, халиф, чтимый шиитами *90, 93, 98, 197, 201*
Альды (Мануции), итал. книгоиздатели *231*
Анаксагор, древнегреч. философ *169*
Анаксимандр, древнегреч. философ 169
Анахита, богиня плодородия и любви у др. армян *171*
Ангелы, визант. дин. *333*
Антей, герой древнегреч. мифологии *294*
Антигон, полк. Александра Вел. *56*
Антиох III Великий, сирийский царь *298*
Антиох IV Эпифан *78*
Антоний Марк, римский полк., консул *273, 294, 300, 301*
Антонины, дин. в Древнем Риме *304*
Ань Лушань, кит. полк. *120, 121*
Аполлоний Тианский, пророк *78, 79*
Апр, имп. Рима *310*
Арий, пресвитер, еретик *163*
Ариман, бог мрака в зороастризме *171, 312*
Аристотель, древнегреч. философ *51, 140, 165, 187, 340*
Арриан, древнегреч. историк *55*
Артабан V, парфянский царь *313*
Арташир Папаган, иранский князь *187, 313*
Артур, мифический король *128*
Аршак I, царь Парфии *312*
Аршакиды, парфянская дин. *313*
Атиша, проповедник буддизма *110*
Аттила, вождь гуннов *249*

[1] Принятые сокращения: дин. – династия; имп. – император; полк. – полководец.

Курсивом выделены имена исследователей и цитируемых авторов.

Ахемениды, персидская дин. *168, 283, 311*
Ахмед Буид, вождь дейлемитов *265*
Ашина, вождь сяньбийцев *249, 279*
Ашина, дин. у тюркютов *281*

Байдар, монгольский нойон *257*
Балдуин I Фландрский, латинский имп. *150, 253*
Бальбин, римский имп. *307*
Барклай-де-Толли М. Б., русский полк. *69, 70*
Бассомпьер, маршалл Франции 233
Бахрам I, шах Ирана *313*
Бахрам Чубин, иранский полк. *315*
Бейбарс, турецкий полк. *259*
Беляев Е. А., сов. востоковед *200*
Берталанфи Л. фон, америк. биолог *40, 41, 342*
Бехар М. Т., иранский поэт *312*
Бильге-хаган, тюркский каган *348*
Биндой, персидский вельможа *315*
Бистам, персидский вельможа *315*
Бокх, мавританский царь *57*
Боткин В. Н., рус. публицист *63*
Боэмунд VI, князь Антиохии *257*
Брама, одно из главных индуистских божеств *103, 104*
Бромлей Ю. В., сов. этнограф, академик *21, 46*
Брунгильда, королева франков *125*
Брут Марк Юлий, один из убийц Юлия Цезаря *273*
Буассье Г., франц. историк *271*
Будда, имя данное основателю буддизма Сиддарте *168, 173–175*
Бумын-каган, предводитель тюркютов *249, 279*
Бурбон, коннетабль *231, 268*
Бурвиста, гетский царь *77*
Бэр К. М., рус. географ и биолог *353*

Валентин, гностик *186*
Валериан, римский имп. *307, 308, 311*
Вальдивий, исп. конкистадор *60*
Ван Ман, китайский имп. *114*
Варуна, бог-охранитель истины в древнеиндийской мифологии *171*
Василид, гностик *186*
Василий I Македонянин, визант. имп. *235*
Васильевский В. Г., русский историк *133*
Велисарий, визант. полк. *317*
Великие Моголы, дин. в Индии *283*
Вельфы, немецкая дин. *238*
Венцеслав, король Чехии *208, 209*
Вернадский В. И., русский естествоиспытатель *15, 37, 46, 47, 340, 342, 345, 356*
Веспасиан Флавий, римский полк., имп., основатель дин. Флавиев *302*
Виардо П., франц. певица *63*
Виклиф Дж., идеолог англ. реформации *205*
Вильгельм I Завоеватель *145, 156*
Виндекс, римский полк. *301*
Вителлий, римский имп. *301, 302, 307*
Вишну, одно из главных индуистских божеств *103, 104*
Волчий Плащ, вождь индейского племени чейеннов *287*
Вольтер, франц. писатель, деист *247*
Бонифатий (Бонифаций), христианский мученик *84*

Габсбурги, дин. в Австрии *232*
Гайтон, историк *255*
Галилей Г., итал. ученый *204, 356*
Галлиен, римский имп. *307*
Гальба, римский полк. *301*
Гамалиил, раввин *79*
Ганноверская династия *227*
Гао Сян Чжи, китайский полк. *98*
Генрих II Плантагенет, король Англии *156, 223*
Генрих II, германский имп. *229*
Генрих III, германский имп. *229*
Генрих IV, германский имп. *150, 193, 229*
Генрих IV Бурбон, кор. Франции *232*
Генрих V, германский имп. *229*
Генрих VI Гогенштауфен *229*
Генрих VII Тюдор, король Англии *243*
Генрих VIII Тюдор, король Англии *243*
Георг II, король Англии *227*
Георгий Маниак, визант. полк. *332*
Гераклит, древнегреч. философ *169, 338*

Германик, римский полк. *301*
Гермес Трисмегист, пророк *78*
Геродот, древнегреч. историк *29*
Гесиод, древнегреч. поэт *338*
Гетум I, царь Малой Армении (Киликии) *256*
Гизы, франц. аристократический род *232, 233*
Гийас ад-Дин, султан Рума *147*
Гогенштауфены, немецкая дин. *207, 238*
Голицын В. В., боярин, фаворит царевны Софьи *244*
Гольбах П. А., франц. материалист *64*
Гомер, легендарный древнегреч. поэт *331*
Гораций, римский поэт *273*
Горгий, древнегреческий софист *338*
Гордиан II, римский император *307*
Горький А. М., сов. писатель *49, 68*
Гоукинс, англ. корсар *224*
Гракхи, братья, римские народные трибуны *264, 299*
Григорий VII (Гильдебранд), папа римский *193*
Груссе Р., франц. историк-ориенталист *255, 257*
Гуго Капет, франц. король, основатель дин. Капетингов *134*
Гумилев Л. Н. 45
Гумилев Н. С., русский поэт *102, 182*
Гупта, дин. в Индии *102, 103*
Гуриды, дин. султанов с центром в горной обл. Гур *166*
Гус Ян, вождь реформации в Чехии *205, 208–213, 217*

Давид, царь Иудеи и Израиля *90*
Дандоло, венецианский дож 252
Даниил, библейский пророк *283*
Данте А., итальянский поэт *230*
Дарвин Ч., английский естествоиспытатель *106*
Дарий III, персидский царь *52, 53, 311*
Девадатта, проповедник буддизма *173, 174*
Демиург *185, 186*
Деус (Дэв), инд божество *170*
Децебал, вождь даков *77*
Деций, римский полк. *307*
Дибич-Забалканский И. И., рос. полк. *329*
Дидий Юлиан, римский имп. *304, 305*
Диоклетиан, римский имп. *85, 310, 311*
Длинные Руки, демон *172, 173*
Докуз-хатун, жена хана Хулагу *257*
Доллингер, нем. ученый *189*
Домициан Флавий, римский имп. *304*
Донат, епископ Карфагена *162*
Дорст Ж., франц. эколог *136, 285*
Достоевский Ф. М. 63
Дрейк Ф., англ. корсар *224*
Ду Фу, китайский поэт *121*
Дю Геклен Б., франц. полк. *159, 161*

Ева, первая женщина *185*
Евдокия, визант. императрица *332*
Евпраксия Всеволодовна, жена герм. имп. Генриха IV *150*
Еврипид, древнегреч. поэт, драматург *187*
Ездра, ветхозаветный пророк *78*
Елена, св. равноап., визант. имп. *257*
Елизавета Тюдор, англ. королева *223, 224, 227*

Жанна, внучка Филиппа IV *154*
Жанна д'Арк, спасительница Франции *63, 160, 161, 212*
Жерсон, франц. реформатор *205*
Жижка Ян, вождь гуситов *212, 213*
Жубер Б., франц. генерал *70*
Жюльен, владетель Сидона *256*

***З**аболоцкий Н. А.*, русский поэт *182*
Заратуштра (Зердушт), пророк и основатель зороастризма *169–171, 187, 312*
Захарий Ритор, православ. писатель *77*
Зевс, верховный бог у древних греков *53, 78, 170*
Зенобия, пальмирская царица *310*
Зенон, древнегреч. философ *338, 339*
Зияд ибн Салих, арабский полк. *98*
Зоя, визант. императрица *332*

***И**бн Хальдун*, арабский историк *147*
Ибсен Г., норвеж. писатель *176*

Идрисиды, арабская дин. в Марокко *166*
Иездигерд III, шах персии *95, 98, 135*
Изабелла, англ. королева, супруга Эдуарда II *154*
Измаил, сын Агари *86*
Иисус Христос *78, 89–91, 147, 164, 185, 186, 188, 190, 206, 247, 334*
Ингеборга, датская принцесса *153*
Индра, верховный бог в древнеиндийской мифологии *175*
Институрис, католический монах *204*
Иоанн II Комнин, визант. имп. *333*
Иоанн VI Кантакузин, визант. имп. *333*
Иоанн XII, папа римский *150*
Иоанн XXIII, папа римский *205, 208, 209*
Иоанн Лейденский, голландский анабаптист *217*
Иордан, историк готов *76, 77*
Ипатия из Александрии, женщина-ученый, математик, философ *86*
Иса, *см.* Иисус Христос
Исмаил ибн Хайдар, шейх *325*
Истеми, предводитель тюркютов *249*

***Й**оллыг-тегин,* тюркский писатель *248, 250*
Йорки, королевская дин. в Англии *160*

Кабот Дж., итал. мореплаватель (на английской службе) *219*
Кавад, шах Ирана *313, 314*
Каин, персонаж Ветхого завета *190*
Калаун, султан *259*
Каллист, римский епископ *89*
Кальвин Ж., деятель Реформации *204, 217*
Камбиз, эламитский царь *311*
Капетинги, дин. франц. королей *154, 219*
Кар, римский имп. *310*
Каракалла, римский имп. *305, 306*
Карвахаль Г., исп. конкистадор *60, 61*
Карены, парфянский род *313*
Карин I, римский имп. *310*
Карл I Анжуйский, кор. Сицилийского королевства *229*
Карл I Чешский *207*
Карл I Стюарт, кор. Англии *224, 225*
Карл II Стюарт, кор. Англии *62, 226*
Карл III Простоватый, кор. Франции *134*
Карл V Габсбург, имп. Священной Римской империи *214, 215*
Карл V Мудрый Валуа, король Франции *160*
Карл VII Валуа, король Франции *63*
Карл Великий, франкский король *126–130, 133, 134*
Карл Лысый, сын Карла Великого *130, 131*
Карл Мартелл, правитель Франкского гос. при последних Меровингах *126*
Каролинги, корол. и императ. дин. во Франкском гос. *126, 127, 134*
Катилина Луций Сергий, римский политик *273*
Кастельно П. де, папский легат *152*
Катон Младший, римский республиканец *264*
Катон Старший, римский политик, цензор, писатель *264*
Квинтилл, римский имп. *307*
Квирин, один из триады высших богов у др. римлян *79*
Кемаль-паша, предводитель туркмен *330*
Кесада, исп. конкистадор *60, 239*
Кир Великий, царь гос. Ахеменидов *78, 283, 311*
Киракос Гандзакеци, армянский историк *255, 258*
Китбуга, монгольский нойон *255–259, 261*
Клавдий II, римский имп. *307*
Клеопатра, царица Египта *294*
Клио, муза истории *353*
Клодий Альбин, римский имп. *304, 305*
Колиньи Г., франц. адмирал *233*
Коллинз У., англ. писатель *275*
Коллинс Дж.-Ст., англ. эколог *294*
Колумб Х., исп. мореплаватель *60, 219*
Коммод, римский имп. *304*
Комнины, визант. дин. *333*
Конде Л., франц. принц *233*

Конрад II, германский имп. *229*
Конрадин, германский имп. *229*
Константин I Великий, римский имп. *85, 86, 135, 162, 257, 270, 317*
Конфуций, древнекитайский мыслитель *168, 177, 178*
Коперник Н., польский астроном *204, 340*
Кортес Э., исп. мореплаватель *60*
Косса Б. , см. *Иоанн XXIII*, папа
Косьма Индикоплов, византийский писатель *340*
Кромвель О., диктатор *226, 230*
Ксавье Ф., иезуит *219*
Ксеркс I, царь государства Ахеменидов *171*
Кумарилла Бхата, проповедник индуизма, брамин *102, 103*
Кутлуг Эльтерес-хаган, тюркский каган *120, 248*
Кутуз, тур. султан *257–259, 261*
Кутузов М. И., русский полк. *69, 329*
Кюль-тегин, предводитель тюрков *248*

Лабиен, римский трибун *237*
Ламберт Дж., английский генерал *226*
Лангдарма, правитель Тибета *110*
Ланкастеры, кор. дин. в Англии *160*
Лао-цзы, основатель даосской школы *168, 177, 178*
Лев III Исавр, византийский имп., выходец из Сирии *234*
Лев X, папа римский *215*
Леонардо да Винчи, итал. живописец *231, 268*
Лермонтов М. Ю., рус. поэт *260*
Ли Юань, хуннский князь *117*
Либаний, греч. софист и ритор *86*
Лициний, римский имп. *85*
Лотарь, имп. Священной Римской империи *130*
Лойола Игнатий, основатель Ордена иезуитов *218, 219*
Лукиан, древнегреч. писатель *263*
Лю Бан, вождь крестьянского восстания, основатель дин. Хань *112, 235*
Людовик Немецкий (Благочестивый), сын Карла Великого *129–131, 134*
Людовик IX Святой, король Франции *159, 253*
Людовик XI, король Франции *161, 219, 235*
Лютер М., глава реформации в Германии *204, 213–217, 219, 243, 356*

Мавродин В. В., сов. историк *77*
Мажан, вельможа при троне тибетского правителя Тисрондецана *109*
Маздак, вазир персидского шаха *314*
Майтрейя, бодисатва грядущего мирового порядка в буддизме *117*
Макдональд Ж. Э., франц. маршал *70*
Македонская династия, дин. византийских имп. *282*
Маккавеи, иудейское семейство *81*
Максенций, римский имп. *85*
Максим Грек, церковный публицист, писатель *334*
Максимин, римский имп. *307*
Маммея, мать имп. Александра Севера *307*
Мамун, халиф *236*
Мани, основатель секты манихеев *119, 187, 188, 313*
Мануил I Комнин, визант. имп. *333*
Мансур ал-Халадж 356
Манфред, германский имп. *229*
Маньчжушри, бодисатва мудрости *109*
Мао Цзэдун *178*
Мара, божество, олицетворяющее зло, в буддизме *173*
Мариам, см. *Мария*
Марий Кай,римский консул и полк. *56–60, 272, 273, 299*
Мария, Пресв. Богородица *90, 147, 164, 190, 192, 334*
Мария Тюдор, англ. королева *224, 227*
Марк Аврелий, римский имп. *304*
Маркион, ересиарх *188, 189*
Маркс К., социалист *24, 64*
Матильда, кор. Англии *223*
Махмуд II, турецкий султан *334*
Махмуд Газневи, правитель гос. Газневидов *198*
Мелик-шах, сельджукский султан *198*

Метелл, римский полк. *265*
Мефодий, св., просветитель славян *206*
Микеланджело, итал. живописец и ваятель *231*
Миларайба, тибетский поэт *110*
Мин, китайская дин. *283*
Минин Козьма, руководитель народного ополчения *324*
Миньe О., франц. историк *231*
Митра, один из главных индо-иранских богов *106, 171, 172*
Митридат, царь Понта *58, 59 298*
Михаил III, визант. имп. *282*
Михаил V, визант. имп. *333*
Михаил Пселл, визант. политик *332*
Михаил Федорович, рус. царь *324*
Михраны, парфянский род *313*
Мнестий, римский чиновник *310*
Моавия ибн-Абу-Суфьян, первый халиф из дин. Омейядов *44*
Модэ, хуннский шаньюй *111, 112*
Моисей, ветхозаветный пророк *185*
Моммзен Т., нем. историк *317*
Монк Дж., англ. генерал *226*
Монфоры, франц. аристократический род *161*
Моро Ж. В., французский генерал *70*
Мустансир, арабский полк. *201*
Мутаваккиль, халиф *236*
Мутамид, халиф *236*
Мутасим, халиф *236*
Мухаммед, пророк *44, 89–94, 98, 99, 128, 147, 201*
Мюллер А., нем. историк *257*

Набис, правитель Спарты *265*
Навуходоносор, царь Вавилонии *283*
Наполеон I Бонапарт, французский имп. *40, 67–69*
Нарцисс, персонаж древнегреч. мифов *304*
Насир-и-Хосров, поэт, идеолог исмаилизма *201*
Невилли, английский аристократический род *160*
Нерва, римский имп. *304*
Нерон, римский имп. *219, 301, 302*
Неру Дж., премьер-мин. Индии *105*
Низам аль-Мульк, вазир *195, 198*
Ной, ветхозаветный патриарх *90, 185*
Нумериан, римский имп. *310*
Ньютон И., англ. ученый *62, 204*

Оденат, пальмирский царь *307*
Омар, халиф *90, 92, 93, 98, 315*
Омейяды, дин. в Арабском халифате *99, 100,166,259*
Орельяна Ф., исп. капитан *61, 62,*
Ормузд, бог света в зороастризме *171, 188, 312*
Осман, арабский халиф *93, 98*
Осман, турецкий султан *325*
Островский А. Н., русский драматург *320*
Острый Нос, вождь арапахов *287*
Отон, предводитель римских преторианцев *301, 302*
Оттокар II Пшемыслид, чешский король *206*
Оттон I, герм. имп. *229*
Оттон II, герм. имп. *229*
Оттон III, герм. имп. *229*
Оттон IV, герм. имп. *229*
Оффенбах Ж., франц. композитор *79*
Оцеола, вождь индейского племени семинолов *287*

Павел, апостол *188, 294*
Павел I, рос. имп. *70*
Павел Самосатский, еретик, ритор и софист в Антиохии *89, 90, 164*
Парменион, сподвижник Александра Македонского *50, 52*
Парни Э., франц. поэт *347*
Патрик, св., основатель ирландской христианской церкви *242*
Пахлавы, парфянский царский род *312*
Педро Жестокий *159*
Пер Гюнт, герой пьесы Г. Ибсена *176*
Пердикка, телохранитель Александра Македонского *56*
Перикл, афинский полк. и гос. деятель *26*
Пертинакс, римский имп. *304*
Песценний Нигер, римский полк. и имп. *304*
Петр I, российский имп. *36, 244*

Петроний Гай, рим. писатель *272*
Пипин Короткий, франкский король *126*
Пирр, царь Эпира *298*
Писарро Ф., исп. конкистадор *60*
Пифагор, древнегреч. философ и математик *169, 179*
Плантагенеты, англ. королевская дин. *145, 156, 158, 193*
Платон, древнегреч. философ *30, 165, 187, 331*
Плиний Младший, римский писатель *83*
Плотин, древнегреч. философ, неоплатоник *86*
Плутарх, древнегреч. биограф *60, 265, 267*
Пожарский Дм., кн., руководитель народного ополчения *324*
Покишишевский В. В., сов. географ *137*
Поло Марко, итал. путешественник *230*
Помаре II, король полинезийцев *246*
Помпей Гней, римский полк. *294, 300*
Понтиак, вождь индейского племени оттавов *242, 287*
Порфирий, древнегреч. философ *86*
Постум, римский имп. *307*
Пригожин И. С., ученый-физик, лауреат Нобел. премии, эмигрант из России *344, 345*
Проб, римский имп. *310*
Прокл, древнегреч. философ *86*
Пселл Михаил, визант. политич. деятель, писатель, ученый *332*
Птолемеи, дин. в эллинистическом Египте *78, 184*
Птолемей I, полк. Александра Македонского *55, 56*
Птолемей II Филадельф, царь Египта *184*
Птолемей Клавдий, древнегреч. ученый *340*
Пупиен, имп. Рима *307*
Пушкин А. С., русский поэт *347*
Пшемысл II, чешский кор. *206*

***Р**аванди*, персидский историк *147*
Разин Степан, предводитель восстания *324*
Раймунд Тулузский, предводитель крестоносцев *153*
Ралей В., англ. корсар *224*
Рамзес II, египетский фараон *254*
Раушанак (Роксана), жена Александра Македонского *54*
Рафаэль Санти, итал. живописец *231*
Римский-Корсаков А. М., русский военачальник *70*
Ричард I Львиное Сердце, английский король *193*
Ричард, сын О. Кромвеля *226*
Ришелье А. Ж. дю Плесси, кардинал Франции *144, 204*
Роман I Диоген, визант. имп. и полк. *332*
Рогинский Я. Я., сов. антрополог *17*
Роман Сладкопевец, визант. писатель-гимнограф *331*
Ромодановский Ф. Ю., князь, рос. гос. деятель *244*
Ромул, легендарный основатель Рима *43*
Рудольф I Габсбург, герм. король *207*
Румянцев-Задунайский П. А., русский полк., ген.-фельдмаршал *329*
Руссо Ж.-Ж., франц. писатель и философ *247*
Рыбаков Б. А., сов. историк *77*
Рэм, легендарный основатель Рима *43*

Савеллий, монотеист *89, 90*
Савонарола Д., настоятель доминиканского монастыря во Флоренции, идеолог аскетизма *217, 218, 268*
Салах ад-Дин (Саладин), султан Египта, полк. *147*
Саманиды, дин. правителей Мавераннахра (Ср. Азия) *166*
Сарра, жена Авраама *86*
Сасаниды, дин. иранских шахов *95, 313*
Сатаниил *190*
Саторнил, ересиарх *186*
Сатурн, бог земледелия у древних римлян *170*
Сафариды, династия *166*
Светоний, римский историк *272*

Северы, дин. в Древнем Риме *307*
Селевк, полк. Александра Вел. *55, 56*
Селевкиды, цар. дин. на Бл. Востоке *78*
Селим I, турецкий султан *260*
Септимий Север, римский имп. *304-306*
Сергий, патриарх константинопольский *253*
Сефевиды, дин. шахов Ирана *283*
Сигизмунд I, король Венгрии *209, 211*
Сиддарта, см. *Будда*
Сидоний Аполлинарий, епископ Клермона *334*
Сидящий Бык, вождь индейцев сиу *287*
Созюмов М.Я., сов. историк
Соломон, иудейский царь *90*
Софья, русская царевна-правительница *244*
Страбон, древнегреч. географ *77*
Сронцангамбо, правитель Тибета *109*
Стюарты, корол. род в Англии *227*
Суворов А. В., русский полк. *70, 329*
Суй, китайская династия *119*
Сулла Луций Корнелий, римский полк., диктатор *56–60, 96, 265*
Сулу, хан тюргешей *96*
Сурены, парфянский род *313*
Суффолки, англ. аристокр. род *160*
Сыма Цянь, китайский историк *344*

Тайцзун Ли Шиминь, китайский имп., основатель дин. Тан *116–119*
Тан, китайская дин. *117–119, 121, 135, 248, 250, 281*
Таншихай, сяньбийский вождь и полк. *115*
Тара, тибетское божество *107*
Тахириды, дин., правившая в Хорасане (Иран) *166*
Тацит Марк, римский имп. *310*
Тейяр де Шарден, франц. ученый *46*
Тенгри, небесный дух-хозяин у древних тюрок
Тетрик, римский имп. *307, 310*
Тиберий, римский имп. *270*
Тимуриды, дин., правившая в Ср. Азии *283*
Тирабхукти, узурпатор *103*
Тойнби А., английский историк *204*
Толстой Л. Н., русский писатель *69*
Тонир, тибетское божество *107*
Траян, римский полк. и имп. *77, 78, 83, 304, 315, 317*
Тумань, хуннский шаньюй *111, 112*
Тураншах, султан Египта *254*
Тургенев И. С. 62, 63
Туссен-Лувертюр Ф. Д., рук. восстания на Гаити *247*
Тутмос III, египетский фараон *254*
Тюдоры, королевская дин. в Англии *243*

У, китайская императрица *119*
Убейдулла, основатель дин. Фатимидов *197*
Уран, божество, олицетворяющее небо, у древних греков *170, 171, 338*
Урания, муза астрономии *353*
Урбан II, папа римский *252*
Урхан, османский полк. *325*
Усама ибн-Мункыз, арабский писатель и полк. *151, 198*

Фалес Милетский, греческий философ *169*
Фан-ни, сяньбийский князь *108*
Фатимиды, дин. египетских халифов *147, 166, 197, 201, 259*
Фатьма, дочь пророка Мухаммеда *90, 99, 201*
Фейхтвангер Л., немецкий, еврейский писатель *147*
Феодора, жена имп. Юстиниана *165*
Феодосий, византийский имп. *163*
Феофил, византийский имп. *235*
Филипп Араб, имп. Рима *307*
Филипп, царь Македонии *53*
Филипп II Август, король Франции *153*
Филипп IV Красивый, кор. Франции *154, 205*
Филипп VI Валуа, кор. Франции *154*
Филон Александрийский, иудейский философ *78, 79*
Фирдоуси, персидский поэт *312*
Флавии, дин. в Древнем Риме *302*
Флориан, римский имп. *310*
Фредегонда, франкская фаворитка *125*

Фрейман А. А., сов. филолог *21*
Фридрих Барбаросса, швабский король *145, 229*
Фридрих II Гогенштауфен, германский король и имп. Священной Римской имп. *229*
Фробишер, англ. корсар *224*
Фукидид, древнегреч. историк *237*

Хадиджа, жена пророка Мухаммеда *90*
Хаким, халиф *200*
Хань, китайская династия *112–114, 118, 249, 297, 298*
Харша Вардана, узурпатор *103*
Хасан, сын халифа Али *99*
Хасан Саббах, исмаилитский имам *198*
Херонимо, вождь индейского племени апачей *287*
Хлодвиг, вождь франков *125*
Хормизд, царь Ирана *314*
Хосрой (Хосров) I Ануширван, царь Ирана *314*
Хосрой (Хосров) II Парвиз, шах Ирана *315*
Хронос *43, 170, 338*
Хулагу, монгольский хан *257, 258*

Цвингли У., деятель реформации в Швейцарии *217*
Цезарь Гай Юлий, римский военачальник и гос. деятель *26, 68, 219, 237, 269, 293, 300, 301*
Цельс Авл Корнелий, римский философ, энциклопедист *263*
Цзонхава, основатель буддийской секты в Тибете, давшей начало ламаизму *110*
Цинь, имп. династия в Китае *112, 265*
Цинь Шихуан, китайский имп. *111, 113*

Челлини Б., итальянский скульптор, писатель *231, 268*
Чехов А. П., русский писатель *68*
Чжоу, китайская династия *113*
Чингисхан, хан монголов *143*

Шакья, древнеиндийский род *173, 174*
Шамай, раввин *79*
Шанкара, проповедник индуизма *103*
Шапур I, шах Ирана *311, 313*
Шахрвараз, персидский шах *315*
Шива, одно из главных индуистских божеств *103, 104*
Шпренгер, католический монах *204*

Эд, граф Парижский *134*
Эдуард, принц Уэльский («Черный принц») *159*
Эдуард I Плантагенет, англ. король *156, 157*
Эдуард II Плантагенет, англ. король *154, 157*
Эдуард III Плантагенет, англ. король *154, 158*
Эдуард IV, английский король из дин. Йорков *160*
Эль Греко, испанский живописец *334*
Эльзевиры, итал. книгоиздатели *231*
Энгельс Ф., социалист *64*
Эртогрул, османский правитель *325*
Эюбиды, курдская династия *259*

Юань, китайская династия *283*
Югорта, нумидийский царь *56, 57*
Юлии, рим. патрицианский род *237*
Юнона, древнеиталийская богиня женственности и деторождения *79*
Юпитер, италийский бог неба *79*
Юстин (Иустин) Мученик, апологет христианства *263*
Юстиниан, имп. Восточной Римской империи *165*

Яков Барадей, епископ Эдессы *253*
Ялдаваоф, демон *185*
Ямвлих, античный философ *86*
Ян Ди, китайский имп. *116, 117*
Ян Цзянь, китайский полк. *116*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абиссиния *76, 324*
абиссинцы 88
Авария *129*
авары (обры) 126, 128, 133, 349
австралийские аборигены 27, 334
Австралия *25, 27, 337*
австрийцы 5, 70, 207, 232, 329
Австрия *205, 207, 244*
Адрианополь, г. *150*
Адриатическое море *59*
Азербайджан *195, 325*
Азия *25, 110, 115, 118, 236*
Айн-Джалуд *258, 261*
Аквитания *145, 160*
аквитанцы 34, 160
Акра, г. *253, 257–259*
аксумиты 122
Аламут, крепость *198, 200*
Аларкос, г. *147*
Албания *318*
албанцы 235, 318, 326
алгонкины 241
Александрия, г. *52, 82, 163, 184, 316*
алеманны 32, 125
Алеутские о-ва *245, 246*
алеуты 245
Алжир *100, 328*
Алтай *143, 249, 278, 279*
Альби, г. *191*
Альбистан, г. *259*
Альпы *57, 129, 130*
Аляска, п-ов *246*
Амазонка, р. *61, 62, 286*
Амдо, обл. *113*
Америка *25, 28, 30, 36–40, 61, 104, 172, 214, 219, 226, 228, 242, 243, 246, 276, 284–288, 330, 337*
Америка Северная *25, 133, 276, 284, 320*
Америка Южная *25, 285*
американцы 228, 286, 288
Амударья, р. *101*
Анагуак (Новая Испания) *31, 239*
англичане 20, 32, 33, 105, 155–161, 212, 222–224, 241, 243, 262, 275–277, 284
Англия *105, 114, 145, 154–161, 222–230, 241, 242, 269, 280, 284*
англосаксы 145, 155, 156, 242, 245, 246, 332
англы 133, 349
Анды *61*
Анжер, г. *154, 233*
Анжу, обл. *145*
Антиливан *198*
Антиохия, г. *82, 257, 259, 294*
анты 76, 351
Аншан, г. *283*
апачи 245, 287
Апеннины *292*
Арабский халифат *118, 135, 165, 197, 236, 238, 250*
арабы 44, 86–89, 92–102, 118, 120, 123, 124, 126, 128–131, 135, 136, 147, 164–166, 189, 195, 229, 235, 248, 252–255, 263, 264, 282, 305, 314, 325, 331
Аравийский п-ов *25, 264*
Аравия *87, 89, 91, 92, 94, 114, 165, 196, 285, 331*
Арагон *159*
арагонцы 229
Арало-Каспийская равнина *278*
Аральское море *126*
арапахи 287
Аргентина *285, 289*
Арктика *19*
Армения *313*
армяне 89, 147, 165, 248, 252, 258, 282, 314

Армянское нагорье *234*
Арран *313*
Аррас, г. *256б*
Ар-Рауда, о-в *254*
Архангельск, г. *244*
астурийцы 131
атапаски 245
Атлантический океан *18, 25, 223, 250*
Атлас, обл. *197, 291, 292*
Аустерлиц, г. *70*
Афганистан *53, 95, 277, 312*
Афины, г. *26, 51, 59, 60, 165, 188, 237*
афиняне *30*
Африка *25, 56, 59, 88, 163, 164, 234, 236, 276, 292, 318*
Африка, рим. провинция *307, 316*
Африка Северная *58, 78, 124, 261*
Африка Южная *25, 26, 34, 276, 337*
ацтеки 30, 239, 240
ашкенази 13

Баальбек, г. *255, 258*
Бавария *212, 233*
баварцы 207
Багдад, г. *166, 201, 236, 265, 331*
Багдадский халифат *236*
Бактрия *53, 168*
Балатон, оз. *249*
Балканский п-ов *77, 126, 163, 164, 191, 202, 282, 302, 325, 332*
Балканы *316*
Балтийское море *77, 150, 212*
Бальх, г. *169*
Барга, г. *278*
Барселона, г. *128*
баски 128, 158, 318
Баскония *318*
Басра, г. *331*
бастарны 77
Батуми, г. *284*
Бахрейн *197, 200*
бедуины 90, 260
Бежецк, г. *5, 6*
Бейрут, г. *256, 259*
Белая Гора *212, 219*
белорусы 35, 213, 351
Белуджистан *101*
Бельгия *233*
Бенгалия *54, 102, 168, 174, 276*
Беотия *265*
берберы 57, 132, 147, 165, 166, 197, 229, 235, 252, 327
Берингово море *245*
Берингов пролив *245*
Бетпак-Дала, пустыня *249*
Бискайский залив *158*
Ближний Восток *6, 30, 82, 93, 103, 259, 260, 300, 315*
Богемское королевство *207, 208*
Болгария *77, 78, 189, 331*
болгары (южные славяне) 235, 262, 325
болгары-утургуры 279
Боливия *133, 240*
Бомбей, г. *105*
Бордо, г. *158*
Босфор, пролив *331*
боты 123
Бразилия *88*
Бранденбург, обл. *212*
Бретань *145, 158*
бретонцы 33, 161
Британия *127, 129, 133, 155, 280, 304, 349*
Британские о-ва *133, 222*
Буковина *77*
Бургундия *145, 159, 161*
бургундцы 33, 145
бургунды *34, 124, 125, 130*
Бурса, г. *324*
буры 34, 247
Бухара, г. *21, 95*
бушмены 26, 27
Бэй-Ци *116, 280*
Бэй-Чжоу *116, 280*

Вавилон, г. *55, 78, 311*
Вавилония *312*
валахи 326
вандалы 124, 316
Вандея *233*
варяги (варанги) 132, 282, 332
Везер, р. *301*
Великая степь *113, 115–117, 120, 248, 278, 280, 345*
Великий тюркютский каганат *279*
Великороссия *34*
великороссы 35, 123
Вена, г. *70*
Венгрия *77, 212, 331*

венгры 5, 207, 212
Венесуэла *285, 289*
венецианцы 253, 258
Венеция, г. *145, 230, 319*
вепсы 23, 351
вестготы 124, 252, 349
византийцы (см. *греки*) *76, 124, 135, 147, 190, 195, 199, 257, 273, 282, 315*
Византия (Византийская империя) *30, 87, 95, 132, 135–138, 162, 163, 184, 196, 212, 234, 235, 238, 250, 259, 263, 265, 269, 276, 281, 316, 317, 331–334*
викинги, субэтнос (см. *норманны*) *45, 131–134, 156, 223, 349*
Виргиния *227, 284*
Висла, р. *76*
Виттенберг, г. *214*
Вифиния *331*
Волга, р. *324*
волохи (вельски) 125, 131
Вормс *215*
Восточная Римская империя (см. Византия) *317*
Высокая Порта *328*

Гавайи, о-ва *246*
Газа, г. *257*
Гадрамаут *92*
Гаити *247*
галаты 306, 315
Галикарнас *51*
Галилея *256, 258*
Галлия *58, 84, 127, 219, 291–293, 300, 304, 307, 316, 318, 349*
галло-римляне 129
галлы 57, 122, 252, 305, 306, 350
Гаочан, крепость *278*
Гаронна, р. *158*
гасконцы 32, 33, 158, 160, 233
Геллеспонт *146*
гельветы 350
генуэзцы 253, 258
Генуя, г. *145, 230*
гепиды 249
Германия *126, 145, 159, 207, 212, 214, 215, 219, 223, 230, 244, 273, 300, 330*
германцы 57, 124, 125, 129, 213, 219, 301, 305, 316
герулы 249
геты 77
Гибралтар, мыс *124, 132*
Гибралтарский пролив *126*
Гиндукуш *25, 104*
Гиссар *252*
Гоби, пустыня *111, 248, 249, 250, 279*
Голландия *244, 274*
голландцы 32, 239, 244, 247, 276, 277
Гольфстрим *19, 284*
Горн, мыс *224*
готтентоты 26, 276
готы 76, 77, 122, 125, 249, 316
греки (византийцы) *132, 133, 137–139, 169, 229, 235, 236, 248, 252, 263, 264, 282, 326*
греки древние (см. *эллины*) *179, 184, 306, 314, 315*
Гренландия *132, 133*
Греция *51, 52, 58, 78, 168, 234, 253, 265, 291, 292, 331*
грузинские евреи 13
грузины 236, 248, 258
Грузия *251*
гузы 251, 278
гунны 77, 280
Гурган *312*
Гургандж, г. *95*
гуроны 241, 276
гуцулы 35

Давос *17*
даки 77, 122
Дакия *77, 263, 280, 315, 316, 318*
дакоты 150, 321
Далмация *333*
Дальний Восток *113, 270*
Дамаск, г. *98, 258*
Дания *233*
датчане 150, 327
дарды 106
Двина, р. *150*
Дейлем *198*
дейлемиты 236, 265, 314
Декан *27*
Джорджия *227*
Джунгария *111*
Диарбекир (см. Месопотамия) *260*
Диксиленд *284, 290*
динлины 112, 115, 278

Днепр, р. *77, 126, 137*
Дон, р. *6, 126, 137*
Драва, р. *333*
Дунай, р. *76, 77, 126, 129, 133, 282, 294, 333*
дун-ху 112

Евразия *277, 352*
евреи 13, 78, 80–81, 91, 92, 195, 197, 200, 274, 313
евреи древние 78, 80, 135, 184, 185
Европа *25, 30, 103, 115, 125, 133, 147, 157, 191, 205, 207, 213, 215, 218, 222, 229, 230, 235, 236, 257, 268, 270, 273, 277, 281*
Европа Западная *32, 124–126, 135, 150–152, 160, 193, 238, 274, 300*
Европа Восточная *77*
европейцы 26, 135, 136, 215, 235, 277
Евфрат, р. *52, 53, 260, 282*
Египет *52, 53, 85, 95, 100, 137, 147, 156, 163, 164, 166, 184, 197, 201, 234, 242, 253–255, 259, 309, 316, 345*
египтяне древние 29, 122, 137
Енисей, р. *19*

Желтое море *248*
Женева, г. *217*
жужани 278, 279
жуны 113

Закавказье *163*
Замбези, р. *26*
Западная Римская империя *164*
зулусы 26
зыряне 35

***и**беры 350*
Иерусалим, г. *78, 146, 248, 257, 260*
Иерусалимское королевство *256*
Иконийский султанат *333*
иллирийцы 305, 306, 311
Иллирия *280, 300, 305*
Инд, р. *11, 55, 101*
индейцы 25, 30, 61, 219, 227, 228, 245, 270, 285–288, 320, 321, 334
Индия *25, 27, 51, 87, 94, 101–104, 109, 117, 118, 168, 172–175, 187, 197, 251, 273, 275, 276, 311, 315, 320*
Индонезия *320*
индусы 54, 55, 101–106, 170, 172–174
инки 30, 239, 240
Инь-Шань, хребет *111*
Ирак *197, 236*
Иран *53, 79, 168, 170, 172, 187, 195, 199, 236, 249–251, 261, 264, 280, 281, 311–315*
иранцы 171
Ирландия *133, 243*
ирландцы 33, 242, 262
ирокезы 241, 242
исавры 235, 315
Испания *58, 61, 76, 78, 85, 95, 100, 124–128, 130, 133, 145, 190, 214, 224, 229, 230, 274, 285, 317, 334*
испанцы 27, 30–33, 61, 123, 131, 223, 227–229, 232, 239–241, 245, 252, 276, 285–287, 306
Испахан, г. *199*
Исс *52*
Истрия, п-ов *282*
Италия *56–59, 76, 78, 85, 126, 130, 133, 145, 190, 193, 202, 229–231, 234, 292, 300, 306, 317*
итальянцы 20, 33, 80, 133, 230, 327
иудеи 79, 122, 312, 314
Иудея *78, 79, 263, 302*

Йемен *88, 95*

Кавказ *17, 248, 279*
Кадис, г. *95*
казаки 34, 36, 245, 246
казаки донские 35
казаки малороссийские 35
Казахстан *97, 116, 250*
Каир, г. *254*
Калахари, пустыня *26*
Калифорния *245*
калмыки 110
Канада *241, 287*
кангар 97
канглы 260, 278
Кангюй *97*
Каппадокия *280*
Капская провинция *26*
карелы 23, 35
карлуки 98, 260, 278
Каролина *227, 284*
Карпаты *77, 126, 316*

Карфаген, г. *56, 59, 95, 162, 298*
Кастилия *147, 159, 219*
Каталония *128*
каталонцы 159
кельты 32, 57,145, 155–158, 161, 232, 242
Керманская пустыня *55*
Керулен, р. *250*
Керчь, г. *58*
кидани 120, 279
Киликия *234*
кимвры 57
Китай *32, 94, 106, 108, 112–121, 130, 135, 138, 168, 177, 188, 230, 235, 239, 249, 263, 269, 278, 297*
китайцы 21, 98, 106, 111–121, 123, 135, 138, 177–179, 246, 255, 263
Когурё (Северная Корея) *118*
Коканд, г. *95*
Колумбия *239, 240*
команчи 150, 321
Константинополь, г. *86, 126, 137, 146, 150, 164, 234, 253, 282, 317, 319, 328, 330–334*
Констанца, г. *208, 209*
Копетдаг, хребет *187*
копты 248, 254
Кордова, г. *190*
корейцы 119, 123
Корея *94, 117, 118*
Коринф, г. *51, 59, 264*
Корнваллис (Корнуэлл) *155*
Красное море *87*
Кремона, г. *302*
кри 241, 276
Крит, о-в *282*
Крым, п-ов *6, 17, 58, 116, 249, 329*
Ктезифон, г. *78, 187*
Кубагуа, о-в *62*
Кукунор, оз. *120*
куманы (см. *половцы*) *251, 254, 259, 260, 278*
курды 165, 248, 325
курыканы 248
Кутенберг, Кутна Гора, г. *208, 213*
кушаны 101, 122
кыпчаки 112, 254
кыргызы 248, 250
кытаи 248
кяны 106, 108

Лабрадор, п-ов *241*
Ла-Манш, пролив *133*
Лангедок *145, 190, 191*
лангобарды 229, 274, 316, 349
Ланс, г. *134*
Латинская империя *253, 257*
латыши 22
Ленинград, г. *6, 23, 137, 172*
Ливан *81, 147, 199, 253*
ливийцы 29
Ливия *89*
Ливорно, г. *230*
Лилль, г. *233*
Лимож, г. *256*
Лион, г. *154, 190*
Липаны, г. *212*
литовцы 123, 150, 257, 351
Лобнор, оз. *290*
Ломбардия *214*
Лондон, г. *158, 214, 226*
Лотарингия *126, 145*
лотарингцы 32
Лотиан *155, 158*
Лоян, г. *117*
Луара, р. *11, 95, 125, 126, 155, 160, 165, 233*
Луизиана *284*
Люксембург *207*

Мавритания *280*
мавры 305, 306
Магриб *147, 166*
Македония *50, 52, 298*
македоняне 53–55, 187, 312, 315, 325
Малайский архипелаг *277*
малайцы 277
Малая Азия, п-ов *51, 52, 58, 76, 85, 86, 137, 146, 163, 164, 184, 188, 189, 202, 234, 235, 282, 309, 311, 324, 328, 330–333*
Малая Армения *259*
Манцикерт, г. *333*
Маньчжурия *111, 116, 120, 246, 279*
маньчжуры 246
Марна, р. *125*
Марокко *57*
Марсель, г. *154, 159*
масаи 22
Массачусетс *227, 241*
Медина (Ятриб), г. *91, 92*

Мекка, г. *91–93, 100, 197, 201*
мекканцы 90, 94
Мексика *203, 240, 245*
мексиканцы 276
Мерв, г. *315*
меря 351
Месопотамия *55, 95, 146, 163, 187, 259, 260, 300, 311, 331, 332, 345*
Мидия *95, 168, 196*
Милан, г. *145, 214*
Минусинская котловина *115, 250*
Мириокефал, г. *333*
Миссисипи, р. *242, 284–287*
Молдавия *77*
Монголия *111, 115–117, 135, 172, 234, 292*
монголы 111, 123, 135, 143, 171, 246, 248, 250, 252, 255–259, 288, 324
моны 106
Моравия *212*
мордва 35
Москва, г. *32, 137, 324, 334*
московиты 35
муиски 30, 239
Мультан *197*
мурома 351
Мэн *145*
Мэриленд *227*
Мюнстер, г. *217*

***н**авахи 245*
найманы *256, 259, 260*
Наксос, о-в *328*
Назарет, г. *258*
Нант, г. *233*
Неаполитанское королевство *214*
Неаполь, г. *229, 231*
немцы 20, 22, 33, 70, 128–131, 134, 150, 159, 207, 208, 210–213, 277
Нехавенд, г. *95*
Нидерланды *214, 233*
Никейская империя *324, 333*
Никея, г. *253, 333*
Никомедия, г. *311*
Нил, р. *137, 254, 260, 316*
Новая Англия *290*
Новая Гвинея *32, 321*
Новая Гренада *31, 239*
Новая Зеландия *14, 246*
Новый Кадис, г. *62*
Норвегия *172, 215*
норвежцы 223, 327
Норик *280*
Нормандия *129, 133, 145, 223, 229*
нормандцы 33, 229, 332
норманны (см. *викинги*) *34, 133, 134, 158, 223*
нумидийцы 252
Нэсби, г. *227*
Нюрнберг, г. *273*

***о**бры* (см. *авары*) *126*
Огненная Земля *28*
огоры 279
огузы 279
Одесса, г. *289*
Ока, р. *324*
Оксфорд, г. *105, 205*
Оксул, р. *53*
Ольвия *137*
Онежское оз. *23*
Онон, р. *250*
Оран, г. *328*
Ордос, плато *111, 112*
Орлеан, г. *63, 124*
оттавы 242, 287

Палестина *17, 52, 76, 78, 80, 81, 85, 146, 153, 191, 203, 257, 331*
Пальмира *89, 309*
Памир *11, 165, 195, 252*
Паннония *126, 304*
папуасы 22, 320, 321
Париж, г. *125, 133, 134, 153, 154, 158, 160, 232, 233, 330*
парижане 33, 154, 160
парфяне 97, 171, 312
Парфянское царство *187, 312*
Пасхи, о-в *114*
Пелопоннес, п-ов *86*
Пелузиум, крепость *254*
Пенсильвания *227*
Пергам *60*
Передний Восток *190*
Передняя Азия *251,261*
Персеполь *53*
Персидский залив *55*
Персия *51, 53, 95, 100, 130, 168, 184, 196, 311–315*

персы 21, 22, 30, 53, 88, 95, 100, 147, 165, 169, 170, 187, 196, 264, 307, 312
Перу *240*
печенеги 332
пигмеи 28
Пиза, г. *145, 230*
пикты 350
Пирей *265*
Пиренеи *95, 125, 128, 158, 165, 195*
полинезийцы 246
Полинезия *138, 246*
половцы (куманы) 150, 236, 248, 259, 282, 351
половцы венгерские 212
Польша *211, 212, 233, 243*
поляки 207, 211, 213, 243, 244, 251
поморы 34, 35
Понтийское царство *58*
Португалия *219*
португальцы 276
Прага, г. *205, 207, 212*
Причерноморье *251*
Прованс *145, 233, 292*
провансальцы 32, 33, 159, 160, 233
пруссы 150
Пуатье, г. *124, 223*

Рей, г. *312*
Реймс, г. *63*
Рейн, р. *125, 130, 294, 311*
Рим («Вечный город») *56–59, 76–78, 82, 114, 127, 137, 152, 156, 231, 235, 237, 242, 253, 264–267, 272–274, 291–294, 298–318, 349*
римляне 57, 79, 80, 114, 122, 269, 273, 277, 293, 301, 305, 307, 312, 315–317
Римская империя *30, 78, 82–85, 124, 125, 162, 184, 249, 257, 270–273, 297, 300, 306, 316, 349*
Римская республика *58, 251*
Рио-Гранде, р. *287*
Романья *145*
ромеи 316
Рона, р. *95, 130, 219*
росомоны 77, 351
Россия *212, 243, 244, 324, 329*
Руан, г. *233*
Румыния *77, 78*
румыны 77, 315, 326
русичи 351
русские 22, 23, 34, 70, 77, 150, 213, 244–246, 257, 262, 319, 324, 332
русы 77, 147
Русь *30, 244, 251, 324, 331*

савояры 34
саки 101, 111, 314
Саксония *212*
саксонцы 207
саксы 123, 133, 158, 350
Саламанка, г. *30*
Самарканд, г. *21, 53, 95*
Сан-Франциско, г. *245, 288*
сарацины 133
сарматы 77, 122, 137, 250, 305
Саур, хребет *278, 281*
Сахара, пустыня *124, 290, 291*
Сахель *291*
свевы 124, 316
Святая Земля *145*
Священная Римская империя *209*
Севенны *233*
Севилья, г. *274*
севрюки 35
Сеистан *100*
Селенга, р. *250*
сельджуки 146, 199, 251, 253, 324, 332
семинолы 150, 287
семиты 29, 318
Сена, р. *134*
сербы 251, 325
сефарды 13
Сибирь *19, 34, 143, 203, 251*
сибиряки (челдоны) 34–36
Сидон, г. *256, 257, 259*
Синайская пустыня *253, 257*
Синд *104*
Синоп *58*
сирийцы 165, 248
Сирия *52, 78, 89, 92, 95, 137, 163, 164, 172, 184, 195, 197, 199, 251, 253, 255, 259, 264, 291, 294, 300, 302, 304, 306, 309, 311*
сиу 287, 320
Сицилианское и Неаполитанское королевство *229*
Сицилия, о-в *145, 163, 229, 235, 282, 292, 298, 332*
Сиэр, оз. *120*
Скандза, о-в *76*

скандинавы 123, 132, 170
скифы 30, 250, 350
сколоты 350
славяне *70, 76, 77, 122, 163, 170, 207, 235, 282, 316, 350*
славяне полабские 150
словаки 70
Смирна, г. *330*
Смоленск, г. *243*
Согдиана *53, 95, 97, 111, 118, 250, 311*
согдийцы (юечжи) 53, 95, 101, 111, 112, 118–120, 252, 279
Спарта, г. *237, 265*
спартанцы 30
Средиземное море *77, 132, 158, 194, 253, 327*
Средиземноморье *137, 181, 293, 306*
Срединная равнина (Чжун-го) *110, 112, 115, 116*
Средний Восток *260*
Средняя Азия *17, 21, 25, 51, 95, 96, 98–103, 106, 111, 117, 195, 324*
Стамбул (см. *Константинополь*) *331*
старообрядцы, субэтнос *36*
Стокгольм, г. *245*
США *16, 228*
Сырдарья, р. *97*
сянбийцы 111, 114, 115, 122, 278

***т**абгачи 108, 115–117, 123, 248, 279*
Тавр *331*
таджики 101
Таити, о-в *14, 246*
Тайгет *331*
Таймыр, п-ов *18*
Талас, р. *114, 120*
Таласская долина *98*
Таманский п-ов *58*
тангуты 114, 278
Тарбагатай, хребет *278, 281*
Тарент, г. *298*
татабы 249
татары 22, 35, 235
Тахуантинсуйу *239*
Ташкент, г. *95, 97*
Твид, р. *311*
тевтоны 57, 131
теле 279
теленгиты 251, 279
телеуты 279
Терек, р. *13*
тиббу (гадраманты) 30, 316
Тибет *25, 105–108, 110, 172, 278*
тибетцы 108, 110, 112, 113, 118–121, 171, 249
Тигр, р. *53, 259, 260*
Тир, г. *52, 255, 259*
Тир, о-в *253*
Тихий океан *224, 245, 250*
тлинкиты 245
тогуз-огузы (см. *уйгуры*) *248*
Трансильвания *316*
Трапезунд, г. *58, 253*
Триполи, г. *259*
Триполитания *30, 316*
Троя, г. *40*
туареги 166
Тулуза, г. *145, 152, 154, 188, 190*
тумы 35
Тунис *100*
Тунис, г. *328*
Туран *169, 312*
туранцы, племя Хион (см. *авары*) *126, 171*
туранцы 312
турки 123, 146, 257, 325, 327–331
Туркмения *95, 101*
туркмены *97, 166, 256, 325, 328–330*
Турфан *117, 278*
Турция *78, 277, 324, 328, 330*
Тьюксбери, г. *160*
тюргеши 96, 97
тюрки 96, 101, 111, 119, 120, 147, 150, 236, 248, 249, 251, 255
Тюркютский каганат *116, 120, 250*
тюркюты *111, 118, 279, 280, 314*
Тянь-Шань *17, 97, 278, 281*

***у**йгуры 111, 121, 250, 251, 279*
Украина *77, 324*
украинцы 213, 351
Уэльс *155–157*
уэльсцы 157

***ф**аллаши 13*
Феодосия, г. *58, 137*
Фенноскандия *18*
Фиваида *163*
фиванцы 30
Фивы, г. *51*

Филиппины *61*
Финляндия *150*
финны 27
Фландрия *145, 155*
Флоренция, г. *145, 230, 334*
Флорида *287*
Фонтанэ, г. *130, 213*
фракийцы 304–306
Фракия *282, 305, 332*
франки 123, 125, 129, 131, 135, 151, 234, 257, 274, 282, 316, 350
Франция *25, 34, 58, 63, 67, 78, 124, 126, 128, 134, 137, 145, 152–156, 193, 223–225, 230–233, 247, 291*
французы 20–22, 32–34, 69, 70, 123, 131, 133, 134, 155–161, 207, 213, 227–229, 255, 273, 277, 286, 350
фригийцы 315
Фридланд, г. *70*
фризы 350

***х**азары 279*
Хайберское ущелье *104*
Халкидон, г. *164*
Херсонес, г. *137*
Хорасан *100, 260, 312, 313*
хорваты 70
Хотан, г. *278*
Хотандарья, р. *290*
Хоу-Лян *116*
Хуанхэ *108, 110, 111, 115*
Хунну *113, 114, 279, 280*
хунны 111–115, 122, 249, 278–280
Хэнтэй *278*

Цайдам *113*
Циньлин, хребет *178*
циньцы 113
цыгане 13, 103
Цюрих, г. *70*

Чанъань *116*
чейенны 287
черемисы 35
черкесы 248, 254, 325
Черное море *58, 76, 329*
черноногие 321
чехи 70, 206–213
Чехия *206, 207, 210–212, 219*
чеченцы 13
чжурчжэни 123, 252
Чибча (см. Новая Гренада) *239*
чигили 97
Чили *60, 61, 240*
чухны (чудь белоглазая) 23
Чэнь *116*
Чэнь-Тао, оз. *121*

***ш**аены 321*
шведы 33, 150, 244
Швейцария *17, 70, 172, 274*
Швеция *230, 232, 233, 244*
Шираз, г. *78*
Шотландия *133, 155, 158, 223–225*
шотландцы 160, 225
Шэньси *113*

Эбро, р. *130*
Эгейское море *76, 77, 330*
Эдесса, г. *146–147, 253*
Экбатаны, г. *78*
Эллада (см. *Греция*) *168, 265*
эллины 22, 29, 30, 122, 170
Эльба, р. *129, 130, 219*
эльзасцы 33
Эпир *145, 331, 333*
эскимосы 245
Эстония *150*
Эфес, г. *51, 164*
эфиопы 30, 314
эфталиты 102, 279
Эцзин-Гол, оз. *290*

Югославия *78*
юечжи малые 113
Юкатан, п-ов *60, 285, 345*
Юкон, р. *245*
Юньнань *120*

Ява, о-в *277*
ягма 97
языги 306
Яик (Урал), р. *126*
якуты 251, 279
Янцзы, р. *110*
Япония *94, 277*
японцы 123
Ярмук, р. *95*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
2. *Агаев А. Г.* Народность как социальная общность. – «Вопросы философии», 1965, № 2.
3. *Алексеев В. П.* В поисках предков. М., 1972
4. *Амусин И. Д.* Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
5. *Андрианов Г. В.* Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки. – «Вопросы истории», 1967, № 9.
6. *Арсеньев И.* От Карла Великого до Реформации. М., 1909, т. 1.
7. *Банерджи А. Ч., Синха Н. К.* История Индии. М., 1954.
8. *Беляев Е. А.* Мусульманское сектантство. М., 1957.
9. *Берг Л. С.* Номогенез. Пг., 1922.
10. *Берг Л. С.* Климат и жизнь. М., 1947.
11. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.
12. *Бертельс А. Е.* Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959.
13. *Беттани Дуглас.* Великие религии Востока. М., 1899.
14. *Бехар.* Стихотворения (Пер. с персидского Л. Н. Гумилева). М.-Л., 1959.
15. *Бильбасов В. А.* Чех Ян Гус из Гусинца. СПб., 1869.
16. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III, М.-Л., 1950.
17. *Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
18. *Босворт К. Э.* Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире. – В кн.: Мусульманский мир (905–1150). М., 1951.
19. *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971.
20. *Брайчевський М. Ю.* Походження Русі. Київ, 1968.
21. *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия «этнос». – «Расы и народы». М., 1971, № 1.
22. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
23. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
24. *Буасье Г.* Общественное настроение времен римских цезарей. Пг., 1915.
25. *Вебер Г.* Всеобщая история в 15 тт. 2-е изд. М., 1893–1896.
26. *Вернадский В. И.* Биосфера. – Избр. соч., т. V. М.-Л., 1960.
27. *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

28. *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981.
29. *Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингисхана. – «Исследования и материалы по истории России и Востока». Брюссель, 1939, вып. 1.
30. *Галстян А. Г.* Армянские источники о монголах. М., 1962.
31. *Грязневич П. А.* Аравия и арабы. – В кн.: Ислам. М., 1984.
32. *Гумилев Н. С.* Поэма начала. – В кн.: Дракон (Стихотворный альманах). Пг., 1921.
33. *Гумилев Л. Н.* Статуэтки воинов из Туюк-Мазара. – Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII. М.-Л., 1949.
34. *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.
35. *Гумилев Л. Н.* Подвиг Бахрама Чубины. Л., 1962.
36. *Гумилев Л. Н.* По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос: III). – «Вестник ЛГУ». Т. 18, 1965, вып. 3.
37 *Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии. – «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, с. 85–94.
38. *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. (Ландшафт и этнос: IV). – «Вестник ЛГУ», 1966, № 6, вып. 1.
39. *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. (Ландшафт и этнос: V). – «Вестник ЛГУ», 1966, № 18, вып. 3.
40. *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос». – Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3.
41. *Гумилев Л. Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. – «История СССР», 1967, № 1, с. 53–66.
42. *Гумилев Л. Н.* Этнос как явление. – «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1967, вып. 3, с. 90–107.
43. *Гумилев Л. Н.* По поводу «единой» географии (Ландшафт и этнос: VI). – «Вестник ЛГУ», 1967, № 6, вып. 1.
44. *Гумилев Л. Н.* Об антропогенном факторе ландшафтообразования. (Ландшафт и этнос: VII). – «Вестник ЛГУ», 1967, № 24.
45. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., «Наука», 1967.
46. *Гумилев Л. Н.* Троецарствие в Китае. – «Доклады отделений и комиссий ВГО». Вып. 5, Л., 1968.
47. *Гумилев Л. Н.* Этнос и ландшафт. – «Известия ВГО», т. 100, 1968, № 3, с. 193–202.
48. *Гумилев Л. Н.* Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период. – В кн.: «Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга», XIII-XIV. Л., 1968, с. 118–134.
49. *Гумилев Л. Н.* Древняя монгольская религия. – «Доклады ВГО». 1968. Вып. 5.
50. *Гумилев Л. Н.* Величие и падение Древнего Тибета. – В кн.: Страны и народы Востока. VIII. М., 1969.

51. *Гумилев Л. Н., Кузнецов Б. И.* Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос: VIII). – «Вестник ЛГУ», 1969, № 24, вып. 4.
52. *Гумилев Л. Н., Кузнецов Б. И.* Бон (Древняя тибетская религия). – Доклады ВГО. Вып. 15: Этнография. Л., 1970.
53. *Гумилев Л. Н.* Этногенез в аспекте географии (Ландшафт и этнос: IX). – «Вестник ЛГУ», 1970, № 12.
54. *Гумилев Л. Н.* Этнос и категория времени. – «Доклады Географического общества СССР», 1970, вып. 5.
55. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
56. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера. – «Природа», 1970, № 1, 2.
57. *Гумилев Л. Н.* О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии (Ландшафт и этнос: X). – «Вестник ЛГУ», 1970, № 24.
58. *Гумилев Л. Н.* Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос: XII). – «Вестник ЛГУ», 1971, № 12, вып. 4.
59. *Гумилев Л. Н.* Изменения климата и миграции кочевников. – «Природа», 1972, № 4.
60. *Гумилев Л. Н.* Этнология и историческая география (Ландшафт и этнос: XIII). – «Вестник ЛГУ», 1972, № 18, вып. 3.
61. *Гумилев Л. Н.* Внутренняя закономерность этногенеза (Ландшафт и этнос: XIV). – «Вестник ЛГУ», 1973, № 6, вып. 1.
62. *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. М., 1974.
63. *Гумилев Л. Н.* Старобурятская живопись. М., 1975.
64. *Гумилев Л. Н.* История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.). – В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
65. *Гумилев Л. Н.* Люди и природа Великой степи. – «Вопросы истории», 1987, № 11.
66. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
67. *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1989.
68. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., Гидрометеоиздат, 1990.
69. *Гумилев Л. Н.* Из истории Евразии. М., 1993.
70. *Гумилев Л. Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
71. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993.
72. *Гумилев Л. Н.* Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.
73. *Дамм Г.* Канака (Люди Южных морей). М., 1964.
74. *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад / Пер. Лозинского. М.-Л., 1950.

75. *Дживилегов А.* Германия после Тридцатилетней войны: книга для чтения по истории нового времени. М., 1911, т. II.
76. *Дорст Ж.* До того как умрет природа. М., 1968.
77. *Дуглас У. О.* Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. М., 1975.
78. *Ду Фу.* Стихи / Пер. А. Гитовича. М., 1955.
79. *Заболоцкий Н.* Избранное. М., 1960.
80. *Игнатенко А. А.* Ибн-Хальдун. М., 1980.
81. *Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974.
82. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Пер. с латинского и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
83. История Византии. Т. 1–3. М., 1967.
84. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
85. Кабус-Намэ / Пер. Е. Э. Бертельса. М., 1958.
86. *Калесник С. В.* Проблемы географической среды. – «Вестник ЛГУ», 1968, № 24.
87. *Калесник С. В.* Общие географические закономерности Земли. М., 1970.
88. *Кинжалов Р., Белов А.* Падение Теночтитлана. Л., 1956.
89. *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. – «Советская этнография», 1967, № 2.
90. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1966.
91. *Куглер Б.* История крестовых походов. СПб., 1895.
92. *Кузнецов Б. И.* Тибетская летопись «Светлое зерцало царских родословных». Л., 1961.
93. *Лаврентий из Бржезовой.* Гуситская хроника. М., 1962.
94. *Лозинский С. Г.* Роковая книга средневековья (Предисловие к книге: *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. М., 1932).
95. *Малиновский А. А.* Общие вопросы строения системы и их значение для биологии. – В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
96. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Л., 1950.
97. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 462–463.
98. Месяцеслов. Т. 2. М., 1978.
98а. *Мигель Леон-Портилья.* Философия нагуа. М., 1961.
99. *Моммзен Т.* История Рима. М., 1949.
101. *Мюллер А.* История ислама. Т. 1, 2. СПб., 1895.
102. *Николаев Ю.* В поисках за божеством. Очерки истории гностицизма. СПб., 1913.
103. *Орлов М. А.* История сношений человека с дьяволом. СПб., 1904.
104. *Осокин Н.* Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872.

105. Открытие великой реки Амазонок: Хроники и документы XVI века о путешествиях Франсиско де Орельяны. М., 1963.
106. *Панченко Б. А.* Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. Одесса, 1914.
107. *Паркс Г.* История Мексики. М., 1949.
108. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
109. *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране. Л., 1966.
110. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.
111. Послание магистра Иоанна Гуса, сожженного римской курией в Констанце 6 июля 1415 года. М., 1903.
112. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1966.
113. *РобертсонДж. С.* История христианской церкви. СПб., 1890.
114. *Рогинский Я. Я., Левин М. Г.* Основы антропологии. М., 1955.
115. *Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Задачи, методы и приложения общей теории систем. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1960.
116. *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. Глава «Бани». М.-Л., 1964.
117. Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулька. М.-Л., 1949.
118. *Смирнов В. Д.* Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1973.
119. *Стингл М.* Индейцы без томагавков. М., 1971.
120. *Суздальский Ю. П., Селецкий Б. П., Герман М. Ю.* На семи холмах: Очерки культуры Древнего Рима. М., 1965.
121. *Тиханова М. А.* Роль западного Причерноморья в сложении культуры Поднестровья. – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», 1940, вып. 8.
122. *Транквилл Гай Светоний.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1989.
123. *Трачевский А.* Учебник русской истории. Ч. 1. СПб., 1900.
124. *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Ч. II. СПб., 1913.
125. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
126. *Усама ибн-Мункыз.* Книга назидания. М., 1958.
127. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1950, тт. 1–3.
128. *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг., 1918.
129. *Чаттерджи С., Датта Д.* Введение в индийскую философию. М., 1955.
130. *Шпенглер О.* Закат Европы. Пг., 1922.
131. *Grousset R.* Histoire des Croisades. Paris. 1934–1936. Vol.3.
132. *Toynbee A. I.* A Study of History. Abridgement of volumes I-VI by D. C. Sommervell. London-N. Y.-Toronto, 1946.

СОДЕРЖАНИЕ

Биография научной теории 5

Глава первая. ЭТНОС. ЕГО СВОЙСТВА И ОСОБЕННОСТИ
Человек в биосфере 15
Мозаичная антропосфера 20
Этнос – не общество 23
Этнос – не раса 24
Этнос – не популяция 28
Действительность и логика 29
Субэтносы 32
Источники энергии 37
Обыкновенная история 39
Системный подход 40
Условие, без которого нельзя 43
Энергия живого вещества 45

Глава вторая. ПАССИОНАРНОСТЬ
Необоримая сила 48
Две биографии 49
Импульс один – цели различны 60
Степени пассионарности 64
Соотношение разрядов импульсов 66
Заразительность пассионарности 69

Глава третья. ВСПЫШКИ ЭТНОГЕНЕЗОВ
Социальная и этническая история 72
Кривая этногенеза 73
Славяно-готский вариант 76
Сирийский вариант I века 78
Византийский вариант 81
Арабо-согдийский вариант 86
Индийский (Раджпутский) вариант 101
Тибетский вариант 105
Хуннский вариант 110
Танский (табгачский) вариант 115

Глава четвертая. А В ЕВРОПЕ...
Франки 124
Французы и немцы 129
Викинги 131
Феодальная революция 133
Два индикатора 135

Глава пятая. АКМАТИЧЕСКАЯ ФАЗА

Общественный императив ... 139
Субпассионарии ... 140
Измененный стереотип поведения 142
Пассионарный перегрев 145
Столетняя война и этногенез ... 154
Буйство ума и сердца ... 162
Самое главное ... 165

Глава шестая. АНТИСИСТЕМЫ В ЭТНОГЕНЕЗЕ

Сфера мысли в этногенезе ... 167
Эллада ... 168
Иран и Туран ... 169
Тибет 172
Индия ... 172
Китай ... 177
Третий параметр – энергия 179
Невидимые нити. Истоки гностицизма ... 183
Поклонники «полноты» ... 186
Поклонники «света». Манихейство 187
Маркион и маркиониты ... 188
Катары 190
Зиндики (исмаилиты) 194
«Старец горы» 198
Отрицательное мироощущение 199
Ограниченность отрицания ... 202

Глава седьмая. ПАССИОНАРНЫЕ НАДЛОМЫ

Механизм надлома 203
Пассионарный надлом в Чехии ... 206
Пассионарный надлом в Германии ... 214
Реформация – индикатор надлома ... 217
Пассионарный надлом в Англии ... 222
Пассионарный надлом в Италии ... 229
Пассионарный надлом во Франции ... 232
Роль исповеданий в фазе надлома ... 232
Пассионарный надлом в Византии ... 234

Глава восьмая. КОНТАКТЫ НА УРОВНЕ СУПЕРЭТНОСОВ

Поляризация в суперэтносах ... 237
В Америке ... 238
В Европе ... 242
В Сибири и на Аляске ... 245
В Полинезии и Африке ... 246
Забытое прошлое ... 248
Крестоносцы ... 252
Половцы на Ниле ... 253
Сидонская трагедия ... 255
Путь к бедствию ... 257
Гипотеза этнического поля ... 261

Диахрония как принцип 263

Глава девятая. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ: ЦИВИЛИЗАЦИИ
От надлома к «расцвету» 268
Издержки расцвета 271
За пределами Европы 276
В сердце Азии 278
Расцвет начинает меркнуть 281
Покорение природы 283
Расправа с индейцами 286
Месть природы 288
И так было всегда 291

Глава десятая. КОГДА НАДВИГАЕТСЯ ТЬМА
Смена фазовых императивов 296
Носители обскурации в Риме 298
Субэтнос против суперэтноса 300
Империя против Вечного города 304
Угасание Ирана 311
Неистребимая жизнь 315
Возвращение «утраченного рая» 318
Утрата мечты 321

Глава одиннадцатая. СКРЫТЫЕ СИЛЫ
Этническая регенерация как принцип 323
Проверим себя 324
Воля к спасению 331
После конца 334

Глава двенадцатая. СЛОВО О НАУКЕ
В глубокой древности 338
Тезис 339
Особенности исторического времени 343

Диалог с читателями. Вместо послесловия 346

Указатель имен 357
Указатель географических и этнических названий 366
Библиография 376

По вопросам оптовых закупок обращаться:
тел./факс: (495) 785-15-30, e-mail: trade@airis.ru
Адрес: Москва, пр. Мира, 104

Наш сайт: www.airis.ru

Вы можете приобрести наши книги с 11^{00} до 17^{30}, кроме субботы, воскресенья, в киоске по адресу: пр. Мира, д. 104, 4 этаж, тел. (495) 785-15-30

Адрес редакции: 129626, Москва, а/я 66

Научное издание

Гумилев Лев Николаевич

КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО
Популярные лекции по народоведению

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*
Художественный редактор *А.М.Драговой*
Подготовка иллюстраций *Д.А.Лосева*
Технический редактор *С.С.Коломеец*
Компьютерная верстка *Г.В.Доронина*
Корректор *З.А. Тихонова*

Подписано в печать 28.01.08. Бумага офсетная.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Печ. л. 12. Усл.-печ. л. 20,16. Тираж 3500 экз. Заказ № 2906.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»
113184, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50, стр. 3.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

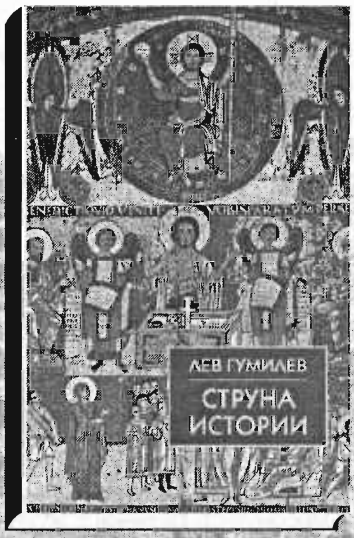
БИБЛИОТЕКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Полное собрание сочинений Л. Н. Гумилева

Лев Гумилев работал на грани нескольких наук – истории, философии, географии, этнографии, психологии – и обладал необычайной интуицией и способностью к интеграции наук. Это позволило ученому создать оригинальную пассионарную теорию этногенеза, актуальность которой год от года возрастает.

При этом Гумилев не был кабинетным ученым – он был великолепным лектором. Владея широким спектром нюансов русского языка и прекрасным знанием человеческой природы, он мог не только научно, но кратко, понятно и ярко изложить свою теорию для представителей любого социального слоя и возраста. Его научные лекции и семинары были чрезвычайно популярны в 1980-е годы и проходили всегда при переполненных залах.

Уникальный курс лекций Льва Гумилева, издаваемый на основе аудиоархива ученого, впервые стал доступным широкому кругу читателей в полном объеме.



Переплет, 608 с.

издательство Айрис

С точки зрения Л.Н.Гумилева, каждый народ (этнос) Земли, без исключения, обладает оригинальной этнической историей, к которой неприменимы определения «хуже» или «лучше», «культурный» или «бескультурный», так как любой этнос в своем развитии подчиняется одним и тем же универсальным закономерностям этногенеза.
В этом я вижу высокий гуманизм его концепции.

Академик Д.С.Лихачев

9 785811 231508

АЙРИС ПРЕСС